**Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Университет прокуратуры Российской Федерации»
Крымский юридический институт (филиал)**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
СТУДЕНЧЕСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА

«ГОЛОС ПРАВОСУДИЯ: УРОКИ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ НАД НАЦИСТАМИ В СССР»

***в рамках Всероссийской научно-практической конференции
«Исторические судебные процессы Советского Союза над нацистами»
(21 ноября 2025 г.)***

20 ноября 2025 г.

СИМФЕРОПОЛЬ, 2025

УДК 340.12
ББК 67.0
К 85

Составители:

Аметка Ф.А. – доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Есин С.В. – председатель студенческого научного общества Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, студент 3 курса

Задирака С.А. – заместитель председателя студенческого научного общества Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, студент 3 курса

Дизер И.Д. – студент 1 курса Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

К 85 Голос правосудия: уроки судебных процессов над нацистами в СССР (г. Симферополь, 20 ноября 2025 г.) / под общ. ред. А.М. Зацепина; сост. Ф.А. Аметка, С.В. Есин, С.А. Задирака, И.Д. Дизер. – Симферополь: Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. – 328 с.

В сборник включены доклады, статьи, тезисы выступлений участников студенческого круглого стола «Голос правосудия: уроки судебных процессов над нацистами в СССР», состоявшегося 20 ноября 2025 года в г. Симферополе на базе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 340.12
ББК 67.0

© Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Абдурахманова Фериде Хрушедовна «Севастопольский судебный процесс 1947 года: история, уроки, значение»…….. 9

Абрамова Диана Александровна, Коновалова Софья Анатольевна «К вопросу об участии прокуратуры СССР в судебных процессах над нацистскими преступниками»……... 13

Аметка Эдем Энверович «Организация следствия по делам о преступлениях нацистов и осуждение военных преступников, причастных к геноциду на оккупированных землях РСФСР в период Великой Отечественной войны»…….. 17

Ананичева Екатерина Николаевна «Влияние Нюрнбергского процесса на международное право»……..... 24

Ананьев Илья Юрьевич «Нюрнбергский процесс: сотрудничество правовых систем»……..... 29

Антонов Антон Антонович, Умнова Милана Сергеевна «Роль архивных документов в разоблачении мифов и фальсификаций о событиях ВОВ»……. 32

Апанович Анастасия Алексеевна, Молодцова Янина Денисовна «Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Крыму и на Кубани (Севастопольский судебный процесс)»…….. 35

Арсаева Амина Хасановна, Еленевский Игорь Игоревич «Защита конституционных ценностей как приоритетная задача судебных и правоохранительных органов в контексте противодействия реабилитации нацизма»…… 38

Белоус Полина Александровна «Принцип неотвратимости наказания: сравнительный анализ итогов Токийского и Хабаровского трибуналов над участниками отряда № 731»…… 42

Белянина Мария Михайловна «Реабилитация нацизма как угроза национальной безопасности в современной России»…….. 46

Бирюкова Наталья Юрьевна «От Нюрнберга до Севастополя: послевоенное возмездие на советской земле»…….. 49

Бисултанова Медина Ширваниевна, Минчей Марлена Артышовна «Роль органов прокуратуры в недопущении реабилитации нацизма»…….. 53

Блаз Стефан Станиславович, Девлетова Лилия Асановна «Суд над

коллаборационистами в период и после Великой Отечественной войны»……... 58

Бродникова Анна Александровна «Героизм сотрудников органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны»……. 63

Буданова Диана Робертовна «Использование инфекционного биооружия нацистами как преступление против человечности»…… 65

Вересов Михаил Михайлович, Растатурина Елена Сергеевна «Участие органов прокуратуры СССР в поддержании государственного обвинения на Токийском трибунале»…… 69

Возмителенко Дарья Дмитриевна «Психология жертв и преступников: нацизм и современная торговля людьми»……. 74

Воронов Александр Александрович, Рябоконь Владислав Евгеньевич «Современные вызовы в области признания и осуждения военных преступлений органами прокуратуры Российской Федерации»……. 76

Гостинцев Никита Павлович «Советские судебные процессы как источник формирования «антифашистского» правосознания и его эволюция в постсоветских государствах»…….. 80

Давыдов Данил Дмитриевич, Хилькович Мария Алексеевна «Краснодарский процесс: советский опыт судебного преследования пособников нацистов и его значение для современного противодействия экстремизму и терроризму»……..... 84

Даков Николай Степанович, Михайлов Алексей Дмитриевич «Новгородский процесс»……..... 87

Даниелян Светлана Аветиковна «Роль органов прокуратуры Российской Федерации и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в реализации государственной политики по сохранению исторической памяти»……..... 96

Доставалов Савелий Алексеевич «Правовое наследие Нюрнбергского процесса»…….. 101

Духовникова Ксения Сергеевна «Сталино 1947: возмездие Донбасса»... 104

Елецкий Павел Павлович «Криминалистические аспекты следственной деятельности по делам, связанным с реабилитацией нацизма»…….. 106

Ерин Ян Андреевич «Миф превентивного удара СССР по Третьему рейху как средство психоисторической войны»…….. 110

Есин Сергей Владимирович «Преступления экстремистской

направленности, совершенные в сети Интернет, как угроза национальной безопасности государства»…….. 113

Задирака София Андреевна «Процесс доказывания в ходе проведения судебных процессов над военными преступниками после Второй мировой войны»…….. 116

Зарипова Виктория Александровна «Участие прокурора в суде апелляционной инстанции как средство противодействия экстремистской и террористической деятельности»……... 121

Заруба Ольга Егоровна, Касеева Златислава Александровна «Стратегия Р.А. Руденко на Нюрнбергском процессе как инструмент закрепления подвига советского народа в исторической памяти»……. 124

Ивашина Кристина Сергеевна, Диянич Валерия Руслановна «Медицина за гранью человечности: нацистские эксперименты над людьми»… 128

Ислямова Алие Шевкетовна «Фальсификация истории как угроза информационной безопасности несовершеннолетних»……... 131

Капарова Азиза Муратовна, Никитина Виталия Сергеевна «Деятельность органов советской прокуратуры по установлению факта геноцида на территории РСФСР»……... 134

Кирикова Яна Сергеевна «Уголовно-правовая оценка реабилитации нацизма»……..... 137

Киседобрая Анна Сергеевна «Роль прокуратуры Республики Крым в недопущении реабилитации нацизма»……... 142

Колесникова София Евгеньевна «Правосудие над палачами Саласпилса: Рижский процесс 1961 года»……. 146

Кострюкова Анна Юрьевна «Роль органов прокуратуры Воронежской области в установлении и признании фактов геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны»……... 151

Лагута Александра Алексеевна «Севастопольский судебный процесс»……..... 155

Ладченко Анастасия Витальевна «Трансформация принципов международной ответственности как результат деятельности Нюрнбергского трибунала»…… 158

Лапаева Мария Романовна «Исторические значения трибуналов города Краснодона»…….. 162

Лапик Никита Владимирович «Профилактика реабилитации нацизма как задача правоохранительных органов: оперативные и криминалистические аспекты выявления и документирования преступлений»…… 167

Логинова Софья Романовна, Репина Елизавета Николаевна «Уголовно-правовые механизмы защиты исторической памяти: статья 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» в теории и на практике»…….. 170

Макина Анна Владиславовна, Рудичева Виктория Павловна «Нюрнбергский трибунал и советская прокуратура: роль Р.А. Руденко в установлении стандартов международного правосудия»…… 173

Милославский Максим Захидович «Полтавский процесс над военнослужащими танковой дивизии СС «Мёртвая голова»…….. 177

Милько Виолетта Максимовна «Вернуть имя: как поисковое движение России сохраняет историческую память народа»……. 181

Минка Диана Игоревна «Деятельность правоохранительных органов по пресечению реабилитации нацизма в цифровой среде»…….. 184

Мошегова Юлия Александровна «Роль Хабаровского судебного процесса в формировании норм международного гуманитарного права»……. 188

Муллагалиева Алина Альбертовна «Произведения искусства как инструменты конструирования исторической памяти о Великой Отечественной войне»…… 191

Наурзгалиева Линара Закариевна «Роль органов прокуратуры в Краснодарском судебном процессе над нацистскими преступниками в СССР: историко-правовые уроки и современные аспекты правового просвещения»….. 195

Николаев Артем Андреевич «Советские судебные процессы над нацистами и их значение для современного правового регулирования данной сферы»……... 200

Оганесян Ани Гарники «Этика правосудия и моральные дилеммы в судебных процессах над нацистами»……. 204

Осадчук Полина Тарасовна «Ленинградский процесс над немецкими военными преступниками 1945–1946 гг.: политические функции и историко-правовые уроки»…….. 208

Першин Владимир Викторович «Нюрнбергский процесс и нацификация Украины»……... 213

Полякова Анна Дмитриевна «Вклад Нюрнбергского процесса в развитие международного уголовного права»…….. 217

Рабенко Рустам Русланович, Каримов Ренат Маратович «Роль Следственного комитета Российской Федерации в сохранении исторической памяти»…….. 221

Робак Ксения Владимировна «Нюрнбергский процесс: преступления против детей как доказательство геноцида»…… 224

Родяков Артем Андреевич «Противодействие реабилитации нацизма в Российской Федерации: эволюция законодательства и проблемы правоприменения»……... 228

Самбурсова Анастасия Игоревна «Концлагерь «Красный» в период Великой Отечественной войны как инструмент массового террора и геноцида»…….. 233

Селиский Андрей Романович «Деятельность правоохранительных органов по предупреждению и пресечению преступлений, связанных с пропагандой нацизма»…… 236

Семененко Алина Николаевна «Судебные процессы над нацистскими преступниками в СССР в 1947 году: особенности организации и проведения»... 239

Сердюк Сергей Сергеевич «Роль прокуратуры в недопущении реабилитации нацизма»……... 243

Серов Сергей Александрович «Судебные процессы над нацистами в СССР как основа осуществления деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению в сфере противодействия распространению идеологии неонацизма, терроризма и экстремизма на новых территориях»……. 246

Сошин Тимофей Александрович «Хабаровский процесс как фактор реализации принципа неотвратимости наказания»…….. 249

Степанян Рафик Арменович, Прокопенкова Лилия Алексеевна «Сохранение исторической памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»…… 256

Столяренко Алина Владимировна – «Нацистский террор: механизмы уничтожения мирного населения на оккупированных территориях СССР»……. 259

Телешева-Мечик Дарина Александровна «Процессуальная роль органов прокуратуры в проведении Нюрнбергского процесса»……. 263

Титов Даниил Борисович «К вопросу об исторических и политико-правовых последствиях Хабаровского процесса»…… 265

Тулина Татьяна Ильинична «Советские судебные процессы над нацистами и их влияние на последующее развитие международного и

национального права»…….. 270

Турзакова Алиса Сергеевна «Сохранение исторической памяти о подвигах Великой Отечественной войны как фактор развития общества»…….. 274

Федотова Дарина Робертовна «Реабилитация нацизма в цифровом пространстве: некоторые вопросы законодательного регулирования и правоприменения»……... 278

Фираго Богдан Игоревич «Аллея героев в городе Приозерска»…… 281

Фурсова Софья Равилевна «Феномен постконфликтного правосудия: легитимация трибуналов над военными преступниками в XX веке»…… 286

Хочуев Алим Даниялович «Символическое и историческое значение Краснодарского процесса 1943 года»……. 290

Хубаев Артем Аланович «Война в цифровую эпоху: практики сохранения и передачи знаний о подвиге советского народа»…… 292

Цуканов Павел Антонович «Правосудие памяти: влияние советских процессов над нацистами на сохранение исторической правды о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»….. 296

Чунихина Кира Германовна «Идеология непринятия нацизма в советской культуре и СМИ (на примере фильма «Нюрнберг», 2023)»…….. 299

Шачинова Милена Владимировна «Хабаровский процесс 1949 года: советский трибунал над японскими военными преступниками и его значение для становления международного гуманитарного права»…….. 303

Шевченко Алина Вячеславовна «Судебные процессы над нацистами, раскрывающие жестокие преступления, связанные с медицинскими экспериментами над людьми»…… 307

Шубских София Александровна «Этика правосудия и моральные дилеммы в судебных процессах над нацистами»……. 313

Шуваева Марина Олеговна «Роль органов прокуратуры СССР в Нюрнбергском трибунале»……. 317

Юдина Татьяна Александровна, Белоус Яна Анатольевна «Валаам. Тишина, ставшая приговором»…….. 321

Юрина Анна Сергеевна, Задунайская Мария Германовна «Роль современного правосудия в недопущении реабилитации нацизма: на примере признания Новгородским областным судом геноцида народов СССР»…… 324

Абдурахманова Фериде Хрушедовна,
студент 3 курса Крымского филиала
Российского государственного
университета правосудия
им. В.М. Лебедева

(Научный руководитель – Сошина Н.В.)

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС 1947 ГОДА: ИСТОРИЯ, УРОКИ, ЗНАЧЕНИЕ

Севастопольский судебный процесс 1947 года часто остается в тени своего великого предшественника – Нюрнбергского трибунала. Однако именно такие открытые процессы на местах, в эпицентре человеческой трагедии, с предельной наглядностью демонстрировали, как абстрактные нормы международного права воплощаются в жизнь, сталкиваясь с шокирующей реальностью военных преступлений. Проходивший в ещё лежащем в руинах городе, этот суд был не просто актом правосудия над конкретными исполнителями преступлений в Крыму. Он стал сложным общественно-политическим явлением, в котором переплелись задачи восстановления исторической справедливости, формирования коллективной памяти и отправления нового для мира принципа: неотвратимости ответственности за преступления против человечности, независимо от чина и звания преступника.

Выбор Севастополя в качестве места одного из судебных процессов диктовался несколькими обстоятельствами. Город в ходе Второй мировой войны был практически весь разрушен, как при обороне в 1941–1942 гг., так и при освобождении в мае 1944 г. советскими войсками. Почти два года Севастополь находился под контролем оккупационных властей [1, с. 23].

Судебный процесс в Севастополе над командующим 17-й немецкой армией в период оккупации Крыма генерал-полковником Эрвином Йенеке и несколькими офицерами 11-й и 17-й немецких армий, обвиняемых в массовых убийствах и насилиях в отношении населения Крыма и Кубани, проходил с 12 по 23 ноября 1947 г. в Доме офицеров Черноморского флота [2, с. 470]. Сам выбор здания был обусловлен широкой известностью этого публичного места.

По существу, процесс состоял из трех этапов: оглашение обвинительного заключения; публичный допрос обвиняемых с участием свидетелей, их ответы и выступления защитников; судебное решение о наказании виновных в военных преступлениях. На заседаниях суда присутствовали моряки Черноморского флота, жители города Севастополя и других районов Крыма, корреспонденты как местных, так и центральных периодических изданий.

Текст обвинительного заключения зачитывался около трех часов, на русском и немецком языках. В нем, в частности, говорилось, что за два года пребывания военных преступников в Крыму ими было убито и замучено

86 943 мирных жителя и 47 234 военнопленных, угнано в немецкое рабство 85 947 человек. Немецкие захватчики уничтожили города Севастополь, Керчь, Балаклаву, в значительной мере разрушили Симферополь, Ялту, Феодосию и другие населенные пункты с их санаториями, культурными учреждениями, памятниками искусства и культуры. Согласно тексту обвинительного заключения, в Крыму было разрушено «свыше 12 000 государственных предприятий и учреждений, 13 000 колхозных строений и более 15 000 жилых домов частных лиц». ЧГК определила ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками мирным жителям, колхозам, общественным и государственным организациям Крыма, более чем в 14 млрд руб. [3, с. 14, 25]

В течение нескольких дней суд заслушивал показания 42 свидетелей, выступления 7 адвокатов и ответы 12 подсудимых. Многие показания свидетелей были очень эмоциональными, насыщенными конкретными фактами и жестокими подробностями преступлений. Один из свидетелей, священник Алуштинской церкви П.А. Клягин, как писала одна из газет, произнес следующие слова: «Бессилен язык человеческий для того, чтобы передать или описать все те преступления, которые были произведены немцами во время оккупации» [4, с. 31].

21 ноября 1947 г. на судебном заседании выступил военный прокурор Черноморского флота генерал-майор юстиции Д.Г. Камынин, потребовавший для всех подсудимых высшей меры наказания – 25 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Как писала севастопольская газета «Флаг Родины»: «Большинство обвиняемых в своем последнем слове признали себя виновными в злодеяниях, которые они творили на временно оккупированной ими территории Крыма и Кубани» [5, с. 44].

23 ноября 1947 г. суд огласил свой вердикт, согласно которому генерала Эрвина Йенеке и других офицеров приговорили к 25 годам заключения, а низшие чины (В. Флеснера, Б. Брауна, Р. Гуземана, Ф. Линеберга) – к 20-ти годам лагерей [6, с. 29]. Однако оглашением приговора история Севастопольского процесса не завершилась; его последствия и влияние на историческую память оказались многогранными и долговременными. После смерти И.В. Сталина и в рамках процесса нормализации отношений с Западной Германией советское руководство пошло на широкомасштабную репатриацию немецких военнопленных и осужденных военных преступников. Йенеке, отбывший в заключении около 8 лет, был освобожден в 1955 году и вернулся в ФРГ. Этот факт наглядно демонстрирует, как правосудие периода позднего сталинизма корректировалось интересами большой политики в разгар холодной войны.

Процесс широко и детально освещался как в центральной, так и в местной прессе. Газеты «Правда», «Известия», а также севастопольский «Флаг Родины» публиковали ежедневные отчеты с заседаний, транслируя эмоциональные показания свидетелей и подчеркивая полное «признание вины» подсудимыми. Подача материалов была выстроена в строгом идеологическом ключе: процесс преподносился не только как суд над

конкретными преступниками, но и как акт морального и политического осуждения всего нацистского режима.

Наиболее прочное наследие Севастопольского процесса – его влияние на ландшафт исторической памяти региона. Установленные в ходе суда конкретные цифры жертв (десятки тысяч убитых мирных жителей и военнопленных) и детальные описания зверств стали основой для послевоенной мемориализации. Материалы процесса легли в фундамент официальной историографии оккупации Крыма и были использованы при создании музеев, мемориалов и памятников. В частности, создан мемориальный комплекс на местах массовых расстрелов, таких как мемориал «Жертвам фашизма» в совхозе «Красный» под Симферополем, где погибли тысячи людей. Судьбы многих из них были раскрыты именно во время процесса.

Таким образом, Севастопольский процесс 1947 года перевел коллективную травму и разрозненные личные воспоминания в статус официально задокументированного и судебно-установленного исторического факта. Это заложило прочный фундамент для последующих десятилетий, на котором строилась память о войне в Крыму – память, персонифицированная и подтвержденная приговором военного трибунала.

Севастопольский процесс стал важным элементом формирующейся международной системы уголовной юстиции. Это советский вклад в общую практику, которая позже оформилась в Женевских конвенциях. С правовой точки зрения процесс продемонстрировал эффективность территориального принципа подсудности и стал важным этапом в формировании международных норм ответственности за военные преступления. Материалы Чрезвычайной государственной комиссии, положенные в основу обвинения, показали значение тщательной документальной фиксации преступлений для последующего правосудия.

Процесс, проходивший в самом эпицентре трагедии, в разрушенном Севастополе, стал мощным инструментом формирования коллективной памяти в регионе. Он перевел личное горе тысяч семей в плоскость официально признанной и осужденной исторической правды. Суд показал, что каждая жертва была учтена, а каждое преступление названо своим именем. Это сформировало основу местной мемориальной культуры, основанной не на абстрактных цифрах, а на персонифицированной памяти о конкретных преступлениях, доказанных в ходе открытого и гласного суда.

Севастопольский процесс 1947 года, как и другие открытые суды над нацистскими преступниками, оставил нам важнейшие уроки, актуальные и в современных условиях. Прежде всего, он продемонстрировал неотвратимость наказания за военные преступления и преступления против человечества. Публичное установление фактов геноцида, массовых убийств мирных жителей и зверств в отношении военнопленных заложило прочный фундамент исторической памяти [7, с. 590].

Таким образом, Севастопольский судебный процесс не был актом возмездия. Это был важный элемент масштабной советской практики, которая:

1. Доказала возможность и необходимость судебного преследования за военные преступления и преступления против человечества.
2. Использовала ключевые принципы, такие как территориальная подсудность и ответственность организаторов преступлений.
3. Создала богатый прецедентный материал по квалификации злодеяний, который был учтен международным сообществом при кодификации и развитии гуманитарного права.

Этот процесс является не просто историческим фактом, а вехой в процессе формирования универсальной системы международной уголовной юстиции, основанной на принципах верховенства права и неотвратимости наказания за самые тяжкие преступления.

Список использованных источников:

1. Правда. 1945. 1 мая.
2. Севастополь: Энциклопедический справочник. Севастополь, 2008. С. 470.
3. Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Крыму и на Кубани // Красная Звезда. 1947. 13 нояб.; Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Крыму и на Кубани // Флаг Родины. 1947. 20 нояб.
4. Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Крыму и на Кубани // Флаг Родины. 1947. 20 нояб.
5. Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Крыму и на Кубани // Флаг Родины. 1947. 23 нояб.
6. Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Крыму и на Кубани // Флаг Родины. 1947. 25 нояб.
7. Романько, О.В. Проблема военного коллаборационизма на территории Крыма в период немецкой оккупации (1941–1944): формирования, личный состав и особенности боевого применения // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны: материалы XIII международной научной конференции. Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г. – М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2021. – С. 590.

Абрамова Диана Александровна,
Коновалова Софья Анатольевна,
студенты 3 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Баркалова Е.В.)

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРОКУРАТУРЫ СССР В СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

Великая Отечественная война – это страшное событие, явившее собой испытание человечества на человечность. Невиданных масштабов человеческие жертвы, непостижимые уму зверства, пытки, истязания, которым подвергались не только военнопленные, но и дети, старики, женщины, – всё это сопровождало в мучительные годы войны советский народ. Этот чудовищный акт агрессии был направлен против всего человечества, ведь сама концепция гуманности была напрочь стёрта и искажена нацистской идеологией.

Сегодня мир базируется на гуманистических подходах, согласно которым человек, его жизнь, здоровье, права, свободы, интересы признаются высшей ценностью на глобальном уровне, и, что важно, эта ценность находится под защитой необходимого императива – законов, государств и наднациональных объединений [8, с. 158]. Такое положение стало возможным в том числе и благодаря тому, что Нюрнбергский трибунал и иные судебные процессы над нацистскими преступниками явили миру страшное откровение: они обнажили всю глубину человеческого падения, показав, насколько изощрённой и холодной может быть машина уничтожения, запущенная отравленным сознанием преступной идеологии.

После окончания Великой Отечественной войны Советский Союз столкнулся с необходимостью привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших тяжкие военные преступления против мирного населения и военнопленных. Важнейшей институциональной структурой, обеспечившей соблюдение принципа законности в этих процессах, была Прокуратура СССР. Наше исследование рассматривает действовавшую нормативную правовую базу, особенности работы органов прокуратуры в рамках исследуемого направления деятельности, а также анализирует судебную практику открытых процессов 1943–1949 гг.

В период Великой Отечественной войны вся деятельность органов прокуратуры была подчинена главной цели – достижению победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. Согласно пункту 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном

положении», работа прокуратуры, как военной, так и гражданской, была переориентирована на обеспечение нужд военного времени.

Для усиления трудовой и исполнительской дисциплины Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 г. прокурорско-следственным работникам были присвоены классные чины и выдана форменная одежда. Была введена система классных чинов для прокуроров и следователей, приравненных к воинским званиям.

В марте 1946 г., осознавая высокую государственную и политическую значимость работы прокуратуры и стремясь повысить её престиж, авторитет и влияние на поддержание законности в стране, Верховный Совет СССР принял Закон СССР «О присвоении Прокурору СССР наименования Генерального прокурора СССР».

Рассмотрение истории создания и деятельности Международного военного трибунала в Нюрнберге, а также рассмотрение иных судебных процессов невозможно без определения роли советских прокуроров (а она была весьма существенна).

Широко известно, что государственные обвинители от СССР на этапе подготовки трибунала и в ходе его работы проделали огромный объём работы, направленной на обнаружение и систематизацию доказательств, а также на проведение других процессуальных действий. В ходе самого процесса, опираясь на собранные доказательства и показания свидетелей, они смогли добиться обвинительных приговоров для подсудимых [4, с. 149].

Правовая основа привлечения к ответственности иностранных военных преступников была закреплена в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников», определявшем публичный характер судебных заседаний и статус подсудимых [3].

Первый в мире полноценный судебный процесс над нацистами и их пособниками прошёл в городе Краснодаре в 1943 году. За ним последовали процессы в Краснодоне, Харькове, Смоленске, Брянске, Ленинграде, Николаеве, Минске, Киеве, Великих Луках, Риге, Сталино (Донецке), Бобруйске, Севастополе, Чернигове, Полтаве, Витебске, Кишиневе, Новгороде, Гомеле, Хабаровске. На них были публично осуждены 252 военных преступника из Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Японии и несколько их пособников из СССР [5, с. 99].

Важной особенностью судопроизводства того периода была его публичность. В соответствии с требованиями Указа от 19 апреля 1943 года, вплоть до 1947 года большинство судебных заседаний проводились открыто, а приведение приговоров в исполнение носило публичный характер [1, с. 2]. Однако 24 ноября 1947 г. вышло распоряжение МВД СССР, Министерства

юстиции СССР, Прокуратуры СССР № 739/18/15/311, в соответствии с которым предписывалось рассматривать дела обвиняемых на закрытых заседаниях военных трибуналов войск МВД по месту содержания подсудимых.

Прокуратура обеспечивала координацию масштабной работы по сбору доказательств, взаимодействовала с Чрезвычайной государственной комиссией (ЧГК), контролировала процессуальные гарантии, такие как участие защитников и ознакомление с материалами дела.

Ключевой задачей государственного обвинения выступала документальная фиксация фактов преступной деятельности обвиняемых на основе материалов предварительного следствия. В своих итоговых речах государственные обвинители выстроили систему аргументации, основанную на установленных фактах, подкрепленных совокупностью неопровержимых доказательств. Прокуратура применяла системный подход к сбору доказательств, включая документы оккупационных администраций, акты ЧГК, протоколы допросов и вещественные доказательства. Этот подход позволял формировать непротиворечивое обвинение и обеспечивал устойчивость приговора в суде. Примером является Харьковский процесс, где каждый эпизод массовых убийств был подтвержден документально и свидетельскими показаниями [7, с. 192].

Кроме того, деятельность прокуратуры СССР демонстрировала баланс между соблюдением принципа законности и политической целесообразностью. На Международном военном трибунале в Нюрнберге советскую сторону представлял Генеральный прокурор Р.А. Руденко, который внёс значительный вклад в разработку Устава трибунала, закрепившего концепцию индивидуальной ответственности за военные преступления, Регламента Международного военного трибунала и подготовку обвинительного заключения. Кроме того, Р.А. Руденко внёс большой вклад в решение вопросов, связанных с преданием суду бывших главарей рейха, организацией советского государственного обвинения.

Помимо главного обвинителя от СССР, в состав рабочей группы были включены и помощники: Н.Д. Зоря, Ю.В. Покровский, М.Ю. Рагинский, Л.Н. Смирнов, Л.Р. Шейнин.

В суде задача государственных обвинителей заключалась, во-первых, в законном и обоснованном изложении обвинения: прокуроры не просто выдвигали обвинения, а должны были представить их в строгом соответствии с нормами международного и национального права; во-вторых, в представлении доказательств суду: они последовательно представляли собранные в ходе следствия документы, показания свидетелей и вещественные доказательства, обеспечивая их надлежащую юридическую квалификацию; в-третьих, в обеспечении состязательности процесса: несмотря на очевидность многих преступлений, прокуроры были

обязаны вести полемику с защитой, опровергать её аргументы и доказывать вину подсудимых в рамках судебной процедуры, что является краеугольным камнем принципа законности.

Таким образом, Прокуратура СССР сыграла ключевую роль в обеспечении принципа законности в судебных процессах над нацистскими преступниками. Благодаря методическому сбору доказательств, соблюдению процессуальных гарантий и координации с другими государственными органами было обеспечено привлечение к ответственности сотен виновных.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. – М.: Госюриздат, 1923. – С. 102–104.

2. Положение о прокуратуре СССР от 1936 г. // Сборник законодательства СССР. – 1936. – № 34. – Ст. 290.

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» // Ведомости ВС СССР. – 1943. – № 16.

4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/430419 (дата обращения 23.10.2025).

5. Асташкин, Д.Ю. Советский Нюрнберг. Как судили военных преступников в СССР // Российская газета. Родина. – 2015. – № 1215. – С. 98–101.

6. Задерейчук, И.П. Советские прокуроры-участники международного военного трибунала в г. Нюрнберге // Нюрнбергский процесс: история и современность: сборник материалов научно-практической конференции V Международного научного форума. – Симферополь: Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – С. 148–151.

7. Иванов, В.А. История и функционирование концлагеря "Красный" в годы нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 2 (35). – С. 161–166.

8. Постригань, А.И. Судебные процессы над нацистскими преступниками: новое слово в защите жизни и здоровья человека // Нюрнбергский процесс: невыученные уроки истории: сборник материалов студенческого круглого стола. – Симферополь: Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – С. 158–160.

Аметка Эдем Энверович,
студент 3 курса
Крымского филиала Российского
государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева

(Научный руководитель – Сошина Н.В.)

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НАЦИСТОВ И ОСУЖДЕНИЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ, ПРИЧАСТНЫХ К ГЕНОЦИДУ НА ОККУПИРОВАННЫХ ЗЕМЛЯХ РСФСР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

80 лет назад начался Нюрнбергский процесс – суд над теми, кто вершил преступления против всего человечества. Советский Союз, заплативший страшную цену за эту войну, стал главным свидетелем и обвинителем, представив неопровержимые доказательства бесчеловечности гитлеровцев. Вторая мировая война сопряжена с наибольшим количеством преступлений, поэтому правомерным представляется мнение большинства историков о том, что проведение аналогий с другими военными действиями невозможно: по своему составу и характеру осуществленные злодеяния превосходили все предшествующие прецеденты. С этим положением было связано основное затруднение при проведении судебных процессов, которое сводилось к отсутствию юридических норм, регламентирующих подобные преступления в международных конвенциях, а также национальных уголовных кодексах. Кроме этого, до 1943 года гитлеровские военные преступники и их пособники находились на временно оккупированных территориях, что означало невозможность проведения судебных процессов [1, с. 159].

Проблема освещения военных преступлений военнослужащих вермахта и специальных карательных организаций нацистской Германии как никогда актуальна в современном российском обществе, о чем свидетельствует реализация проекта «Без срока давности», позволившая систематизировать имеющиеся данные и выявить новые факты и обстоятельства совершенных злодеяний. Существенное обогащение источниковой базы способствовало формированию новых взглядов и концепций. В то же время всё ещё значительная часть исторического знания о тех событиях нуждается в более пристальном и детальном рассмотрении. Одним из наиболее проблемных вопросов является изучение деятельности различных партийных, государственных, научных и общественных учреждений и организаций, занимавшихся установлением и расследованием военных преступлений до образования (2 ноября 1942 г.) Чрезвычайной государственной комиссии СССР (далее – ЧГК СССР). В частности, до сих пор, по мнению автора, слабо и неполно представлены

сведения о попытках создания такого специального органа ещё в 1941 г. [2, с. 129]. Магомедханов В.М. указывает, что ещё накануне войны, 2 мая 1941 г., результатом совещания гитлеровских статс-секретарей, заместителей министров стал меморандум по вопросу истребления миллионов человек и путей достижения этой цели. В протоколах значилось неопределенное значение – «Х миллионов», т. е. речь шла о «десятках миллионов советских граждан». Позднее некоторые директивы, касающиеся данного вопроса, были найдены в документах Верховного командования германских вооруженных сил и представлены американской стороной на Нюрнбергском процессе под номером ЕС-126. В документе ясно указано, что убийство миллионов невинных было преднамеренным. Документ показывает, что этот план убийства должен был проводиться в таком огромном масштабе, что превосходил все границы человеческого представления. Особенно стоит отметить, что эти директивы полностью не были переведены на русский язык до 2023 г. Бесчисленное множество подобных документов и описанные в них планы рассматривались немецко-фашистскими главарями как одни из важнейших средств достижения победы. Во время бесед с Раушингом А. Гитлер давал определение подобной политике: «Мы должны развить технику обезлюживания… Одна из главных задач немецкой государственной деятельности на все время – предупредить всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами дальнейшее увеличение славянской расы» [2, с. 130].

При изучении вопросов, связанных с темой военных преступлений, совершенных гитлеровскими военнослужащими и их сообщниками, можно установить тенденцию к их рассмотрению практически всегда через призму деятельности ЧГК СССР, поскольку с появлением данного органа были окончательно упорядочены и систематизированы работы по учету, сбору и хранению материалов как ранее выявленных фактов, так и новых эпизодов. В подавляющем большинстве именно документы ЧГК СССР составили правовую основу, на которой строилось обвинение советской стороны в ходе Нюрнбергского трибунала. При этом случаи злодеяний в отношении жизни и здоровья советских граждан, а также государственной и личной собственности становились известны едва ли не с первых дней Великой Отечественной войны. На её начальном этапе работы по фиксации и сбору подобной информации курировали центральные учреждения органов пропаганды – Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Главное управление политической пропаганды Красной армии (далее – ГУПП КА) (с июля 1941 г. – Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – ГлавПУ РККА)), Советское информационное бюро. Положительная динамика изменений в работе по фиксации военных преступлений наблюдалась после выхода директивы ГлавПУ РККА № 186 от 1 августа 1941 г. «О присылке в ГлавПУ РККА

фотодокументов». Согласно тексту документа, начальникам политических управлений фронтов приказывалось на регулярной основе собирать и присылать фотоматериалы с подписями, а также составлять официальные протоколы (заверенные местными властями и пострадавшими) по известным случаям зверств гитлеровцев в отношении советских граждан и бойцов Красной армии. Таким образом, итоги первых месяцев войны показали, что работа по сбору и фиксации фактов преступлений требовала внесения существенных корректив. Одним из выходов должны были послужить проекты образования специальных органов, непосредственно осуществлявших данную деятельность [3, с. 321].

На момент начала Великой Отечественной войны известно о двух крупных предложениях, представленных членам ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталину, материалы о которых отложились в архивах. Первый проект был подготовлен директором Института физических проблем Академии наук СССР П.Л. Капицей. 22 августа 1941 г. член ЦК ВКП(б) Е.М. Ярославский в записке А.С. Щербакову указал, что академик Капица предложил создать международную комиссию по расследованию фашистских злодеяний. В состав комиссии представлялись кандидатуры «нейтральных людей» – американского микробиолога и писателя П. де Крюи, настоятеля Кентерберийского собора священнослужителя Х. Джонсона, бывшего посла США в СССР Д. Дэвиса.

Сам же П.Л. Капица представил свой проект организации интернациональной следственной комиссии в письме Сталину 8 сентября 1941 г. Оно практически полностью совпадает с текстом записки Ярославского, но в нем фигурируют новые фамилии потенциальных членов (помимо указанных ранее) – английского писателя Д.Б. Пристли, английского журналиста В. Бартлера, английского политика леди Н.У. Астор. По большому счету перечислением состава членов будущего органа идея проекта и исчерпывается. Все подобранные персоналии не случайны и не зря названы Е.М. Ярославским «нейтральными людьми», что скорее неверно, поскольку большинство из них были либо социалистами и коммунистами по своим политическим убеждениям, либо с большой симпатией относились к Советскому государству.

Отдельно стоит подчеркнуть тот факт, что в используемых источниках нет указаний на то, кто должен был войти в состав с советской стороны. В письме приводится статус организации – международная (интернациональная) комиссия по расследованию преступлений. Однако документы не содержат информации о том, на основе каких принципов, форм и методов выстраивалась бы работа. Не ясны правовые основы проведения комплекса следственных мероприятий. Среди предполагаемых членов нет ни одного юриста, обладавшего необходимым опытом в подобной работе. Едва ли был возможен вариант, при котором группе

авторитетных иностранных граждан, пусть даже положительно настроенных к сталинскому руководству, предоставлялась бы некая свобода действий в данном вопросе [3, с. 321].

25 ноября 1941 г. была издана Нота наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова всем правительствам и миссиям стран, не воюющим с СССР, «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» [4]. В документе сообщалось, что советское правительство располагает многочисленными фактами, свидетельствующими о систематических зверствах и расправах, чинимых германскими властями над пленными красноармейцами. Нота разоблачала германскую военщину и германское правительство, как банду насильников, не считающихся ни с нормами международного права, ни с законами человеческой морали [2].

Среди органов, осуществлявших деятельность по борьбе с военными преступниками и их пособниками из числа участников антисоветских вооруженных формирований, следует выделить органы контрразведки, осуществлявшие фиксацию фактов совершенных злодеяний, а также устанавливавшие их виновников. Необходимо отметить и деятельность подразделений внутренних войск НКВД СССР, в компетенцию которых входило недопущение проникновения в тыл ставленников оккупантов и бывших военнослужащих РККА, служивших в армии противника, то есть лиц, потенциально причастных к гитлеровским злодеяниям.

Непосредственной юридической основой для системной ответственности по данному вопросу являлся указ № 39 Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [5]. Он стал юридической основой и для проведения судебных процессов над нацистами. За период 1943–1949 годов такие процессы прошли в 21 советском городе, пострадавшем от рук нацистов. Такая решимость руководства страны проводить точечные судебные процессы над нацистами в итоге была реализована на Нюрнбергском трибунале, сама идея проведения которого принадлежала именно Советскому Союзу. Эти суды могут быть названы «Советскими малыми Нюрнбергами», которые собирательно складываются в один большой «Советский Нюрнберг».

Как известно, после проведения Международного трибунала в Нюрнберге (20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г.) американскими оккупационными властями, в зону ответственности которых входил Нюрнберг, было создано специальное судебное присутствие, которое в 1946–1949 годах провело 12 процессов против нацистских военных

преступников по формуле «Соединённые Штаты против…». Эти суды именуются в историографии «малыми» или «последующими» Нюрнбергскими процессами.

Советские процессы могут считаться «предшествующими» – они начались раньше Нюрнберга. При этом работа ЧГК и местных комиссий по расследованию нацистских преступлений внесла огромный вклад в формирование доказательной базы обвинения главных нацистских преступников в ходе заседаний Международного трибунала. В 1943–1946 годах было проведено 11 открытых процессов над гитлеровцами. Первые открытые суды, ещё во время Великой Отечественной войны, проходили в Краснодаре, Харькове, Краснодоне. Затем, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 ноября 1945 года, были организованы процессы в крупных городах СССР, жестоко пострадавших от гитлеровцев (Смоленске, Брянске, Великих Луках, Минске, Риге, Киеве, Николаеве, Ленинграде) [6].

Отметим, что формирование системы юридического преследования нацистских преступников потребовало определенного времени. Так, первым документом, направленным на выявление военных преступников, стал изданный после начала контрнаступления под Москвой приказ Народного комиссариата внутренних дел от 12 декабря 1941 года. Он назывался «Об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобождённых от войск противника». 16 декабря 1941 года была издана директива НКВД СССР, в которой городским и районным отделам НКВД на освобожденных территориях ставилась задача: выявить и арестовать пособников гитлеровцев, которые способствовали в зверствах. Однако на рассмотрение вопроса и принятие положительного решения о создании ЧГК высшему советскому руководству потребовалось свыше трёх месяцев и произошло это в 1942-м.

Сообщения о запредельных по жестокости и цинизму зверствах, совершаемых оккупантами, стали поступать уже в первые дни войны. Такие известия в сознании многих советских граждан вступали в диссонанс с усвоенными в предвоенные годы постулатами официальной пропаганды о «пролетарском братстве», единстве трудящихся всего мира. Переворот, происходивший в душах советских людей, был настоящим откровением. Его описывает Михаил Шолохов в документальном рассказе «Наука ненависти», составленном на основе живых свидетельств, собранных писателем-военкором [6].

По мнению специалистов, указ от 19 апреля 1943 года, предусматривавший для военных преступников и их пособников такие меры наказания, как смертная казнь через повешение и ссылка на каторжные работы, давали в руки советского правосудия самое действенное оружие борьбы с ними во время войны, а также и после её

завершения. Доказательной базой для судебных процессов стали отчёты и заключения, подготовленные по итогам деятельности Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, учрежденной указом Президиума Верховного Совета от 2 ноября 1942 года.

Кроме этого, активно использовались материалы допросов военнопленных. При этом одной из самых ярких страниц в уголовном преследовании гитлеровских военных преступников и их пособников являлась организация и проведение беспрецедентных экспертных исследований, которым придавалось существенное значение органами следствия и суда. Так, в случае отсутствия судебно-медицинского эксперта, в порядке, установленном ст. 193 УПК РСФСР, исполнение его обязанностей допускалось состоящими на государственной службе и не заинтересованными в результатах расследования, ближайшими к месту происшествия врачами. Права экспертов и их взаимоотношения с этими органами регулировались УПК РСФСР 1923 года (ст. 23, 43, 45, 48, 58 и 63 в частности); Правилами судебно-медицинского исследования трупов, изданными в 1929 году Наркоматом здравоохранения РСФСР; Положением о судебно-медицинской экспертизе, изданным в 1934 году Наркоматами здравоохранения и юстиции СССР; Инструкцией о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР от 13 декабря 1952 года; Положением о судебно-медицинской экспертизе в Красной Армии, введенным в 1945 году приказом НКО СССР № 13. Наибольшее распространение в уголовном процессе получили судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы, при помощи которых выявлялся сам факт насильственной смерти, способы совершения преступления; также путем научного анализа воссоздавалась картина совершенного преступления [1, с. 160].

Вопрос же о юридическом и целенаправленном преследовании нацистских преступников и их пособников был поставлен через год после начала войны. До этого и одновременно с этим выявлением и наказанием нацистских преступников и их пособников занималось 4-е управление НКВД СССР (разведка, террор и диверсии в тылу противника), а также специальные диверсионно-разведывательные подразделения, прежде всего – Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН НКВД СССР), в октябре 1943 г. преобразованная в отдельный отряд. Среди таких диверсантов был известный разведчик Н.И. Кузнецов, ликвидировавший целый ряд высокопоставленных представителей немецкой оккупационной администрации на Украине. Но главную роль в

преследовании нацистов в СССР играли специально созданные для этого органы и правовые механизмы.

Согласно данным, представленным в справке о количестве и категориях военных преступников и их пособников, осужденных военно-полевыми судами, за 1943 г. военно-полевыми судами были рассмотрены 878 дел, по которым были осуждены 1 060 человек. Из них 815 – были повешены, а 245 – приговорены к каторге. В докладе начальника Гулага В.Г. Наседкина Л.П. Берии о работе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР за годы Великой Отечественной войны от 17 августа 1944 г. говорилось, что по состоянию на 1 июля 1944 г. в исправительно-трудовых лагерях содержалось уже 5 200 заключенных, осужденных к каторжным работам. И только за год количество осужденных увеличилось до 29 000 человек! Об этом свидетельствует докладная записка заместителя наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышева наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии об опыте работы каторжан в Воркутлаге НКВД от 20 мая 1945 г. Докладная записка явилась реакцией на письмо секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева и проект Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР «О применении каторжных работ в качестве меры наказания», где Н.С. Хрущев сетует на слишком мягкое наказание в виде лишения свободы на 10 лет за отдельные преступления, по которым суды вынуждены применять расстрел, не имея в своем распоряжении иного, более сурового наказания. В связи с этим Н.С. Хрущев предлагает почти по всем статьям Уголовного кодекса 1926 г., предусматривающим в виде предельной санкции высшую меру наказания, дополнительно ввести осуждение к каторжным работам на срок от 15 до 20 лет [7, с. 28].

Список использованных источников:

1. Чопова, В.Е. Особенности уголовного судопроизводства СССР в отношении немецких военных преступников и их пособников // Евразийский союз ученых (ЕСУ). – 2016. – № 2 (23). – С. 159–161.

2. Магомедханов, В.М. Без срока давности: преступления немецко-фашистских захватчиков накануне и во время Елецкой наступательной операции в ходе битвы за Москву (по документам войск НКВД и Чрезвычайной государственной комиссии) // История: факты и символы. – 2025. – № 1 (42). – С. 129–141.

3. Лакизюк, А.А. На пути создания ЧГК СССР: проекты организации специальных органов по установлению и расследованию злодеяний, совершенных гитлеровцами на оккупированных территориях СССР в 1941 г. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2025. – Т. 25, вып. 3. – С. 321–326.

4. Нота наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова всем правительствам и миссиям стран, не воюющим с СССР, «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» // https://victims.rusarchives.ru/nota-narkoma-inostrannykh-del-sssr-molotova-25-noyabrya-1941 (дата обращения 11.09.2025).

5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» // https://ru.wikisource.org/wiki/ (дата обращения 11.09.2025).

6. Не должно повториться. Советские открытые процессы над нацистскими преступниками // https://historyrussia.org/sobytiya/ne-dolzhno-povtoritsya-sovetskie-otkrytye-protsessy-nad-natsistskimi-prestupnikami.html (дата обращения 10.09.2025).

7. Кудоярова, Г.Р. Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 в судебной практике СССР // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 28–31.

Ананичева Екатерина Николаевна,
студент 1 курса
Казанского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Гаврилов М.А.)

ВЛИЯНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

80 лет назад, 9 мая 1945 года, в Берлине силой советского оружия был побежден враг, принесший на нашу Родину смерть, голод, разрушения. Подобно образу Георгия Победоносца, победившего змия, советский воин совершил подвиг, уничтожив главное зло XX века. Он принёс свободу европейским народам, спас миллионы жизней по всему миру. Но после поражения нацистской Германии война с полей битвы перешла в залы судебных заседаний. Необходимо было не только нанести поражение в военных сражениях, но и официально осудить нацизм, поставить его вне закона и оставить грозное предупреждение тем, кто осмелится вновь повторить преступления нацистов.

Нюрнбергский процесс проходил в Нюрнберге, городе, который был выбран неслучайно. Именно здесь проходили съезды НСДАП, и город символизировал нацистскую идеологию. Процесс был организован Международным военным трибуналом, сформированным из судей и прокуроров из США, СССР, Великобритании и Франции. Он проходил с 10 часов утра 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года. Это был первый в истории международный суд над уголовными преступниками, виновными в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн. Перед трибуналом предстали 24 военных преступника, входивших в высшее руководство фашистской Германии. В состав трибунала вошли представители стран, наиболее пострадавших от нацистских преступлений, что обеспечивало максимальную объективность и справедливость процесса. На скамье подсудимых оказались 24 человека, среди которых были высшие руководители нацистской Германии: Герман Геринг, Рудольф Гесс, Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель и другие. Их обвиняли в четырёх основных категориях преступлений:

1. Преступления против мира: планирование и ведение агрессивных войн.

2. Военные преступления: нарушение законов и обычаев войны.

3. Преступления против человечности: геноцид, массовые убийства и другие зверства.

4. Заговор в целях совершения данных преступлений.

Нюрнбергский процесс был сложным во всех планах. Для проведения процесса были собраны многочисленные доказательства преступлений нацистов, включающих документы, фотографии, показания свидетелей и вещественные доказательства. Особое внимание уделялось документированию лагерей смерти, массовых захоронений и других свидетельств зверств.

Процесс длился почти 11 месяцев, в течение которых происходила «борьба» представителей стран, участвующих в процессе, подсудимых, адвокатов и т. д. В результате слаженной работы команды обвинителей от четырех союзных держав – СССР, Великобритании, США и Франции – обвинение было предъявлено 24 нацистским лидерам, 18 из которых 1 октября 1946 г. в соответствии с Уставом был вынесен обвинительный приговор. По итогам работы Нюрнбергского трибунала над главными военными преступниками Второй мировой войны из 24 обвиняемых 12 были приговорены к смертной казни через повешение, 7 – к тюремному заключению, а 3 – были оправданы. Уголовные процессы в отношении двух обвиняемых не были завершены, поскольку Лей ещё до начала процесса покончил жизнь самоубийством, а Крупп был признан неизлечимо больным.

Нюрнбергский процесс оказал огромное влияние на международное право. По итогам процесса был принят ряд значимых международно-

правовых документов, которые могут быть использованы для противодействия современной террористической угрозе.

Так, в 1945 году был создан Устав Международного военного трибунала, призванный судить и наказывать главных военных преступников нацистской Германии. Этот документ заложил основу для привлечения к ответственности за серьезные международные преступления.

Согласно Уставу, Трибунал получил полномочия судить и наказывать лиц, которые, действуя от имени европейских стран «оси», совершали:

Преступления против мира, включавшие планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивных войн, а также участие в общих планах или заговорах, направленных на нарушение международных договоров и соглашений.

Военные преступления, к которым относились нарушения законов и обычаев войны, такие как убийства, пытки, порабощение или иное жестокое обращение с гражданским населением оккупированных территорий, военнопленными или лицами, находящимися в море. Также сюда входили ограбление собственности, разрушение городов и деревень, не оправданное военной необходимостью.

Преступления против человечности, которыми считались убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокие действия, совершенные против гражданского населения до или во время войны, а также преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам, связанные с совершением преступлений.

Важно отметить, что ответственность несли не только исполнители, но и те, кто руководил, организовывал, подстрекал или способствовал совершению этих преступлений. Лица, участвовавшие в разработке или реализации общих планов, несли ответственность за все действия, предпринятые для их осуществления.

Должностное положение подсудимых, будь то главы государств или высокопоставленные чиновники, не служило основанием для освобождения от ответственности или смягчения наказания. Действия по приказам правительств или начальства не снимали вины, но могли быть учтены при определении меры наказания.

Если Трибунал признавал определенные группы или организации преступными, национальные власти получали право привлекать к ответственности членов этих групп на национальных, военных или оккупационных трибуналах. В таких случаях преступный характер группы или организации считался установленным и не подлежал оспариванию.

С точки зрения права Нюрнбергский процесс оказал огромное влияние на дальнейшее развитие международного права и формирование

новых принципов. Среди ключевых направлений развития международного права, обусловленных этим процессом, можно выделить:

1. Разработку международно-правовых норм, направленных на поддержание мира и предотвращение агрессии. Это привело к принятию ООН определения агрессии в 1974 году и утверждению правовых норм, запрещающих пропаганду войны, а также формирование и признание таких понятий, как преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, как наиболее тяжких международных преступлений, угрожающих мировому сообществу и основам международного права.

2. Развитие защиты прав человека. Устав и приговор Нюрнбергского трибунала не знали такой квалификации международных преступлений против человечности, как геноцид, апартеид и расовая дискриминация. Однако именно ими впервые эти преступления были оценены как международные преступления, квалифицированные как преступления против человечности. Это привело к принятию Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Конвенции 1965 г. о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции 1973 г. о пресечении преступлений апартеида и наказании за него, а также Пактов о правах человека – Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. В результате защита прав человека стала не только внутренним делом государств, но и международной проблемой. Кроме того, экономические и социальные права были признаны государствами столь же важными, как и политические и гражданские, что отличает современное положение от ситуации 1948 года, когда была принята Всеобщая декларация прав человека. Достигнутый прогресс в этой области отвечает интересам всех народов.

3. Установление личной ответственности высших должностных лиц. После Нюрнбергского процесса в международную практику и право было внедрено положение об ответственности руководителей государств за планирование и совершение международных преступлений. Эта ответственность распространяется на лидеров, организаторов и их пособников, и они не могут быть освобождены от неё, даже действуя по приказу правительства или начальства. К таким преступлениям не применяется срок давности, что было впоследствии закреплено в специальной конвенции 1968 года. Под влиянием этих решений в международном праве возникла новая отрасль – международное уголовное право.

4. Защита культурных ценностей. Были разработаны и усовершенствованы международно-правовые нормы, направленные на

защиту культурных ценностей во время вооруженных конфликтов, включая Гаагскую конвенцию 1954 года и её протоколы.

5. Совершенствование гуманитарного права. Так, нормы международного гуманитарного права, касающиеся защиты военнопленных, раненых и больных во время сухопутных и морских войн, а также защиты гражданского населения, были развиты и улучшены.

6. Влияние на национальное законодательство. Принципы и нормы, возникшие под влиянием Нюрнбергского процесса, оказали положительное воздействие на развитие национального законодательства государств. Во многих странах были введены нормы, предусматривающие ответственность за деяния, признаваемые международными преступлениями.

Подводя итоги о Нюрнбергском процессе, можно подчеркнуть, что события Нюрнберга оказали значительное влияние на становление и развитие международного права и его отдельных институтов и отраслей, формирование отдельных императивных принципов международного права и способствовали созданию международных уголовных трибуналов, в том числе постоянно действующего Международного уголовного суда. Благодаря Нюрнбергскому процессу уголовная ответственность за преступления против человечности и мира, военные преступления и за совершение других грубых нарушений прав человека подпадает под юрисдикцию не только национальных судебных органов, но и под юрисдикцию международных уголовных судов.

Список использованных источников:

1. Валеев, Р.М., Сафиуллина, И.П. Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права (к 60-летию Нюрнбергского процесса) / Р.М. Валеев, И.П. Сафиуллина // Московский журнал международного права. – 2006. – № 3. – С. 185–200.

2. Полянский, Н.Н. Международный военный трибунал. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. – С. 9.

3. Борхерт, К.Г. Влияние принципов Нюрнберга на современное международное право. Осуждение военных преступников в ГДР: сб. «Уроки Нюрнберга», материалы Международной конференции в Москве 11–13 ноября 1986 г. Вып. III. М., 1988. С. 49.

4. Коваль, Л.В. Значение Нюрнбергского трибунала для становления принципов международной уголовной ответственности / Л.В. Коваль // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 31–39.

Ананьев Илья Юрьевич,
студент 2 курса
Казанского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Гайнов И.Д.)

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Одним из главных политических событий по итогам Второй мировой войны стал Нюрнбергский трибунал – беспрецедентный по своим масштабам и целям судебный процесс над военными преступниками – пособниками нацистов. Создание Международного военного трибунала не имеет аналогов в истории международного сотрудничества, поэтому он оказал значительное влияние на дальнейшее развитие международного права.

Основными учредительными документами Нюрнбергского трибунала стали Устав и Регламент. В них содержались принципы проведения трибунала, его юрисдикция, а также определялся механизм и порядок судебного разбирательства.

Принятие Устава и Регламента Международного военного трибунала были сопряжены с разногласиями, которые пришлось разрешать странам – учредителям Трибунала: Союзу Советских Социалистических Республик, Соединённым Штатам Америки, Соединённому Королевству Великобритании и Северной Ирландии и Французской Республике. Идея Международного военного трибунала появилась ещё до окончания Второй мировой войны, когда страны-участники задумались над дальнейшей судьбой военных преступников, чьи действия отличались особой жестокостью и бесчеловечностью.

В январе 1942 года девять оккупированных государств на конференции в Лондоне обсудили вопросы наказания нацистских агрессоров. В результате была подписана Сент-Джеймская декларация о наказании военных преступников. Позднее, 14 октября 1942 года, советское правительство опубликовало заявление «об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы». В заявлении указывалось: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии» [1, с. 277]. Британский министр иностранных дел А. Иден телеграфировал британскому послу А.К. Керру: «Мы не думаем, что будет сочтено целесообразным привлечь к формальному суду главных

преступников, таких как Гитлер и Муссолини, поскольку их преступления и ответственность настолько велики, что они не подходят для рассмотрения путем юридической процедуры. По нашему мнению, вопрос об этих главных фигурах, к которым, несомненно, нужно причислить и Гесса, должен быть разрешен путем политического решения Объединенных Наций. При этой процедуре они могут быть наказаны столь же сурово и гораздо быстрее, чем при любой юридической процедуре. Однако Комиссия Объединенных Наций, которая является лишь органом, собирающим факты, может получать и проверять свидетельские показания в отношении всех преступников войны, включая и этих главных фигур» [2]. Долгое время, до начала 1945 года, руководители некоторых государств, таких как США и Великобритания, считали, что по итогам войны казнь нацистских лидеров должна проходить в виде политического процесса. Позднее многие ведущие политики осознавали необходимость проведения судебного процесса над нацистскими преступниками, поэтому с 26 июня по 8 августа 1945 года в Лондоне прошла конференция представителей СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам учреждения Международного военного трибунала.

Выработка Устава и Регламента Международного военного трибунала была сложной задачей ввиду различия между правовыми системами государств и отсутствия в их национальном законодательстве норм, регулирующих сферу военных преступлений. Представители континентальной и англосаксонской системы права в ходе Лондонской конференции обсуждали вопросы не только порядка осуществления правосудия, но и определения и классификации тех или иных деяний к числу преступлений. Главными отличительными особенностями двух правовых систем являлись процессуальные механизмы отправления правосудия.

Наиболее дискуссионным вопросом оказалась разработка понятия «международное преступление». 25 июля 1945 года А.Я. Вышинский написал В.М. Молотову о промежуточных итогах четырёхсторонних переговоров, в письме указывалось, что «организация и принципы деятельности Международного трибунала соответствуют общепринятым принципам судопроизводства. В Уставе о Международном трибунале содержится перечень преступлений, подлежащих юрисдикции трибунала. Этот перечень не вызывает с нашей стороны возражений за исключением двух пунктов, а именно:

а) вторжение или угроза вторжения, или выступления в качестве зачинщика войны в других странах в нарушение договоров, соглашений или заверений между странами, или в нарушение международного права каким-либо другим путем;

б) участие в общем плане или мероприятии, направленном к установлению господства над другими нациями. Этот план или мероприятие включало, или предполагало, или в достаточной мере было

рассчитано на то, чтобы повлечь за собой использование незаконных средств для проведения его в жизнь [3].

Нами даны указания нашим делегатам возражать по обоим этим пунктам».

Обо всех переданных В.М. Молотову сведениях он докладывал И.В. Сталину, отмечая при этом, что вышеизложенные формулировки носят неопределенный характер, вследствие чего могут трактоваться ошибочно. 2 августа 1945 года представители делегаций на Лондонской конференции всё-таки смогли найти компромисс, приведя ст. 6 Устава в соответствие, ныне известное нам. 8 августа 1945 года произошло подписание Соглашения о создании Международного военного трибунала.

Устав и Регламент Международного военного трибунала оказали существенное влияние на развитие международного права. Созданная 24 октября 1945 года Организация Объединённых Наций (далее – ООН), основной целью которой стало поддержание мира и безопасности, в резолюции от 11 декабря 1946 года № 95 (I) «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского Трибунала» признала принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении Трибунала [4].

Таким образом, ООН, одна из самых влиятельных международных организаций, призванная сохранить мир и безопасность среди государств, признала принципы Международного военного трибунала в Нюрнберге, положив их в основу современного международного права. На государства – члены ООН распространяется юрисдикция данной международной организации, поэтому принципы Международного военного трибунала в Нюрнберге влияют на разрешение международных конфликтов ООН сегодня. Именно в признании ООН принципов Трибунала заключается, на наш взгляд, то существенное влияние, которое оказал Нюрнбергский процесс на международное право.

Список использованных источников:

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. – Т. 1. – М., 1944. – С. 277.

2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137. Л. 9-12.

3. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 07. Оп. 10. П. 8. Д. 83. Л. 44-45.

4. Резолюция № 95 (I) Генеральной Ассамблеи ООН «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала» [рус., англ.] (Принята 11.12.1946 на 55-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

Антонов Антон Антонович,
Умнова Милана Сергеевна,
студенты 3 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

РОЛЬ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В РАЗОБЛАЧЕНИИ МИФОВ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ О СОБЫТИЯХ ВОВ

1. Архивные материалы остаются фундаментом исследований, интерпретаций и осмысления событий Великой Отечественной войны. Обращение к первоисточникам, таким как приказы, боевые донесения, журналы боевых действий, протоколы заседаний, докладные записки, личные письма и мемуары непосредственных участников, способствует достижению объективности, достоверности и комплексного понимания самых сложных исторических вопросов. Такой подход содействует отделению реальных фактов от идеологических и публицистических интерпретаций, а также разрушению устоявшихся мифов в общественном сознании [3, с. 20]. В постсоветском пространстве проявляется возрастающий интерес к проблеме искажений истории Великой Отечественной войны. Причины такого явления связывают с прогрессом демократических реформ и гласности в стране, а также с расширением борьбы за историческую память посредством государственных программ. Рост числа публикаций, содержащих противоречивые оценки событий 1941–1945 годов, побуждает к публикации архивных материалов и проведению глубоких профессиональных исследований. Эти меры служат сохранению научной достоверности, предотвращению исторических спекуляций и противодействию манипулированию фактами.

2. Период военных и послевоенных лет завершился введением ограничений на информационную открытость, реализуемых посредством государственной пропаганды и официальной цензуры. В результате появились легенды, западные и отечественные мифы, касающиеся «бездарности командования», «бесконечных штрафбатах», «заградотрядах, стрелявших в своих» и «преднамеренных жертв». Исследовательское обоснование усиливается у серьёзных историков по мере внедрения широкого и систематического использования архивных материалов в научных исследованиях, противостоящих волнам подобных мифологических фиксаций [1]. В архивах зафиксированы фактические показатели потерь, мотивы стратегических успехов и провалов, ущерб, нанесённый стране, а также деятельность вооружённых сил, НКВД, трудовых коллективов, партизан и подпольщиков. Анализ представленных документов развенчивает устоявшиеся в массовом сознании стереотипы и

мифы. Скрупулёзная работа с боевыми журналами, донесениями по потерям, директивами Генштаба и личной перепиской командиров часто подвергает сомнению традиционные нарративы о компетенции советского руководства и массовых бессмысленных жертвах [4, с. 5]. Разглашённые приказы по формированию штрафных батальонов и рот предоставляют важные данные о лимите численности и сравнительно невысоком уровне эффективности этих подразделений – такой массив ценен для историков. Протоколы допросов немецких военнопленных дополняют сведения характеристиками боевых действий, а отчёты о партизанских операциях указывают на многообразие фронтовых обстоятельств. Дневники офицеров и солдат – архивные свидетельства реального перечня сложностей и мучительных переживаний, индивидуальных наблюдений. Комплекс данных обеспечивает опровержение мифов о слепом подчинении, часто приписываемом советским войскам в западной историографии.

3. Публикация архивных документов пролила свет на исторические вопросы, связанные с катастрофой 1941 года, значимостью ленд-лиза, описанием оборонительных боёв под Москвой и Сталинградом, освобождением Европы, сравнением потерь среди гражданского населения, масштабами репрессий и эвакуации. Открытие архивов обеспечило прозрачное понимание трагических событий – судьбы мирных жителей блокадного Ленинграда, уничтожение деревень в Беларуси и Украине при карательных акциях, а также выявило героизм тысяч бойцов, ранее остававшихся неизвестными или забытыми. Колоссальные изменения мифологических представлений последних десяти лет произошли благодаря масштабным цифровым проектам и публикациям, охватывающим материалы центральных и региональных архивных фондов (РГВА, РГАСПИ, Центральный архив Минобороны, Российский государственный архив социально-политической истории и др.).

Обращение многочисленных учёных из разных стран к архивным материалам привносит корректировки в классические западные интерпретации, касающиеся, к примеру, количественного учёта потерь в отдельных сражениях, роли союзников и распространения дезертирства. Существенный момент – сомкнутый доступ к истории, открытый цифровыми архивами, расширяет возможность каждому осмысленно обращаться к подлинным источникам, формируя личные оценки. Разрушая привилегии исследовательских кругов, этот процесс становится массовым [2]. Примером высокой эффективности архивного анализа служит развенчание мифа о «заградотрядах». Статистика дисциплинарных наказаний оказывается значительно скромнее, чем изображено в современной публицистике. Аналогичный систематический документальный разбор, посвящённый блокаде Ленинграда и эвакуации населения, позволяет обоснованно оценить

масштабы преступлений гитлеровских захватчиков и героический вклад ленинградцев в сохранение жизней при экстремальных обстоятельствах.

4. Работа с архивами требует комплексного подхода, выходящего за пределы простого выявления сенсационных фактов или устранения пробелов в источниковом материале. Процесс исследовательской деятельности охватывает сопоставление данных, повторную оценку критических моментов, а также проверку достоверности текста и выявление субъективных пристрастий. Основой объективного познания исторических событий становится глубокий анализ источников, выполненный подготовленным экспертом. Опасность несет практика фрагментарного подхода – когда отдельные документы трактуют вне контекста или они подвергаются интерпретации под заранее сформулированные политические задачи. Ответственный подход к архивным материалам исключает искажение исторических сведений через чрезмерные обобщения и домыслы. Сегодня обществу приходится сталкиваться с попытками исказить события Великой Отечественной войны в целях политической пропаганды, пересмотра итогов войны, оправдания коллаборационизма или преуменьшения роли СССР в победе. На современном этапе историческая наука демонстрирует возрастающую значимость архивных исследований – открытые базы данных и образовательные программы, строящиеся на изучении исторических документов, становятся важными элементами патриотического воспитания подрастающего поколения. Особое значение приобретают международные проекты в области архивного дела. Совместные издания российских и зарубежных специалистов, обмен фондовыми материалами и цифровая обработка ранее закрытых архивов формируют содержательную платформу сотрудничества. Информационную безопасность подрывают политические манипуляции, стремящиеся исказить историческую правду. Создание единой и открытой библиотеки знаний способствует выявлению и осмыслению страниц военной истории, наполненной трагедиями, героизмом и международным гуманизмом [4, с. 22].

В заключение статьи следует подчеркнуть роль архивных документов в подтверждении эпохальных событий в подлинном виде, вне субъективных оценок, при условии деликатности и профессионализма обращения. Экспертные подходы и методичное исследование архивных источников обеспечивают баланс информации, объективный взгляд на события Великой Отечественной войны. Труд архивистов, исследователей и поисковых групп представляет собой научный поиск и исторический анализ, способствующий пониманию реальности, сострадательному отношению к памяти погибших и выживших, а также поддержке молодого поколения в осознании сложных вопросов. Формирование прочных оснований знания на основе архивных материалов способствует становлению зрелого гражданства и поддерживает

уважение к героизму народа во время суровых испытаний, включая Великую Отечественную войну.

Список использованных источников:

1. Российский государственный военный архив. Ф. 32905. Оп. 1. Д. 163. Л. 169–170.

2. Положение о войсках НКВД, охраняющих тыл действующей Красной Армии. Утверждено заместителями НКО и НКВД 28 апреля 1942 г. // Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М. : «Юрид. лит.», 1975 г. 728 с.

3. Гаспарян, А.С. 1941–1945. Оболганная война. СПб.: Питер, 2018. 304 с. 14. Электронное периодическое издание «MK.ru». – URL: https://www.mk.ru/politics/2022/11/05/chislo-stran progolosovavshikh-protiv-borby-s-geroizaciey-nacizma-vyroslo-s-2-do-51.

4. Лысенков, С.Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны (Историко-правовое исследование): «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Лысенков Сергей Геннадьевич. Санкт-Петербург, 2005. 472 с.

5. Лысенков, С.Г., Бутов, С.В., Мутигуллин, А.В. Войска НКВД или ОУН-УПА: миф о злодеяниях на Украине // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11 (174). С. 65–67. 16. Центральный архив ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 803. Л. 219–228.

Апанович Анастасия Алексеевна,
Молодцова Янина Денисовна,
студенты 2 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В КРЫМУ И НА КУБАНИ (СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС)

В настоящее время значение Великой Отечественной войны претерпело сложную и болезненную эволюцию, превратившись из консолидирующего исторического фундамента в поле ожесточенного идеологического, политического противостояния. Особое беспокойство вызывает систематическое принижение роли советского народа в разгроме нацизма в некоторых зарубежных странах, что является не просто искажением фактов, а политикой, нацеленной прежде всего на пересмотр

итогов Второй мировой войны и обесценивание той значимой цены, которую заплатил Советский Союз за освобождение Европы. Эта тенденция создает искаженную картину прошлого и нарушает принципы исторической справедливости.

Пока в большинстве семей активно передается значимость Великой Победы, существуют отдельные группы, которые стремятся к реабилитации нацистской идеологии, ведь с каждым годом ветеранов становится меньше, живая память о войне ослабевает. Этим пользуются радикальные объединения, активно продвигающие свои идеи среди молодежи через Интернет. В текущих обстоятельствах особенно важно противодействовать любым попыткам искажения истории, чтобы молодое поколение осознавало, понимало и уважало те времена и подвиги героев. Сохранение правды о войне, о невероятном мужестве и огромных жертвах становится не только выражением почтения к прошлому, но и средством защиты исторического суверенитета, а также нравственным барьером против возрождения разрушительных идеологий. Память о Великой Победе должна оставаться чистым и неделимым достоянием, которое объединяет нацию и служит фундаментом для будущего.

В нашей статье мы обратимся к одному из девяти послевоенных судебных процессов, затронув его влияние на развитие международного и национального права. Севастопольский процесс 1947 года играл важнейшую роль в осмыслении последствий войны. Были сочтены функции правосудия и устрашения над нацистскими преступниками и их пособниками.

Севастопольский судебный процесс отличался, прежде всего, крымской тематикой и тем, что еще в 1944–1945 гг. на этой территории работала республиканская комиссия, собравшая материалы о материальном и моральном вреде, нанесенном немецкими и румынскими оккупантами, о человеческих потерях в результате карательных акций [2, с. 33]. Были найдены десятки тысяч останков советских граждан: военнопленных, женщин, детей, стариков. Особую жестокость применял Эрвин Йенеке, генерал-полковник, который отдал приказ для создания «мертвой зоны» вокруг районов горного Крыма в борьбе с партизанами, где были произведены расстрелы мирного населения, грабеж домов, сожжение сотен деревень. Под его руководством были убиты 40 детей в возрасте от 6 до 13 лет, которые были доставлены в немецкий госпиталь для переливания крови раненым офицерам. В период с октября по ноябрь 1943 года и в апреле 1944 года были инициированы масштабные репрессивные мероприятия в отношении заключенных концентрационных лагерей и тюрем. Эти действия характеризовались систематическим и жестоким подходом, что представляет собой ключевые аспекты политики геноцида, осуществляемой нацистским государством. В официальном сообщении Прокуратуры СССР, опубликованном 19 октября 1947 года в

газете «Слава Севастополя», Эрвин Йенеке и другие офицеры были обозначены как ключевые фигуранты предстоящего судебного процесса.

Процесс проходил с 11 по 23 ноября в здании севастопольского Дома офицеров флота и был призван публично продемонстрировать ужасы оккупации и неотвратимость возмездия. Дела рассматривал Военный трибунал Черноморского флота в составе: председательствующий – генерал-майор юстиции Зайцев, члены трибунала – полковник юстиции Евсиков и подполковник юстиции Федорчуков. На стороне обвинения выступили военный прокурор Черноморского флота генерал-майор юстиции Камынин и подполковник юстиции Маркелов. В качестве защитников на процессе выступили военные адвокаты Любимов, Татаринцев, Введенский, Гринев, Ерофанов, Михеев, Великотный [4, с. 1].

Севастопольский процесс охватил двенадцать обвиняемых – семерых немецких военнослужащих (офицеров вермахта и сотрудников тайной полевой полиции) и пятерых советских граждан, которые пошли на сотрудничество с оккупантами. Главным обвинением стало их участие в массовых убийствах мирного населения, включая расстрелы на Максимовой даче, унесшие жизни более трех тысяч человек, по данным следствия.

Публичность в судебном процессе играла ключевую роль. На заседаниях присутствовали сотни человек разного социального статуса. Стенограмма суда регулярно публиковалась в местных газетах, а радиотрансляция судебных заседаний охватывала весь город. Помимо протоколов эксгумаций и заключений судебно-медицинских экспертиз, которые холодно констатировали масштабы злодеяний, активно использовались свидетельские показания. Жители Севастополя, жертвы, выжившие в расстрелах, родственники погибших – все они были призваны оживить в памяти собравшихся ужасы оккупации. Через их живые и полные боли рассказы власть апеллировала не столько к логике, сколько к чувствам, вызывая у аудитории гнев, ненависть к врагу и сострадание к жертвам. 23 ноября 1947 года суд огласил приговор, по которому восемь подсудимых были приговорены к 25 годам лишения свободы, а четверо подсудимых, представляющих нижний чин, получили наказание в виде 20 лет лишения свободы, несмотря на то, что не все целиком признали свою вину.

Таким образом, Севастопольский процесс 1947 года, при всей бесспорности и доказанности совершенных преступлений, представлял собой сложный синтез права и политики. Через его тщательно организованную структуру советская власть решала несколько ключевых задач: легитимировала себя как единственную силу, способную покарать врага и защитить народ; формировала коллективную память о войне как о столкновении абсолютного добра с абсолютным злом; и, наконец, демонстрировала международной общественности свою приверженность принципам Нюрнбергского трибунала. Это был не просто суд над

преступниками, а мощный инструмент идеологии, где право служило политическим целям, а сам суд превращался в ритуал утверждения новой власти и новой исторической правды.

Вклад Севастопольского и иных процессов 1947 года в формирование современной системы международного уголовного права представляется неоспоримым, поскольку они осуществили перевод абстрактных правовых постулатов в плоскость конкретной судебной практики.

Список использованных источников:

1. Бебешко, Т.С. Севастопольский судебный процесс 1947 года по делам о военных преступлениях: символические практики власти / Т.С. Бебешко // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2021. – № 3 (26). – С. 45–67.

2. Волков, Е.В., Сибиряков, И.В. Севастопольский судебный процесс 1947 года по делам о военных преступлениях: символические практики власти / Е.В. Волков, И.В. Сибиряков // Новый исторический вестник. – 2020. – № 4 (66). – С. 25–47.

3. Романько, О.В. Проблема военного коллаборационизма на территории Крыма в период немецкой оккупации (1941–1944): формирования, личный состав и особенности боевого применения // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны : материалы XIII Международной научной конференции (Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г.). – М. : Политическая энциклопедия ; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2021.

4. Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Крыму и на Кубани // Флаг Родины. – 1947.

Арсаева Амина Хасановна,
Еленевский Игорь Игоревич,
студенты 2 курса
Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА СУДЕБНЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Посягательства на конституционный строй представляют собой одно из самых радикальных проявлений экстремизма, угрожая национальной безопасности любого государства. Одной из наиболее значимых угроз

конституционным ценностям выступает реабилитация нацизма, что представляет собой нарушение фундаментальных принципов демократии и прав человека [1, с. 41].

Можно выделить следующие ключевые моменты, раскрывающие связь между идеологией и посягательством на основы конституционного строя и безопасность государства:

1. Нарушение принципа равенства всех перед законом.

Конституция Российской Федерации закрепляет принцип равенства всех перед законом независимо от национальности, расы, пола, религии и убеждений. Основной идеей нацизма является утверждение превосходства одной расы или нации над всеми остальными. Такое мировоззрение неизбежно ведет к дискриминации и угнетению представителей других этнических групп, лишая их равных возможностей и защищенных законом прав.

2. Подрыв основ демократического правления.

Нацизм предполагает наличие сильной централизованной власти, жестко контролирующей все сферы жизни общества. Эта концепция противоположна принципам парламентаризма, многопартийности и разделения властей, заложенным в современной российской Конституции. Политический режим, основанный на диктаторском руководстве и подавлении оппозиции, вступает в резкое противоречие с правами граждан свободно выражать свое мнение, объединяться в политические партии и участвовать в управлении государством.

3. Разрушение механизма защиты прав человека.

Одним из главных достижений современной цивилизации стало признание неотъемлемых прав каждого человека, зафиксированных международным правом и российским законодательством. Идеология нацизма же направлена на уничтожение индивидуальной автономии и замену личной ответственности государственным контролем. Установление подобной модели управления неизбежно приведет к созданию условий для массовых нарушений прав человека, репрессий и террора, аналогичных событиям времен Третьего рейха.

Российская Федерация последовательно проводит политику противодействия любым попыткам восстановления или реабилитации нацизма. Об этом свидетельствуют международные обязательства, принятые нашей страной, а также внутреннее законодательство, предусматривающее наказание за участие в нацистских организациях, пропаганду антисемитизма и других форм расовой ненависти. Принятие жестких мер по предотвращению рецидивов нацизма служит гарантией сохранения конституционного строя и безопасности государства [2, с. 12].

Рост числа попыток фальсификации истории, героизации нацизма и распространения неонацистской идеологии в информационном

пространстве представляет прямую угрозу основам конституционного строя России, исторической памяти и общественной безопасности, так как основывается на концепции расового превосходства, исключительности нации и полного подчинения индивидуума интересам государства. Такие идеи вступают в прямое противоречие с основными положениями Конституции Российской Федерации, провозглашающими верховенство прав и свобод гражданина, уважение человеческого достоинства и равноправие всех народов.

После Второй мировой войны во многих странах были приняты законодательные акты, запрещающие любые формы оправдания или одобрения нацизма, публичное отрицание или преуменьшение преступлений, совершенных нацистскими преступниками [2, с. 16]. В последнее время Запад принимает законы, оправдывающие действия нацизма, которые можно проследить в настоящее время в рамках проведения специальной военной операции. В.В. Путин: «Страны Запада сегодня оправдывают нацизм и геноцид гражданского населения. В данных условиях современности ключевым инструментом защиты конституционных ценностей становятся судебные и правоохранительные органы».

Совместно с иными правоохранительными ведомствами, органами прокуратуры принимаются меры по установлению обстоятельств вновь выявленных преступлений нацистов против мирных жителей. Следственными органами по данным фактам вне сроков давности возбуждаются уголовные дела в целях восстановления справедливости, увековечения памяти о героях, пострадавших от рук захватчиков, и осуждения военных преступников.

Правоохранительные органы осуществляют комплекс мероприятий по выявлению и пресечению действий, направленных на реабилитацию нацизма. К таким действиям относятся контроль над сетью Интернет, мониторинг социальных сетей и выявление экстремистских группировок, использующих символы и лозунги нацизма. Одним из примеров успешной работы правоохранительных органов является задержание членов радикальной группировки, обвиняемых в подготовке террористических актов и распространении националистической агитации. Так, по данным ФСБ, задержаны в девяти российских городах 16 сторонников украинского молодежного радикального сообщества «М.К.У.». Кроме того, МВД активно взаимодействует с органами прокуратуры и ФСБ, обеспечивая согласованность действий в рамках уголовного преследования лиц, занимающихся пропагандой нацизма. Важную роль играет профилактическая работа среди молодежи, направленная на формирование нетерпимого отношения к проявлениям экстремизма и насилия.

Наряду с правоохранительными органами судебная власть играет ключевую роль в обеспечении защиты конституционных ценностей путем

рассмотрения дел, связанных с распространением нацистской символики, литературы и материалов, оправдывающих преступления нацизма. Судебные решения служат ориентиром для правоохранительной практики и способствуют формированию общественного мнения относительно недопустимости распространения идей, направленных на разрушение демократического порядка и мира [3, с. 158].

Федеральный закон № 8-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» определяет ответственность за публичное отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге, либо распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Этот закон стал важным инструментом в противодействии попыткам переписывания истории и реабилитации нацизма.

Конституционный Суд неоднократно подчеркивал важность недопущения реабилитации нацизма, рассматривая дела, касающиеся вопросов исторической памяти и защиты достоинства жертв нацистских преступлений [4, с. 170]. Статья 29 Конституции РФ прямо запрещает пропаганду и агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Конституционный Суд указал, что этот запрет распространяется и на использование символов и атрибутов, ассоциирующихся с нацистским режимом. Использование таких символов нарушает нормы международного права и противоречит гуманистическим принципам современного общества.

Несмотря на то, что свобода слова и свобода выражения мнений являются важными элементами демократического общества, однако они не абсолютны. Конституционный Суд подчеркнул, что ограничения на свободу слова возможны в целях защиты нравственности, здоровья, чести и достоинства граждан, а также поддержания общественного порядка и безопасности [4, с. 174]. Соответственно, призывы к реабилитации нацизма или оправданию его преступлений рассматриваются как противоправные действия, ограничивающие право на свободное выражение мнений.

Таким образом, защита конституционных ценностей должна оставаться приоритетной задачей для всех ветвей власти. Только посредством строгого соблюдения закона и активного участия общественности возможно эффективно противостоять любым формам реабилитации нацизма, сохраняя мир и согласие в обществе. Правовые механизмы, действующие в настоящее время, предоставляют необходимые инструменты для защиты конституционного строя и безопасности государства.

Список использованных источников:

1. Вердиханова, А.Н., Голубкова, Н.И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях / А.Н. Вердиханова, Н.И. Голубкова // Наука. Общество. Государство. – 2022. – № 4 (40). – С. 39–43.
2. Краснов, Игорь Викторович. Роль прокуратуры Российской Федерации в реализации государственной политики по сохранению исторической памяти, противодействию подмене истории и распространению идеологии неонацизма // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 2. – С. 11–17.
3. Левандовская, М.Г. Реабилитация нацизма как преступление / М.Г. Левандовская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12 (52). – С. 155–162.
4. Усманов, И.М., Силаева, Н.А. Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества / И.М. Усманов, Н.А. Силаева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 168–175.

Белоус Полина Александровна,
студент 4 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Аметка Ф.А.)

ПРИНЦИП НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИТОГОВ ТОКИЙСКОГО И ХАБАРОВСКОГО ТРИБУНАЛОВ НАД УЧАСТНИКАМИ ОТРЯДА № 731

Актуальность темы исследования заключается в том, что права человека на современном этапе развития цивилизации являются высшей социальной ценностью, они гарантируются, охраняются как на международном, так и на национальном уровне. Однако важно помнить, что за многотысячный период становления и развития концепции прав человека и её воплощения в международном и внутригосударственном праве человечество прошло сложный путь борьбы, кровопролитных войн в борьбе за закрепление кодового права человека. Так, сегодня права человека в медицинской сфере воспринимаются обыденно и повседневно, однако закрепление этих прав прошло путь ужасных, нечеловеческих опытов, испытаний, истязаний.

Принцип равенства в правах независимо от расы, пола, цвета кожи также сегодня воспринимается как обычное право, но для его закрепления многие народы, нации и этносы прошли ужасающий путь становления от полного уничтожения, преследования, убийства в концлагерях по этническому признаку и т. д. В частности, Нюрнбергский трибунал заложил непререкаемые, фундаментальные принципы как международного, так и национального права, одним из которых является принцип неотвратимости наказания, сущность которого заключается в том, что каждый виновный в нарушении прав человека будет привлечён к ответственности, независимо от его занимаемой должности и иных факторов [2, с. 30]. Принцип неотвратимости наказания стал базовым для каждого цивилизованного государства, он означает, что ни одно преступное деяние не может оставаться нераскрытым и ни один преступник – избежать наказания.

Однако через 2 года «судом по-американски» не была реализована цель справедливого правосудия над японскими преступниками-садистами. Так, после окончания Второй мировой войны и учреждения в Токио военного трибунала в обвинении отсутствовал один немаловажный пункт – о японских разработчиках биологического оружия. Объяснялось это тем, что союзники не имели обширных и исчерпывающих сведений об этих программах, которые не складывались в убедительные доказательства. А хаос послевоенного времени якобы не позволял заняться поиском свидетельств. Несмотря на то, что советское обвинение передало главному обвинителю от США Джозефу Б. Кинану письменные показания японских военных Кавасима и Карасава о преступлениях по производству опытов над живыми людьми при испытании бактериологического оружия, эти документы по вине американского обвинителя так и не были озвучены [1, с. 66].

Таким образом, политически обоснованная «ошибка» американских союзников продемонстрировала избирательный подход к суду над одними из самых жестоких в мире военных «преступников-психопатов», не реализовав принципа неотвратимости наказания, в результате чего они долгое время продолжали свою работу по специальности, избежав ответственности во главе с руководителем отряда Сиро Исии. Многие сотрудники отряда № 731 получили учёные степени и общественное признание в США, например, Масадзи Китано. Получается, у США есть альтернативные подходы к реализации принципа индивидуализации и неотвратимости наказания за преступления отряда № 731 на Токийском трибунале? По подсчетам американского исследователя Дэниэла Баренблатта, всего на совести генерала Исии – от 700 тысяч до 1 млн человеческих жизней. Бесчеловечные врачи по своей жестокости превзошли зверства Третьего рейха, поскольку «слуги дьявола» осуществляли массовые издевательства над живыми людьми, не имея непосредственного отношения к подготовке

бактериологической войны: «Мы считали бревна ниже скотов», – рассказывали на допросе японские ученые [4, с. 154].

В связи с этим СССР был учрежден свой, честный, трибунал – Хабаровский процесс – суд над группой из 12 бывших военнослужащих японской Квантунской армии, обвинявшихся в создании и применении бактериологического оружия в нарушение Женевского протокола 1925 года в период Второй мировой войны. Государственным обвинителем на процессе был государственный советник юстиции 3 класса Л.Н. Смирнов, который заявил: «Значение этого процесса состоит в том, что он с необычайной ясностью показал звериное лицо разбойничьего японского империализма, в глубокой тайне подготовлявшего бактериологическую войну – одно из самых бесчеловечных орудий агрессии. Час, когда против человечества должны были быть брошены страшные силы неисчислимых миллиардов болезнетворных микробов, был совсем близок, и только стремительный, парализующий противника, сокрушительный удар вооруженных сил Советского Союза спас мир от ужасов бактериологической войны. Ваш приговор должен не только сурово и справедливо покарать преданных суду преступников и заклеймить злодеяния японских агрессоров. Этот приговор должен прозвучать как грозное предостережение для поджигателей новой мировой войны, таких же безжалостных и жестоких человеконенавистников, как и те, преступления которых будут осуждены вами. Пусть помнят все замышляющие новые злодеяния против человечества и готовящие новые средства массового человекоистребления, что мир не забыл уроков Второй мировой войны» [3, с. 93]. Именно в ходе Хабаровского процесса мир впервые узнал о готовящейся бактериологической войне, которую фактически предотвратило стремительное наступление Красной армии в ходе Дальневосточной кампании в августе 1945 г.

Послевоенные судебные процессы выявили значительную несправедливость в международной юридической практике. Однако «суд по-американски», обеспечив ключевым фигурам отряда № 731 судебный иммунитет в обмен на научные данные, добытые в ходе преступных экспериментов, позволил избежать наказания Исии Сиро и его коллегам. Хабаровский процесс в СССР, напротив, стал практическим воплощением принципа неотвратимости наказания за преступления против человечности, закреплённого в Уставе Нюрнбергского трибунала. В центре обвинения стояли преступления науки против человека по факту грубого нарушения норм международного права, включая запрет на использование химического и биологического оружия, тем самым был впервые поставлен вопрос о моральной ответственности извергов, называющих себя учеными и врачами, превративших знания в орудие пыток и смерти [5, с. 28].

Таким образом, деятельность отряда № 731 является ярким

примером крайней степени милитаристской агрессии и бесчеловечности в научно-технической сфере. Создание специализированной структуры для разработки бактериологического оружия, использование живых людей в качестве объектов экспериментов и последующее сокрытие информации свидетельствуют о системном характере преступлений и о необходимости глубокого историко-правового анализа данного феномена. В современных исследованиях данный эпизод рассматривается как ключевой элемент международного правового и этического дискурса о преступлениях против человечества. Освещение процесса в советской прессе, публикация архивов и свидетельств очевидцев стали шагом к реабилитации истины. С философско-правовой точки зрения Хабаровский процесс стал парадигмой осмысления преступления как отрицания человеческого бытия. Он показал, что международное правосудие должно выполнять не только карательную, но и онтологическую функцию – восстанавливать нарушенную гармонию между моралью, правом и историей.

Список использованных источников:

1. Бутрим, И.И. Правовое наследие Хабаровского процесса в международном гуманитарном праве / И.И. Бутрим // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-nasledie-habarovskogo-protsessa-v-mezhdunarodnom-gumanitarnom-prave (дата обращения: 25.10.2025).

2. Звягинцев, А.Г. Главный процесс человечества. Нюрнберг: документы, исследования, воспоминания. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – С. 29–34.

3. Материалы судебного процесса по делу высших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Государственное издание политической литературы, 1950. – 538 с.

4. Моримура Сэйити. Кухня дьявола. М. : Прогресс, 1983. 79 с.

5. Савенков, А.Н. Хабаровский процесс как важнейший этап реализации Нюрнбергских принципов и формирования международного уголовного правосудия / А.Н. Савенков // Государство и право. – 2021. – № 10. – С. 7–40.

Белянина Мария Михайловна,
студент 1 курса
Казанского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Ахунов Д.Р.)

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современном мире на фоне кризиса западной либеральной модели актуальность приобретает моральное лидерство, создание идеи будущего мироустройства. В этих условиях защита исторической памяти является одним из стратегических национальных приоритетов в области обеспечения национальных интересов Российской Федерации [1].

Память о Великой Отечественной войне и её результатах является важнейшей объединяющей идеей нашего общества. Сохранение исторической памяти в связи с этим событием и установление ответственности за посягательство на неё особо значимо в вопросах преемственности поколений и формирования будущего России.

Учитывая попытки насаждения чуждых идеалов и ценностей, фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, одной из значимых проблем, не утративших своей актуальности в XXI в., является транснациональная идеология фашизма и его наиболее радикальная форма – нацизм [1].

С момента криминализации реабилитации нацизма динамика зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 354^1 УК РФ, отмечается устойчивым ростом [2, с. 107–109], что указывает на наличие причин и условий различного уровня, способствующих продуцированию деструктивных идей.

Один из ключевых факторов, создающих возможность внедрения идей нацизма в общественное сознание, – социально-экономический. Существующие экономические противоречия, поляризация населения на фоне социального неравенства, условия санкционного давления, увеличение числа нелегальных мигрантов, сопряженное с ростом их криминальной активности, создают условия для точечного насаждения радикализма [2, с. 112].

Особую роль в детерминации реабилитации нацизма играет личность преступника. Исследования в этой области указывают на значимость внутриличностных деформаций идеологического, духовно-нравственного, психологического, культурно-воспитательного характера.

Покушение на историческую память в современной России особенно отчетливо проявляется в молодежной среде, наиболее подверженной

насаждению идей нацизма как одной из форм экстремизма. Протестные молодежные группы, склонные к ультраправым идеологиям, являются социальной базой для распространения неонацистской идеологии и формирования различных групп экстремистского характера [3, с. 26–27].

В современной России около 40% из общего списка экстремистских организаций составляют организации националистической направленности [4, с. 113]. В 2023 году в условиях беспрецедентного нарастания экстремистских и террористических угроз активизировалась работа всех уполномоченных органов по их предотвращению. Значительные усилия непосредственно прокуроров были сосредоточены на пресечении распространения в сети Интернет радикальной идеологии и ложных сведений, дестабилизирующих общественный порядок, число которых с началом СВО значительно возросло. За указанный период по требованию Генпрокуратуры противоправная информация удалена с более чем 270 тыс. сайтов. Список иностранных и международных неправительственных организаций, признанных по нашей инициативе нежелательными, увеличился более чем вдвое – до 128. Важно своевременно пресекать любые действия, направленные на возобновление их программ или проектов. Должна быть обеспечена неотвратимость уголовного наказания для тех, кто представляет угрозу нашей стране [5].

Нацизм в современных условиях в нашей стране существует, в том числе благодаря идеям в обществе экстремистского толка. Сообщества, образованные экстремистами, пытаются оправдать своё незаконное существование, из-за чего происходят попытки реабилитировать запрещённые законом идеи, в том числе нацистские. Основы общегосударственной позиции в области противодействия нацизму представлены в Уставе ООН, Конституции и Уголовном кодексе Российской Федерации, Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации. В данных документах содержится основа борьбы с экстремизмом.

Должному предупреждению реабилитации нацизма, безусловно, препятствуют проблемы законодательного регулирования и правоприменения. Базовая проблема – отсутствие в национальной правовой системе единой выработанной дефиниции нацизма и неонацизма, несмотря на имеющиеся доктринальные подходы. Отсутствие чёткого понятия затрудняет определение мер противодействия ему.

Таким образом, нацизм и его реабилитация сегодня угрожают состоянию защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз в интересах обеспечения защиты конституционных прав и свобод граждан, гражданского мира и

согласия, охраны суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности.

Общественная опасность нацизма и его реабилитации, формируя реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, обуславливает потребность дальнейшего научного исследования этой области, совершенствования уголовно-правовых и иных форм предупреждения, а также усиление роли правоохранительных органов в противодействии данному негативному явлению.

В условиях деструктивного формирования упрощенной картины объективного мира через медиаплощадки и девальвации морально-нравственных ценностей особую роль приобретают меры государственно-патриотического воспитания детей и молодёжи как будущего современной России. Перспективным представляется внедрение государственно-частного партнёрства в сфере противодействия нацизму через реализацию проектов различной направленности.

Современные доктринальные проблемы формируют запрос на создание методологической основы борьбы с реабилитацией нацизма, совершаемого с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий и технологий искусственного интеллекта, а также в связи с трансформацией нацизма в неонацизм.

Существенный потенциал противодействия реабилитации нацизма лежит, безусловно, в области совершенствования законодательного регулирования и правоприменения.

Список использованных источников:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

2. Советова, М.В. Криминологическая характеристика реабилитации нацизма / М.В. Советова // Вестник БелЮИ МВД России. – 2024. – № 4. – С. 106–113.

3. Вердиханова, А.Н., Голубкова, Н.И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях / А.Н. Вердиханова, Н.И. Голубкова // Наука. Общество. Государство. – 2022. – № 4 (40). – С. 21–32.

4. Дмитриев, Д.Б., Донская, О.Г., Литвинова, Ю.И. Реабилитация нацизма – криминологические предпосылки / Д.Б. Дмитриев, О.Г. Донская, Ю.И. Литвинова // Философия права. – 2024. – № 4 (111). – С. 111–116.

5. О состоянии законности и правопорядка в стране и о проделанной работе по их укреплению за 2023 год : доклад Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова на расширенном заседании

Коллегии, посвященном итогам работы органов прокуратуры за 2023 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2024 год. – Текст : электронный // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный телеграм-канал Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: https://t.me/genprocrf (дата обращения: 05.11.2025).

Бирюкова Наталья Юрьевна,
студент 2 курса
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Хаяли Р.И.)

ОТ НЮРНБЕРГА ДО СЕВАСТОПОЛЯ: ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОЗМЕЗДИЕ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 № 510 (ред. от 09.06.2025) «Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации» целями совершенствования системы государственно-патриотического воспитания являются:

– развитие и укрепление у работников прокуратуры таких личностных патриотических качеств, как любовь к Отечеству, стремление в служебной деятельности неуклонно защищать интересы государства, готовность к выполнению священного долга по защите Родины, обеспечение сохранения её исторического и культурного наследия, поддержание в обществе высокого авторитета прокуратуры;

– формирование у работников прокуратуры на основе высокого уровня культуры и правосознания мировоззрения, нацеленного на противостояние деструктивным действиям, направленным на оскорбление патриотических чувств, попыткам фальсификации российской и мировой истории, искажения и забвения исторической правды и памяти, духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, норм морали, защиту от негативного информационно-психологического воздействия;

– повышение эффективности деятельности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации посредством развития кадрового потенциала [1].

Великая Отечественная война – одно из самых кровопролитных событий XX столетия, которое унесло миллионы жизней беззащитных людей. Ни закон, ни мораль не остановили фашистов перед совершением различного рода преступлений: против человечества, мира и безопасности,

военных преступлений и т. д. Однако после окончания войны на территории СССР в 1943–1949 гг. начали проходить судебные процессы над фашистскими преступниками. Справедливость восторжествовала в 21 городе: Краснодаре, Краснодоне, Харькове, Смоленске, Брянске, Ленинграде, Николаеве, Минске, Киеве, Великих Луках, Риге, Сталино, Бобруйске, Хабаровске, Чернигове, Полтаве, Витебске, Кишиневе, Новгороде, Гомеле и Севастополе. На них были публично осуждены 252 военных преступника из Германии, Австрии, Венгрии, Румынии и других стран [2].

Выбор Севастополя в качестве места одного из судебных процессов был обусловлен несколькими обстоятельствами. Город в ходе войны был практически весь разрушен, как при обороне в 1941–1942 гг., так и при освобождении в мае 1944 г. Почти два года Севастополь находился под контролем оккупационных властей. В одном из указов, датированных маем 1945 г. и подписанных И.В. Сталиным, Севастополь наряду с Ленинградом, Сталинградом и Одессой был удостоен почетного звания «город-герой» [3].

Одним из первых шагов по подготовке к проведению судебного процесса стало сообщение Прокуратуры СССР от 19 октября 1947 года в городской газете «Слава Севастополя» о предстоящем событии. Спустя десять дней обвиняемые и следственные материалы, переданные Военному трибуналу Черноморского флота, были доставлены из Москвы в Севастополь. Дела рассматривал Военный трибунал Черноморского флота в составе: председательствующего судьи – генерал-майора юстиции Зайцева, членов трибунала – полковника юстиции Евсикова и подполковника юстиции Федорчукова, при секретаре лейтенанте юстиции Педорич, с участием государственных обвинителей – генерал-майора юстиции Камынина и подполковника юстиции Маркелова и защиты в лице адвокатов – Любимова, Татаринцева, Введенского, Гринева, Ерофанова, Михеева и Великотного [4].

К суду в Севастополе были привлечены 12 обвиняемых. Ключевой фигурой являлся бывший командующий 17-й немецкой армией генерал-полковник Эрвин Йенеке. Ему предъявили следующие обвинения: в сентябре 1943 г. в немецкий офицерский госпиталь в станице Старо-Титаровской, где также находился штаб 17-й армии, из станицы Горностаевской было доставлено 40 детей в возрасте от 6 до 13 лет, из которых врачи немецкого госпиталя выкачивали кровь для переливания раненым офицерам. В результате этой операции все дети погибли.

Во время эвакуации 17-й немецкой армии в Крым с Таманского полуострова по приказу Йенеке насильственно вывезли все трудоспособное население – 106 тыс. человек. В Крыму в октябре-ноябре 1943 г. и в апреле 1944 г. на основании отданных Йенеке приказов

расстреляли всех заключенных концлагерей и тюрем (всего около 6,5 тыс. человек). Согласно материалам следствия, по приказу генерала в ноябре-декабре 1943 г. для борьбы с партизанами была создана «мертвая зона» вокруг районов горного Крыма, в полосе Карасубазара (ныне Белогорска) до Бахчисарая, общей площадью 800 кв. км. В ходе операции по созданию этой зоны немецкие солдаты сожгли 30 деревень и расстреляли около 300 жителей, выселили свыше 2 000 человек, разграбили большую часть принадлежащего им имущества. К обвинительному заключению прилагались материалы ГЧК, и были заслушаны показания свидетелей. Однако генерал немецкой армии считал показания свидетелей сфабрикованными, оправдывая свои деяния условиями военного времени.

На скамье подсудимых оказался и капитан Адам Ган. Он, как гласили материалы следствия, осуществлял задержание и расстрелы некоторых категорий населения, определенных к уничтожению немецкими оккупационными властями в обязательном порядке. С октября 1943 г. по апрель 1944 г. капитан выполнял обязанности заместителя коменданта Бахчисарая. В ходе операции по созданию «мертвой зоны» по его приказу в селе Мангуш задержали, а затем расстреляли около 120 мужчин разного возраста, то есть практически все мужское население села. Ган также руководил отправкой из Бахчисарая в Германию почти 4 тыс. человек.

Ещё одним фигурантом процесса стал Эрнст Шреве, обер-лейтенант полевой жандармерии. С июля 1942 г. по май 1944 г. он являлся начальником полевой жандармерии Севастополя. Прибыв в только что захваченный немецкими войсками город, Шреве, как указывалось стороной обвинения, организовал облавы и расстрелы заранее определенных к уничтожению германскими оккупационными властями категорий населения города (от 1 тыс. до 1,5 тыс. человек). На суде ему были предъявлены обвинения в расстреле в конце июля 1942 г. в районе «4-го километра» (ныне ул. Хрусталева) 150 советских военнопленных из лагерного лазарета; в организации смертной казни через повешение 1 сентября 1942 г. на Пушкинской площади (ныне площадь А.В. Суворова) трех 15-летних подростков, обвиненных в саботаже. На очной ставке с одним из свидетелей Шреве сказал: «Мои жандармы по моему приказу арестовывали коммунистов, евреев и советских активистов, которых я затем передавал в «СД», где их расстреливали». Он признал себя виновным в разрушении городских зданий и коммуникаций Севастополя, но по другим пунктам только частично признал свою вину [5].

21 ноября 1947 г. на судебном заседании выступил военный прокурор Черноморского флота генерал-майор юстиции Д.Г. Камынин, потребовавший для всех подсудимых высшей меры наказания – 25 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях.

23 ноября 1947 г. Военный трибунал признал подсудимых Йенеке,

Виллерта, Кайбеля, Кинне, Альберти, Радатуса, Флеснера, Гуземана, Шреве, Гана, Брауна и Линеберга виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» и, руководствуясь ст. 320 УПК РСФСР и Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни», приговорил:

Йенеке Эрвина, Виллерта Отто, Альберти Гельмута, Кайбеля Пауля, Гана Адама, Кинне Пауля, Шреве Эрнста и Радатуса Фридриха к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на двадцать пять лет каждого; Флеснера Вильгельма, Брауна Бернгардта, Гуземана Рудольфа и Линеберга Фрица – к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на двадцать лет каждого.

Дальнейшая судьба осужденных сложилась следующим образом: они находились в местах лишения свободы около 8 лет. В 1955–1956 гг. по договоренности между правительствами СССР и ФРГ все оставшиеся в живых немецкие военнопленные были отпущены на родину. Известно, что генерал Йенеке уехал в Западную Германию, где в Кёльне прожил до 1960 г., вплоть до своей смерти.

После Севастопольского процесса продолжилось выявление и осуждение лиц, обвиняемых в военных преступлениях в Крыму: как в СССР, так и за рубежом. Например, Дело Эриха фон Манштейна, командующего группой армий «Дон» и «Юг», рассматривалось британским военным трибуналом в Гамбурге. В ходе этого процесса вскрылись подробности массовых расстрелов жителей в Евпатории после разгрома десанта в январе 1942 года. В декабре 1949 года фон Манштейн был приговорен к 18 годам заключения, но в 1953 году освобожден по состоянию здоровья [6].

«Севастопольский Нюрнберг» – не просто один из военных трибуналов, а событие, послужившее точкой опоры и достоверности фашистских преступлений, совершенных в годы Второй мировой войны. Это «живое» правосудие, вершившееся над немецкими преступниками, позволило пополнить судебную практику для советских судов и увековечить память о зверских злодеяниях фашистов.

Список использованных источников:

1. Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2022 № 510 (ред. от 09.06.2025) «Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации» // ЮИС Легалакт [Электронный ресурс] – URL:

https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-14092022-n-510-ob-utverzhdenii/ (дата обращения 18.10.2025).

2. «Севастопольский Нюрнберг» – без срока давности // Ассоциация юристов России [Электронный ресурс] – URL: https://alrf.ru/news/sevastopolskiy-nyurnberg-bez-sroka-davnosti-/ (дата обращения: 17.10.2025).

3. Указ Президиума ВС СССР от 08.05.1965 № 3566-VI / Редакция 18.07.1980 // [Электронный ресурс] – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_08.05.1965_№_3566-VI/Редакция_18.07.1980 (дата обращения: 17.10.2025).

4. Приговор № 53 Военного трибунала Черноморского флота по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Крымской области и на Кубани. Севастополь**,** 1947, С. 18.

5. Волков, Е.В., Сибиряков, И.В. Севастопольский судебный процесс 1947 г. по делам о военных преступлениях: символические практики власти / Е.В. Волков, И.В. Сибиряков // Новый исторический вестник, 2020. – С. 23. ВАК.

6. Кропотов, В.С. Оккупация Евпатории в 1941–1944 гг.: преступление без срока давности / В.С. Кропотов // История и археология Крыма. – 2016. – № 3. – С. 436.

7. История прокуратуры Крыма / Р.И. Хаяли, И.П. Задерейчук; под общ. ред. Н.Н. Колюки. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – 208 с.

Бисултанова Медина Ширваниевна,
Минчей Марлена Артышовна,
студенты 2 курса
Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В НЕДОПУЩЕНИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

В современных международных условиях наблюдается устойчивый рост случаев искажённого освещения событий Второй мировой войны. Как известно, данные попытки не являются случайными, они представляют собой целенаправленную деятельность по подрыву исторических основ российского государства [1, с. 45]. Попытки оправдания преступлений нацизма и коллаборационизма, героизация их пособников создают прямую угрозу исторической памяти, национальной безопасности и конституционному строю Российской Федерации. В результате этого возникает необходимость в консолидированном ответе государства,

важнейшая роль в котором отводится правоохранительным органам и, прежде всего, прокуратуре.

Ключевым нормативным правовым актом, криминализирующим реабилитацию нацизма, является Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» устанавливает уголовную ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а также за распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Следует подчеркнуть, что данная норма является прямым отражением правопреемственности России в отношении итогов Нюрнбергского процесса, имеющих непреходящее историко-правовое значение [2].

Реабилитация нацизма проявляется в разнообразных формах. Прежде всего, это публикации в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие оправдание идеологии и практики нацизма. Во-вторых, к данной категории преступлений относятся уничтожение или вандализм в отношении памятников, мемориалов и захоронений героев Великой Отечественной войны. Наконец, особую общественную опасность представляет фальсификация истории, в рамках которой действия СССР по освобождению Европы от нацизма приравниваются к преступлениям нацистской Германии. Таким образом, спектр противоправных действий весьма широк.

Социальная опасность реабилитации нацизма носит системный характер. Во-первых, происходит целенаправленное искажение исторической памяти, разрушающее духовные и моральные основы общества. Во-вторых, подрывается система патриотического воспитания молодёжи, что ведёт к дезориентации подрастающего поколения. В-третьих, как следствие, формируется идеологическая почва для роста экстремистских настроений и разжигания национальной розни, что представляет прямую угрозу общественной безопасности и целостности государства.

Деятельность прокуратуры по противодействию реабилитации нацизма имеет прочное нормативное обоснование. Согласно статье 129 Конституции Российской Федерации, прокуратура составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. Более детально полномочия прокуратуры регламентированы Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [3]. Правовую базу составляют также Уголовный кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных

правонарушениях и Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».

В сфере противодействия реабилитации нацизма прокуратура реализует ряд ключевых функций. Центральное место среди них занимает надзор за исполнением законов, направленных на борьбу с экстремизмом и реабилитацией нацизма. Прокуратура осуществляет координацию деятельности правоохранительных органов в данном направлении, что закреплено на законодательном уровне [3, ст. 8]. Важной функцией является инициирование уголовного преследования: при выявлении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ, прокурор направляет соответствующие материалы в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Не менее значим надзор за соблюдением прав и законных интересов граждан и организаций в ходе проводимых проверок.

Для эффективного выполнения своих функций прокурор использует широкий арсенал средств правового реагирования. В случае выявления нарушений закона прокурор вносит представление об их устранении в адрес должностного лица или органа. Если принимается незаконный правовой акт, прокурор приносит протест. В целях профилактики правонарушений применяется такое средство, как предостережение о недопустимости нарушения закона. Особое значение в современной реальности приобрел мониторинг СМИ и сети Интернет, в рамках которого прокуратура выявляет противоправные публикации и инициирует их блокировку через уполномоченные органы.

Правоприменительная практика по ст. 354.1 УК РФ и смежным составам преступлений активно формируется при непосредственном участии прокуратуры. Так, по материалам проверок, проведенных прокуратурами субъектов Российской Федерации, возбуждались уголовные дела в отношении граждан, размещавших в социальных сетях публикации, содержащие одобрение преступлений нацизма и отрицание фактов, установленных Нюрнбергским трибуналом [4]. В другом случае прокурорским вмешательством были пресечены действия по осквернению памятника воинам-освободителям, виновные лица привлечены к установленной законом ответственности.

Активная работа ведется и в виртуальном пространстве. По требованию Генеральной прокуратуры РФ Роскомнадзором ежегодно блокируются тысячи интернет-ресурсов, распространяющих запрещенную информацию экстремистского характера, в том числе реабилитирующую нацизм [5]. Данная деятельность является наглядным примером эффективного применения предоставленных прокуратуре полномочий.

Эффективность противодействия реабилитации нацизма многократно возрастает благодаря взаимодействию прокуратуры с

другими государственными органами. Прокуратура организует и координирует совместную работу с МВД, ФСБ, Роскомнадзором, а также с профильными министерствами, такими как Минпросвещения и Росмолодёжь. В рамках этого взаимодействия проводятся не только контрольные, но и профилактические мероприятия, включая информационно-просветительские кампании, уроки памяти и правового просвещения, направленные на формирование у граждан, особенно у молодёжи, устойчивого иммунитета к идеологии нацизма.

Центральная роль прокуратуры Российской Федерации в защите исторической правды не ограничивается надзорной и правоприменительной деятельностью. Важнейшим компонентом является системная профилактическая и воспитательная работа, направленная на формирование у молодого поколения устойчивого иммунитета к идеологии нацизма. Следовательно, правовое просвещение становится ключевым инструментом предупреждения преступлений, предусмотренных статьей 354.1 УК РФ [2].

Практическая реализация профилактической функции проявляется в организации лекций, семинаров и встреч прокурорских работников со школьниками и студентами. Так, например, управления Генеральной прокуратуры в федеральных округах регулярно проводят тематические мероприятия, посвященные историко-правовым урокам Нюрнбергского трибунала. На официальном интернет-портале Генпрокуратуры размещены специализированные разделы, содержащие историко-правовой контекст процессов и их значение для современной юридической практики [5]. Эта работа не только разъясняет законодательство об ответственности за реабилитацию нацизма, но и наглядно демонстрирует неотвратимость наказания за такие деяния.

Эффективность воспитательной работы многократно возрастает благодаря тесному взаимодействию прокуратуры с образовательными учреждениями, ветеранскими и молодёжными объединениями. Органы прокуратуры субъектов Федерации активно участвуют в историко-патриотических акциях и поддерживают поисковые движения. В частности, в преддверии 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне прокуратуры на местах организовали цикл просветительских мероприятий [6]. Подобные совместные действия создают естественный барьер против попыток фальсификации истории.

Необходимо подчеркнуть, что для обеспечения долгосрочной эффективности противодействия реабилитации нацизма требуются дальнейшие законодательные и организационные меры.

Во-первых, целесообразно уточнить понятийный аппарат ст. 354.1 УК РФ для устранения правовой неопределенности и повышения единообразия правоприменительной практики, что является предметом активного

обсуждения в научной литературе [7]. Во-вторых, в условиях цифровизации важно расширить оперативные инструменты прокурорского надзора за информационным пространством. Повышение скорости взаимодействия с Роскомнадзором и правоохранительными органами позволит своевременно пресекать массовое распространение запрещенных материалов.

Технологическое развитие требует создания в структурах прокуратуры аналитических подразделений, использующих технологии Big Data для мониторинга сетевых угроз. Кроме того, систематический обмен успешными региональными практиками между прокуратурами субъектов повысит качество расследований. Наконец, ключевым фактором является укрепление профессиональной подготовки прокурорских кадров через внедрение специализированных курсов, направленных на формирование навыков работы с информационными доказательствами, противодействия идеологии нацизма и взаимодействия с гражданским обществом.

Таким образом, прокуратура Российской Федерации выполняет многоплановую функцию, объединяя надзор, правоприменение и воспитательную деятельность в интересах охраны исторической памяти. Её роль в недопущении реабилитации нацизма является системообразующей.

В перспективе укрепление межведомственного взаимодействия, совершенствование законодательства и последовательная просветительская деятельность прокуратуры создадут надежный и устойчивый барьер против любых форм реабилитации нацизма, обеспечив правовую и историческую преемственность для будущих поколений.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями от 05.10.2022). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

3. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/

4. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/

5. Материалы правового просвещения по вопросам противодействия экстремизму и реабилитации нацизма : Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_467/activity/legal-education –

6. Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму и терроризму за 2023 год : Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_467/activity/nadzor/obzory

7. Денисова, А.В. Проблемы квалификации преступных действий по реабилитации нацизма (ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) / А.В. Денисова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2022. № 482. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupnyh-deystviy-po-reabilitatsii-natsizma-st-354-1-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii

8. Приговор Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси» (Нюрнберг, 1 октября 1946 года). – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Приговор_МВТ_от_01.10.1946

9. Краснов, И.В. Роль прокуратуры Российской Федерации в реализации государственной политики по сохранению исторической памяти, противодействию подмене истории и распространению идеологии неонацизма / И.В. Краснов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-v-realizatsii-gosudarstvennoy-politiki-po-sohraneniyu-istoricheskoy-pamyati-protivodeystviyu

10. Меркурьев, В.В., Рубцов, Д.И. Совершенствование уголовно-правовых средств. Противодействие фашизму и нацизму при нарастании угроз национальной безопасности России / В.В. Меркурьев, Д.И. Рубцов // Обозреватель – Observer. 2022. № 5–6 (388–389). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-ugolovno-pravovyh-sredstv-protivodeystvie-fashizmu-i-natsizmu-pri-narastanii-ugroz-natsionalnoy-bezopasnosti

Блаз Стефан Станиславович,
Девлетова Лилия Асановна,
студенты 1 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Мамченко Н.В.)

СУД НАД КОЛЛАБОРАЦИОНИСТАМИ В ПЕРИОД И ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Что происходит с государством и обществом, когда война выявляет среди граждан государства предателей? Когда одни граждане с оружием в руках защищают Родину, а другие, по различным причинам, надевают вражескую форму или помогают оккупантам? Именно этот мучительный

вопрос встал перед Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны и особенно остро – после её окончания. Данное проявление предательства принято называть коллаборационизмом.

Сотрудничество жителей оккупированных территорий СССР с врагом имело множество различных проявлений. Так, среди них можно отметить:

– военный (Российская освободительная армия, которая воевала под предводительством бывшего генерала Красной армии Андрея Власова с июля 1942 года против советских войск);

– экономический (Харьковский тракторный завод (ХТЗ), который до войны выпускал танки Т-34, в военный период был переориентирован на ремонт немецкой техники и производство запчастей для вермахта);

– административный (Локотский округ с собственной полноценной администрацией, полицией и судебной системой. Это был масштабный эксперимент по «самоуправлению» под немецким контролем);

– идеологический (идеологическая платформа Власова – программа для будущей России, которая была прямой альтернативой СССР. Основными идеями данной программы были: свержение советской власти, прекращение войны с Германией и союз с ней).

Это многообразие форм коллаборационизма требовало дифференцированного подхода к наказанию. Такой подход к наказанию коллаборационистов мы видим в официальных документах, регламентировавших репрессивную деятельность органов НКВД-НКГБ СССР на освобожденной территории.

Первым из таких документов стал приказ НКВД СССР № 001683 от 12 декабря 1941 года «Об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника». В соответствии с этим приказом, в круг обязанностей создаваемых в освобожденных районах территориальных управлений НКВД входило «через агентов, осведомителей и партизан, а также честных советских граждан установить и арестовать предателей, изменников и провокаторов, как состоявших на службе немецких оккупационных властей, так и способствовавших им в проведении антисоветских мероприятий и преследований партийно-советского актива и честных советских граждан... Выявляемых лиц, причастных к антисоветской работе, немедленно арестовать и предавать суду!» [1, с. 154–160].

Судебные процессы над лицами, совершившими военные преступления против СССР, а также их пособниками, были инициированы в Советском Союзе ещё в период Великой Отечественной войны и продолжались в послевоенные годы. Уголовной ответственности подлежали советские граждане, в той или иной степени сотрудничавшие с нацистскими оккупационными властями. С точки зрения международного

права военная оккупация представляет собой временное занятие территории государства вооруженными силами противника, при этом окончательное решение о статусе оккупированных регионов принимается по завершении военных действий посредством мирного договора.

В 1941–1942 годах нацистская Германия, оккупировав западные и юго-западные области РСФСР, внедрила там репрессивный оккупационный режим. В рамках насаждения своего «нового порядка» нацисты преследовали цель ликвидации российского присутствия в так называемой «Новой Европе». Подконтрольное им гражданское население привлекалось к принудительным работам для обеспечения нужд вермахта и Рейха, а также была развернута широкая система конфискаций и реквизиций. Для консолидации и поддержания оккупационного режима немецко-фашистские захватчики активно привлекали местный персонал [2, с. 108–113].

Самый известный судебный процесс в период Великой Отечественной войны над пособниками немецких оккупантов прошел в Краснодаре в июле 1943 года.

Летом 1943 года, всего через несколько месяцев после освобождения Краснодара от нацистов, в городе начался беспрецедентный судебный процесс. Это был первый в истории СССР открытый суд над фашистскими преступниками и их местными пособниками – членами зондеркоманды СС 10-А, руками которых были убиты десятки тысяч людей (свыше 60 000 чел.), в том числе с применением «душегубок», унесших жизни около 7 000 невинных граждан СССР.

Открытие Краснодарского процесса состоялось 14 июля 1943 года в здании кинотеатра «Великан». Процесс длился до 17 июля 1943 года и широко освещался в советской и международной прессе. В числе лиц, присутствовавших на суде, были рабочие и служащие предприятий и учреждений города, представители интеллигенции, колхозники и т. д., которые являлись либо пострадавшими, либо непосредственными свидетелями преступлений.

Обвиняемыми являлись 11 советских граждан, добровольно вступивших в немецкую вспомогательную полицию – так называемую «таблицу-команду». Среди них были Иван Котомцев, Григорий Тучков, Василий Тищенко и другие. Эти люди стали главными исполнителями карательных операций. Они активно участвовали в массовых облавах, арестах, пытках и уничтожении мирных жителей. На их совести – смерть как минимум 7 000 краснодарцев, включая женщин, стариков и детей. Именно они приводили в действие «душегубки» – газовые автомобили, в которых умерщвляли людей.

Государственное обвинение поддерживал генерал-майор юстиции Л.И. Яченин, подсудимых защищали назначенные судом адвокаты: С.К. Казначеев, А.И. Назаревский, В.И. Якуненко.

Было представлено множество доказательств, начиная от вещественных, заканчивая свидетельскими показаниями. Выжившие свидетели с ужасом рассказывали о зверствах оккупантов и их приспешников. Суд был не просто актом возмездия – он стал мощным актом разоблачения. Мир узнал о нацистских преступлениях из первых уст, задолго до Нюрнбергского трибунала.

Военный трибунал Северо-Кавказского фронта признал всех подсудимых виновными в государственной измене. Восемь человек (Тищенко, Речкалов, Пушкарёв и др.) были приговорены к смертной казни через повешение, троих (Тучкова, Павлова, Парамонова) – как менее активных пособников – к 20 годам каторжных работ. Приговор был публично приведен в исполнение на центральной площади Краснодара при огромном стечении народа.

Краснодарский процесс стал юридическим и моральным прецедентом. Он показал, что за сотрудничество с нацизмом и преступления против собственного народа последует неотвратимое и суровое наказание. Этот суд открыл дорогу для последующих процессов над коллаборационистами в других освобожденных городах СССР, демонстрируя справедливость и безукоризненность в данных делах [3, с. 149–152].

Одним из самых известных процессов над коллаборационистами в СССР был суд над генералом Андреем Власовым и его сподвижниками, состоявшийся 30–31 июля 1946 года. На скамье подсудимых оказалось 12 высших офицеров Русской освободительной армии (РОА), включая самого Власова, Георгия Жиленкова и Федора Трухина.

Все они обвинялись в государственной измене по печально известной 58-й статье УК РСФСР за добровольный переход на сторону нацистов и активную борьбу против СССР. Этот процесс был не просто судом над предателями, а масштабным политическим действом, призванным продемонстрировать беспощадность Советской власти к изменникам Родины.

В отличие от Краснодарского процесса 1943 года, процесс над Власовым и его соратниками проходил в закрытом режиме. О нем не сообщалось в газетах, не было публичной казни. Информация стала достоянием гласности только в годы перестройки. Это было связано с тем, что открытый процесс над высокопоставленными советскими генералами мог поднять неудобные вопросы о причинах коллаборационизма.

Подсудимые, включая Власова, вину признали полностью. Они не отрицали факта сотрудничества с Германией, но пытались объяснить его идейными соображениями – борьбой со сталинским режимом. Власов заявлял, что его целью было создание альтернативной, свободной России. Однако с точки зрения советского права это не имело значения – факт измены и службы врагу был налицо.

1 августа 1946 года все 12 подсудимых были признаны виновными и приговорены к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в тот же день в московской тюрьме.

Суд над власовцами стал символом жесткой, но с точки зрения советского закона неотвратимой расплаты за государственную измену в условиях войны. Он поставил юридическую и моральную точку в истории самого крупного и известного коллаборационистского движения с советской стороны [4, с. 234–246].

В заключение можно утверждать, что суды над коллаборационистами в СССР в период военного и послевоенного времени представляли собой сложный и масштабный феномен, сочетавший в себе законное стремление к справедливому возмездию и инструментализированную карательную политику государства. Эволюция этих процессов от публичных показательных судов 1943–1944 годов, призванных оказывать пропагандистское воздействие и демонстрировать неизбежность наказания для карателей и предателей, к массовой и в основном закрытой судебно-репрессивной машине после 1945 года отражает изменение приоритетов власти – от мобилизационных задач к системной «зачистке» общества и восстановлению тотального контроля. Используя гибкую, но суровую правовую базу (Указ от 19 апреля 1943 года и печально известную 58-ю статью УК РСФСР), советская судебная система проводила дифференциацию наказаний – от высшей меры для руководителей и наиболее одиозных фигур, как генерал Власов, до длительных сроков в лагерях ГУЛАГа для рядовых участников коллаборационных структур. Однако, наряду с бесспорным наказанием реальных военных преступников, эта система зачастую действовала в логике коллективной ответственности и внесудебных репрессий, без глубокого индивидуального подхода к мотивам и обстоятельствам обвиняемых. Таким образом, кампания по осуждению коллаборационизма стала не только актом исторической справедливости, но и мощным инструментом политико-идеологического укрепления сталинского режима, оставившим глубокий и противоречивый след в национальной памяти.

Список использованных источников:

1. Журавлев, Е.И. Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенное время / Е.И. Журавлев // Via in tempore. История. Политология. – 2013. – № 22 (165). – С. 154–160.

2. Ковалев, Б.Н. Свидетельские показания в уголовных делах коллаборационистов в России / Б.Н. Ковалев // Вестник НовГУ. – 2005. – № 33. – С. 108–113.

3. Чопова, В.Е. Краснодарский судебный процесс над пособниками немецко-фашистских захватчиков / В.Е. Чопова // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 4–2 (25). – С. 149–152.

4. Пученков, А.С., Романько, О.В., Машкевич, С.В. А. И. Деникин. Генерал Власов и «Власовцы» // НИР. – 2017. – № 2 (19). – С. 234–246.

Бродникова Анна Александровна,
курсант 3 курса
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

(Научный руководитель – Казанцева Е.В.)

ГЕРОИЗМ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война является одним из самых кровавых и жестоких событий XX века. Она выступила серьёзным испытанием для всего советского народа, невзирая ни на возраст, ни на регион проживания. Данное событие сплотило всё население, которое встало на борьбу за свою Отчизну с нацистскими захватчиками. Существенный вклад в годы Великой Отечественной войны внесли сотрудники советской милиции, которые с первых дней войны стали выполнять широкомасштабную деятельность на территории СССР. Помимо этого, значительную часть сотрудников мобилизовали на фронт, что в последующем повлекло значительное увеличение кадров органов внутренних дел за счёт лиц женского пола.

Женщины быстро овладевали необходимыми служебными навыками и знаниями, ответственно относились к своих служебным обязанностям, а также бдительно и стойко несли службу. Наиболее значимой являлась служба девушек-милиционеров на постах отдела по регулированию уличного движения в городах, которые были освобождены от немецких захватчиков.

7 июля 1941 года была опубликована Директива НКВД СССР, на основании которой в обязанности милиции, помимо имеющихся, включалось выполнение боевых задач по ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника, особенно в зоне ведения боевых действий.

Так, одной части сотрудников советской милиции довелось сражаться плечом к плечу с бойцами Красной армии против немецких захватчиков, а другой – продолжать осуществлять полномочия по охране общественного порядка и безопасности. Смелость, самоотдача и мужество являлись причиной совершения героических поступков.

Стоит отметить, что именно сотрудники органов внутренних дел выступали в роли диверсантов на территории тыла врага. Это было обусловлено тем, что на первоначальном этапе войны была существенная нехватка квалифицированных кадров для ведения диверсионной деятельности. Знание методов и тактики ведения оперативной работы, а также опыт ведения борьбы с преступностью позволяли сотрудникам милиции формировать ячейки подпольщиков-диверсантов.

Ситуация, сложившаяся в стране после начала Великой Отечественной войны, характеризовалась безостановочным увеличением уровня преступности и наступательными действиями вражеских войск, что послужило поводом для расширения полномочий органов милиции.

В период военного времени на милицию возлагались дополнительные функции, к которым относились: обеспечение эвакуации населения, промышленных предприятий, запасов продовольствия и других материальных ценностей; организация истребительных батальонов; борьба с распространителями слухов; учёт и мобилизация военнообязанных; участие в разминировании; зачистка населённых пунктов и территорий от остатков вражеских подразделений; обеспечение и контроль за соблюдением правил светомаскировки; борьба с трудовым и военным дезертирством. Необходимо сказать, что вышеперечисленный список не является исчерпывающим, поскольку в условиях военного положения и разрухи именно на милицию были возложены полномочия по обеспечению безопасности граждан во всех сферах жизнедеятельности.

Значима также деятельность крымской милиции в годы Великой Отечественной войны. Так, милиционерам довелось осуществлять широкий спектр деятельности, в которую входили: охрана общественного порядка, борьба с уголовной преступностью, участие в боях с немецко-румынскими захватчиками, участие в спецоперациях в составе партизанских отрядов.

Несмотря на приложенные усилия и ожесточённые бои, отстоять Крым ни у Красной армии, ни у НКВД не получилось. Эвакуация оставшихся кадров производилась на территорию Кавказа.

В апреле 1944 года совместно с Красной армией сотрудники милиции начали освобождать ранее захваченный полуостров. Велись тяжёлые бои с укоренившимися на территории Крыма врагами, но благодаря мужеству и самоотверженности героев-освободителей удалось отбить полуостров у противника.

После окончания боевых действий на полуострове началась активная работа по ликвидации разрухи и иных последствий войны. Сотрудники крымской милиции, помимо того, что стали возвращаться к выполнению своих привычных обязанностей, также участвовали и в процессе восстановления пострадавших населённых пунктов.

Стоит сказать, что благодаря отважному несению службы сотрудниками органов внутренних дел было спасено много людских жизней. Несмотря на усиленный порядок рабочего дня, обилие диверсантов и тяжелейшие условия жизни, они не предали присягу и осуществляли свой долг до последнего.

Таким образом, сотрудники органов внутренних дел своим личным участием внесли достойный и значимый вклад в победу над нацизмом. В годы Великой Отечественной войны подобных подвигов было совершено неисчислимое количество, а память о них будет увековечена не только в воспоминаниях последующих поколений, но и в истории. Можно с уверенностью сказать, что героические и мужественные поступки служащих находили своё место не только на полях военных действий, но и при обеспечении сотрудниками общественного порядка в городах и сёлах. История всегда будет помнить и хранить в себе миллионы подвигов сотрудников органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны.

Список использованных источников:

1. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. / Г.К. Жуков // Агентство печати Новости. – М., 1986. – 256 с.

2. Эриашвили, Н.Д. Подвиг советской милиции в годы Великой Отечественной войны / Н.Д. Эриашвили // Вестник Московского университета МВД России. – М., 2012. – № 5. – 120 с.

Буданова Диана Робертовна,
студент 1 курса
Казанского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Кафарова Р.Д.)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФЕКЦИОННОГО БИООРУЖИЯ НАЦИСТАМИ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Нюрнбергский процесс стал одним из ключевых событий в истории становления международного права. Решения правовых проблем и этических дилемм, ответы на самые трудные вопросы, с которыми столкнулись во время трибунала судьи и обвинители, стали одной из основ современного законодательства и продолжают оказывать влияние на современные судебные практики и международные трибуналы. Для нашей страны тема Нюрнбергского процесса особенно актуальна: в условиях современных конфликтов и гуманитарных кризисов уроки Нюрнберга как никогда важны для понимания справедливости и правосудия.

Так что же такое нацизм? Нацизм – политическое течение, в основе которого лежит идеология превосходства одной нации либо народа над всеми остальными и этим оправдывающая необходимость унижения или уничтожения остальной части человечества [2].

Нацистские преступления против человечности

В основе исследуемых преступлений лежала идеология нацизма, которая в уголовно-правовом смысле (применительно к статье 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)) представляет собой практику осуществления превосходства одной расовой или национальной группы над другой, ставившую своей целью полное либо частичное физическое уничтожение «оппозиционной» расовой, национальной либо этнической группы [1]. Нацистская идеология, основанная на расовом превосходстве и антисемитизме, рассматривала определенные группы населения как «недостойные» жизни. Евреи, цыгане, славяне, люди с физическими и психическими отклонениями подвергались систематическому преследованию и уничтожению. В этом контексте использование инфекционных заболеваний в качестве оружия массового уничтожения стало логическим продолжением бесчеловечной политики.

Использование и распространение инфекционных заболеваний, лагерная антисанитария, жестокие медицинские эксперименты и использование болезней как предлога для репрессий могут и должны рассматриваться как преступления против человечности. Статья 354.1 УК РФ, как и международное право, предоставляет юридическую основу для такой квалификации, охватывая убийства, пытки, бесчеловечные действия и преследование.

Использование инфекций как биологического оружия

Во время Второй мировой войны распространение инфекционных заболеваний было обусловлено широким рядом факторов. Среди наиболее опасных инфекций выделялись: тиф, малярия, дизентерия и туберкулез. Нацисты не боролись с этими заболеваниями, наоборот, использовали их как биологическое оружие, ставили различные эксперименты. Таковые проводились в концлагерях Дахау и Заксенхаузен. Эти опыты были частью программы по расовой гигиене, что в их идеологии вполне оправдывало такие жертвы.

Более активно разрабатывала и применяла биологическое оружие во время Второй мировой войны Япония, особенно широко делалось это в Китае. Печально известный отряд № 731 японской армии проводил чудовищные эксперименты над живыми людьми: заключенных заражали различными инфекциями (чумой, холерой, сибирской язвой, тифом, дизентерией) в целях изучения воздействия болезней на организм. Также

отряд № 731 осуществлял диверсии, что привело к гибели десятков тысяч людей [4, с. 206–211].

Однако в Нюрнберге не рассматривались преступления членов отряда № 731. Лишь в 1949 году прошел Хабаровский процесс, на котором судили 12 бывших военнослужащих Квантунской армии, причастных к действиям отряда № 731. Все подсудимые были признаны виновными в военных преступлениях и приговорены к срокам заключения в исправительно-трудовом лагере до 25 лет.

Нюрнбергский и Харьковский процессы

После окончания Второй мировой войны возникла острая необходимость в привлечении к ответственности виновных в чудовищных преступлениях. Два знаковых судебных процесса, в которых принимали участие советские юристы, Харьковский и Нюрнбергский, стали важными вехами на этом пути.

Хронологически первым стал Харьковский процесс, проходивший в 1943 г., – один из первых судебных процессов над нацистскими преступниками, организованный советскими властями с целью привлечь к ответственности нацистов за военные преступления, совершенные на территории СССР. Были предъявлены обвинения за массовые убийства мирных жителей, их пытки, разрушение городов и сел. Этот процесс показал зверства нацистов и стал важным этапом в документальном осуждении нацистских преступлений, а также подчеркнул роль советского правосудия в торжестве справедливости.

И всё же самым известным уголовным процессом против преступлений времён Второй мировой стал Нюрнбергский процесс – международный военный трибунал, длившийся с 1945-го по 1946-й годы и осудивший высших нацистских руководителей: Геринга, Кейтеля, Риббентропа и прочих. Их обвинили в заговоре в целях агрессии и совершения преступлений против мира, военных преступлений, преступлений против человечности.

Хотя в обвинительном заключении Нюрнбергского процесса не было отдельного пункта, посвященного «заражению инфекционными заболеваниями», эта практика подпадала под более широкое определение: «преступления против человечности». Согласно Уставу Международного военного трибунала, преступления против человечности включали «убийства, истребление <…> и другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения до или во время войны, <…> подпадающие под юрисдикцию Трибунала» [3].

Влияние процессов на современное право

Вообще, судебные процессы над нацистскими преступниками, особенно после Второй мировой войны, стали не только юридическими разбирательствами, но и глубокими этическими и моральными вызовами для всего человечества. Они стали классическим примером международного трибунала, который судил по законам, не существовавшим ещё на момент совершения преступления. Другим важным аспектом стала состязательность: осуждённые получили квалифицированную юридическую защиту. Тогда же зародилась идея индивидуальной ответственности в условиях тоталитарного режима: лидеры были признаны виновными за свои решения и приказы, даже если они действовали в рамках государственной политики. Всё это стало важными прецедентами для будущих судебных разбирательств и легло в основу правового регулирования многих вопросов.

Заключение

Нюрнбергский и Харьковский процессы заложили фундамент современного международного уголовного права. Были сформулированы и закреплены понятия «преступления против человечности», «военные преступления», «преступления против мира».

По примеру Нюрнберга были созданы Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международный уголовный трибунал по Руанде (МТР). Они продолжили развивать международное право, привлекая к ответственности виновных в геноциде и других зверствах. Это привело к созданию Международного уголовного суда – постоянного органа, призванного судить международных преступников всех стран.

Нацистские медицинские эксперименты – одна из самых мрачных страниц в истории медицины. В ответ на эти преступления был разработан Нюрнбергский кодекс (1947) – первый международный документ, устанавливающий этические принципы проведения медицинских экспериментов над людьми. Последующие документы закрепили основные принципы ведения медицинской деятельности, которые неукоснительно соблюдаются и сегодня.

Судебные процессы над нацистами стали не только юридическим, но и глубоким моральным уроком для всего мира. Главным их выводом стало неоспоримое утверждение ценности каждой человеческой жизни, независимо от расы, национальности, религии или других признаков. Геноцид и массовые убийства были осуждены как абсолютное зло.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. –

Ст. 2954. – Ст. 354.1.

2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – [Электронный ресурс]. – URL: https://gramota.ru/poisk?query=нацизм&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 05.11.2025).

3. Устав Международного военного трибунала (Принят в г. Лондоне 08.08.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XI. – М., 1955. – С. 165–179. – [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Преступления_против_человечества (дата обращения: 05.11.2025).

4. Мединский, В.Р., Чубарьян, А.О. Всеобщая история. 1914–1945 год. 10 класс. Учебник. Базовый уровень. ФГОС // Издательство «Просвещение». Москва, 2023. – 240 с.

Вересов Михаил Михайлович,
Растатурина Елена Сергеевна,
студенты 3 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Баркалова Е.В.)

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ СССР В ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ НА ТОКИЙСКОМ ТРИБУНАЛЕ

Окончание военных действий в Европе в ходе Второй мировой войны повлекло за собой объявление СССР войны Японской империи. 8 августа 1945 года советское правительство передало через посла Японии в Москве заявление, что считает себя в состоянии войны с Японией. В заявлении подчеркивалось, что СССР присоединяется к Потсдамской декларации о предложении союзников принять участие в военных действиях против японских агрессоров. 2 сентября 1945 года состоялась церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции милитаристской Японии. За столом переговоров разместились представители делегаций США, Великобритании, СССР, Франции, Китая, Австралии, Голландии, Канады, Новой Зеландии.

В результате победы на Дальнем Востоке встал вопрос об организации уголовного преследования японских военных и государственных деятелей [2, с. 95]. Важным этапом подготовки Токийского процесса над высшими должностными лицами милитаристской Японии явилось проведенное десятидневное московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

На нем вопросы наказания военных преступников были отнесены к полномочиям Верховного командующего союзных держав. Совещание проходило с 16 по 26 декабря 1945 года, а уже 19 января 1946 года генерал Макартур своим приказом учредил Международный военный трибунал для Дальнего Востока и утвердил его устав. В уставе была сформулирована задача Токийского трибунала: осуществление справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников на Дальнем Востоке. Устав воспринял многое из материалов Нюрнбергского процесса. Был выбран временной отрезок совершения преступных деяний с 1928 по 1945 год.

3 мая 1946 года в зале заседаний военного министерства в Токио состоялось первое заседание Международного трибунала. Председателем Международного трибунала был австралийский судья Верховного суда штата Квинслэнд У. Уэбб. Главным обвинителем на процессе выступал американский профессиональный судья Дж. Кинан. Членом трибунала от Советского Союза был член военной коллегии Верховного Суда СССР генерал И.М. Зарянов. В годы Великой Отечественной войны И.М. Зарянов сначала был председателем военного трибунала фронта, а с 1942 г. до августа 1945 г. служил начальником Военно-юридической академии Рабоче-крестьянской Красной армии, готовил кадры для органов военной прокуратуры и юстиции. Формально И.М. Зарянов обладал необходимыми юридическими знаниями и практическим судейским опытом для выполнения миссии в Токио, заслужил в целом уважительные оценки отечественных и иностранных коллег. Парадоксально, что именно он голосовал против применения к подсудимым японским военным преступникам смертной казни, так как на момент вынесения приговора данная мера наказания в СССР не применялась.

У каждой из стран-победительниц были свои претензии к подсудимым, руководству Японии. Претензии Советского Союза были изложены в специальном разделе обвинительного акта «Агрессия Японии против СССР». Каждая страна выделяла правоведов в качестве дополнительных обвинителей. От СССР группа дополнительных обвинителей была в составе трёх человек. Возглавлял её известный специалист по судоустройству и уголовному процессу член-корреспондент Академии наук СССР профессор С.А. Голунский, государственные советники юстиции А.Н. Васильев и Л.Н. Смирнов. Лев Николаевич Смирнов служил следователем прокуратуры, в том числе военной. Обладал значительным опытом расследования преступлений немецких фашистов на оккупированных территориях СССР. Активно участвовал в работе Нюрнбергского международного военного трибунала в качестве помощника главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко. На Токийском же процессе Л.Н. Смирнов убедительно доказывал причастность главных

японских военных преступников к агрессии против СССР в районах озера Хасан и реки Халхин-Гол. Примечательно, что позднее Л.Н. Смирнов в качестве государственного обвинителя участвовал в Хабаровском процессе [4, с. 253]. В подготовке к Токийскому процессу принимал активное участие ещё один помощник С.А. Голунского, в дальнейшем сменивший его на посту государственного обвинителя от СССР – Александр Николаевич Васильев. Он прошел суровую следственную и прокурорскую школу на различных должностях, в военные годы был заместителем прокурора РСФСР и прокурором г. Москвы.

17 января 1946 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О представителях СССР в суде над главными японскими военными преступниками» Сергей Александрович Голунский был утвержден Главным советским обвинителем. На основании докладной записки Прокурора СССР К.П. Горшенина на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова от 23.01.1946 в помощь С.А. Голунскому было определено пять обвинителей. Задача советского обвинения заключалась в разоблачении систематической агрессии Японии против СССР, которая началась задолго до начала Второй мировой войны. 2 мая 1946 г. С.А. Голунский направил Генеральному прокурору СССР К.П. Горшенину первый вариант судебного меморандума, касающегося агрессии Японии против СССР, в развитие положений к обвинительному акту «Агрессия Японии против Советского Союза». В обоснование документа легли показания свидетелей и письменные документы.

Выступление на Токийском трибунале началось со вступительной речи Сергея Александровича, далее помощник А.И. Иванов продолжил относительно захвата Маньчжурии и превращения её в военный плацдарм для нападения на СССР. Затем помощник В.С. Тадевосян осветил вопрос о пограничных инцидентах, а также о военных нападениях при Хасане и Халхин-Голе. Помощник А.Н. Васильев сообщил о сговоре между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией – с другой, для совместной агрессии против СССР и о дипломатическом сотрудничестве Японии с Германией во время войны. Последним выступил помощник С.Я. Розенблит по вопросу военного сотрудничества Японии с Германией во время войны (план «Кантокуэн» и оперативные планы Генерального штаба Японии против СССР, приведение в боевую готовность Квантунской армии). Участие помощников заключалось главным образом в оглашении выдержек из документов, протоколов допросов свидетелей, которые вызывались в суд, с соответствующими пояснениями.

Речь С.А. Голунского прозвучала 8 октября 1946 г. на русском языке с одновременной трансляцией по радиосети английского и японского переводов. Были представлены доказательства обвинения по разделу «Агрессия Японии против СССР», в числе которых были 174 документа,

включающие 24 письменных свидетельских показания. После этого были представлены доказательства по темам, которые Сергей Александрович направлял К.П. Горшенину. В конце полуторачасовой речи обвинитель от СССР заявил: «Понадобился сокрушительный удар Красной армии по сосредоточенным в Маньчжурии отборным японским войскам, чтобы зарвавшиеся японские империалисты наконец поняли, что проиграли войну. Они поняли, что побиты, да и трудно было не понять при том положении, в каком оказалась разгромленная и окруженная со всех сторон Япония, но до сих пор не признают и не хотят признать, что совершили преступление. Все как один заявили здесь на суде, что не считают себя виновными ни в чем. Это еще раз подчеркивает, что, если бы они оказались на свободе, если бы в их руках оказались необходимые средства, опять стали бы действовать точно так же, как действовали до сих пор» [3, с. 94].

Обвинительный акт по делу главных военных преступников Японии охватывал период с 1928 г. по 1945 г., однако в своей речи обвинители упоминали о событиях, предшествовавших обозначенному периоду. С.А. Голунский напомнил, что нападение в 1904 году на Порт-Артур было аналогично агрессии на Перл-Харбор [6, с. 33]. Та же внезапная атака без объявления войны под прикрытием происходящих в то время переговоров – не случайное совпадение, а метод агрессивной политики, японская военная доктрина, которой обучались целые поколения японских офицеров. В ходе процесса было доказано, что в период, охваченный обвинительным актом, японцы разрабатывали планы захвата советской территории, открыто пропагандируя их. Например, генерал Араки выражал сожаление о том, что японская интервенция на советском Дальнем Востоке 1918–1922 гг. не увенчалась успехом, и в 1941 г. настал удобный момент для захвата этих территорий. Советским обвинением были предъявлены доказательства того, как Япония пыталась осуществить мероприятия обширного плана шпионской и диверсионной деятельности в Маньчжурии. Также были представлены две японские карты района, где происходили халхинголские события: тщательно подготовленная военная агрессия, направленная против Монгольской Народной Республики и Советского Союза.

По окончании советской фазы обвинения Сергея Александровича отозвали в Москву [5, с. 69]. Несмотря на плохое самочувствие, он продолжил руководить подготовкой обвинителей и докладывать об этом Вышинскому. Нельзя не сказать о том, что после дипломатической работы с сентября 1954 г. по 1958 г. Сергей Александрович Голунский являлся директором Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР, который послужил базой для создания Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Не следует забывать, что в дальнейшем именно Голунский был руководителем рабочей комиссии Верховного

Совета СССР при подготовке проекта Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и не без его участия в Основах, а затем и в УПК РСФСР 1960 г. нашли отражение положения, прямо вытекающие из презумпции невиновности [1, с. 51].

В завершение отметим, что стенограмма Токийского процесса на русском языке составляет 44 тома, или 48 412 страниц. Становится очевидным, какую работу проделало советское обвинение, чтобы человечество узнало правду, а японские милитаристы были подвергнуты справедливому наказанию и их злодеяния никогда не повторились. Представленные доказательства показывают, что правящая клика Японии проводила агрессивную политику против СССР, совершала акты агрессии и в течение ряда лет подготавливала агрессивную войну больших масштабов против Советского Союза. Это был заключительный аккорд судебного слушания дела главных японских военных преступников в Международном военном трибунале для Дальнего Востока, который поддержал позицию Нюрнбергского трибунала почти дословно: «Было бы несправедливым не наказывать агрессора. Напротив, было бы гораздо более несправедливым, если бы агрессор остался безнаказанным».

К уголовной ответственности было привлечено 29 подсудимых: из них семеро были приговорены к смертной казни через повешение, шестнадцать подсудимых были приговорены к пожизненному лишению свободы. Оглашение приговора началось 4 ноября и завершилось 12 ноября 1948 года. 22 ноября 1948 года генерал Макартур утвердил приговор без изменений, а приведен он был в исполнение 23 декабря 1948 года.

Список использованных источников:

1. Божьев, В.П. Вопросы теории доказательств в трудах С. Голунского // Законность. – 2006. – № 3 (857). – С. 49–52.

2. Ерёмин, А.В. История отечественной прокуратуры : учебное пособие. – Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 136 с.

3. Жукова, П.Д. Роль обвинителя от Советского Союза С.А. Голунского в Токийском процессе / П.Д. Жукова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 2 (100). – С. 91–96.

4. Загвоздкин, Н.Н. Представители советской юстиции на Токийском процессе: люди и судьбы: материалы межвуз. науч.-практ. конф. «Историческое и правовое наследие Токийского и Хабаровского процессов в обеспечении безопасности человечества». – Владивосток: Дальневосточ. федер. ун-т, 2023. – С. 68–72.

5. Звягинцев, А.Г. Ветер возмездия. Уроки Токийского международного военного трибунала. – М. : Рипол Классик, 2019. – 312 с.

6. Колодкин, Л.М., Нечевин, Д.К. Нюрнберг и Токио: суды над военными преступниками / Л.М. Колодкин, Д.К. Нечевин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 3(39). – С. 29–34.

Возмителенко Дарья Дмитриевна,
студент 1 курса магистратуры
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Аметка Ф.А.)

ПСИХОЛОГИЯ ЖЕРТВ И ПРЕСТУПНИКОВ: НАЦИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

Психологические механизмы массовой эксплуатации, разработанные нацистской системой, не были искоренены, а лишь превратились в современные схемы торговли людьми. Радикальная дегуманизация, лежавшая в основе нацистской идеологии, позволяла рассматривать человека как «расходный материал» и создавать «психологический щит» для исполнителей через мощную пропаганду и установление ложной реальности [1].

Нацистский режим функционировал, используя моральное разобщение, при котором непосредственное совершение насилия было отделено от принятия решения. Жертвы лишались личности (им присваивались нашивки, номера), что приводило к выученной беспомощности и оправдывало уничтожение. Современная торговля людьми, хотя и мотивирована в первую очередь прибылью, наследует эту бесчеловечную инструментализацию [2].

В современных условиях этот принцип проявляется в так называемой реверсивной вербовке, когда жертвы используются в качестве исполнителей тяжких уголовных преступлений (например, поджогов военкоматов). Вербовщики применяют прием «мнимой безнаказанности», внушая несовершеннолетним и лицам в трудном положении, что они избегут серьезного наказания. Это приводит к тому, как настоящие заказчики остаются в безопасности, используя жертву как инструмент достижения цели преступным путём [4].

Другой ключевой механизм нацистской системы – лишение личности и воли через изоляцию и насилие – находит прямое отражение в случаях длительного незаконного лишения свободы, таких как, например, преступления «скопинского маньяка». Продолжительное заточение, потеря связи с реальностью и систематическое насилие приводят к развитию комплексного посттравматического стрессового расстройства (К-ПТСР),

что способствует развитию глубочайшего внутреннего разрушения личности, не исчезающего даже после физического освобождения [3].

Большое количество современных преступлений в сфере работорговли объясняется не только страхом жертв, но и системными виктимологическими характеристиками, включая уязвимость наименее защищенных групп (женщин, несовершеннолетних, малоимущих), незнание языка и страх перед уголовным преследованием (за проституцию или нелегальный статус). Недостаток социальной защиты, таким образом, становится современным аналогом стигматизации, препятствующим обращению пострадавших за помощью.

Нацистская пропаганда активно создавала миф о «добровольном работнике», ищущем лучшей жизни. Этот же психологический прием лежит в основе современной вербовки через ложные обещания высокооплачиваемой работы. Жертвы, обманом вывезенные в зоны конфликтов или принужденные к кибермошенничеству, попадают в механизм долговой кабалы. Их заставляют «отработать» транспортные и иные расходы, что смещает фокус с насилия на «долг» и заставляет жертву чувствовать себя виновной в нарушении «сделки» [5].

Идеологическим оправданием бесчеловечной эксплуатации в Третьем рейхе служила расовая теория. В современном обществе её функцию взяли на себя концепции социально-экономического детерминизма, перекладывающие вину за бедность и маргинализацию на самого человека. Общественные утверждения о том, что нищие «сами виноваты» или «добровольно выбрали такую жизнь», позволяют игнорировать эксплуатацию, снимая с общества ответственность за выявление и защиту пострадавших [6].

Таким образом, институциональные параллели между методами нацистского режима и современными схемами торговцев людьми прослеживаются в пяти аспектах: инструментализация жертвы, психологический контроль, скрытость преступлений (латентность), создание долговой кабалы и использование идеологии для оправдания уязвимости.

Анализ подтверждает, что психологические установки массовой дегуманизации лишь адаптировались к реалиям рыночной экономики, заменив расовую теорию осуждением со стороны общества. Это позволяет обществу нормализовать плохое обращение и перекладывать вину за уязвимость на самих жертв.

Для эффективной борьбы с современным рабством необходимо не только усиление уголовных мер, но и системное противодействие общественным стереотипам, оправдывающим виктимизацию. Требуется создать механизмы конфиденциальной правовой и социальной защиты, независимые от миграционного статуса или сопутствующих

правонарушений жертвы, а также внедрить специализированную психологическую поддержку для реабилитации лиц с К-ПТСР.

Список использованных источников:

1. Джой, Н.Э. Генеральная Ассамблея. Торговля людьми, особенно женщинами и детьми. Доклад специального докладчика / Н.Э. Джой. – М. : Информационный центр ООН, – 2011. – 34 с.

2. Нюрнбергский процесс : сборник материалов: в 8-ми томах. – Москва : Юридическая литература, 1987–1999. – (Т. 1–5).

3. Гостева, А. В Сети появилось первое интервью жертвы скопинского маньяка, которая после спасения исчезла для СМИ / А. Гостева // Life.ru : сетевое издание. – 2021. – URL: https://life.ru/p/1389410 (дата обращения: 08.11.2025).

4. Ивлиев, А. Бесплатный сыр: кто в России становится мишенью для вербовки СБУ / А. Ивлиев // НТВ.ру: сетевое издание. – 2025. – URL: https://www.ntv.ru/novosti/2925839/ (дата обращения: 08.11.2025).

5. Побег из «Золотого треугольника»: история о казахстанце, сумевшем сбежать из рабства в Мьянме // Sputnik Казахстан. – 2024. – URL: https://dzen.ru/a/ZbsX0Yd13w9zXvqd (дата обращения: 08.11.2025).

6. Ярдаева, М. Просто ленивые и тупые: откуда берутся маргиналы / М. Ярдаева // Газета.Ru: сетевое издание. – 2020. – URL: https://www.gazeta.ru/column/yardaeva/12922256.shtml (дата обращения: 08.11.2025).

Воронов Александр Александрович,
Рябоконь Владислав Евгеньевич,
студенты 2 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ В ОБЛАСТИ ПРИЗНАНИЯ И ОСУЖДЕНИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В современном мире мы нередко сталкиваемся с попытками политических сил разных стран пересмотреть результаты Второй мировой войны. Наблюдается тенденция фальсификации событий тех времен в целях преуменьшения заслуг советского народа.

Решением данной проблемы занимаются многие общественные организации, а также органы государственной власти Российской Федерации. Работа органов прокуратуры также направлена на

недопущение искажения исторических фактов, касающихся Второй мировой и Великой Отечественной войн. «Сегодня мы не имеем права допустить замалчивания злодеяний нацизма и должны, безусловно, сделать всё возможное, чтобы пресечь попытки искажения реальных итогов Второй мировой войны», – справедливо указал И.В. Краснов.

С февраля 2019 года по поручению Президента Российской Федерации Генеральной прокуратурой и другими ведомствами реализуется проект «Без срока давности». Данный проект направлен на сохранение истории о трагедии мирного населения Советского Союза. Органами прокуратуры организована масштабная работа по признанию преступлений тех лет преступлениями против человечности и геноцидом народов Советского Союза. В Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала преступления, совершенные немецко-фашистскими захватчиками, определены как преступления против человечности. В своей деятельности органы прокуратуры придерживаются подходов, установленных названным Уставом. Многие факты преступлений находятся в архиве, но органы прокуратуры активно занимаются деятельностью по рассекречиванию материалов о преступлениях нацистских карательных отрядов. Во многих субъектах Российской Федерации организована работа в рамках гражданского судопроизводства. Прокуроры подают заявления об информации военных преступлений нацистскими отрядами, а также о жертвах советского народа. Судебные решения, принимаемые по такого рода заявлениям, основываются на выводах Нюрнбергского трибунала и являются логическим продолжением последних. Таким образом, органы прокуратуры разъясняют мировому сообществу о тех нацистских преступлениях, направленных против человечества.

Одним из ярких примеров деятельности прокуратуры в данной сфере является предъявление прокурором города Санкт-Петербурга в Санкт-Петербургский городской суд заявления об установлении юридического факта признания блокады Ленинграда военным преступлением, преступлением против человечности и геноцидом национальных и этнических групп, представлявших собой население СССР. В ходе Нюрнбергского процесса материалы о блокаде Ленинграда не стали обособленным предметом рассмотрения, а учтены во всей совокупности преступлений нацистов на восточном направлении, а факт блокады лишь констатировался и не был признан военным преступлением… В рамках предъявления вышеуказанного иска проделан колоссальный объем совместной работы прокуроров, ученых, архивистов, были изучены тысячи листов документов архивов региональных и федерального уровней, в результате чего выяснилось, например, что основной целью немецко-фашистских захватчиков в отношении Ленинграда было полное уничтожение города с лица земли и истребление жителей, что количество погибших в

результате блокады значительно больше, нежели определено Ленинградской областной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, и составило около 1,093 млн человек, погибших непосредственно во время блокады. К тому же, благодаря современным исследованиям стало известно о негативном влиянии блокадного периода не только на здоровье ленинградцев, но и на последующие поколения, что позволяет говорить о долгосрочном воздействии блокады и значительном увеличении числа её жертв.

Итогом проделанной прокуратурой города работы стало вынесение 20 октября 2022 г. Санкт-Петербургским городским судом исторического решения об установлении факта признания блокады Ленинграда оккупационными властями и войсками Германии и их пособниками в период с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г. военным преступлением, преступлением против человечности и геноцидом национальных и этнических групп, представлявших собой население СССР, народ Советского Союза. Решение вступило в законную силу.

Далее рассмотрим деятельность прокуратуры Ленинградской области по доказыванию того, что развязанная нацистами война фактически была направлена на истребление населения СССР. Благодаря анализу документальных источников и собранной доказательной базе областной прокуратурой было установлено массовое и жестокое применение преступных методов, включая убийства большого количества детей, использование людей в качестве рабов. Кроме того, удалось определить число жертв, пострадавших от действий захватчиков: расстреляно 6 165 человек, повешено – 876, умерло после истязаний и пыток – 23 899, убито бомбами и снарядами – 2 063, погибло 109 955 военнопленных, подверглось арестам, побоям и насилию 16 497 человек, угнано в рабство – 276 635, получили тяжелые ранения при бомбардировках и артобстрелах – 281, а всего – 435 371 человек, одна пятая часть от населения современной Ленинградской области. По результатам проведенной Ленинградским областным судом работы 10 октября 2022 г. вынесено решение об удовлетворении заявления прокуратуры области.

Таким образом, деятельность органов прокуратуры Российской Федерации в рамках проекта «Без срока давности» играет ключевую роль в поддержании объективности истории о зверствах нацизма и страданиях советских людей. В ситуации, когда предпринимаются попытки переписать итоги Великой Отечественной войны и намеренно искажать исторические факты, юридическая фиксация геноцида, преступлений против человечества и военных преступлений становится особенно актуальной – это одновременно акт правосудия и средство защиты от забытья прошлого. Такая работа прокуратуры выступает гарантом

сохранности исторической памяти и показывает, что преступления против человечности не имеют срока давности.

Список использованных источников:

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации / [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e469380/

2. Генеральная прокуратура Российской Федерации / [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e478263/

3. Генпрокурор РФ выступил на конференции против преступлений геноцида [Электронный ресурс] : Генеральная прокуратура Российской Федерации. – URL: https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/genprokuror-rf-vystupil-na-konferenczii-protiv-prestuplenij-genoczida/

4. Об утверждении Порядка организации и проведения публичных слушаний по вопросу предоставления разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка и (или) объекта капитального строительства на территории Дмитриевского сельского поселения [Электронный ресурс] : решение Совета депутатов Дмитриевского сельского поселения от 26.04.2023 № 29 // Официальный портал Дмитриевского сельского поселения. – URL: https://dmitrievskoe-r31.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/184/1666/2_5244839540174124792.pdf

5. О мерах по противодействию преступлениям против мира и безопасности человечества, фальсификации истории в целях реабилитации нацизма и другим проявлениям экстремизма : доклад Генерального прокурора Российской Федерации И.В. Краснова на конференции «Противодействие преступлениям геноцида...» [Электронный ресурс] : Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/100599094-e5954056/

6. Суд Ленобласти рассматривает дело о геноциде в годы Великой Отечественной войны. – Парламентская газета [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: https://www.pnp.ru/social/sud-lenoblasti-rassmatrivaet-delo-o-genocide-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny.html

Гостинцев Никита Павлович,
курсант 1 курса Московской академии
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

(Научный руководитель – Солодовникова А.В.)

СОВЕТСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ «АНТИФАШИСТСКОГО» ПРАВОСОЗНАНИЯ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Вторая мировая война оставила глубокий след в памяти человечества. Победа над нацизмом и осуждение его идеологии стали ключевыми для послевоенного миропорядка, важную роль в котором сыграли судебные процессы над нацистскими преступниками. СССР провел серию открытых судебных процессов, начиная с Харьковского 1943 года. Эти процессы формировали «антифашистское» правосознание, признающее преступность нацистской идеологии и неотвратимость наказания. В постсоветском пространстве наблюдается эволюция этого правосознания: от стран с неизменным антифашистским нарративом до государств, где происходят деконструкция советской интерпретации истории и реабилитация сотрудничавших с нацистами движений.

Первые открытые судебные процессы над нацистскими военными преступниками и их пособниками на территории СССР начались ещё в разгар войны. Уже в декабре 1943 года состоялся Харьковский процесс [1, с. 34], на котором были осуждены трое немцев и один советский коллаборационист за массовые убийства мирных граждан. За ним последовали Краснодарский (1943), Киевский (1946), Ленинградский (1946), Минский (1946), Бобруйский (1947) и многие другие процессы [2, с. 11]. Эти суды отличались публичностью, широким освещением в средствах массовой информации, использованием показаний тысяч свидетелей и документальных доказательств.

С юридической точки зрения советские процессы стали важной вехой в развитии правовой мысли о военных преступлениях. Задолго до Нюрнберга они уже фактически оперировали понятиями, которые позже легли в основу международного уголовного права. Например, на Харьковском процессе обвиняемые были осуждены за «злодеяния, совершённые против мирных советских граждан и военнопленных» [1, с. 37], что по своей сути являлось квалификацией преступлений против человечности. Эти процессы акцентировали внимание на персональной ответственности за жестокость и массовые убийства, совершенные в отношении гражданского населения и военнопленных.

Целью этих судов было не только наказание виновных, но и формирование у населения чёткого правового и морального осуждения нацизма. Советская пропаганда активно использовала материалы

процессов для демонстрации преступной сущности нацистской идеологии и её носителей. Суды становились своего рода «школами правосознания», где на конкретных примерах раскрывались такие юридические категории, как военные преступления, преступления против человечности, геноцид (хотя термин ещё не был кодифицирован, его содержание уже осмысливалось), а также вопросы об ответственности за выполнение преступных приказов и пособничество врагу. Через судебные приговоры закреплялась идея о неотвратимости наказания за эти деяния, что стало краеугольным камнем послевоенного правового мышления [3, с. 145].

После завершения основных судебных процессов в конце 1940-х – начале 1950-х годов «антифашистское» правосознание в СССР не утратило своей актуальности, а, напротив, интегрировалось в более широкую систему государственной идеологии и культурной памяти. Оно стало одним из центральных элементов самоидентификации советского народа, пережившего Великую Отечественную войну. Правовые аспекты этого этапа проявлялись в законодательном закреплении.

Так, принципы, выработанные в ходе судебных процессов, нашли свое отражение в советском уголовном законодательстве – статьи, предусматривающие ответственность за военные преступления, пособничество врагу, измену Родине, активно применялись и дополнялись. Особое внимание уделялось борьбе с идеологическими пережитками, которые могли быть ассоциированы с нацизмом. СССР на протяжении всего послевоенного периода активно выступал на международной арене за недопустимость реабилитации нацизма и пересмотра итогов Второй мировой войны. Это находило отражение в международных инициативах и во внутренней правовой политике. Стоит отметить также роль образования и культуры. «Антифашистское» правосознание транслировалось через систему образования (учебники истории, правоведения), культурные произведения (кинематограф, литература), средства массовой информации. Молодые поколения воспитывались в духе непринятия нацизма как абсолютного зла, что формировало устойчивые морально-правовые установки [4, с. 89]. Судебные процессы заложили основу для системы правовых и идеологических мер, направленных на закрепление антифашистского правосознания в советском обществе.

Распад СССР в 1991 году ознаменовал начало нового этапа в эволюции «антифашистского» правосознания. Бывшие советские республики столкнулись с необходимостью формирования собственной национальной идентичности и переосмысления исторического прошлого. Этот процесс привел к появлению разнообразных и порой противоречивых подходов. В Российской Федерации в целом сохранялся и укреплялся антифашистский нарратив, унаследованный от СССР. Победа в Великой

Отечественной войне оставалась одним из центральных столпов государственной идеологии и исторической памяти.

Правовое закрепление: Россия продолжает выступать за недопустимость пересмотра итогов Второй мировой войны и реабилитации нацизма. Это нашло отражение в законодательстве, например, в Федеральном законе «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» от 2014 года [5]. Этот закон устанавливает уголовную ответственность за публичное отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, а также за распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Целью закона является защита исторической памяти и предотвращение возрождения экстремистских идеологий. В России активно развиваются программы по увековечению памяти жертв войны, проводятся исторические исследования, направленные на разоблачение нацистских преступлений и сохранение подлинной истории.

Однако на других постсоветских территориях ситуация развивалась гораздо сложнее, часто приводя к деконструкции унаследованного «антифашистского» правосознания. В странах Балтии (Литва, Латвия, Эстония) наблюдается тенденция к переосмыслению истории Второй мировой войны через призму «двойной оккупации» – советской и нацистской. Это привело к героизации националистических движений, которые в советское время считались коллаборационистскими. Например, проводятся шествия ветеранов Ваффен-СС, а советские памятники демонтируются. Правовое регулирование в этих странах направлено на осуждение «оккупационных режимов», включая советский, что вступает в противоречие с антифашистским нарративом [6, с. 210].

Уголовные дела против бывших советских партизан или ветеранов Великой Отечественной войны, приравненных к «оккупантам», становятся примерами правовых коллизий. После 2014 года процессы декоммунизации и переосмысления истории приобрели особую остроту на Украине. Закон Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики» 2015 года [7] приравнял советский режим к нацистскому, запретив их символику. Это привело к юридической реабилитации некоторых организаций и деятелей, которые в советской историографии однозначно считались коллаборационистами и пособниками нацистов (например, ОУН-УПА). Этот процесс, хотя и заявлен как борьба с тоталитаризмом, фактически способствовал размыванию «антифашистского» правосознания и созданию альтернативных исторических нарративов.

В Беларуси и странах Центральной Азии преимущественно «антифашистский» нарратив, связанный с Победой в Великой Отечественной войне, сохранил свое значение, хотя и с усилением национального акцента на вкладе собственного народа. Правовые системы этих стран, как правило, не пошли по пути деконструкции итогов Второй мировой войны, а скорее стремились интегрировать советское наследие в новую национальную идентичность. Эти различия в подходах к исторической памяти и правовому регулированию приводят к так называемым «войнам памяти», которые имеют серьезные политические и юридические последствия, усугубляя напряженность между государствами и препятствуя выработке единой позиции по ключевым вопросам международного права и исторической справедливости.

Советские судебные процессы над нацистскими преступниками заложили основы антифашистского правосознания, принципы неотвратимости наказания и воспитания неприятия экстремистских идеологий, став частью государственной политики и морали СССР. После распада СССР это правосознание трансформировалось – в России оно стало основой идентичности, укрепляя историческую память и консолидируя общество, а в Прибалтике и Украине произошла деконструкция или переосмысление этого наследия, что привело к реабилитации коллаборационистов и правовым коллизиям. Эволюция антифашистского правосознания отражает процессы формирования национальных идентичностей и геополитические сдвиги. Сохранение объективного подхода к истории и принципов международного антифашистского права остается важной задачей для международного сообщества.

Список использованных источников:

1. Абрамян, Э.А. Харьковский процесс 1943 года: правовой и исторический контекст / Э.А. Абрамян // Право и политика. – 2014. – № 5. – С. 34–40.

2. Звягинцев, А.Г. Нюрнбергский набат: судебный процесс над главными нацистскими военными преступниками. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2006. – 496 с.

3. Лебедева, Н.С. Судебные процессы над нацистскими преступниками в СССР / Н.С. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 5. – С. 143–150.

4. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 376 с.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников :

Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 мая 2014 г. № 19, ст. 2333.

6. Межевич, Н.М. Историческая политика стран Балтии и российско-балтийские отношения / Н.М. Межевич // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 1. – С. 208–216.

7. Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики : Закон Украины от 09.04.2015 № 317-VIII.

Давыдов Данил Дмитриевич,
Хилькович Мария Алексеевна,
студенты 2 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

КРАСНОДАРСКИЙ ПРОЦЕСС: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПОСОБНИКОВ НАЦИСТОВ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

История Великой Отечественной войны по-прежнему полнится темами для изучения, среди которых – судебная практика того времени. Процессы над нацистскими преступниками начались задолго до всеми известного Нюрнбергского трибунала. Ярким примером стал Краснодарский процесс в июле 1943 года, который представляет собой знаковое историческое событие, являясь первым в мировой истории открытым судебным процессом над пособниками нацистских военных преступников. Состоявшееся в период, когда Великая Отечественная война ещё продолжалась, это судебное разбирательство установило важные правовые и морально-политические прецеденты в области привлечения к ответственности за военные преступления и преступления против человечности. Центральная роль в нём принадлежала советской прокуратуре, которая выступала как обвинителем преступников, так и защитником интересов граждан. В современных условиях, когда угрозы экстремизма и терроризма приобретают новые формы, исторический опыт Краснодарского процесса сохраняет свою актуальность, предлагая ценные уроки для выстраивания эффективной системы противодействия этим опасным явлениям.

Краснодарский процесс состоялся в период с 14 по 17 июля 1943 года в освобожденном от немецко-фашистских захватчиков городе. Краснодар находился в оккупации с 9 августа 1942 года по 12 февраля

1943 года, и за этот период на территории города и края были совершены массовые военные преступления. Оккупационная администрация и карательные органы, в частности зондеркоманда СС 10-А, проводили политику систематического уничтожения мирного населения.

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков зафиксировала, что только в Краснодаре «было убито более 13 000 человек, в том числе около 7 000 человек погибло в «душегубках» [4, с. 8]. «Душегубки» представляли собой специально оборудованные автомобили для умерщвления людей угарным газом. Эти зверства стали основным предметом судебного разбирательства.

14 июля 1943 года в Краснодаре, в кинотеатре «Великан», начался открытый суд над одиннадцатью пособниками нацистов, чьи преступления омрачили жизнь региона. На скамье подсудимых оказались те, кто вместе с немецкими оккупантами совершал зверства. Хотя главные виновники – командующий 17-й немецкой армией генерал-полковник Р. Руофф и начальник краснодарского гестапо полковник Кристман – не предстали перед судом, их роль в организации массовых убийств была озвучена. Значительная часть обвиняемых входила в состав зондеркоманды, действовавшей при гестапо. Краснодарский край стал местом первых в истории массовых казней с использованием газенвагенов, передвижных газовых камер, унесших жизни около семи тысяч человек: арестованных гестапо, пациентов городской больницы и случайных прохожих, попавших под облавы. Среди жертв были и уважаемые жители города.

Судебное разбирательство вел Военный трибунал Северо-Кавказского фронта под руководством полковника юстиции Н.Я. Майорова, при участии Г.К. Захарьянца и Н.Н. Кострова. Государственное обвинение поддерживал генерал-майор юстиции Л.И. Яченин, а подсудимых защищали адвокаты Казначеев, Якуненко и Назаревский. На процессе присутствовали представители советской общественности, включая писателя Алексея Толстого и Героев Советского Союза Покрышкина и Глинку. После допросов обвиняемых и свидетелей доктор Прозоровский представил результаты судебно-медицинской экспертизы. Эксгумация 623 тел, среди которых были дети, женщины и старики, выявила ужасающие факты: 523 человека погибли от отравления угарным газом, а 100 – от выстрелов в голову.

В итоге «государственный обвинитель перешел к оценке индивидуальной вины подсудимых, обозначив требование смертной казни в отношении подсудимых Пушкарева, Мисан, Напцок, Котомцева, Кладова, Речкалова, Тищенко и Ластовина, преступления которых квалифицированы по ст. 58-1 «а» и ст. 58-1 «б» Уголовного Кодекса РСФСР. В отношении подсудимых Парамонова, Тучкова и Павлова, как

менее активных пособников главных обвиняемых, прокурор счел возможным не применять смертной казни» [4, с. 9].

Обязательным для рассмотрения, по нашему мнению, является вопрос о влиянии Краснодарского процесса на современную Российскую Федерацию. Данное судебное разбирательство показало, во-первых, какую силу имеет идеология нацизма и как при её широком распространении и использовании разрушаются государства и уничтожаются нации, а во-вторых, какую ответственность несут как организаторы подобных движений, так и их пособники, что, в свою очередь, фундаментально важно для современности, чтобы не допускать повторения истории и знать, в каких направлениях развивать противодействие экстремистским и террористическим идеологиям.

Если рассматривать вопрос влияния в углубленном смысле, пожалуй, следует обратить внимание на уголовное законодательство, на которое данный процесс повлиял. В Российском уголовном праве существует принцип индивидуализации ответственности, учитывающий и само преступление, и характеристику лица, которое его совершило. Этот самый принцип отразился в Краснодарском процессе, где индивидуализация уголовной ответственности применялась к преступлениям по идеологическим мотивам, а в наше время –по отношению к экстремистским и террористическим преступлениям.

В 1943 году на уровне официального источника не было закреплено определение понятия «экстремистская деятельность», и Краснодарский процесс фактически это нам предоставил, так как в суде были рассмотрены такие действия, которые сегодня расцениваются и подпадают под это определение, например, нарушение территориальной целостности или возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Российская судебная практика наших дней показывает, что такие преступления, как, например, терроризм или экстремизм, требуют от суда ещё большей внимательности и серьезности, они должны учесть как саму идеологическую составляющую преступления, так и личности самих нарушителей закона, их мотивы и цели. И корни этой практики уходят, конечно, в противодействие нацизму в середине XX века.

Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью утверждать, что Краснодарский процесс играет большую роль в становлении и развитии противодействия терроризму и экстремизму современности, конечно, ситуации настоящего и прошлого не идентичны, однако корень одинаков, и с пониманием опасности идеологий вражды и ненависти можно выстраивать пути противодействия им и их нивелирования.

Таким образом, подводя итог, хочется отметить, что качественное построение мирного и безопасного существования возможно, только если смотреть на настоящее и будущее через призму прошлого, этим прошлым

в данном случае является Краснодарский процесс 1943 года, который смог внести огромный вклад в развитие различных приемов и стратегий для улучшения эффективности противодействия экстремистским и террористическим преступлениям в современном мире.

Список использованных источников:

1. Михневич, А.В., Сокол, А.В. Политико-правовые особенности Краснодарского процесса 1943 года над пособниками немецких оккупантов / А.В. Михневич, А.В. Сокол // Вестник КРУ МВД России. – 2018. – № 4 (42).

2. Степаненко, С.Г. Деятельность Краснодарской краевой комиссии по установлению ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками экономике Кубани (август 1942 – октябрь 1943 года) / С.Г. Степаненко // Известия высших учебных заведений. – Северо-Кавказский регион. – Общественные науки. – 2010. – № 1. – С. 66–69.

3. Степаненко, С.Г. Судебное и внесудебное преследование пособников немецко-фашистских оккупантов в Краснодарском крае в 1943–1965 гг. / С.Г. Степаненко // Социально-гуманитарный вестник: Межвузовский сборник научных статей. Том Выпуск 2. – Краснодар : Краснодарский центр научно-технической информации, 2009. – С. 33–44.

4. Чопова, В.Е. Краснодарский судебный процесс над пособниками немецко-фашистских захватчиков / В.Е. Чопова // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 4-2 (25).

Даков Николай Степанович,
Михайлов Алексей Дмитриевич,
студенты 3 курса
Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Баркалова Е.В.)

НОВГОРОДСКИЙ ПРОЦЕСС

Историческая память многонационального российского народа является приоритетом государственной политики Российской Федерации. Сохранение памяти о важнейших и в то же время самых горьких страницах нашей истории занимает первостепенное место в деятельности граждан, хранящих память о подвигах своих предков, общественных движений и государства.

Нельзя забыть, стереть из памяти события Великой Отечественной войны. Нельзя забыть и простить те злодеяния, боль, что причинили нашей земле, нашим отцам, дедам и прадедам нацистские и фашистские

преступники. Круглогодично в Новгородской области проходят мероприятия, посвященные сохранению памяти подвигов советского народа в борьбе с нацистами и фашистами.

Новгородская область в годы Великой Отечественной войны имела стратегическое значение как важный узел на пути к Ленинграду и Москве. Территория региона стала полем ожесточенных боёв, длительной оккупации и масштабных разрушений. Здесь, на древней новгородской земле, нацистские оккупанты совершали многочисленные военные преступления против мирного населения – массовые расстрелы, сожжения деревень, пытки и уничтожение культурного наследия.

Новгородский процесс, состоявшийся после освобождения области, стал одним из первых судебных разбирательств, где были официально признаны и осуждены военные преступления нацистов на территории СССР. Его значение выходит далеко за рамки региональной истории: он стал важным этапом в формировании международного правосудия над преступлениями против мира и человечества.

Сегодня, когда в мире вновь обостряются дискуссии о правде и памяти о войне, обращение к материалам Новгородского процесса приобретает особую актуальность. Это – не только напоминание о цене победы, но и предупреждение о необходимости сохранять историческую правду и противостоять попыткам её искажения.

Новгородская область оказалась во время Великой Отечественной войны в одном из стратегически значимых, но крайне уязвимых положений: её территории образовывали ключевой подход к Ленинграду и выступали в качестве коммуникационного и тылового узла между северо-западными районами и центром. Оккупация части области (с августа 1941 г. до 1944 г.) и длительные карательные операции со стороны нацистских войск и их пособников привели к масштабным людским и материальным потерям, целенаправленному уничтожению мирного населения, систематическим расправам и уничтожению древних культурных ценностей региона. Именно на этой почве после освобождения возникла необходимость документировать преступления, установить круг виновных и подвергнуть их суду – в том числе в специально организованном Новгородском процессе в декабре 1947 года.

В период оккупации нацистские и фашистские захватчики в лице немецких, итальянских и испанских войск и организованные ими карательные отряды проводили политику террора, направленную на подавление сопротивления, на дисциплинирование тыла и на этническо-идеологические расчистки. На территории Новгородской области систематически фиксировались следующие виды преступлений:

1. Коллективные казни и массовые расстрелы мирного населения – при проведении «карательных операций» люди массово вылавливались из

деревень, увозились в лесные рвы или на заранее подготовленные полигоны и подвергались расстрелу.

2. «Выжигательные» операции: сожжения сотен деревень вместе с жителями – в ряде районов деревни полностью поджигались вместе с жителями или оставшимися внутри домов людьми; уничтожались экономические и социальные объекты: колхозы, заводы и фабрики, электростанции, больницы и школы.

3. Насильственный вывоз на принудительные работы в рабских условиях – значительное количество мирных жителей было угнано в Германию и на оккупированные территории для работ в условиях, близких к рабству. Здесь можно привести очень страшный к пониманию факт: до начала войны в Великом Новгороде проживало сто тридцать тысяч человек, но в 1944 году, войдя в освобожденный город, солдаты Красной армии насчитали тридцать человек.

4. Преступления против детей – похищение из семей, использование детей в рабском труде, случаи физического насилия и глумления.

5. Разорение культурных ценностей – грабежи, уничтожение архивов, библиотек, художественных и архитектурных памятников усиливало и без того тяжёлые последствия оккупации для памяти региона. Значительным образом пострадал новгородский Кремль от авиабомбардировок, Собор Святой Софии был использован нацистами в качестве конюшни, десятки церквей только по городу Великому Новгороду были подвергнуты разграблению, полному разрушению и сожжению. Знаменитый памятник Тысячелетия России был распилен нацистами на части и готовился к отправке в Германию. В Великом Новгороде не осталось ни единого уцелевшего здания. Уже после войны, видя то, что город фактически не подлежал восстановлению, некоторые члены Советского правительства настаивали на оставлении разрушенного города, и отсутствии возможности его восстановить. Более того, отдельные чиновники предлагали построить неподалеку новый город, но знаменитый архитектор Алексей Викторович Щусев отстоял восстановление города и лично руководил его возрождением. Под руководством А.В. Щусева новгородцы восстанавливали свой город, буквально поднимая его из обгорелых руин и пепла.

Совокупность действий нацистских и фашистских захватчиков рассматривалась как систематическая и целенаправленная политика насилия против гражданского населения и была впоследствии признана геноцидом советского народа на территории Новгородской области, по решениям Солецкого районного суда (2020 г.) и Новгородского областного суда (2025 г.).

После освобождения территории областные и центральные органы безопасности инициировали розыск и аресты лиц, причастных к карательным акциям. Следствие велось органами Министерства

государственной безопасности СССР и военной прокуратурой; материалы включали показания многочисленных свидетелей (выживших жителей), описи массовых захоронений, акты о разрушениях, фотографии и документы, изъятые при розысках. По объёму и глубине следствие по новгородским эпизодам было масштабным: в ряде публикаций отмечается, что материалы следствия заняли десятки томов (в отдельных источниках – десятки томов, отражающих объём собранных доказательств).

В декабре 1947 года в Новгороде был проведён открытый судебный процесс, на котором рассматривались обвинения против группы лиц, причастных к военным преступлениям в Новгородской области в период оккупации. Суд проходил в здании, где сейчас располагается Новгородская областная филармония им. А. Аренского (материалы процесса затем публиковались в региональной прессе и включались в сборники документальных публикаций). Судебная кампания преследовала как юридическую, так и воспитательно-политическую цель: подтвердить факты преступлений, восстановить историческую правду и обеспечить правосудие для жертв.

Обвинение излагало конкретные эпизоды карательных операций: массовые расстрелы мирных жителей в населенных пунктах и вблизи дорог и лесов, сожжение жилых массивов, депортации мирного населения на принудительный труд, факты издевательств и насилия над детьми, а также грабежи и уничтожение предметов культуры. В юридической квалификации эти деяния рассматривались как военные преступления и преступления против мирного населения, подпадающие под соответствующие нормы советского уголовного закона и специальные указы о наказании военных преступников. Доказательная база включала коллективные и личные показания потерпевших, акты вскрытия захоронений, описи уничтоженных объектов и документы, изобличающие участие подсудимых в карательных операциях.

На скамье подсудимых, по итогам следствия и набора материалов, оказалось 19 человек (военнослужащих и пособников оккупационного режима), обвинявшихся в совершении описанных преступлений. По результатам разбирательства в декабре 1947 года все подсудимые были признаны виновными; приговоры по делу были оглашены публично (в материалах процесса и региональной прессе приводится дата оглашения приговора – декабрь 1947 г.). В опубликованных сводках и архивных описях отмечается, что наказания были строгими и соответствовали тогдашнему применимому законодательству, – включая длительные сроки лишения свободы и иные меры уголовного преследования. (Полные текстовые копии приговора и приобщённых материалов хранятся в фондах Государственного архива Новгородской области и в региональном

сборнике «Без срока давности»; там же приведён подробный список подсудимых и формулировки обвинений по каждому эпизоду.)

На Новгородском процессе обвиняемыми были следующие лица: Герцог Курт, 1889 года рождения, генерал артиллерии, бывший командир 38-го армейского корпуса; Мюнх Фридрих, 1908 года рождения, капитан, бывший начальник группы полевой жандармерии 38-го армейского корпуса; Руппрехт Йозеф, 1897 года рождения, генерал-майор, бывший комендант полевой комендатуры № 607; Хаунспергер Ганс, 1895 года рождения, майор, бывший начальник отдела 1-й полевой комендатуры № 607; Доблер Петер, 1904 года рождения, лейтенант, бывший командир группы полевой жандармерии комендатуры № 607; Фишер Генрих, 1910 года рождения, майор жандармерии, бывший командир 561-го жандармского батальона; Винтер Карл, 1892 года рождения, майор, бывший комендант безопасности города Дно; Вильродт Пауль, 1892 года рождения, майор, бывший командир охранного батальона № 989; Геринг Йозеф, 1896 года рождения, подполковник, бывший командир охранного батальона; Франкенштайн Альберт, 1901 года рождения, лейтенант, бывший начальник полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321; Хаббе Фриц, 1908 года рождения, штабс-фельдфебель, бывший заместитель начальника полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321; Кайрат Иоганн, 1901 года рождения, штабс-фельдфебель, бывший начальник отряда полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321; Преслер Ганс, 1912 года рождения, фельдфебель германской армии, бывший жандарм ортскомендатуры № 1/321; Зассе Карл, 1896 года рождения, полковник, бывший комендант полевой комендатуры № 822; Мейер Бенно, 1917 года рождения, лейтенант, бывший начальник отделения 1-й полевой комендатуры № 822; Лантревиц Александр, 1893 года рождения, зондерфюрер, бывший переводчик комендатуры города Остров; Моль Вилли, 1910 года рождения, обер-фельдфебель, бывший командир 402-го жандармского взвода; Бройер Макс, 1894 года рождения, майор германской армии, бывший комендант ортскомендатуры города Идрица; Финдайзен Вернер, 1890 года рождения, полковник, бывший начальник карательного отряда при комендатуре тыла 16-й армии. Всех обвиняемых судили по указу Президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 года.

В состав суда вошли: председатель – И.Ф. Исаенков; М.П. Барышевский (полковник юстиции) и А.А. Маратов (полковник юстиции); Запасной член суда – И.И. Самсонов (полковник юстиции); Секретарь – А.Н. Проскуряков (майор юстиции).

Государственным обвинителем был военный прокурор В.З. Стрекаловский.

В качестве доказательств вины подсудимых использовались следующие факты: показания свидетелей (из числа советских граждан и военнопленных); признательные показания подсудимых (кроме Курта Герцога, который вину не признал), акты эксгумации с фотографиями. Материалы дела составили 54 тома.

Осужденные жаловались на оговор со стороны своего начальника – генерал-майора Йозефа Руппрехта. Майор Пауль Вильродт заявил, что его приговор был основан только на ложном утверждении Руппрехта. На Руппрехта жаловался после репатриации майор Карл Винтер, который говорил: «Проведение Новгородского процесса в том объёме, в каком он состоялся, оказалось возможным только потому, что генерал-майор Руппрехт, наш полевой комендант, не выдержал нагрузки предварительного следствия и признал всё то, что требовали от него русские».

По отношению к обвинению 19 подсудимых делились на три группы: полное признание вины – 6 обвиняемых (Карл Зассе, Карл Винтер, Петер Доблер, Фридрих Мюнх, Вилли Моль и Фриц Хаббе); частичное признание вины – 12 обвиняемых (Йозеф Руппрехт, Вернер Финдайзен, Ганс Хаунспергер, Йозеф Геринг, Генрих Фишер, Макс Бройер, Альберт Франкенштайн, Иоганн Кайрат, Ганс Преслер, Пауль Вильродт, Александр Лантревиц и Бенно Мейер), они признали вину в участии в карательных операциях, но каждый раз заявляли, что исполняли приказ командования; непризнание вины – 1 обвиняемый (Курт Герцог). Он не признал себя виновным ни по одному пункту.

Подсудимых защищали советские адвокаты по назначению: В.Н. Гаврилов, Н.П. Успенский, Ю.И. Карахан, Н.Я. Шарков, П.Н. Волков, Я.П. Кан, Н.А. Михеев.

18 декабря 1947 года был оглашен приговор, согласно которому все 19 подсудимых признавались виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьей Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и, руководствуясь статьями 319 и 320 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, приговаривались к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 25 лет каждый. В приговоре была предусмотрена возможность его обжалования – путем подачи кассационной жалобы в течение 72 часов.

Осужденные были отправлены в лагерь. В заключении умерли Курт Герцог и Йозеф Руппрехт. К 1956 году выжившие осужденные Новгородского процесса были репатриированы на родину.

Новгородский процесс 1947 года явился важнейшим по своей исторической и правовой природе, но не стал последним судом над нацистскими преступниками на территории Новгородской области.

Судебное разбирательство в порядке особого производства было организовано в форме выездного заседания в большом зале областной

филармонии имени Аренского – символическом месте, где ещё в 1947 году проходил суд над военными преступниками, и где, по словам врио губернатора Дронова А.В., «…мы вновь станем свидетелями важнейшего решения суда». Именно это место задавало тон: слушания планировались как публичное, мемориально-значимое событие, сопряженное с деятельностью прокуратуры, Следственного комитета, историков и поисковиков. Заявление в порядке особого производства в Новгородский областной суд было инициировано и направлено прокуратурой области по поручению Генерального прокурора РФ И.В. Краснова. Прокуратура просила признать геноцидом установленные и вновь выявленные преступления, совершенные нацистскими оккупационными властями и их пособниками.

Новгородский областной суд в составе председательствующего судьи Павловой Е.Б., с участием прокурора Новгородской области Швецова С.А., первого заместителя прокурора Новгородской области Россоловского П.А., начальника гражданско-судебного отдела прокуратуры Новгородской области Радченко Н.Г., начальника уголовно-судебного отдела прокуратуры Новгородской области Жукова Г.К. рассмотрел в порядке особого производства заявление об установлении факта, имеющего юридическое значение, о признании геноцидом установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных нацистскими оккупационными властями и их пособниками.

Ключевыми элементами, исследованными в ходе судебного процесса, стали свидетельские показания. В материалах широко процитирован бывший малолетний узник концлагеря Владимир Иванович Грачев; его слова перед судом использованы как иллюстрация реального опыта голода, лишений и массовой гибели: «…с этого времени мы все поняли, что означает слово «геноцид». 27 декабря 1941 года наша семья: дед, бабушка, я, брат, были выброшены из своего дома и увезены в Демянск… в концлагерь на «Поповом болоте» <…> Достаточно сказать, что с декабря по март месяц администрация лагеря не предоставляла нам ни пищи, ни воды, ни хлеба», – сказал свидетель. Он же подробно описал, как «чтобы выжить… еду приходилось искать в отходах, оставленных конями немецких солдат», и как в эшелонах людям на ночь вместо воды давали «отравленный кофе», в результате чего «большое количество мирного населения, не доезжая до пункта назначения, было мертво». Эти воспоминания были зачтены в зале и зафиксированы в протоколе показаний.

Помимо личных показаний, в деле фигурировали свидетельства очевидцев массовых эпизодов: трагедии в Жестяной Горке, лагере «Коммунар», расстрел пациентов Колмовской больницы, гибель детей в Лычково, Боровенке – перечисление таких эпизодов звучало в выступлениях и материалах дела и служило конкретизацией масштабных обвинений.

Суд подробно рассматривал три типа письменных доказательств:

1. Архивные документы периода оккупации (приказы, донесения, списки погибших и документы оккупационных органов).

2. Экспертные заключения историков и демографов (о масштабах потерь и о характере действий оккупантов). В материалах приводится экспертное заключение Национального центра исторической памяти (Е. Малышева) с выводами: общие потери региона в границах современной области составили не менее ≈309 тыс. человек, угнано в рабство не менее 169 767 человек, уничтожено не менее 186 760 военнопленных.

Ключевая точка в квалификации геноцида – доказательство именно целенаправленности политики уничтожения (наличие соответствующего умысла) и системного характера преступлений. В материалах дела суд отметил совокупность следующих обстоятельств как доказательства целенаправленности: массовые расстрелы и казни мирного населения (включая стариков и детей), целенаправленное лишение продовольствия и хозяйственной базы (конфискации урожая, принуждение к непосильному труду, лишение больных/инвалидов права на освобождение), организация транспортировок в нечеловеческих условиях (эшелоны, где люди умирали в пути), поджоги и разрушение инфраструктуры при отступлении. Суд видел в этой совокупности не разовые злоупотребления, а систематическую политику, «часть плана по уничтожению народов СССР», как было сформулировано в решении суда.

Суд сознательно опирался не на один тип доказательств, а на их сочетание – письменных источников, экспертных выводов и массовых свидетельских показаний. Такое смешение методов использовалось для минимизации рисков, связанных с фрагментарностью отдельных документов или субъективностью воспоминаний: где одни документы не содержали прямого «приказа» об истреблении, их место занимали экспертные выводы о политике оккупационной администрации и массовые свидетельства о систематике преступлений.

В прениях прокуратура целенаправленно поднимала вопрос о том, что ряд ранее рассматривавшихся процессов (включая Нюрнбергский трибунал и региональные дела) не дал такой широкомасштабной квалификации, какой требует нынешний состав материалов. Суд рассмотрел аргументы, сопоставил историко-демографические выкладки и сделал правовую интерпретацию: «Признать установленные действия <…> геноцидом национальных и этнических групп как часть плана по уничтожению народов СССР» – формулировка, обозначенная в судебном решении. Эта формула отражает логическую структуру мотивации: (а) наличие массовых и систематических актов насилия; (б) демографические потери в сотнях тысяч человек; (в) свидетельства о намерении подорвать саму возможность выживания населения (голод, депортации, уничтожение инфраструктуры) –

всё это в совокупности позволило суду заключить о наличии геноцидного намерения.

Экспертные подсчёты явились важнейшей «нагрузкой» на доказательную шкалу: в материалах приводятся альтернативные, но сходные оценки общей потери (в разных источниках – «более 309 тыс.», «свыше 495 тыс.»; в материалах заседания и в выдержках выступлений приводились и разные агрегации в зависимости от методологии и границ учёта). В тексте решения суд учитывал экспертные заключения и прозвучавшие в заседании цифры как одну из существенных предпосылок признания масштабного характера преступлений и их плановой природы. Было обозначено, что размер причиненного Новгородской области ущерба в переводе на текущий курс составил более 48 триллионов рублей.

Сам формат выездного заседания в филармонии, массовое участие свидетелей, выступления митрополита и губернатора – всё это сделало процесс одновременно судебным и общественно-мемориальным актом. Судебное решение, вынесенное публично, призвано было не только разрешить юридический вопрос, но и легитимировать коллективную память региона и страны. В речи представителей власти неоднократно подчёркивалась идея «восстановления исторической справедливости».

Данное судебное разбирательство стало примером комплексного подхода к подготовке доказательственной базы: от сбора архивов и экспертных вычислений до публичных свидетельских рассказов и мотивированного правового вывода. Суд, опираясь на совокупность архивных источников, экспертных заключений (включая данные о потерях), свидетельских показаний и анализ международных и региональных прецедентов, сформировал устоявшуюся картину преступной политики оккупантов. Финальная формулировка о признании действий немецко-фашистских захватчиков и их пособников геноцидом была зачитана в зале – документ, который зафиксировал не просто юридическое решение, но и историко-мемориальное суждение о том, что пережили жители новгородской земли в годы оккупации. Этот акт правосудия фиксирует не только юридические выводы, но и историческую весть о масштабах страдания – о семьях, разрушенных общинах и поколениях, для которых последствия оккупации стали частью жизненного опыта.

В заключение к вышесказанному необходимо отметить, что описанные выше судебные процессы явились важнейшими событиями в истории отечественного правосудия. Именно здесь произошло признание страшных действий нацистов по уничтожению мирных советских граждан и военнопленных геноцидом. Наше поколение, как правопреемники и наследники единого многонационального советского и российских народов, обязаны чтить память о тех событиях, о страданиях, причиненных

нашей земле, и не допустить повторения этого ужаса. У таких злодеяний нет срока давности. Их нельзя забыть и нельзя простить.

Список использованных источников:

1. Архивные документы // Без срока давности. Военные преступления на новгородской земле в 1941–1944 годах. – URL: https://expo.novarchiv.org/expo/2020/03/ (дата обращения: 01.11.2025).

2. Новгородский областной суд признал преступления нацистов геноцидом // 53 Новости URL: https://53news.ru/novosti/oblastnoj-sud-priznal-prestupleniya-naczistov-na-novgorodskoj-zemle-genoczidom.html (дата обращения: 30.10.2025).

3. Перечень процессуальных документов Новгородского процесса 1947 г. // Федеральный архивный проект: Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны. – URL: https://victims.rusarchives.ru/novgorodskiy-process?page=1 (дата обращения: 30.10.2025).

4. Новгородский судебный процесс // РуВики: интернет-энциклопедия. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Новгородский_судебный_процесс (дата обращения: 01.11.2025).

5. Пресс-служба // Солецкий районный суд Новгородской области URL: https://solecky--nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 01.11.2025).

6. Орлов, А.С., Георгиев, В.А., Георгиева, Н.Г. История России : учебник. – 5-е изд. – М. : Проспект, 2024. – 552 с.

Даниелян Светлана Аветиковна,
студент 5 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Осадчук Е.А.)

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Согласно ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [1]. Историческая правда представляет собой

совокупность установленных исторических фактов о прошлом, максимально объективно оцененных, но не лишенных субъективного взгляда на них.

Необходимо разобраться, являются ли термины «историческая память» и «историческая правда» тождественными? В чем заключается их различие?

Сперва рассмотрим термин «историческая память». Под ним понимается совокупность представлений, образов, мифов, оценок о прошлом, которые существуют в сознании как всего общества, так и отдельного человека. Целью исторической памяти является объяснение, оценка исторических событий, субъективное восприятие прошедших событий отдельно взятым человеком. Каждый член общества формирует свою историческую память, основываясь на своих знаниях, воспитании, психологической зрелости.

Теперь перейдем к термину «историческая правда» – это стремление к максимально точной, полной и объективной реконструкции прошедших событий на основе критического анализа всех доступных источников, например, архивных документов, артефактов и др. Целью исторической правды является необходимость понимания прошлого, того, каким образом происходили события, в какой последовательности, каким образом они отразились на будущем. В данном случае не рассматривается субъективная сторона восприятия, «правда» формируется исключительно с объективной точки зрения, на конкретных фактах.

Несмотря на различие вышеуказанных терминов, общее в них всё же есть – это сохранение истории нашей страны. Для достижения данной цели государство реализует политику по сохранению исторической памяти. Важную роль в обеспечении данной деятельности играют органы прокуратуры Российской Федерации, а также Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

В первую очередь рассмотрим роль органов прокуратуры. Так, в своей научной статье «Роль прокуратуры Российской Федерации в реализации государственной политики по сохранению исторической памяти, противодействию подмене истории и распространению идеологии неонацизма» Краснов Игорь Викторович отметил: «В обстановке трансформации и обострения вызовов и угроз национальной безопасности прокуратура Российской Федерации находится на переднем рубеже обеспечения государственного суверенитета, защиты основ конституционного строя и традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2, с. 2]. В данной работе освещаются все возможные формы реализации государственной политики по сохранению исторической памяти.

Представители надзорного ведомства повсеместно навещают фронтовиков и тружеников тыла, блокадников, вдов участников войны и

детей войны, обеспечивают уход за местами захоронения героев Великой Отечественной войны.

Предоставленными законом средствами прокурорами ведется работа по обеспечению охраны памятников истории времен Великой Отечественной войны, принимаются меры по их восстановлению и поддержанию в надлежащем состоянии. Регулярно проводятся проверки исполнения федерального законодательства при обеспечении благоустройства воинских захоронений. Благодаря принимаемым мерам прокурорского реагирования пресекаются многочисленные нарушения.

Работа прокуратуры совместно со специалистами из самых разных профессиональных областей – следователями, архивистами, поисковиками, судебно-медицинскими экспертами – позволяет восстановить историческую справедливость. На решение этой задачи направлена реализация в России беспрецедентного проекта «Без срока давности», посвященного сохранению исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Игорь Викторович отмечает, что «особое значение имеет деятельность по установлению фактов геноцида народов Советского Союза со стороны немецко-фашистских захватчиков и их пособников. По заявлениям прокуроров в целях защиты национальных интересов Российской Федерации, законных прав и интересов граждан, а также последующего доведения до мировой общественности информации о жертвах оккупантов и карателей в годы Великой Отечественной войны на основании материалов, собранных Следственным комитетом Российской Федерации, судами вынесено уже 27 соответствующих решений. В период 2020–2024 гг. такие судебные процессы состоялись в республиках Адыгея, Карелия и Крым, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках, Донецкой и Луганской Народных Республиках, Краснодарском и Ставропольском краях, Белгородской, Брянской, Волгоградской, Воронежской, Калининградской, Калужской, Курской, Липецкой, Ленинградской, Московской, Новгородской, Орловской, Псковской, Ростовской, Смоленской, Тверской и Тульской областях, г. Санкт-Петербурге. В 2024 г. ещё в ряде регионов организованы поиск и рассекречивание архивных документов, а также сбор доказательств совершения нацистской Германией и её союзниками преступлений против советских граждан, на основании которых будут направлены соответствующие заявления в суд» [2, с. 5].

Судебные акты по искам прокуроров являются логическим продолжением приговора Нюрнбергского трибунала и решений последующих судебных процессов над нацистскими преступниками и их пособниками.

Таким образом, прокуратура Российской Федерации играет универсальную роль в обеспечении национальных интересов, в том числе по сохранению исторической памяти, что обусловлено вневедомственным, межотраслевым и координирующим характером её деятельности.

Теперь перейдем к рассмотрению роли Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в реализации государственной политики по сохранению исторической памяти. Для освещения данного вопроса обратимся к статье «Право на память» Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Москальковой Татьяны Николаевны.

Омбудсмен акцентировала внимание, что «сохранение исторической памяти – не только проявление уважения к славному прошлому страны и поколениям предков, которые её собирали, строили и защищали. Это – гарантия единства народа и суверенитета государства» [3, с. 20].

Также Татьяна Николаевна в своей работе упомянула о таких знаменитых и оставивших след в истории нашего государства и не только военных трибуналах, как Нюрнбергский, Токийский, Хабаровский.

Первый из трибуналов – и по времени, и по значимости – Нюрнбергский процесс признал агрессию тягчайшим уголовным преступлением и как уголовных преступников наказал немецко-фашистских нелюдей, виновных в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн.

Продолжением Нюрнберга стал Токийский процесс – суд над японскими военными преступниками.

Следующим стал Хабаровский процесс над группой бывших военнослужащих японской армии, затеявших производство бактериологического и химического оружия, – извергами, с легкой руки которых хладнокровно уничтожали и пытали людей, проводили над ними ужасающие опыты.

Главный урок этих «судов народов» заключается в напоминании всем нам о страшной трагедии, грозившей всему миру, о подвиге наших соотечественников и других объединенных наций, о значимости решений состоявшихся судов для миллионов судеб человечества. Обвинительные приговоры на этих процессах подтвердили, что террор и агрессия, направленные против мирного населения, никогда не остаются безнаказанными.

Данные исторические события ни в коем случае нельзя забывать, необходимо чтить память о тех, кто сражался за нас в те страшные годы. Всем людям надо знать, какие события разворачивались на поле боя, каким образом виновные понесли наказание.

Считаю необходимым отметить, что одной из форм реализации государственной политики по сохранению исторической памяти является участие Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской

Федерации в историческом проекте «Лица Победы», призванном увековечить память о поколении военных лет.

Для этого потомки участников Великой Отечественной войны со всей нашей необъятной страны и из-за рубежа присылают истории своих победителей, семейные легенды, фотографии, различные архивные материалы, то есть всё, что несет память тех, прошедших лет.

Так, в 2025 году в Музее Победы прошла торжественная церемония открытия раздела Аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ во Всенародном историческом проекте «Лица Победы».

На сегодняшний день на вечное хранение в Музей Победы Аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ передал свыше 50 историй. Среди них и биография отца главы ведомства Татьяны Москальковой [4].

Таким образом, подводя итоги всему вышеизложенному, деятельность органов прокуратуры Российской Федерации и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации демонстрирует, что историческая память в современных реалиях нашей страны является объектом правового регулирования и защиты. Оба института играют значимую роль в реализации государственной политики по сохранению исторической памяти, подтверждением чего являются факты, изложенные в данной работе.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // СПС КонсультантПлюс. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (дата обращения: 10.11.2025).

2. Краснов, И.В. Роль прокуратуры Российской Федерации в реализации государственной политики по сохранению исторической памяти, противодействию подмене истории и распространению идеологии неонацизма / И.В. Краснов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 2 (106). – С. 175. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-v-realizatsii-gosudarstvennoy-politiki-po-sohraneniyu-istoricheskoy-pamyati-protivodeystviyu (дата обращения: 10.11.2025).

3. Москалькова, Т.Н. Право на память / Т.Н. Москалькова // Управление библиотечных фондов (Парламентская газета). – Москва, 2025. – 32 с.

4. Потомки сохранили истории победителей // Российское информационное агентство «Победа РФ». – URL: https://pobedarf.ru/2025/05/07/potomki-sohranili-istorii-pobeditelej/?ysclid=mhnt4824qt785640254 (дата обращения: 10.11.2025).

Доставалов Савелий Алексеевич,
студент 2 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Чепенко Я.К.)

ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Нюрнбергский процесс, завершившийся в 1946 году, стал не просто судебным разбирательством над главными нацистскими преступниками, но и поворотной вехой в становлении современного международного правопорядка. Его значение выходит далеко за рамки исторического правосудия: он заложил основы международной уголовной ответственности, впервые утвердив, что высшие должностные лица не могут укрыться за мнимым иммунитетом перед лицом человечества. В условиях современных геополитических вызовов, когда усиливаются попытки ревизии итогов Второй мировой войны и героизации нацизма, обращение к правовому наследию Нюрнберга приобретает особую актуальность.

Идея международного суда возникла в условиях острого противоречия между стремлением к возмездию и необходимостью строго придерживаться правовых норм. Хотя некоторые лидеры антигитлеровской коалиции, включая Уинстона Черчилля, склонялись к административному устранению «нацистских главарей» без суда, именно позиция Советского Союза, поддержанная впоследствии США, позволила превратить правосудие в публичный акт исторического и юридического разоблачения фашизма [2, с. 32]. Уже в 1941 году советское правительство через ноты В.М. Молотова информировало мировое сообщество о чудовищных зверствах оккупантов и указывало на нарушение Германией Гаагской конвенции 1907 года. Создание в 1942 году Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний фашистов стало важнейшим шагом в подготовке доказательственной базы для будущего процесса [1, с. 34].

Окончательное решение о создании Международного военного трибунала было закреплено Московской декларацией от 30 октября 1943 года, где впервые разграничивались преступления, подсудные национальным судам, и те, что требовали международной юрисдикции из-за своего транснационального характера. Эта инициатива способствовала принятию Лондонского соглашения от 8 августа 1945 года, включавшего Устав международного военного трибунала (далее – МВТ), – документ, ставший основой нового международного правопорядка.

Устав трибунала впервые в мировой практике системно определил составы международных преступлений: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Особое значение имела

статья 7 МВТ, установившая, что «должностное положение подсудимых… не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания» [4]. Данный принцип положил конец многовековой практике иммунитета государственных лидеров от ответственности за развязывание агрессивных войн. При этом Трибунал не применял ретроактивное право: его правоприменительная деятельность основывалась на нормах, уже закрепленных в действовавших международно-правовых актах, включая Статут Лиги Наций (1919 г.), Парижский пакт о ненападении (1928 г.) и Женевские конвенции.

Как отмечает Е.А. Левицкая, «отсутствие единого систематизированного источника норм… не позволяет сделать вывод о том, что процесс был основан только на нормах, созданных post factum» [1, с. 34]. Действительно, международное право уже к середине XX века накопило значительный объем обязательных норм, включая общие принципы права, признанные «цивилизованными нациями» согласно статье 38 Статута Постоянной палаты международного правосудия. Эти принципы – гуманизм, справедливость, уважение прав человека – стали фундаментом для легитимизации трибунала.

Приговор Нюрнбергского трибунала получил одобрение всего мирового сообщества. Уже в 1946 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 95 (I), в которой «подтверждает принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в решении Трибунала» [3]. Эта резолюция юридически закрепила «Нюрнбергские принципы» как часть международного права и поручила их кодификацию. Именно с этого момента начинается системное развитие международного уголовного права.

Нюрнбергский процесс выступил в качестве непосредственного прецедента для создания последующих международных судебных органов. Его правовые принципы были инкорпорированы в статуты Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде, а впоследствии – в Римский статут 1998 года, учредивший постоянно действующий Международный уголовный суд (далее – МУС). Концепция комплементарности, предусматривающая вмешательство МУС лишь в случаях, когда национальные судебные системы неспособны или не желают осуществлять правосудие, также берет своё начало в практике Нюрнбергского трибунала: союзные державы тогда направляли значительное число подозреваемых в национальные судебные инстанции, оставляя Международному военному трибуналу рассмотрение дел о преступлениях, не ограниченных конкретной территориальной юрисдикцией [1, с. 34].

Влияние Нюрнберга ощущается и в национальном законодательстве. Многие государства, включая Германию и Францию, инкорпорировали в

свои уголовные кодексы составы преступлений против человечности и агрессивной войны, опираясь на нюрнбергские формулировки. В СССР, а затем и в России, нормы международного уголовного права также нашли отражение в законодательстве, особенно в контексте преследования пособников нацизма и воспрепятствования пропаганде фашизма [2, с. 39].

Вместе с тем нельзя игнорировать и критику, звучавшую в адрес Нюрнберга. Наиболее распространенным возражением было утверждение о «правосудии победителей» и нарушении принципа nullum crimen, nulla poena sine lege. Однако, как подчеркивал американский обвинитель Роберт Джексон, «если те, кто обладает властью принимать решения, вернутся к концепции неограниченного и безответственного суверенитета, ни эта, ни какая-либо иная хартия не спасёт мир от международного беззакония» [1, с. 37]. Эта позиция отражает суть нюрнбергского прецедента: право не может быть заложником формализма, когда речь идёт о преступлениях против всего человечества.

Сегодня перед мировым сообществом встают новые вызовы: кибервойны; экологические преступления; преступления, совершаемые негосударственными акторами. В этих условиях принципы Нюрнберга – ответственность личности, недопустимость ссылки на приказ, верховенство права над силой – остаются актуальными, как никогда. Как писал французский мыслитель Блез Паскаль, которого цитирует А.Я. Сухарев: «Силу легко узнать, она неоспорима. Вот почему не могли сделать так, чтобы справедливое было сильным, а сильное справедливым?» [2, с. 38]

Нюрнбергский процесс стал не просто эпизодом в истории, но «генератором строительства нового глобального правопорядка» [2, с. 32]. Его наследие – это не только правовые нормы, но и моральный императив: никогда больше не допустить возврата к эпохе безнаказанности за преступления против человечества. В этом заключается его вечная ценность для международного и национального права.

Список использованных источников:

1. Левицкая, Е.А. Нюрнбергский процесс сквозь призму источников международного права / Е.А. Левицкая // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – № 4. – С. 32–38.

2. Сухарев, А.Я. Нюрнбергский процесс и развитие международного права // Роль СССР в Нюрнбергском процессе и последующем развитии международного права : сб. материалов конф. (18 ноября 2016 г., Москва) / под общ. ред. О.С. Капинус; сост. П.А. Смирнов, Н.Э. Кузнецова, Ю.В. Сидоренко; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. – С. 31–41.

3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. № 95 (I) «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского Трибунала» // URL: https://base.garant.ru/2540391/ (дата обращения: 05.12.2025).

4. Устав Международного военного трибунала. 8 августа 1945 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 5. Л. 4-14. Опубликовано: Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. Т. 1. С. 147–164.

Духовникова Ксения Сергеевна,
студент 3 курса
Луганского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Бахаровская Т.В.)

СТАЛИНО 1947: ВОЗМЕЗДИЕ ДОНБАССА

Вторжение нацистской Германии в 1941 году принесло на оккупированные территории СССР, включая промышленно важный Донбасс, не просто войну, но и целенаправленную политику геноцида и тотального разрушения. Город Сталино, как и весь регион, стал ареной чудовищных военных преступлений: массовых казней мирного населения, угона сотен тысяч жителей на каторжные работы в Германию и преднамеренного уничтожения промышленной инфраструктуры. После победы над нацизмом перед Советским Союзом встала задача не только восстановления разрушенной страны, но и публичного возмездия виновным в этих зверствах, что соответствовало духу Нюрнбергского процесса.

В этом контексте Сталинский судебный процесс, проходивший в Сталино в октябре 1947 года, приобретает особое значение. Он являлся частью серии послевоенных открытых процессов над иностранными военными преступниками. Суд над 12 бывшими военнослужащими и чиновниками вермахта и оккупационной администрации, включая генерала Конрада Рёпке, стал актом возмездия за преступления, совершенные именно на территории Донбасса, включая варварское уничтожение людей в знаменитой шахте № 4/4-бис [1, с. 3–4].

Цель данной статьи – не только описать ход и приговор этого суда, но и проанализировать его историческое и политическое значение. Процесс в Сталино стал важной показательной частью в удовлетворении потребности общества в справедливости и непоколебимости советского правосудия на международной арене. Он является важным документальным свидетельством масштабов нацистской оккупации и неизбежности ответственности за преступления против человечности.

Сталинский судебный процесс, проходивший в конце октября 1947 года, представлял собой не просто юридическую процедуру, но и важный публичный акт памяти. Атмосфера в переполненном зале Донецкого театра оперы и балета была напряженной, нацистские преступники впервые предстали перед народом, пострадавшим от их действий [2, с. 1].

Обвинение базировалось на материалах, собранных Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Юридической основой для преследования служил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [3].

Обвиняемые, среди которых были генерал пехоты Конрад Рёпке, а также другие офицеры и чиновники оккупационной администрации, обвинялись в прямом исполнении и отдаче приказов, приведших к массовым убийствам, в целенаправленном уничтожении гражданского населения, включая евреев, коммунистов, партизан и просто мирных жителей, брошенных живыми и мертвыми в шурфы недействующих шахт. В организации принудительного угона в Германию трудоспособного населения для использования рабского труда (более 250 тысяч человек из региона). В систематическом разрушении Донбасса, грабеже и выводе из строя стратегически важных шахт и заводов перед отступлением.

Ключевым элементом процесса стали свидетельские показания. Эмоциональные и ужасающие рассказы жителей Донбасса. На суд были вызваны десятки свидетелей, которые пережили оккупацию, потеряли родных или чудом спаслись от казней.

Особое внимание уделялось показаниям о шахте № 4/4-бис. Свидетели описывали, как нацисты использовали её ствол как место казни и захоронения. Экспертиза подтвердила, что из шурфа, глубина которого достигала 360 метров, были извлечены останки, по неполным данным, более 75 тысяч человек. Прокурорская речь строилась вокруг этого символа геноцида, подчеркивая хладнокровие и систематичность преступлений [4, с. 1].

Некоторые обвиняемые, осознавая тяжесть представленных доказательств и безвыходность своего положения, признавали свою вину по ряду пунктов, хотя часто пытались переложить ответственность за окончательные решения на вышестоящее командование.

Судебное заседание завершилось 30 октября 1947 года. Военный трибунал Киевского военного округа, основываясь на неопровержимых доказательствах и свидетельских показаниях, вынес приговор [5, с. 1].

Конрад Рёпке и другие высокопоставленные обвиняемые были приговорены к 25 годам лишения свободы в исправительно-трудовых

лагерях. Остальные виновные получили длительные сроки – 20 и 15 лет заключения.

Важно отметить, что в 1947 году в СССР была временно отменена смертная казнь (до 1950 года), поэтому, в отличие от процессов 1946 года, высшая мера наказания (повешение) в Сталино не применялась.

Приговоренные отправились отбывать наказание в лагеря, где многие из них скончались из-за возраста и суровых условий. Выжившие позднее были репатриированы в Германию в середине 1950-х годов в рамках дипломатических соглашений.

Сталинский судебный процесс 1947 года является важным звеном в цепочке послевоенного советского правосудия над нацистскими преступниками. Процесс документально закрепил масштабы трагедии Донбасса, став официальным юридическим подтверждением преступлений, совершенных нацистами на этой территории. Он обеспечил сбор и фиксацию показаний свидетелей, которые стали неотъемлемой частью исторической памяти региона.

Список использованных источников:

1. «Красная Звезда». № 268 (5 639), 13 нояб. 1943 г.

2. «Правда». № 284 (10 675), 26 окт. 1947 г.

3. О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апр. 1943 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1943. – № 16. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. № 256 (9 478), 30 окт. 1947 г.

4. «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». № 256 (9 478) от 30 октября 1947 г.

5. «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». № 258 (9 480) от 1 ноября 1947 г.

Елецкий Павел Павлович,
курсант 1 курса Московской академии
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

(Научный руководитель – Солодовникова А.В.)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С РЕАБИЛИТАЦИЕЙ НАЦИЗМА

Проблема реабилитации нацизма в современном мире – одна из фундаментальных, так как реабилитация нацизма является прямым

посягательством на устоявшиеся основы конституционного строя государства и напрямую влияет на уровень его национальной безопасности. Стоит отметить, что реабилитация нацизма относится к преступлениям против мира и человечества, что подтверждает важность решения этой проблемы в интересах не одного конкретного государства, а в интересах всего мирового сообщества. Правоохранительные органы, в том числе Следственный комитет Российской Федерации, ежедневно сталкиваются с проявлениями данной проблемы ввиду тенденции роста проявлений экстремизма, использованием сети Интернет, попыток пересмотра и переписи истории на государственном уровне в отдельных странах, а также крайне напряжённой геополитической обстановки. В связи с проводимой армией Российской Федерации специальной военной операции (СВО) на территории Украины увеличилось количество преступлений, связанных с реабилитацией нацизма на территории Российской Федерации.

Следственная деятельность по преступлениям, связанным с проявлениями экстремизма, возбуждением ненависти либо вражды, реабилитацией нацизма, занимает особое место в криминалистике ввиду своей специфики, выражающейся в особенных закономерностях таких преступлений, уникальных средствах и приемах их расследования и сложностях сбора качественной и достаточной доказательной базы по таким делам. Такие преступления, чаще всего, направлены на подрыв основ конституционного строя, создание обстановки социальной нестабильности в обществе, запугивание, распространение пропаганды экстремистского толка. Всё чаще преступления такого рода совершаются с использованием информационно-коммуникативных технологий и носят конспиративный характер, что усложняет задачу правоохранительным органам в криминалистической идентификации преступника [1].

В Российской Федерации правовой основой преступлений, связанных с реабилитацией нацизма, являются: Конституция РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который, в свою очередь, определяет реабилитацию нацизма как экстремистскую деятельность. Следует отметить, что некоторые авторы научных статей также упоминали в своих работах реабилитацию нацизма как форму проявления экстремистской деятельности [3, с. 110].

В настоящее время правоохранительные органы всё чаще сталкиваются с необходимостью разработки современной и эффективной методики расследования реабилитации нацизма, а основой любой методики является криминалистическая характеристика преступления. К ключевым аспектам криминалистической характеристики реабилитации

нацизма следует отнести: предмет, способ преступления, орудия и средства его совершения, обстановку, следовую картину [2, с. 125]. В качестве предмета рассматриваются объекты, которые носят характер символа, отражают исторические факты и стали проявлением преступного деяния. К таким объектам относятся: памятники, стелы, обелиски и другие объекты, связанные с воинской славой России и СССР, а также текстовые и медиадокументы, искажающие или отрицающие факты, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси». Информационные материалы принято рассматривать в качестве орудий и средств совершаемого преступления, так как по факту размещения таких материалов и происходит реабилитация нацизма, например, размещение на своей личной странице в социальной сети текстовых и медиафайлов, в которых содержались ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны [6].

К способам совершения преступного деяния, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ, следует относить, прежде всего: отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества [2, с. 126]. М.Г. Левандовская считает в качестве приемов осквернения символов воинской славы: нанесение оскорбительных надписей, рисунков, символов на надмогильных сооружениях, памятниках, связанных с историей Второй мировой войны, пренебрежительные действия по отношению к отечественным боевым орденам и наградам, художественным и литературным произведениям, посвященным этому историческому периоду [5, с. 160].

Орудия и средства реабилитации нацизма зависят от формы совершения преступления и разделяются на несколько категорий: средства компьютерной техники, печатная продукция, средства наглядной агитации, информационные материалы, орудия и средства, способствующие полному или частичному нарушению физической целостности объектов и их внешнего вида [2, с. 127–128].

Выбранное орудие преступления напрямую определяет специфику следов и картины места происшествия в целом. Выделяют несколько типов следов: цифровые следы, следы материально-отображаемые (следы человека, следы применения отдельных орудий преступления), идеальные

следы (показания потерпевших и очевидцев произошедшего преступления).

Важнейшими элементами обстановки места происшествия принято считать место и время его совершения. Чаще всего местом преступления выступают объекты культурного характера либо месторасположение компьютерных устройств, при помощи которых было совершено преступление, однако периодически целесообразнее рассматривать в качестве места преступления конкретную социальную сеть, сайт или чат. Наглядный в этом отношении пример: 24.06.2018 в 22 часа 49 минут 37 секунд злоумышленник С. зашел на свою страницу в социальной сети, вступил в группу, в которой имелась запись, содержащая графическое изображение советского воина, держащего в руках знамя Победы на фоне разрушенного войной города. В комментариях к записи С. разместил тексты, в которых им положительно оценивается Адольф Гитлер и его действия, что образует состав преступления [7]. Временем совершения преступлений чаще всего является вечерний промежуток с 20:00 до 24:00 [2, с. 129].

Таким образом, криминалистические аспекты преступлений по делам, связанным с реабилитацией нацизма, по сей день являются объектом обсуждений и споров разных ученых, однако при этом основные элементы данных преступлений схожи и активно используются на практике.

Список использованных источников:

1. Проблема фальсификации истории и реабилитации нацизма: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Кемерово: КемГУ, 2021. – 174 с.

2. Скороделова, Е.И. Реабилитация нацизма как объект криминалистического исследования / Е.И. Скороделова // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 3.

3. Перов, В.А. Выявление, квалификация и организация расследования преступлений, связанных с псевдорелигиозным экстремизмом и финансированием экстремистской деятельности : учебно-методическое пособие. – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2016. – 176 с.

4. Бессонов, А.А. Некоторые особенности расследования преступлений, связанных с реабилитацией нацизма / А.А. Бессонов // Противодействие проявлениям фашизма в современном обществе: материалы круглого стола (Москва, 16 ноября 2017 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. – М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – С. 3–8.

5. Левандовская, М.Г. Реабилитация нацизма как преступление / М.Г. Левандовская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – № 12 (52).

6. Постановление № 2-5/2020 от 12 мая 2020 г. по делу № 2-5/2020. Верховный Суд Республики Марий Эл (Республика Марий Эл) // Электронный ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://clck.ru/3Q6L2J (дата обращения: 20.10.2025).

7. Приговор № 2-34/2019 от 6 ноября 2019 г. по делу № 2-34/2019. Нижегородский областной суд (Нижегородская область) // Электронный ресурс: Судебные и нормативные акты. – URL: https://clck.ru/3Q6Kcd (дата обращения: 20.10.2025).

Ерин Ян Андреевич,
студент 3 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Мамченко Н.В.)

МИФ ПРЕВЕНТИВНОГО УДАРА СССР ПО ТРЕТЬЕМУ РЕЙХУ КАК СРЕДСТВО ПСИХОИСТОРИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

На протяжении более 30 лет Россия противостоит коллективному Западу в проводимой против неё психоисторической войне, центральной мишенью которой является тема Великой Отечественной войны, будучи средством объединения не только всех россиян, но и миллионов людей на территории всего постсоветского пространства. Одним из типичных ходов на психоисторическом поле сражения является выдвижение тезиса о подготовке нападения СССР на Германию накануне 22 июня 1941 года в целях проведения превентивного удара. Для сохранения исторической памяти и недопущения внедрения деструктивных концепций в массовое сознание необходимо умело противостоять в схватках психоисторической войны путем грамотного отстаивания позиций, базирующихся на глубокой аналитической работе и подлинных исторических фактах.

Первоочередным в рассмотрении данного вопроса является определение самого феномена психоисторической войны. Впервые данное понятие ввел американский писатель Айзек Азимов в произведении «Академия» [1, с. 22]. Научно-смысловую нагрузку же данному термину придал русский историк А.И. Фурсов [2, с. 7–8]. Так, под психоисторической войной следует понимать целенаправленное долгосрочное воздействие на общественное сознание и подсознание (взгляды, идеалы, идентичность, историческую память, эмоции и т. п.) определенной группы, как правило интеллектуальной и политической элиты, общества-мишени (или на это общество в целом) с целью провести классовое и/или цивилизационное перекодирование, навязать ей (ему)

чуждые цели, задачи, идеалы, картину мира – разрушительные и парализующие волю к борьбе, как якобы её (его) собственные.

Впервые миф о подготовке превентивного удара СССР был подробно изложен и «обоснован» в Ноте Министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года [3, с. 32–33]. В нашей стране этот миф открыл второе дыхание в перестроечный и постсоветский периоды в работах таких авторов, как Суворов-Резин [4, с. 9], Солонин [5, с. 10], Мельтюхов [6, с. 5].

Для развенчания мифа подготовки нападения СССР на Германию необходимо проанализировать данные военного потенциала стран мира по состоянию на конец 1930-х годов:

- США – 41,7%
- Германия – 14,4%
- СССР – 14%
- Великобритания – 10,2%
- Франция – 4,2%
- Италия – 2,5%
- Япония – 2,5%
- Остальной мир – 10,5%

В современной научной среде мало кто акцентирует внимание на решении Конгресса США от 17 апреля 1941 года, согласно которому в случае нападения СССР на Германию или провокаций со стороны первой, США вступит в войну на стороне Третьего рейха [7, с. 277]. Таким образом, при нападении СССР на Германию соотношение сил было бы приблизительно 65:14 (с учетом захваченных Германией территорий на начало 1941 г.). Советское руководство, осведомленное, каким военным потенциалом обладают другие страны, посредством разведывательных данных, никак не могло принять решение о нападении на Третий рейх.

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн и генерал-полковник Гот на вопросы о том, какой характер носила группировка советских войск к 22 июня 1941 года – оборонительный или наступательный, после войны высказывались в том смысле, что глубина расположения советских войск была такова, что их можно было применять только в оборонительных операциях [8, с. 103].

Нюрнбергский процесс придал юридическую силу положению о подготовке нападения Германии на Советский Союз. Важную роль в этом сыграли свидетельские показания бывшего командующего 6-й армией вермахта фельдмаршала Фридриха Паулюса, взятого в плен советскими войсками под Сталинградом в 1943 году. В ходе прений на Международном военном трибунале сторона защиты начала парировать нападением Германии на СССР как опережающей мерой. Несмотря на предоставленные советской делегацией стенограммы допроса Паулюса в

Москве, защита подсудимых назвала документы сфабрикованными. В этой связи советским руководством было принято решение в обстановке совершенной секретности доставить Паулюса в Нюрнберг для дачи показаний. Паулюс подтвердил свою роль как одного из разработчиков плана «Барбаросса», отметив, что все приготовления для совершения нападения на СССР, которое имело место 22 июня 1941 года, велись уже осенью 1940 года [9, с. 90].

Тема Великой Отечественной войны всегда будет занимать центральное положение в аспекте подрыва нашими противниками национальной памяти русского народа. Мы как наследники героических предков-победителей обязаны противодействовать навязываемым извне теориям, интерпретациям и оценкам русской истории, запечатлевая при этом историю не только своей страны, но и западного мира такого, каков он есть в реальности, – капиталистического хищника, за демократическим фасадом которого скрываются реальные поджигатели мировых войн.

Список использованных источников:

1. Азимов, А. Академия. М. : Эксмо, 2022. – 320 с.

2. Фурсов, А.И. Россия между революцией и контрреволюцией. Холодный восточный ветер 4. (Серия «Игры мировых элит»). М. : Книжный мир, 2024. – 504 с.

3. Нота Министерства иностранных дел Германии советскому правительству от 21 июня 1941 года. Военно-исторический журнал. № 6, 1991. – С. 32–33.

4. Суворов, В.А. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М. : Новое время, 1992. – 350 с.

5. Солонин, М.С. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М. : Яуза, Эксмо, 2006. – 512 с.

6. Мельтюхов, М.И. Канун Великой Отечественной войны: Дискуссия продолжается. М. : АИРО-XX, 1999. – 67 с.

7. Фурсов, А.И. Русские о главном противнике. М. : Наше завтра, 2022. – 480 с.

8. Кремлев, С. Виноват ли Сталин в трагедии 1941 года? К 70-летию начала войны. М. : Яуза-пресс, 2011. – 416 с.

9. Звягинцев, А.Г. Нюрнберг. Приговор нацизму. М. : Эксмо, 2025. – 640 с.

Есин Сергей Владимирович,
студент 3 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Кашкаров А.А.)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ, КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В настоящее время борьба с угрозами национальной безопасности стала первостепенной задачей современного государства. Особое внимание правоохранительными органами уделяется состоянию законности и правопорядка в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет, которые часто служат способом трансляции не только общественно полезных и рекомендуемых форм поведения граждан, но и преступных явлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства, общества и личности.

В соответствии с Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Указ № 400), под национальной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Основными угрозами государственной и общественной безопасности в современных реалиях выступают:

1) разведывательная деятельность специальных служб иностранных государств, наносящая ущерб национальным интересам;

2) деятельность радикальных общественных объединений, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации;

3) деятельность преступных организаций, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, взрывчатых веществ, торговлей людьми и др.

Противоправное поведение, обусловленное в том числе влиянием контента, размещаемого в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, представляет опасность для различных общественных институтов, характеризуясь латентностью, высокой

степенью повторяемости, деструктивностью и опасной самодетерминацией, формированием «резерва» для повторной и рецидивной преступности. При этом полагаем, что под латентностью следует понимать не саму скрытность преступных деяний, а лиц, их совершающих.

Особую опасность для национальной безопасности государства в настоящее время представляют преступления экстремистской направленности, совершенные в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, поэтому одним из приоритетных направлений государственной политики является противодействие экстремизму, что закреплено как в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114 «О противодействии экстремистской деятельности», так и в Указе Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации».

Актуальность данной проблемы обусловлена также статистическими данными, согласно которым в период с января по сентябрь 2025 г. МВД России зарегистрировано 589 случаев публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), что на 65% больше, чем за аналогичный период в прошлом году.

Указ № 400 закрепляет основы правовой политики борьбы с экстремизмом в сети Интернет и ставит главной целью защиту основ конституционного строя России, общественной безопасности от внешних и внутренних угроз, проявлений экстремизма.

В связи с повышенной публикационной активностью пользователей сети Интернет публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности представляют существенную угрозу безопасности личности, общества и государства. УК РФ устанавливает ряд составов преступлений экстремистской направленности, в которых публичность указана в качестве признака объективной стороны (ст. 280, 282 УК РФ). В числе наиболее популярных цифровых платформ для распространения экстремистских материалов выступают социальные сети, мессенджеры, видеохостинги.

Несмотря на сложности, возникающие в деятельности правоприменителей по противодействию экстремизму в сети Интернет, раскрываемость данных преступлений в настоящее время стремительно растет (в период за январь-сентябрь 2025 г. показатели увеличились на 37,3%), что свидетельствует о повышении эффективности правоохранительной деятельности в указанной сфере.

В настоящее время обсуждается необходимость внесения изменений и дополнений в уголовный закон в части деяний лиц, способствующих

совершению преступлений экстремистской и террористической направленности в сети Интернет. Предлагается установить уголовную ответственность в отношении владельцев, менеджеров и администраторов различных интернет-ресурсов, социальных сетей и мессенджеров, если данные лица не будут предпринимать действия и обеспечивать принятие различных мер по недопущению распространения деструктивной информации, содержащей признаки преступного поведения. На наш взгляд, внесение подобных изменений в уголовный закон будет чрезмерно, поскольку у правоприменителей возникнут трудности по определению умысла, направленного на трансляцию такой информации, а также установлению непосредственного выполнения объективной стороны указанными лицами преступного деяния, содержащего в себе экстремистские проявления в форме высказываний, возбуждения ненависти и т. д.

В сложившейся обстановке самым распространенным способом борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности в сети Интернет выступает блокировка интернет-ресурсов с экстремистскими материалами. Вместе с тем такой способ характеризуется некоторыми недостатками, поскольку существует множество способов обхода блокировки, кроме того, наряду с противоправной информацией может быть заблокирована информация, не относящаяся к экстремистской, может быть нарушена работа различных электронных средств, связанных с сетью Интернет. Следовательно, борьба с распространением экстремистских материалов должна заключаться в борьбе непосредственно с авторами запрещенных материалов.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что одним из приоритетных направлений государственной политики и правоохранительной деятельности в настоящее время является противодействие экстремистским преступлениям в сети Интернет. Важность осуществления указанной деятельности продиктована современными геополитическими условиями и тенденциями развития общества, в котором информационно-телекоммуникационные сети всё чаще становятся способом трансляции преступного поведения, посягающего не только на охраняемые законом интересы общества и личности, но и на безопасность государства в целом.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 09.11.2025).

2. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221 (дата обращения: 09.11.2025).

3. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580 (дата обращения: 09.11.2025).

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 09.11.2025).

5. Бикмашев, В.А. Преступления против основ конституционного строя – преступления против национальной безопасности Российской Федерации / В.А. Бикмашев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 1–2.

6. Никуленко, А.В. Преступления, совершаемые посредством сети «Интернет»: неиспользованные возможности противодействия / А.В. Никуленко // КриминалистЪ. – 2024. – № 2 (47). – С. 92.

7. Шикула, И.Р., Афанасьев, М.В., Яньшина, С.В. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационных сетях / И.Р. Шикула, М.В. Афанасьев, С.В. Яньшина // Образование и право. – 2024. – № 9. – С. 333.

8. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2025 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://media.mvd.ru/files/application/15123414 (дата обращения: 09.11.2025).

Задирака София Андреевна,
студент 3 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Комарова Е.А.)

ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После окончания Второй мировой войны десятки тысяч военных преступников предстали перед судом, чтобы понести ответственность за

совершенные ими преступления против мира и человечества. Советские судебные процессы продемонстрировали справедливость и неотвратимость наказания за преступления против человечества, совершенные нацистами в отношении мирных советских граждан, стариков, женщин, детей. Суды над участниками нацистских преступлений на долгое время способствовали утверждению представлений о том, что геноцид и преступления против мира не должны оставаться безнаказанными.

Первыми в истории Великой Отечественной и Второй мировой войн судами над немецко-фашистскими преступниками стали Краснодарский, Харьковский и Краснодонский судебные процессы 1943 года. В течение военного и послевоенного периодов всего было проведено 20 судебных процессов над лицами, которые были причастны к совершению военных преступлений, преступлений против мира и человечности, совершенных на территории Краснодарского края, Смоленской, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Брянской областей, а также на временно оккупированных территориях Украинской ССР, Белорусской ССР, республик Прибалтики. Приведенные судебные процессы стали примером достижения осуждения и наказания нацистских захватчиков ещё до проведения Нюрнбергского процесса, именно опыт данных судебных процессов в дальнейшем лег в основу при разработке положений о процессе доказывания и видах доказательств в Уставе и Регламенте Международного военного трибунала [1].

В результате проведения судебных процессов над нацистами были доказаны факты совершения ими чудовищных преступлений в отношении мирного населения, в частности целенаправленного и организованного истребления гражданского населения Советского Союза. Собирание и предоставление доказательной базы являлось важной и неотъемлемой частью каждого судебного процесса, поскольку именно представленные в суде доказательства подтверждали факт совершенных преступлений и свидетельствовали о причастности к ним конкретных лиц, подтверждая наличие их вины. Стоит отметить, что в данном случае процесс доказывания факта преступлений против мира и человечества является наиболее сложным, поскольку для формирования доказательной базы, а в дальнейшем её проверки и оценки, усилий одного государства будет недостаточно, поскольку для осуществления международного судопроизводства требуется взаимосвязь между странами, в отношении которых были совершены преступления.

Примером первого и одного из наиболее значимых международных уголовных процессов является Нюрнбергский трибунал, проходивший с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года в Нюрнберге. Основанием для проведения данного исторического судебного процесса стало соглашение, принятое в Лондоне в августе 1945 года, инициаторами которого выступили СССР, США, Великобритания, Франция и еще 18 государств-

союзников, участвующих в коалиции [2, с. 260]. Также из-за наличия существенных различий в правовых системах приведенных государств для осуществления справедливого и быстрого судопроизводства 8 августа 1945 года был создан Устав Международного военного трибунала, который определил и закрепил юрисдикцию трибунала, общие принципы, орган для расследования и обвинения в преступлениях, гарантии для подсудимых, полномочия трибунала, виды доказательств, процесс доказывания и вынесения приговора. Также в дальнейшем на основе Устава Международного военного трибунала был принят Регламент Международного военного трибунала, устанавливающий правила проведения уголовного судопроизводства. Таким образом, согласно ст. 15 Устава и правилу 4 Регламента Международного военного трибунала при доказывании государственные обвинители расследуют, собирают и предоставляют до или во время судебного процесса все необходимые доказательства, а также производят предварительный допрос всех необходимых свидетелей и подсудимых [3; 4].

Для осуществления деятельности по сбору доказательств был создан специальный отдельный орган, именуемый Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, которая действовала с ноября 1942 года. Согласно ст. 21 Устава Международного военного трибунала акты Чрезвычайной государственной комиссии подлежали принятию трибуналом без приведения дальнейших подтверждающих доказательств [3].

Во время Нюрнбергского трибунала в процессе доказывания вины военных преступников важно было собрать и предоставить достаточную доказательную базу, для того чтобы исключить любые сомнения относительно преступного характера совершенных ими деяний. Устав и Регламент Международного военного трибунала закрепляли следующие виды доказательств: 1) устные и письменные показания свидетелей; 2) устные и письменные показания и объяснения подсудимых; 3) документы; 4) вещественные доказательства [3; 4].

Основными доказательствами, подтверждающими преступный характер деятельности лидеров нацистской Германии, выступали немецкие трофейные документы, в ходе Нюрнбергского процесса их было представлено около 2 500. Среди представленных документов были документы Верховного командования германской армии, материалы Люфтваффе, документы, хранимые Генрихом Гиммлером, и др. В ходе судебных заседаний также предоставлялись в качестве вещественных доказательств фото- и видеоматериалы, которые визуально показывали и подтверждали преступления, совершенные нацистами против мирного населения. К примеру, «Рапорт Штропа» с альбомом фотографий, сделанных по приказу обергруппенфюрера СС и начальника полиции Юргена Штропа,

чтобы задокументировать ликвидацию восстания в Варшавском гетто весной 1943 года. В качестве видеоматериала в ходе Нюрнбергского процесса был представлен снятый американскими войсками после освобождения лагерей фильм «Нацистские концентрационные лагеря», который не только показывал, но и доказывал виновность подсудимых в совершении преступлений против мира и человечества. Также немаловажную роль в процессе доказывания сыграли свидетельские показания, к примеру, показания генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, которого в рейхе официально считали погибшим. Именно его слова стали подтверждением того факта, что вероломное нападение на Советский Союз было заранее подготовлено и спланировано. Таким образом, в ходе Нюрнбергского трибунала процесс доказывания и сами доказательства способствовали установлению не только вины преступников в совершенных ими военных преступлениях, преступлениях против мира и человечества, но и истинных фактов совершения данных преступлений [5, с. 52–53].

Однако, помимо Нюрнбергского трибунала, в послевоенное время проводились и другие судебные процессы над военными преступниками, например, Токийский международный военный трибунал и Хабаровский процесс. Военный международный трибунал для Дальнего Востока проходил с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. в Токио. Токийский процесс стал вторым судебным процессом над главными военными преступниками, виновными в развязывании Второй мировой войны.

19 января 1946 года был принят Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока, который был основан на Уставе Нюрнбергского трибунала. Вследствие этого Устав Токийского процесса в ст. 24 также закреплял перечень доказательств, которые могут быть поданы и допущены к исследованию во время заседания Трибунала, среди них: 1) документы; 2) вещественные доказательства (в том числе фото- и видеодоказательства); 3) показания свидетелей – устные и письменные; 4) показания подсудимых – устные и письменные [6].

Особое место в системе доказательств занимали показания свидетелей, так, к примеру, доказательствами злодейского обращения японцев с военнопленными стали показания 700 очевидцев, прошедших через этот ад и оставшихся в живых. В ходе Токийского процесса сторона обвинения предъявила доказательства виновности подсудимых, в числе которых были не только устные и письменные показания свидетелей и подсудимых, но и документальные и вещественные доказательства. В рамках процесса было проведено 818 открытых заседаний и 131 заседание в судебной комнате. Трибунал принял 4 356 письменных доказательств и свыше тысячи свидетельских показаний о преступлениях, совершенных военными и политическими лидерами Японии, из которых более 400 были заслушаны непосредственно Трибуналом. После тщательного

рассмотрения и изучения доказательств суд пришел к выводу о невозможности изложить всю массу представленных устных и документальных доказательств в приговоре. Большинство судей сочли необходимым сосредоточить все материалы о зверствах, установленных Трибуналом, в двухтомном дополнении к приговору [7, с. 37–39].

В заключение необходимо отметить, что процесс доказывания в ходе судебных процессов над военными преступниками после Второй мировой войны продемонстрировал важность согласования подходов различных правовых систем государств для рассмотрения уголовных дел и справедливого привлечения к ответственности лиц, совершивших военные преступления и преступления против мира и человечества. Создание международных документов (Уставы Международных военных трибуналов) позволило установить четкую систему сбора, проверки и оценки доказательств, исключающую сомнения в установлении фактов совершенных преступных деяний. Данные события стали значимым этапом формирования современного международного уголовного права, обеспечивающего справедливое наказание лиц, совершивших преступления, нарушающие нормы международного гуманитарного права.

Список использованных источников:

1. Документы открытых судебных процессов над нацистскими преступниками и их пособниками, проведённых СССР в 1943–1947 годах // [Электронный ресурс]: URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/2045786/ (дата обращения: 04.11.2025).

2. Куковская, В.Д. Решение Нюрнбергского трибунала как источник конституционного права России / В.Д. Куковская // Вестник науки. – № 10. – 2023. – С. 260–264.

3. Устав Международного военного трибунала от 08 августа 1945 года // [Электронный ресурс]: URL:https://nurnberg.rusarchives.ru/documents/ustav-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala (дата обращения: 04.11.2025).

4. Регламент Международного военного трибунала 28 октября 1945 г. // [Электронный ресурс]: URL: https://nurnberg.rusarchives.ru/documents/reglament-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala (дата обращения: 04.11.2025).

5. Глазков, Д.А., Ильяш, А.В., Малахов, Г.В. Процесс доказывания в ходе международного Нюрнбергского трибунала / Д.А. Глазков, А.В. Ильяш, Г.В. Малахов // Материалы Афанасьевских чтений. – 2022. – № 3 (40). – С. 50–54.

6. Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 19 января 1946 года // [Электронный ресурс]: URL: https://docs.cntd.ru/document/902053853 (дата обращения: 08.11.2025).

7. Петухов, Н.А., Рябцева, Е.В. Нюрнберг в Токио: судебные процессы над японскими военными преступниками / Н.А. Петухов, Е.В. Рябцева // Правосудие. – 2024. – № 4. – С. 30–42.

Зарипова Виктория Александровна,
студент 2 курса магистратуры
Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Оксюк Т.Л.)

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современных условиях в Российской Федерации наблюдаются всплески проявлений экстремизма, терроризма, предпринимаются меры к реабилитации нацизма. По данным уголовной статистики МВД России, в 2024 году в нашей стране зарегистрировано 3 714 преступлений террористического характера (в 2023 – 2 382) и 1 719 – экстремистской направленности (в 2023 – 1 340). Из них с использованием информационно-коммуникационных технологий в 2024 году 898 – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ) [5].

Противостояние данным криминальным проявлениям осуществляется самыми разными средствами. В этом задействованы силы правоохранительных и других государственных органов, представителей общественности. Особым этапом такого противостояния является деятельность судов по привлечению к ответственности виновных в совершении противоправных деяний в указанной сфере. Судам первой инстанции не всегда удается вынести такие решения, которые не будут обжалованы сторонами в дальнейшем. В таких случаях возникает необходимость в реализации деятельности судов апелляционной инстанции. Качество и эффективность такой деятельности служит залогом неотвратимости наказания для виновных и достижению цели борьбы с терроризмом, экстремизмом, попытками реабилитации нацизма. Этому во многом способствует участие прокурора в апелляционном производстве. Поэтому так важно исследовать проблемы, связанные с участием прокурора в деятельности судов апелляционной инстанции.

Прокурор прежде всего представляет государственный интерес, наблюдая в процессе за соблюдением законодательных материальных и процессуальных норм права, недопущением фактов их нарушения, своей деятельностью способствует вынесению судом законного, обоснованного

и мотивированного решения. Прокуроры должны обеспечивать свое профессиональное и эффективное участие в судах проверочных инстанций, в том числе апелляционной, поскольку судами всё ещё допускаются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, приводящие к вынесению неправосудных решений, когда такие нарушения остаются без внимания прокурора, участвующего в деле.

По представлению прокурора судом может быть отменен или изменен приговор суда, что повышает эффективность правосудия, происходит позитивное воздействие на правоприменительную практику, обеспечивается правильная интерпретация и надлежащее применение законодательных положений [4, с. 29].

Так, в мае 2025 года Кирсановским районным судом был вынесен приговор в отношении жителя города Тамбова по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, который, зная о запрете экстремистской религиозной организации «Свидетели Иеговы», осуществлял противоправную деятельность в местной ячейке в Тамбовской области на территории нескольких районов. Суд назначил ему наказание в виде шести лет шести месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком пять лет. Государственный обвинитель, не согласившись с указанным приговором в связи с назначением несправедливого, по его мнению, наказания, обжаловал приговор в апелляционном порядке. Областной суд согласился с доводами апелляционного представления и изменил приговор. Условное осуждение было отменено и осужденному назначено реальное наказание − в виде шести лет шести месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с руководством и участием в работе общественных и религиозных организаций, сроком на четыре года [3].

Для повышения эффективности участия прокурора в суде апелляционной инстанции важно определить пути решения существующих проблем. Одной из таких проблем является вопрос о праве прокурора на отзыв апелляционного представления нижестоящего прокурора.

Возможны ситуации, когда позиция государственного обвинителя расходится с позицией вышестоящего прокурора, но не только относительно обоснованности и необходимости обжалования судебного решения, а и по вопросу пределов обжалования. В подобных случаях надлежит руководствоваться п. 5.3 приказа Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [2]. При несогласии с позицией государственного обвинителя (прокурора) об отсутствии оснований для принесения апелляционного представления предписывается направлять прокурору субъекта Российской Федерации ходатайство о принесении апелляционного представления. Из этих разъяснений следует, что споры о

необходимости апелляционного обжалования работниками органов прокуратуры должны разрешаться вышестоящими прокурорами. Однако законодатель не наделяет вышестоящих прокуроров правом отзыва апелляционных представлений, что в некоторой мере ограничивает возможность контроля ими процесса принесения апелляционных представлений нижестоящими прокурорами. Согласно положениям, зафиксированным в ч. 3 ст. 389.8 УПК РФ, право отзыва апелляционного представления имеется только у лица, его подавшего. Согласно ст. 37 Федерального закона «О прокуратуре» [1] таким правом обладает только тот прокурор, которым было принесено указанное представление.

По обозначенной проблеме следует учитывать, что прокурор, как и государственный обвинитель, в уголовном процессе представляет не именно себя, а прокуратуру в целом. Прокурор призван отстаивать общественные интересы, а не собственные. В этом его главное предназначение. Позволим себе высказать предположение о недопустимости расхождений в позиции обвинения между работниками органов прокуратуры. Все спорные вопросы, возникающие между ними, должны разрешаться вовремя, то есть ещё до поступления уголовного дела в суд или до момента обжалования по нему судебного решения.

Видится целесообразным законодательно наделить вышестоящего прокурора правом на отзыв апелляционного представления, поданного нижестоящим прокурором. При этом предлагаемое право не должно быть абсолютным. Его реализация предполагается в исключительных случаях, поскольку возможно обжалование решения суда апелляционной инстанции в кассационном порядке. Речь идет об имеющейся у вышестоящего прокурора возможности отстаивать в дальнейшем свою позицию, не нарушая при этом процессуальную самостоятельность нижестоящего прокурора.

Список использованных источников:

1. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 03.02.2025). Доступ из справочной системы «КонсультантПлюс».

2. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 г. № 376 (ред. от 03.07.2024). Доступ из справочной системы «КонсультантПлюс».

3. По апелляционному представлению прокуратуры изменен приговор по уголовному делу об экстремизме. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_68/mass-media/news/regional/e6329705/ (дата обращения: 28.10.2025).

4. Решетова, Н.Ю. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции : пособие /

Н.Ю. Решетова, А.Н. Разинкина, А.Г. Халиулин. − М. : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 114 с.

5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. – URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 27.10.2025).

Заруба Ольга Егоровна,
Касеева Златислава Александровна,
студенты 2 курса
Луганского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Бахаровская Т.В.)

СТРАТЕГИЯ Р.А. РУДЕНКО НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОДВИГА СОВЕТСКОГО НАРОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Спустя семь десятилетий после окончания Нюрнбергского процесса мир помнит о справедливом приговоре, вынесенном нацистским преступникам. Суду были подвергнуты гитлеровский режим, его репрессивный аппарат, высшие чиновники политической и военной верхушки.

В деятельности Трибунала, заслуженно получившего звание «Суда народов», участвовали делегаты из 23 стран. Важно подчеркнуть, что именно «Советский Союз твердо выступал за цивилизованную форму привлечения к ответственности нацистских злодеев. Советские специалисты сыграли ключевую роль в обеспечении соответствия процесса фундаментальным правовым нормам. Опубликованные архивные материалы свидетельствуют о значимой роли советской разведки в подготовке Нюрнбергского процесса, включая сбор неопровержимых доказательств. Главным результатом Трибунала стало то, что инициаторы и исполнители бесчеловечных замыслов о мировом господстве получили по заслугам» [1, с. 291]. А практика международного взаимодействия в ходе процесса послужила фундаментом для формирования послевоенного мирового порядка.

Нюрнбергский процесс (1945–1946 гг.) стал беспрецедентным событием в истории человечества, призванным осудить главных нацистских военных преступников и заложить правовые основы для предотвращения подобных злодеяний в будущем. Великая Отечественная война нанесла Советскому Союзу колоссальный урон как в человеческих жизнях, так и в материальных ресурсах. Поэтому для СССР этот процесс был не просто формальным юридическим действием, но и восстановлением исторической справедливости. Центральное место в советской делегации и, в частности, в

обвинительной миссии занимала фигура Главного обвинителя от СССР Романа Андреевича Руденко. Его деятельность в ходе процесса была тщательно спланированной стратегией, направленной не только на юридическое доказательство вины, но и на всестороннее закрепление в мировой и отечественной исторической памяти масштаба подвига советского народа, его жертв и его решающей роли в разгроме нацизма. Цели Руденко простирались дальше в процессуальные формальности, превращая судебный зал в место, где утверждалась историческая правда.

Ключевой задачей советской миссии было доказать всему миру, что именно Советский Союз принял на себя основную тяжесть войны на Восточном фронте и что именно Красная армия сыграла решающую роль в уничтожении вермахта и СС. Руденко, обладая глубоким пониманием политического и морального значения процесса, выстроил свою линию обвинения таким образом, чтобы через преступления нацистов продемонстрировать всю жестокость оккупационного режима на советских территориях. «Его стратегия была многоуровневой: юридическое доказательство агрессии, демонстрация геноцида против граждан СССР и, что самое важное, инкорпорирование фактов о массовом героизме и сопротивлении советских людей в официальный приговор» [2, с. 115].

Стратегия Руденко базировалась на необходимости сместить акцент мировой общественности с Западного фронта на Восточный, который был главным театром военных действий и местом наиболее чудовищных преступлений против человечности. Руденко не просто представлял доказательства, он выстраивал хронологию и географию преступлений, делая акцент на планах нацистской Германии по колонизации и уничтожению народов СССР, в частности в рамках плана «Ост» (General plan Ost): «Статьи гитлеровских главарей, в которых, как известно, содержались прямая угроза против СССР и указание на то, что агрессия германского империализма должна идти на восток в целях завоевания так называемого «жизненного пространства» [3, с. 589].

Одной из главных линий защиты нацистов была попытка представить Восточный фронт как оборонительную войну или как борьбу против «большевизма». Руденко последовательно и методично опровергал эти тезисы, используя обширную документальную базу, включая документы вермахта, СС и айнзацгрупп. Его выступления были наполнены конкретными цифрами и примерами зверств, совершенных на территории Украины, Белоруссии и РСФСР. Он акцентировал внимание на Холокосте на советской территории (Бабий Яр, Минское гетто), подчеркивая, что эти действия являлись частью единого государственного плана по истреблению людей, а не единичными «карательными» актами.

В своей речи Руденко уделял особое внимание теме грабительской войны. Он представлял суду отчеты о вывезенных ценностях,

разрушенных городах и селах, доказывая, что экономическая цель войны против СССР заключалась в полной эксплуатации и последующем уничтожении населения: «Из Павловского дворца в городе Слуцке вывезена в Германию ценнейшая дворцовая мебель, созданная крупнейшими мастерами XVIII века. Из Петергофских дворцов немцы вывезли все оставшиеся там лепные и резные украшения, ковры, картины, статуи. Большой Петергофский дворец, заложенный еще при Петре Первом, после ограбления был варварски сожжен» [3, с. 611]. Таким образом, через юридическое доказывание преступлений агрессии и военных преступлений Руденко закреплял тезис о том, что война велась против советского государства и советского народа как такового.

В отличие от некоторых западных прокуроров, которые стремились максимально дистанцироваться от эмоций, Руденко умело использовал силу советских свидетельств для создания мощного морального и исторического резонанса. Он понимал, что одних сухих документов недостаточно для закрепления подвига в мировой памяти; необходимо было показать человеческое измерение трагедии.

Советская сторона представила суду огромное количество показаний выживших узников лагерей смерти, жителей сожженных деревень и партизан. «Прибывшие с транспортом должны были проходить перед СС врачом лагеря или СС начальником лагеря. Тот показывал пальцем направо или налево. Налево обозначало газовую смерть. Из транспорта в 1 500 человек в среднем 1 200 – 1 300 сразу шло в газ. Изредка процент людей, направляемых в лагерь, бывал немного выше. Часто случалось, что врачи СС Менгеле и Тило проводили эту «селекцию», насвистывая веселую мелодию» [3, с. 580]. Руденко, представляя этих свидетелей, добивался того, чтобы их боль и гнев были услышаны не только судьями, но и мировой прессой. Его тактика заключалась в том, чтобы дать советскому народу «голос» в этом международном трибунале.

Значительное внимание уделялось свидетельствам о действиях Красной армии при освобождении территории. «Руденко представлял не только ужасы, которые оставили после себя нацисты, но и акт освобождения, совершенный советскими солдатами. Это было критически важно для контрпропаганды, поскольку западные союзники иногда пытались преуменьшить роль СССР в окончательном сокрушении вермахта» [4, с. 58]. Показывая зверства, Руденко косвенно подчеркивал, какой ценой было достигнуто это освобождение, тем самым увековечивая самопожертвование советских солдат.

Стратегия Руденко была направлена на то, чтобы преступления нацистов были не просто зафиксированы как таковые, но и привязаны к конкретному субъекту – советскому народу. Он систематически собирал и представлял доказательства, демонстрирующие организованное

сопротивление на всех уровнях: от действий регулярной армии и партизанских отрядов до пассивного, но массового героизма мирного населения, отказывавшегося сотрудничать с оккупантами.

В его обвинительной речи неоднократно подчеркивалось, что в борьбе с нацизмом участвовали представители всех союзных республик СССР. Это было важно для утверждения единства многонационального советского народа перед лицом общей угрозы. Руденко использовал сам факт сопротивления как доказательство достаточной высокой морали советской системы и её устойчивости перед лицом расовой и идеологической агрессии.

Закрепление подвига в памяти через обвинительный процесс означало демонстрацию не только факта победы, но и морального права на эту победу. Руденко добивался, чтобы в мировой истории, которая писалась Нюрнбергским вердиктом, подвиг советского солдата и труженика тыла занял то место, которое соответствует его реальному масштабу.

«Нюрнбергский процесс проходил в условиях холодной войны, которая начинала набирать обороты. Западные державы уже стремились пересмотреть роль СССР в войне, смещая фокус на уступки 1939–1941 гг. Стратегия Руденко включала активное противодействие этим попыткам, как в зале суда, так и через советскую прессу, которая вела трансляцию процесса» [5, с. 657].

Руденко настаивал на том, что преступления против мира (планирование и ведение агрессивной войны) являются первоочередными, поскольку именно они послужили причиной всех последующих зверств. «Это юридически обосновывало роль СССР как стороны, справедливо защищавшейся от неспровоцированной агрессии. В его речи агрессия нацистской Германии против СССР была представлена как самая масштабная и жестокая фаза Второй мировой войны.

Успех стратегии Руденко заключался в том, что он добился включения в итоговые документы и в общественное сознание факта, что именно советский тыл, перенесший немыслимые тяготы, обеспечил материальную базу для разгрома Германии» [6, с. 686]. Таким образом, подвиг закреплялся не только в героических битвах, но и в нечеловеческом труде народов, эвакуированных за Урал и продолжавших работать в нечеловеческих условиях.

Стратегия Главного обвинителя от СССР Романа Андреевича Руденко на Нюрнбергском процессе была профессиональным сочетанием жесткой юридической доказательной базы и мощной морально-исторической аргументации, главной целью которой было не просто осудить преступников, но и узаконить в международном правовом поле историческую правду о решающей роли Советского Союза в победе над нацизмом [7].

Через доскональное представление доказательств зверств на Восточном фронте, умелое использование показаний советских свидетелей

и акцент на преступления против мира Руденко добился того, что подвиг советского народа был задокументирован в материалах самого значимого международного суда XX века. Нюрнбергский процесс стал краеугольным камнем в послевоенной исторической памяти, и вклад Руденко в формирование этой памяти, особенно в части признания жертв и героизма советских граждан, остается неоценимым. Его работа обеспечила то, что через призму правосудия историческая справедливость в отношении подвига СССР была закреплена на века.

Список использованных источников:

1. Звягинцев, А.Г. Неизвестная Фемида / А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. – М., 2003.

2. Рагинский, М.Ю. Основные процессуальные вопросы организации и деятельности международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио / М.Ю. Рагинский. – М., 1950.

3. Нюрнбергский процесс [Текст] : сборник материалов : в 8-ми томах. Т. 4 / сост. Зоря Ю.Н., Николаев А.Н.; науч. ред., авт. предисл. Лебедева Н.С. – Москва : Юридическая литература, 1987–1999, 1990. – 672 с.

4. Рагинский, М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории / М.Ю. Рагинский. – М.,1986.

5. Звягинцев, А.Г. Нюрнбергский набат: репортаж из прошлого, обращение к будущему / Александр Звягинцев. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2006., Ю. – 1120 с.

6. Звягинцев, А.Г. Главный процесс человечества / А.Г. Звягинцев. – М., 2011.

7. Полторак, А. Нюрнбергский эпилог / А. Полторак. – М., 1983.

Ивашина Кристина Сергеевна,
Диянич Валерия Руслановна,
студенты 3 курса
Луганского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Ермолова Е.В.)

МЕДИЦИНА ЗА ГРАНЬЮ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ: НАЦИСТСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАД ЛЮДЬМИ

В истории медицины существует трагический период, который, несмотря на прошедшие десятилетия, по-прежнему вызывает глубокие этические размышления и профессиональные дискуссии. Речь идет о систематических преступлениях, совершенных врачами и учеными нацистской Германии во время Второй мировой войны. Под предлогом

лженаучных концепций расовой гигиены и военной необходимости осуществлялись варварские эксперименты над узниками концлагерей, а также реализовывались программы принудительной стерилизации и так называемой «эвтаназии» людей с инвалидностью.

Подробный научный анализ этой темы представлен в академическом учебнике «История медицины» под редакцией Т.С. Сорокиной, где рассматриваются идеологические основы нацистской медицины и классифицируются её основные преступления [1, с. 318].

В определенный момент Адольф Гитлер совместно с министром здравоохранения, подчинявшимся непосредственно Генриху Гиммлеру, довели до главных лиц медицинского сообщества секретное распоряжение о необходимости «очищения общества» от так называемых «лишних ртов» – людей с психическими расстройствами, неизлечимо больных, а также детей и пожилых, признанных «болезненными для государства». Лишь немногие представители медицинской среды нацистской Германии осмелились считать, что отказ от участия в этой программе может быть проявлением профессиональной чести и человеческого достоинства. Однако большинство врачей вместо того, чтобы исполнять свой долг – облегчать страдания и спасать жизни, превратились в исполнителей чудовищных приговоров.

В октябре 1939 года, спустя несколько недель после начала Второй мировой войны, Адольф Гитлер подписал первый приказ о реализации программы «Gnadentod», что в переводе означает «Смерть из жалости» (она же «Акция Тиргартенштрассе 4», «Т-4») [2, с. 107]. Уже пятнадцатого числа того же месяца нацисты применили газ для убийства «пациентов» в польском городе Познань. Однако аналогичные центры уничтожения существовали на территории Германии ещё за несколько лет до этого. Психиатры и врачи различных специальностей объединились в осуществлении этой программы: менее чем за два года в газовых камерах были убиты около 70 000 пациентов с психическими и физическими заболеваниями.

Немецкие ученые в концлагерях – таких как Равенсбрюк, Дахау, Бухенвальд и Освенцим – проводили операции над своими жертвами без применения анестезии, стремясь найти средства лечения ещё плохо изученных заболеваний. Они преднамеренно подвергали людей голоду, жажде и холоду, погружали их в воду для утопления, ампутировали конечности, душили и вскрывали тела, ещё сохранявшие признаки жизни ради изучения реакций человеческого организма или просто для проверки способности человека выносливо переносить страдания.

Такой ужасающий характер медицинских преступлений получил отражение в российских исследованиях. Например, в статье «Медицинские эксперименты немецких врачей на территории 1-й Советской больницы

Симферополя в годы нацистской оккупации (1941–1942 гг.)» автор А.С. Савченко описывает конкретные случаи операций, ампутаций и кровопускания без наркоза [3, с. 35].

Значительная часть этих опытов была инициирована в интересах вермахта, люфтваффе и кригсмарине. В Дахау под руководством доктора Зигмунда Рашера проводились эксперименты по переохлаждению, чтобы изучить пределы выживаемости и методы реанимации. Также проводились высотные эксперименты в барокамерах, имитирующие условия на высоте до 21 км, для изучения последствий разгерметизации кабины пилота [4, с. 34]. Параллельно в Дахау доктор Клаус Шиллинг заражал заключенных малярией через укусы комаров или инъекции, а затем испытывал различные методы лечения, что приводило к гибели более половины из тысячи подопытных.

Кроме того, в Равенсбрюке, крупнейшем женском концлагере нацистов, проводились эксперименты с сульфаниламидом под руководством доктора Карла Гебхардта. Заключенным наносили глубокие раны, в которые вносили бактерии газовой гангрены, осколки стекла и грязь, а затем изучали эффективность препарата, что причиняло невыносимые страдания и часто заканчивалось ампутациями или смертью. Там же проводились и травматологические и трансплантационные эксперименты: заключенным без анестезии ампутировали конечности, пересаживали кости, мышцы и нервы, чтобы отработать хирургические техники для лечения немецких солдат [5, с. 204]. И это лишь малая часть экспериментов, проводимых немецкими врачами и учеными.

В отдельном Нюрнбергском процессе, известном как «Дело врачей», 23 обвиняемых предстали перед судом за участие в бесчеловечных медицинских экспериментах над узниками концлагерей. Семеро подсудимых были приговорены к смертной казни, пятеро – к пожизненному заключению, четверо – к тюремному заключению на срок от 10 до 20 лет, и семеро были оправданы. Данный процесс продемонстрировал, как научная и медицинская этика может быть извращена в условиях тоталитарного государства, где человеческая жизнь теряет ценность.

Судебный процесс над врачами стал важным шагом в установлении международных норм, запрещающих такие преступления. Он подчеркнул, что медицинская наука и практика должны служить благу человека, а не быть инструментом насилия и угнетения. Решения Нюрнбергского трибунала стали основой для разработки Нюрнбергского кодекса, который установил принципы добровольного согласия и гуманности в медицинских исследованиях.

Однако несмотря на эти юридические шаги, память о тех ужасах не должна угасать. Напротив, она должна служить напоминанием о том, как легко можно потерять человечность, если не защищать её ценности.

Список использованных источников:

1. Сорокина, Т.С. История медицины : учебник для студентов медицинских вузов // 11-е изд., перераб. и доп. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2022. – 512 с.

2. Латышева, В.А. Смерть из жалости – преступная политика на территории оккупированной Гомельщины // 1943 год на Гомельщине: материалы междунар. научно-практич. конф. / под общ. ред. А.М. Куксо. – Гомель: БелГУТ, 2013. – С. 107–115.

3. Савченко, А.С. Медицинские эксперименты немецких врачей на территории 1-й Советской больницы Симферополя в годы нацистской оккупации (1941–1942 гг.) / А.С. Савченко // Наука. Общество. Оборона. 2024. – Т. 12, № 4 (41). – 38 с.

4. Бахтеев, Н.А., Устинов, А.Л. Медицинский и научный смысл нацистских экспериментов // VI Международная (76 Всероссийская) научно-практическая конференция «Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения», 2021. – С. 33–37.

5. Щастная, К.А. Медицинские эксперименты немцев во время Второй мировой войны // сборник материалов V Республиканской студенческой военно-научной конференции, посвященной Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. отв. ред. В.А. Новоселецкий. Гродно, 2020. – С. 203–205.

Ислямова Алие Шевкетовна,
студент 2 курса магистратуры
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Хилько И.Ю.)

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ КАК УГРОЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Проблема фальсификации истории России является актуальной и немаловажной в современное время.

Фальсификация истории – это сознательное и целенаправленное искажение исторической правды о прошлых событиях, совершаемое в политических целях. Историческая фальсификация преследует следующие цели и мотивы: закрепление исторического права за тем или иным народом на определенную территорию; обоснование легитимности правящей династии; обоснование преемственности государства по отношению к историческому прошлому [5].

За последние десятилетия отчетливо прослеживается информационная агрессия против России.

В очередной раз объектом для попытки фальсификации в ущерб интересам России стала история Второй мировой и Великой Отечественной войн [6].

В связи с происходящим в России был принят ряд нормативно-правовых актов, направленных на противодействие фальсификации истории России.

Одним из таких актов являлся Указ Президента Российской Федерации «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» № 549, принятый 5 мая 2009 года [3]. Данный нормативно-правовой акт должен был служить основой государственной политики в сфере противодействия фальсификации истории.

В соответствии с Указом Президента РФ, комиссия и её состав утверждались самим президентом. Комиссия руководствовалась Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации. В феврале 2013 года Д.А. Медведев упразднил Комиссию, тем самым прекратил её дальнейшее существование, но, несмотря на это, она сыграла решающую роль в стабилизации истории России.

Кроме того, для предотвращения появления исторических книг с сомнительными данными в 2013 году Президент РФ В.В. Путин заявил, что необходимо создать единые учебники по истории России для обучающихся в школе, поскольку знание настоящей истории России позволит воспитать чувство гордости и патриотизма у подрастающего поколения, а также способствовать усвоению истинности исторических процессов и явлений [4].

В труде финского историка-правоведа Йохана Бекмана дана оценка фальсификации истории России: «Искажение истории Великой Отечественной войны представляет собой опасность для молодёжи, поскольку оно целенаправленно вводит молодые умы в заблуждение и сеет в душах зёрна сомнений, касающихся не только отношения к политическим лидерам России, но даже восприятия собственных родителей» [1].

Вместе с тем Президент Российской Федерации 5 мая 2014 года подписал Федеральный закон Российской Федерации № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Данный закон направлен на противодействие попыткам фальсификации военной истории, посягательствам на историческую память россиян в отношении военно-исторических событий. В случае его нарушения вводится уголовная и административная ответственности.

Принимая во внимание многообразие информационных ресурсов, их доступность и скорость распространения информации, необходимо

отметить, что в первую очередь риску подвержены несовершеннолетние, поскольку они активно используют киберпространство для своих образовательных и социальных целей.

Центральное место в системе законодательства, обеспечивающего информационную безопасность несовершеннолетних, занимает Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [2], регулирующий отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

В настоящее время действующее законодательство в сфере защиты детей от вредной информации не содержит специальных норм, регулирующих распространение сведений, искажающих исторические факты. Данный пробел создает существенные риски для формирования правильного исторического сознания подрастающего поколения.

По нашему мнению, целесообразно дополнить ст. 5 вышеупомянутого федерального закона в категории «запрещенная для распространения среди детей информация» положением следующего содержания:

«Сведения, содержащие фальсификацию, искажение или отрицание исторически подтвержденных фактов, связанных с важнейшими событиями мировой и отечественной истории, в том числе с событиями, имеющими особое значение для сохранения исторической памяти и формирования патриотического сознания».

Данные изменения соответствуют принципам государственной политики в сфере защиты детей и способствуют формированию у подрастающего поколения объективного представления об исторических событиях.

Список использованных источников:

1. Бекман, Й.О. Противодействие фальсификации истории / Й.О. Бекман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.Segodnia.ru/contant/13724 (дата обращения: 02.10.2025).

2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ : в редакции от 8 августа 2024 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России : Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2009 № 549. СЗ РФ. 2010.

4. Президент В. Путин распорядился создать единые учебники для средней школы // Российская газета. 2013. Февраль. С. 2.

5. Противодействие фальсификации истории российского государства : материалы Всероссийского конкурса научных статей и презентаций / Сев-Зап. ин-т (филиал) Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – Вологда : Фонд развития филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде, 2018. – 152 с.

6. Суворов, В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? / В. Суворов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/suvorov1/index.html. (дата обращения: 02.10.2025).

Капарова Азиза Муратовна,
Никитина Виталия Сергеевна,
студенты 2 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Баркалова Е.В.)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ФАКТА ГЕНОЦИДА НА ТЕРРИТОРИИ РСФСР

Роль органов прокуратуры в установлении и признании фактов геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны трудно переоценить. Прокуроры и следователи вместе с Чрезвычайной государственной комиссией, созданной в 1942 г., провели кропотливую работу по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, включавшую в себя производство расследования, опрос потерпевших, сбор свидетельских показаний и иных документальных данных, относящихся к насилию, зверствам и другим преступным действиям гитлеровских оккупантов и их сообщников [2, с. 94].

Собранные материалы были использованы на судебных процессах над главными военными преступниками, прошедших в Хабаровске, Краснодаре, Смоленске, Новгороде, а также в других городах РСФСР. Несмотря на то, что термин «геноцид» в советском уголовном праве того времени отсутствовал, обвинения строились вокруг «преступлений против человечности», «истребления гражданского населения», «истребления целых народов и наций», что по своей сути соответствовало современному определению геноцида.

В качестве примера приведем деятельность прокуроров в досудебной подготовке Новгородского процесса 1947 г. Благодаря деятельности сотрудников прокуратуры бывшему командиру 38-го армейского корпуса генералу артиллерии Курту Герцогу было предъявлено обвинение в организации расстрелов 3,7 тыс. советских граждан около деревень

Жестяная Горка и Черная Батецкого района Новгородской области. Государственное обвинение по данному делу поддерживал заместитель военного прокурора Ленинградского военного округа по делам специальной подсудности В.З. Стрекаловский, по инициативе которого допрошены 36 свидетелей, изобличивших подсудимых, исследованы заключение судебно-медицинской экспертизы и другие письменные доказательства, в совокупности составившие 54 тома уголовного дела [5, с. 7]. Впоследствии, на основании углубленного анализа архивных документов, исследователи сделали вывод о том, что в деревне Жестяная Горка действовал карательный отряд, именовавшийся «тайлькоманда айнзацкоманды 1ц» полиции безопасности и СД, задачей которого было массовое уничтожение мирных советских граждан [5, с. 8–9].

Важным представляется преемственность деятельности прокуратуры РСФСР и прокуратуры России в нынешнее время. Так, в октябре 2020 г. районным судом Новгородской области удовлетворено заявление прокурора о признании фактов расправы над мирными жителями и военнопленными в 1942–1943 годах около деревни Жестяная Горка военными преступлениями и преступлениями против человечества, а также геноцидом советского народа [4].

Другим наглядным примером рассматриваемой деятельности советской прокуратуры является подготовка к Хабаровскому процессу. 16 декабря 1949 г. военный прокурор Приморского военного округа полковник юстиции А. Березовский утвердил обвинительное заключение, в котором отмечалось, что, осуществляя планирование и подготовку агрессивной войны против СССР и других государств, японские империалисты для достижения своих целей намеревались в широких масштабах использовать и частично использовали преступные средства истребления людей – оружие биологической войны. Для установления фактических данных и обстоятельств по материалам уголовного дела А. Березовский назначил судебно-медицинскую экспертизу, которая подтвердила, что деятельность отрядов № 731 и № 100 Квантунской армии была направлена на разработку и производство бактериологического (биологического) оружия, а также изучение методов его применения, в частности с использованием для этой цели насильственного заражения живых людей [1, с. 65].

Нельзя не отметить вклад государственного советника юстиции 3 класса Л.Н. Смирнова, поддерживавшего обвинение в суде. Его высочайший профессионализм и опыт привели к законному и обоснованному результату Хабаровского процесса. Приведенные данные свидетельствуют о том, что усердная работа советских прокуроров позволила добиться на Хабаровском процессе главного итога – справедливого наказания для виновных лиц за бесчеловечные деяния. Несмотря на то, что Хабаровский процесс не носил международного

масштаба, он наряду с Нюрнбергским и Токийским трибуналами лёг в основу базовых документов ООН. В частности, Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г., а также Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., в которой закреплено понятие «геноцид» как умышленное и систематическое уничтожение этнических, расовых, религиозных или национальных групп [3].

Помимо этого, военные прокуроры представляли доказательства целенаправленного истребления населения по этническому и идеологическому признаку, в результате чего состоялся Краснодарский процесс 1943 г. по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Краснодарского края [6, с. 163]. Изучением архивных документов установлено, что систематическому истреблению подвергались больные, инвалиды, в том числе дети. В целях массового истребления советских граждан германским руководством были созданы специальные органы, но особой жестокостью отличалась «Зондеркоманда 10а», которая располагалась в г. Краснодаре. Только в г. Краснодаре мученической смертью погибло более 13 тыс. жителей города, из них более 7 тыс. были умерщвлены в «машинах-душегубках» [5, с. 23]. Таким образом, деятельность прокуратуры привела к тому, что на процессе были установлены и озвучены фамилии лиц, ещё не привлеченных к ответственности за совершенные преступления.

Таким образом, прокуратура не только обеспечила юридическое оформление фактов геноцида советского народа и позволила добиться справедливого наказания для виновных на судебных процессах над фашистами, но и заложила важнейшие правовые прецеденты для последующего международного законодательства. Собранные доказательства сохраняют историческую память о преступлениях нацизма и продолжают служить основой для их официального признания в современной России, что подчеркивает значительный вклад проделанной работы советскими прокурорами. Несмотря на отсутствие легального определения «геноцида» в советском законодательстве до ратификации Конвенции ООН, прокуратура была одним из первостепенных государственных институтов, который устанавливал и документировал жестокие преступления на территории РСФСР.

Список использованных источников:

1. Бастрыкин, А.И. Подготовка к Хабаровскому процессу и его значение для международного права / А.И. Бастрыкин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 1. – С. 61–69.

2. Ерёмин, А.В. История отечественной прокуратуры : учебное пособие / А.В. Ерёмин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – 136 с.

3. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 30.10.2025).

4. Решение Солецкого районного суда Новгородской области по гражданскому делу № 2-582/2020 URL: https://solecky--nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=30827907&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 30.10.2025)

5. Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР. – Генеральная прокуратура Российской Федерации, Управление по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму: Москва. – 2025. том 1. – 55 с.

6. Степаненко, С.Г. Судебные процессы над военными преступниками и их пособниками как акт реализации норм международного гуманитарного права (на материалах Краснодарских судебных процессов 1943–1974 гг.) / С.Г. Степаненко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. – 2010. – № 1 (5). – С. 161–165.

Кирикова Яна Сергеевна,
студент 1 курса
Крымского филиала Российского
государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева

(Научный руководитель – Киян М.Ш.)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Проблематика реабилитации нацизма является одной из ключевых в современной правовой действительности. Опасность распространения

«вируса нацизма» озвучил Президент Российской Федерации В.В. Путин: «К сожалению, «вакцина» от нацистского вируса, выработанная на Нюрнбергском трибунале, в некоторых государствах Европы теряет силу… Особое беспокойство в этом плане вызывает ситуация на Украине, где произошел антиконституционный государственный переворот, движущей силой которого стали националисты и другие радикальные группировки» [1]. Реальную угрозу национальной безопасности России представляют участившиеся в иностранных государствах случаи умышленного искажения истории, возрождения идей нацизма и фашизма.

Важным документом, направленным на обеспечение национальной безопасности путем предотвращения злоупотребления свободой слова и защитой исторической памяти, является Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», согласно которому деятельность публично-правовых образований, организаций и лиц, содействующая распространению деструктивной идеологии, представляет объективную угрозу национальным интересам Российской Федерации. Распространение деструктивной идеологии способствует в том числе искажению исторической правды, разрушению исторической памяти [2]. Из этого следует, что одной из задач государственной политики является сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю.

В России, имевшей в своей истории тяжелый опыт последствий нацизма, необходимость недопущения развития аналогичной ситуации стала одним из обоснований в мае 2014 г. введения уголовной ответственности за действия, направленные на реабилитацию нацизма, посредством включения в Уголовный кодекс Российской Федерации нового состава преступления – статьи 354.1 «Реабилитация нацизма» [3]. Согласно данному закону, подлежат наказанию лица, осуществляющие публичное отрицание фактов, установленных Международным военным трибуналом г. Нюрнберга, утверждение о миролюбивых целях гитлеровской агрессии против Советского Союза и попытки оправдания фашистских злодеяний. Ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за реабилитацию нацизма, в соответствии с которой лица, виновные в совершении данного преступления, «наказываются штрафом в размере до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок с

лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

Федеральный закон № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за реабилитацию нацизма» [4] уточнил положения УК РФ, установив уголовную ответственность за нарушение запрета на реабилитацию нацизма.

Из понятия и признаков состава преступления ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации преступление реабилитации нацизма определяется как публичное отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», одобрение преступлений, признанных судом тяжкими преступлениями против мира и человечества, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, выражение одобрения геноцидов, репрессий и иных массовых нарушений прав и свобод человека и гражданина, осуществленных организациями, признанными виновными в совершении вышеуказанных преступлений. Преступление считается оконченным с момента совершения соответствующих действий независимо от наступления последствий. Однако судебная практика по данной категории дел свидетельствует о значительных трудностях в применении данной нормы права, обусловленных сложностью выявления признаков состава преступления и спецификой оценки доказательств. Разнообразие судебно-применительных подходов проявляется в разных интерпретациях признаков состава преступления. Одни суды считают достаточным сам факт распространения информации, независимо от его содержания, другие делают упор именно на характер передаваемого материала.

Особенность дел по реабилитации нацизма состоит в том, что главным доказательством служат записи и посты в Интернете и соцсетях. Однако сам факт критики некоторых эпизодов советской истории не считается преступлением. Подсудимым признаётся только тот, чьи публикации открыто восхваляют нацизм, оправдывают жестокость гитлеровцев и поддерживают идеи Третьего рейха. Чтобы обвинение состоялось, нужно точно доказать, что человек сознательно поддерживает нацистские взгляды [5].

Преступления, предусмотренные статьей 354.1 УК РФ, характеризуются особым предметом доказывания. Во-первых, необходимо установить наличие публичного характера высказывания. Во-вторых, доказать, что высказывание направлено на одобрение или защиту деяний, признанных международным правом преступными. В-третьих, определить степень осведомленности автора относительно обстоятельств, ставших объектом отрицания или поддержки.

При оценке доказательств суды руководствуются двумя основными методами:

– экспертиза: привлечение компетентных ученых, профессиональных исследователей, занимающихся изучением истории Второй мировой войны и периода послевоенного международного правосудия;

– комиссия специалистов: изучение публикаций, докладов и мнений общественных организаций, занимающихся памятью жертв нацизма. Данные подходы позволяют сформировать объективную картину произошедшего и обеспечивают правильное применение положений статьи 354.1 УК РФ.

Несмотря на имеющийся опыт применения статьи 354.1 УК РФ, сохраняются вопросы, требующие разрешения:

– понятие «реабилитация нацизма» недостаточно ясно определено, что создаёт неопределённость в применении закона;

– широта и расплывчатость формулировок вызывают споры среди специалистов, затрудняя установление границ состава преступления;

– отдельные действия сложно однозначно отнести к данному составу преступления, что порождает конфликты в практике судов [6].

Чтобы устранить существующие проблемы, необходимо предпринять следующие шаги:

– детализировать и уточнить используемые юридические термины и понятия;

– разработать и принять самостоятельный нормативный правовой акт, закрепляющий содержание основных дефиниций, таких как «нацизм» и «реабилитация нацизма», и определяющий реабилитацию нацизма как разновидность экстремистской деятельности [7].

Это позволит не только разрешить проблему реабилитации нацизма в её уголовно-правовом смысле, но и сформировать единый подход к реализации мер по её недопущению в контексте общего вектора противодействия экстремистской деятельности. Принятие такого нормативного правового акта позволило бы оптимизировать нормы уголовного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, обеспечило бы системность правового регулирования противодействия реабилитации нацизма, а также создало основу для реконструкции уголовно-правовой нормы ст. 354.1 УК РФ, как с учетом положений Приговора Международного военного трибунала от 1 октября 1946 г., так и с учетом общих принципов и правил законодательной техники, характерной для отечественной системы законодательства. Эти меры позволят повысить качество расследования и рассмотрения дел указанной категории, укрепив гарантии справедливого отправления правосудия.

В настоящее время государственные органы проводят активную работу по реабилитации нацизма. Министерство внутренних дел совместно с Генеральной прокуратурой регулярно проводят мониторинг материалов, публикуемых в средствах массовой информации и образовательных учреждениях, проверяя их на соответствие требованиям законодательства. Особое внимание уделяется повышению эффективности контроля за распространением экстремистских взглядов посредством расширения полномочий государственных структур, таких как Роскомнадзор и ФСБ, которые занимаются выявлением и пресечением проявлений экстремизма и реабилитации нацизма.

Таким образом, дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики представляется необходимым условием для эффективного предотвращения угроз национальной безопасности, сохранения исторической памяти и улучшения механизма реализации статьи 354.1 УК РФ.

Список использованных источников:

1. В.В. Путин предостерег от угрозы «нацистского вируса» в современной Европе // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.interfax.ru/world/401833 (дата обращения: 15 октября 2025 г.).

2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 15 октября 2025 г.).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/ (дата обращения: 15 октября 2025 г.).

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за реабилитацию нацизма : Федеральный закон № 128-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 8 ноября 2025 г.).

5. Червонных, Е.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354. 1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения / Е.В. Червонных // ППД. – 2015. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-

prestupleniy-predusmotrennyh-statiey-354-1-reabilitatsiya-natsizma-uk-rf-i-otdelnye-problemy-ee (дата обращения: 08.11.2025).

6. Поляков, Р.А., Кривенок, С.А., Пенкин, С.С. Проблемы и возможные коррективы статьи 354. 1 УК РФ «Реабилитация нацизма» / Р.А. Поляков, С.А. Кривенок, С.С. Пенкин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5–4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-vozmozhnye-korrektivy-stati-354-1-uk-rf-reabilitatsiya-natsizma (дата обращения: 08.11.2025).

7. Советова, М.В. О содержании понятия «реабилитация нацизма: фактический, социально-правовой и уголовно-правовой аспекты / М.В. Советова // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1 (65). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-ponyatiya-reabilitatsiya-natsizma-fakticheskiy-sotsialno-pravovoy-i-ugolovno-pravovoy-aspekty (дата обращения: 08.11.2025).

Киседобрая Анна Сергеевна,
студент 2 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Осадчук Е.А.)

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В НЕДОПУЩЕНИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

В современном мире тема реабилитации нацизма вызывает серьезную угрозу на международной и национальной аренах. Неудивительно, что Республика Крым после изменений в геополитической ситуации стала объектом повышенного внимания. Прокуратура – важнейший институт системы правопорядка, так как в Республике Крым она активно задействует свои функции для пресечения и предупреждения различных проявлений экстремизма, ненависти и насилия, связанных с идеями нацизма.

В статье 354.1 «Реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации установлено, что «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично», влечет за собой наказания, начинающиеся штрафом в размере от трех миллионов рублей и заканчивающиеся лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или

заниматься определенной деятельностью на тот же срок [1].

Углубляясь в историю, можно отметить, что расследование преступлений, совершенных нацистами, и реабилитация нацизма начались ещё в период Великой Отечественной войны. Постановление СНК Крымской АССР и Крымского областного комитета ВКП(б) «Об образовании республиканской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крыма» было принято 20 апреля 1944 года. В течение месяца комиссия должна была провести работу по установлению и расследованию преступлений, которые были совершены немецко-фашистскими захватчиками и пособниками, а также определить размер ущерба, причиненный народному хозяйству Крыма в двухмесячный срок [2]. В работу, направленную на установление фактов совершения преступлений на территории полуострова в период его оккупации немецко-румынскими войсками, активно включилась прокуратура Крымской АССР. Примером может служить два возбужденных уголовных дела в отношении советских граждан, которые сотрудничали с оккупантами, дело было расследовано прокуратурой города Ялты. В результате удалось установить, что в ноябре 1943 года А.Ф. Гайдаенко участвовал в ограблении жителей деревень Саблы и Джавер-Берды Симферопольского района, которые впоследствии были сожжены [3].

На протяжении многих десятилетий, начиная с военных лет, многие индивидуумы и различные группы пытаются возродить нацистские идеологии. Будучи важным геополитическим регионом, Республика Крым не застрахована от попыток возрождения и реабилитации нацизма. В современном мире прокуратура Республики Крым играет важную роль в защите прав граждан, предупреждении и пресечении проявлений нацизма и экстремизма, и по сей день всеми силами борется с этим.

Работа органов прокуратуры Российской Федерации направлена на решение этой задачи и реализуется в беспрецедентном проекте – «Без срока давности», посвященном сохранению исторической памяти о жертвах военных преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В настоящее время Генеральная прокуратура Российской Федерации совместно с другими правоохранительными ведомствами принимают меры по установлению и выявлению обстоятельств преступлений нацистов против мирных жителей и лиц, причастных к их совершению. В 34 субъектах Российской Федерации организована работа в этом направлении: рассекречиваются и отбираются архивные материалы о преступлениях нацистских отрядов, ищутся ранее неизвестные места истребления и захоронения мирного населения и советских военнопленных. Подтвержден факт содержания

мирных жителей в концлагерях в условиях, несовместимых с жизнью, выявлены обстоятельства массового истязания, уничтожения и рабского труда военнопленных и мирного населения [4].

Прокуратурой Республики Крым, Верховным судом Республики Крым 7 июля 2022 года вынесено решение, которым удовлетворено заявление прокурора и установлен факт, имеющий юридическое значение, – признание военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны на территории Крыма. При рассмотрении дела судом и подготовке заявления Генеральная прокуратура взаимодействовала с органами СК России и ФСБ России. Совместно было выявлено, что в период оккупации городов Алушты, Джанкоя, Евпатории, Керчи, Саки, Симферополя, Судака, Феодосии и Ялты, Бахчисарайского, Белогорского, Джанкойского, Кировского, Красногвардейского, Ленинского, Нижнегорского, Раздольненского, Сакского, Симферопольского, Советского и др. районов на территории полуострова действовали части вермахта и воинские формирования стран «оси», специальные карательные и вспомогательные подразделения. За период 1941–1944 гг. нацистами было замучено и убито около 87 тыс. мирных граждан и свыше 47 тыс. военнопленных. В Германию и Румынию на каторжный труд было отправлено около 85 тысяч человек. Убийства мирного населения и военнопленных были подтверждены фактами и свидетельствами очевидцев, материалами уголовных дел, а также приговорами судов и трибуналов.

Примером могут служить показания узников концлагеря «Красный», свидетелей страшных событий в Аджимушкайских каменоломнях. Специалисты подробно разобрались в преступлениях по массовым убийствам советских граждан в концлагере «Красный», психиатрических больницах Крыма, а также преступлениях по уничтожению более 100 населенных пунктов республики.

В 2020 году в ходе расследования уголовного дела о геноциде народа Советского Союза был проведен осмотр определенных участков местности ОППТ «Максимова дача», в результате чего обнаружено массовое захоронение с костными останками мирных жителей, расстрелянных нацистами в 1942 году.

Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 утверждена новая Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, которая определяет источники угроз, цели, задачи и направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму и т.д. [5] Взаимодействие прокуратуры с общеобразовательными учреждениями имеет важное значение в

формировании у нынешнего поколения устойчивого отношения к разным проявлениям насилия и ненависти, включая нацизм. Прокуратура Республики Крым поддерживает и поощряет проекты, направленные на сохранение исторической памяти и противодействие экстремизму и нацизму. В данной сфере по результатам проверок было выявлено около 400 нарушений закона, а также приняты меры, направленные на их устранение и привлечение лиц к установленной ответственности.

В современных условиях, когда попытки реабилитации нацизма продолжают существовать, прокуратура Республики Крым в полном объеме продолжает выполнять свои функции, такие как надзор за соблюдением законодательства, пресечение преступлений, образовательная деятельность и сотрудничество с местными сообществами, и, конечно же, способствует предотвращению распространения нацистских и экстремистских идеологий. Воспитание толерантности и обеспечение правовой защищенности в обществе помогут предотвратить повторение ужасающих ошибок прошлого и обеспечить стабильное будущее для последующих поколений.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.gov.ru

2. Об образовании республиканской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крыма // Красный Крым. 1944. № 7. С. 5.

3. Задерейчук, И.П. Деятельность прокуратуры по установлению и расследованию преступлений, совершенных нацистами на территории Крыма в 1941–1944 гг. / И.П. Задерейчук // КриминалистЪ. – 2024. – № 1 (46), С. 115–121.

4. «Без срока давности»: Генеральная прокуратура Российской Федерации опубликовала материалы судебных дел о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-29072025135904-149898/?ysclid=mhj3y40ell415527829

5. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.gov.ru

Колесникова София Евгеньевна,
студент 1 курса
Луганского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Ермолова Е.В.)

ПРАВОСУДИЕ НАД ПАЛАЧАМИ САЛАСПИЛСА: РИЖСКИЙ ПРОЦЕСС 1961 ГОДА

Саласпилсский лагерь (1941–1944 гг.) стал одним из самых знаменитых символов нацистского террора на оккупированной территории Советского Союза. За его колючей проволокой разворачивалась трагедия, масштабы которой до сих пор трудно поддаются осмыслению: систематическое уничтожение детей, бесчеловечные медицинские эксперименты и массовые казни, превратившие лагерь в настоящую «фабрику смерти». Актуальность исследования преступлений Саласпилса сегодня особенно значима, ведь со стороны мирового сообщества наблюдается тенденция переписи истории Второй мировой войны, желание преуменьшить масштабы нацистских злодеяний. Деятельность лагеря, направленная на планомерное уничтожение мирного населения, требует не только исторического осуждения, но и строгой правовой оценки, ставшей важным прецедентом в международном уголовном праве.

Рижский процесс 1961 года над организаторами и исполнителями преступлений в Саласпилсе, наряду с другими судебными процессами над нацистскими преступниками, стал ключевым элементом в формировании судебной практики привлечения к ответственности виновных за их преступления против человечества. Данная статья посвящена анализу уникального опыта советской прокуратуры и следственных органов в установлении истины и юридической квалификации деяний нацистских преступников. Изучение материалов Рижского процесса позволяет не только восстановить историческую справедливость, но и извлечь важные уроки для современной правовой системы в области противодействия преступлениям против человечности.

Для понимания сути и серьезности предъявленных на Рижском процессе обвинений необходимо четко определить статус и функции лагеря. Несмотря на попытки некоторых современных исследователей, стремящихся к пересмотру сложившихся исторических представлений, презентовать Саласпилс как «исправительно-трудовой лагерь», архивные документы и свидетельства однозначно доказывают его принадлежность к системе концентрационных лагерей, сочетавших в себе как эксплуатацию человеческого труда, так и физическое уничтожение и истребление мирного населения [3, с. 24].

Особое место в истории Саласпилса занимает целенаправленное уничтожение детей. Согласно данным Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по Латвии, через лагерь прошло более 12 000 детей, из которых было убито не менее 7 000 [1, с. 105]. Преступления против детей носили системный характер и включали в себя страшные медицинские эксперименты. В тела беззащитных вводились неизвестные препараты и велись исследования относительно реакций организма, а также регулярно собиралась кровь вплоть до 200 мл у каждого ребенка независимо от пола и возраста – всё это приводило к истощению и смерти [6, с. 61].

Но это не всё, что пришлось пережить бедным детям. Они подвергались прямому физическому уничтожению: массовым отравлениям угарным газом, расстрелам и смерти от антисанитарных условий и голода. Методы уничтожения, применявшиеся в лагере, демонстрируют запланированный характер истребления, выходящий за рамки обычных военных преступлений. Данные действия образуют состав преступления против человечности, всё это отразилось в обвинительном заключении Рижского процесса 1961 года. В контексте расследования особую правовую значимость приобретает установление причинно-следственной связи между созданными в лагере условиями и наступившими последствиями в виде массовой гибели узников.

Расследование злодеяний в Саласпилсе велось органами НКГБ и военной прокуратуры Советского Союза на основании Декрета Совета народных комиссаров СССР от 17 ноября 1942 года «О мерах наказания немецко-фашистских злодеев» [4, с. 12]. Работа следователей и прокуроров была направлена на формирование неопровержимой доказательной базы, отвечающей принципам допустимости и относимости. Доказательственная база, сформированная прокуратурой, включала в себя в первую очередь протоколы допросов выживших узников, в том числе 17 детей в возрасте до 12 лет, у которых ежедневно выкачивали кровь [1, с. 108]. Также основными доказательствами были акты судебно-медицинской экспертизы, в частности результаты эксгумации на старом гарнизонном кладбище, где было обнаружено 632 детских трупа, и это только на одной пятой части всей обследованной территории [5, с. 27]. Не менее важными были документы немецких оккупационных органов, подтверждающие системный характер деятельности лагеря. Вещественные доказательства объективно установили фактическую сторону преступлений, неопровержимо подтвердив показания свидетелей. Они опровергли версию о случайном характере смертей, доказывая умышленное создание условий, приведших к массовой гибели людей.

Этот скрупулезный подход в послевоенной работе советской прокуратуры демонстрирует стремление к объективному и всестороннему установлению всех обстоятельств преступления. Судебное

разбирательство осуществлялось Военным трибуналом Прибалтийского военного округа. Правовой основой для обвинения послужил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [9]. Ключевыми аспектами процесса первоначально выделяют квалификацию преступлений. Действия подсудимых были квалифицированы как умышленное причинение смерти и тяжкого вреда здоровью, совершенные группой лиц по предварительному сговору и по мотивам расовой и идеологической ненависти. Прокуратура настаивала на том, что преступления носили системный характер и были направлены на истребление мирного населения. Также особое значение имели фигуры детей. Особое внимание в суде было уделено именно доказательству целенаправленного уничтожения детей, что подчеркивало исключительную жестокость и бесчеловечность действий обвиняемых.

Ключевыми фигурами в руководстве лагеря были комендант Курт Краузе, начальник охраны Рихард Никельс и руководитель карательного отряда «Арайс Коммандо» Викторс Арайс, они понесли прямую ответственность за преступления против человечности. На основе представленных прокуратурой доказательств суд признал вину подсудимых полностью доказанной, вынес суровый приговор, вплоть до высшей меры наказания – расстрела. Этим приговором был подтвержден принцип неотвратимости ответственности за преступления против человечности [7, с. 31].

Значение Рижского процесса и ему подобных (таких как Вильнюсский процесс 1962 года над литовскими коллаборационистами) выходит за национальные рамки. Они стали основой современной системы международного уголовного права, подтвердив, что преступления против человечности не имеют срока давности. Ярким примером продолжения этой работы является дело Конрадса Калейса – офицера латышской вспомогательной полиции («команда Арайса»), который командовал охраной Саласпилса. После войны он скрывался, но в 1980–1990-е годы велось его активное международное преследование (США, Канада, Великобритания). Он обвинялся в соучастии в убийстве тысяч человек, что демонстрирует жизнеспособность правовых принципов, заложенных в ходе послевоенных процессов в СССР [5, с. 39].

Рижский процесс 1961 года над преступниками Саласпилсского лагеря стал не просто актом возмездия, а тщательно подготовленным юридическим актом, основанным на массиве неопровержимых доказательств. Деятельность органов Прокуратуры СССР обеспечила правовую квалификацию злодеяний, которая и сегодня служит барьером

на пути попыток пересмотра и переписи истории, а также отдаляет от нас идею реабилитации нацизма.

Российская Федерация как государство – правопреемник СССР сохраняет свою преемственность не только в вопросах культуры и традиций, но и в вопросах права, а следовательно, и в вопросах правовой оценки нацистских преступлений. Эта преемственность проявляется в сохранении и развитии нормативной базы, направленной на противодействие реабилитации нацизма. В частности, статья 354.1 Уголовного кодекса РФ («Реабилитация нацизма»), принятая в 2014 году, является прямым развитием правовых принципов, заложенных в ходе послевоенных процессов над нацистскими преступниками. Преемственность доказывает не только указанная статья, но и другие статьи УК РФ, а именно: статья 357 УК РФ («Геноцид»), предусматривающая ответственность за действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы (данная норма напрямую связана с юридической квалификацией преступлений, установленных Нюрнбергским трибуналом); статья 354 УК РФ («Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны»), продолжающая правовые традиции осуждения планирования, подготовки и развязывания агрессивной войны, закрепленные в Уставе Нюрнбергского трибунала; статья 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды»), направленная против пропаганды расового, национального или религиозного превосходства, что соответствует принципам осуждения нацистской идеологии [8]. Данные нормы уголовного законодательства обеспечивают правовую защиту исторической памяти о преступлениях нацизма, устанавливают ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала и любого судебного процесса того времени, а также за распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

Таким образом, правовая квалификация преступлений в Саласпилсе, данная советским судом, остается действующим правовым прецедентом и основанием для привлечения к ответственности по современному российскому законодательству. Правоприменительная практика, например, по статье 354.1 УК РФ, демонстрирует продолжение последовательной антинацистской политики, уходящей корнями в юридические подходы, выработанные в ходе послевоенных процессов. Это подтверждает неразрывную связь между исторической правдой о преступлениях нацизма и современной правовой системой России, обеспечивающей защиту этой правды от фальсификаций.

Список использованных источников:

1. Акт Государственной чрезвычайной комиссии об истреблении детей в Саласпилсском лагере. – ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 52. – С. 105–109 // [Электронный ресурс] – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/166424?ysclid=mhq5p5qntb607744734 (дата обращения: 23.10.2025).

2. Аристов, С.В. Проблемы истории концентрационного лагеря Саласпилс (1942–1944 годы) / С.В. Аристов // Вестник ТГПУ. – 2017. – № 9. – С. 24–30 // [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-istorii-kontsentratsionnogo-lagerya-salaspils-1941-1944 (дата обращения: 24.10.2025).

3. Калганов, А. Федеральная служба безопасности Российской Федерации. Дело № 2783: военные преступления не забыты [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. – 2000. 12 мая – URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm%21id%3D10318050%40fsbPublication%26_print%3Dtrue.html (дата обращения: 25.10.2024).

4. Зимнее волшебство. Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль-март 1943 г.: Док. и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Республики Беларусь, Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память». – М.; Минск : Фонд «Историческая память», 2013 // [Электронный ресурс] – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170225-zimnee-volshebstvo-natsistskaya-karatelnaya-operatsiya-v-belorussko-latviyskom-pogranichie-fevral-mart-1943-g?ysclid=mhq6npay5c747766793 (дата обращения: 27.10.2025).

5. Латвия под игом нацизма : сборник архивных документов. – М. : Издательство «Европа», 2006. – 344 с. – (Евровосток) // [Электронный ресурс] URL: https://militera.lib.ru/docs/0/pdf/latvija.pdf?ysclid=mhq6ps8isi779102727 (дата обращения: 27.10.2025).

6. Приговоренные нацизмом : сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941–1945 гг. // сост. В. Богов. Рига: Jumi, 2011. – 228 с. // [Электронный ресурс] – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203983?ysclid=mhq6r8fwc5526658787 (дата обращения: 30.10.2025).

7. Селюкина, Н.В. Судебный процесс 1962 г. над нацистскими пособниками из 2-го (12-го) литовского батальона / Н.В. Селюкина // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2023. – № 1. – 137 с. // [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-protsess-1962-g-nad-natsistskimi-posobnikami-iz-2-go-12-go-litovskogo-batalona-vspomogatelnoy-sluzhby-politsii- (дата обращения: 27.10.2025).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63- ФЗ (ред. от 15.10.2024) // [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 23.10.2025).

9. О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников : Указ Президиума ВС СССР от 19.04.1943 № 39 // [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 23.01.2025).

Кострюкова Анна Юрьевна,
студент 3 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Баркалова Е.В.)

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В УСТАНОВЛЕНИИ И ПРИЗНАНИИ ФАКТОВ ГЕНОЦИДА СОВЕТСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В наши дни доподлинно известно о проведении геноцида в отношении мирного советского населения немецко-фашистскими захватчиками в результате проведения так называемых карательных операций в местах массового силового заключения и содержания граждан. Также в концлагерях фиксировались случаи массового истребления и попыток уничтожения советских жителей. Несомненно, такие преступления не имеют срока давности.

После окончания Второй мировой войны был проведен ряд судебных процессов о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в 1941–1945 гг., некоторые из них носили характер международных трибуналов. К таковым относится Нюрнбергский и Токийский процессы.

В РСФСР в 1945–1947 гг. было проведено 6 наиболее крупных судебных процессов над немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками. Такие процессы прошли в Смоленске, Брянске, Ленинграде, Великих Луках, Севастополе и Новгороде.

Однако работа в данном направлении непрерывно ведется до сих пор. Ведь выясняются новые факты, изучаются архивные материалы на

предмет установления и выявления преступлений участников нацистских карательных отрядов на оккупированных территориях Советского Союза.

В наши дни Генеральной прокуратурой Российской Федерации совместно с другими правоохранительными ведомствами принимаются меры по установлению обстоятельств вновь выявленных преступлений нацистов против мирных жителей и лиц, причастных к их совершению. Такое взаимодействие осуществляется в том числе и с привлечением поисковых отрядов, историков, краеведов. В ходе реализации таких мероприятий осуществляется обнаружение ранее неизвестных мест истребления и захоронения мирного населения и советских военнопленных.

В ознаменование 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне Генеральной прокуратурой Российской Федерации была проделана масштабная работа в рамках реализуемого в нашей стране беспрецедентного проекта «Без срока давности» [1].

В данном мероприятии приняли участие 34 субъекта РФ. В результате проведенной работы были отобраны и рассекречены архивные материалы о преступлениях участников нацистских карательных отрядов на оккупированных территориях Советского Союза. Всё это стало возможным благодаря обращению к архивным материалам, в том числе и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, и фиксации показаний очевидцев тех страшных событий [2].

Кроме того, было возбуждено уголовное дело по статье 357 УК РФ (геноцид). В данном производстве соединены уголовные дела о геноциде советских граждан в разных регионах СССР.

Результатом проделанной работы стало выявление обстоятельств и фактов массового уничтожения, истязания, а также использования рабского труда мирного населения и военнопленных на оккупированной территории и за её пределами, подтверждение факта содержания населения в концлагерях в условиях, несовместимых с жизнью. В ходе реализации проекта были получены неоспоримые доказательства преднамеренного, заранее спланированного политическим и военным руководством нацистской Германии истребления мирного населения в целях уничтожения государственности Советского Союза и захвата новых территорий для их последующей колонизации и эксплуатации.

Помимо уголовного преследования, органами прокуратуры Российской Федерации была проделана работа в рамках гражданского судопроизводства.

Также по поручению Игоря Викторовича Краснова, занимавшего пост Генерального прокурора Российской Федерации с 22 января 2022 года по 24 сентября 2025 года, в суд были направлены заявления о признании военными преступлениями и преступлениями против человечности, геноцидом советского народа установленных и вновь выявленных

преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками [2].

Обратимся к судебному процессу, в ходе которого было рассмотрено заявление прокуратуры Воронежской области об установлении факта геноцида народов Советского Союза.

Прокуратурой Воронежской области за январь-март 2023 года была проведена подготовка заявления о признании геноцидом злодеяний немецко-фашистских войск в отношении мирного населения Воронежской области в период её оккупации с июля 1942 г. по январь 1943 г. [3, с. 3]

По итогам взаимодействия с межведомственной рабочей группой, состоящей из представителей СК РФ, МВД России, ФСБ России, а также с привлечением историков, с использованием протоколов допросов в качестве свидетелей (потерпевших) 118 лиц – жителей различных регионов нашей страны, содержавшихся в детском возрасте со своими родственниками в концлагерях, расположенных на территории восьми современных районов области, были получены и исследованы доказательства, позволяющие безукоризненно убедиться в наличии факта геноцида населения Воронежской области. К таковым относятся: показания очевидцев и сотрудников архивных учреждений и Воронежского областного краеведческого музея, а также историков и участников регионального отделения поискового движения «Дон», заключения экспертов о размере причиненного области материального ущерба и др. [3, с. 6]

Было установлено, что в результате преступных действий немецко-фашистских захватчиков и их пособников в указанный период погибли более 198 тыс. мирных советских граждан и военнопленных, почти 77 тыс. человек насильственно угнаны с территории региона в страны Западной Европы в целях последующего привлечения к принудительному труду [4].

В ходе преступных действий немецко-фашистских захватчиков Воронеж подвергся значительным разрушениям, в результате которых коммунальный фонд был уничтожен практически на 92% [4].

В свою очередь, уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена возможность в рамках разбирательства по уголовному делу предъявлять гражданский иск с требованием о компенсации материального ущерба. Данная процедура регламентирована статьей 44 УПК РФ.

На сегодняшний день актуальный размер материального ущерба, причиненного Воронежской области немецко-фашистскими захватчиками, составляет свыше 11,7 трлн рублей. Данные показатели были получены путём учёта статистических данных государственных органов, а также в результате проведенного исследования представителей Воронежского государственного университета [3, с. 3].

Исковое заявление о возмещении ущерба было направлено в Воронежский областной суд в целях защиты национальных интересов Российской Федерации, законных прав и интересов неопределенного круга лиц (родственников погибших), а также последующего доведения до мировой общественности информации о жертвах оккупантов и карателей в годы Великой Отечественной войны и восстановления исторической справедливости.

Воронежский областной суд, согласившись с доводами прокуратуры, удовлетворил заявленные требования в полном объеме [4].

Подобные судебные процессы, помимо Воронежской области, состоялись ещё в республиках Адыгея, Карелия и Крым, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках, Донецкой и Луганской Народных Республиках, Краснодарском и Ставропольском краях, Белгородской, Брянской, Волгоградской, Калининградской, Калужской, Курской, Липецкой, Ленинградской, Московской, Новгородской, Орловской, Псковской, Ростовской, Смоленской, Тверской и Тульской областях, г. Санкт-Петербурге [5, с. 9].

Принятые судебные акты являются логическим продолжением приговора Нюрнбергского трибунала и решений последующих судебных процессов над нацистскими преступниками и их пособниками [5, с. 9].

Таким образом, подобные мероприятия, в том числе и проект «Без срока давности», несомненно, способствуют сохранению исторической памяти, противодействию фальсификации истории, реабилитации нацизма, развитию патриотического воспитания и защите национальных интересов нашего государства.

Список использованных источников:

1. Всероссийский проект «Без срока давности» // безсрокадавности.рф – URL: https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/?ysclid=mhd3gxwwcw307909507 (дата обращения: 28.10.2025).

2. Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР (Том I, II, III) // Генеральная прокуратура Российской Федерации. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/nauchno_metodicheskie_materialy/nauchno_metodicheskie_materialy_po_inym_voprosam_nadzornoy_deyatelnosti/100599094-e5992678/?ysclid=mh9llh8nu4615180795 (дата обращения: 28.10.2025).

3. Генеральная прокуратура Российской Федерации, прокуратура Воронежской области // Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР (Т. 2). − М.: 2025. − С. 3–8.

4. Судом удовлетворены требования, предъявленные прокуратурой Воронежской области по поручению Генпрокурора России Игоря Краснова, об установлении факта геноцида народов Советского Союза // прокуратура Воронежской области. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_36/mass-media/news/main/e3613614/ (дата обращения: 28.10.2025).

5. Краснов, И.В. Роль прокуратуры Российской Федерации в реализации государственной политики по сохранению исторической памяти, противодействию подмене истории и распространению идеологии неонацизма / И.В. Краснов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. − 2025. − № 2 (106). − С. 6–12.

Лагута Александра Алексеевна,
курсант 4 курса
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России

(Научный руководитель – Савочкина Д.О.)

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Севастопольский судебный процесс – это один из послевоенных открытых судебных процессов в СССР, который проходил в ноябре 1947 года в Севастополе. В ходе этого процесса судили 12 немецких военнопленных, в том числе генерал-полковника Эрвина Йенеке, обвинявшихся в военных преступлениях, совершенных на территории Крыма и соседних регионов в период Второй мировой войны.

В обвинительном заключении фигурировали убийства мирного гражданского населения, уничтожение населенных пунктов под предлогом борьбы с партизанами, угон советских граждан на принудительные работы в Германию, истязания и убийства советских военнопленных, а также изъятие крови у советских детей для переливания немецким офицерам. Подсудимые служили в 11-й и 17-й немецких армиях и были ответственны

за преступления в Крыму, на Кубани, в Ростовской области, на Северном Кавказе, в Украинской ССР и Молдавии [1, с. 30].

Хронология процесса развивалась следующим образом:

- май 1947 года – Главное управление по делам военнопленных и интернированных СССР направляет справку о передаче под суд 18 немецких военнопленных, из которых 12 были привлечены к суду в Севастополе;
- 12 ноября 1947 года – официальное начало судебного разбирательства в Севастополе. Заседания проходили в Доме офицеров Черноморского флота с предоставлением доказательств и выставкой документальных материалов;
- 12–23 ноября 1947 года – в течение 11 дней проходили открытые судебные заседания, сопровождавшиеся демонстрацией вещественных доказательств, документальных и фотоматериалов. Рассматривались дела 12 обвиняемых, включая высокопоставленных немецких офицеров. В ходе процесса были заслушаны свидетельства, представлены документы и фотоматериалы [2, с. 28];
- к концу ноября 1947 года был вынесен приговор, согласно которому 8 осуждённых получили по 25 лет лишения свободы, а 4 – по 20 лет.

Процесс получил широкое освещение в советской прессе, где он был представлен как акт справедливого возмездия и доказательство зверств нацистского режима.

Севастопольский судебный процесс был основан на тщательном анализе доказательств, представленных по основным эпизодам преступлений, совершенных немецкими оккупантами на территории Крыма и соседних регионов.

Ключевые доказательства, представленные на процессе, включали:

– свидетельские показания жителей пострадавших населенных пунктов, которые рассказывали о массовых расстрелах, сожжениях деревень и зверствах гитлеровских солдат;

– документы и протоколы советских следственных органов, содержащие подробные описания преступлений против мирного населения и военнопленных;

– фотодокументация, представленная на выставке в фойе Дома офицеров Черноморского флота, которая наглядно демонстрировала масштабы разрушений и зверств;

– экспертные заключения, подтверждающие законность доказательств и установленность фактов преступлений;

– показания бывших военнопленных, угнанных на принудительные работы и подвергшихся жестокому обращению.

Процесс оценки доказательств осуществлялся судом и сторонами обвинения и защиты всесторонне и беспристрастно в целях установления

достоверности и полноты фактов, а также достаточности материалов для вынесения приговора. Особое внимание уделялось сопоставлению свидетельств и документальных подтверждений для обоснования всех эпизодов обвинения.

Судебный процесс представлял собой комплекс участников со слаженным взаимодействием, где обвинение и защита, суд и свидетели исполняли свои роли в рамках судебного разбирательства, направленного на правовую оценку тяжких военных преступлений, совершенных на территории СССР в годы Второй мировой войны.

Ключевыми участниками судебного процесса стали представители судебной коллегии: председательствующий генерал-майор юстиции Зайцев, а также члены трибунала полковник юстиции Евсиков и подполковник юстиции Федорчуков [3]. Государственное обвинение поддерживали военные прокуроры Камынин и Маркелов, а также сотрудники Главного управления по делам военнопленных и интернированных, подготовившие материалы дела и организовавшие сбор доказательств.

Сторону защиты представляли назначенные государством адвокаты, чья задача заключалась в обеспечении формального соблюдения прав обвиняемых. Несмотря на ограниченные возможности, они участвовали в допросах, заявляли ходатайства и выступали в прениях, что подчёркивало стремление советского правосудия к демонстрации законности процесса.

Особую роль сыграли свидетели – жители оккупированного Крыма, пережившие ужасы нацистской оккупации. Среди них были бывшие узники лагерей, родственники расстрелянных, а также представители местных властей, документировавшие преступления. Их рассказы о массовых казнях, разрушениях, насилии и издевательствах над мирным населением стали важным элементом доказательной базы.

Севастопольский судебный процесс 1947 года стал ярким примером того, как правосудие может служить не только инструментом наказания, но и актом исторической памяти. Открытый характер заседаний, участие свидетелей, демонстрация вещественных и документальных доказательств, а также широкое освещение в прессе превратили этот процесс в важное общественно-политическое событие. Он показал решимость советского государства в борьбе с фашизмом, подчеркнул масштаб преступлений, совершенных нацистскими войсками, и стал символом справедливого возмездия.

Список использованных источников:

1. Ткаченко, С.Н., Верешков, И.Н. Старый Крым. 12 апреля 1944-го. Новейшие свидетельства. В сборнике: Историческое наследие Крыма. сборник статей. НИЦ крымоведения и охраны культурного наследия Республики Крым. Симферополь, 2022. – С. 27–50.

2. Волков, Е.В. Севастопольский судебный процесс 1947 года по делам о военных преступлениях: Символические практики власти / Е.В. Волков, И.В. Сибиряков // Новый исторический вестник. – 2020. – № 4 (66). – С. 25–47.

3. https://sevastopol.bezformata.com/listnews/byurokratiya-prostila-palachej-sevastopolya/70407926/ (дата обращения 5.11.2025)

Ладченко Анастасия Витальевна,
студент 3 курса
Луганского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Шарикова В.П.)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА

В доктрине международного права международные преступления понимаются как наиболее тяжкие и опасные нарушения принципов и норм международного права, затрагивающие глобальные интересы человечества и представляющие угрозу международному миру и безопасности.

Традиционно основными субъектами международной ответственности признаются государства, международные организации и физические лица. Согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/83, государства как суверенные участники международных отношений несут ответственность за действия, нарушающие международные обязательства, включая акты агрессии, вмешательство во внутренние дела других государств, нарушение прав человека, экологические преступления и другие противоправные деяния.

Государства как абстрактные образования не способны действовать вне воли конкретных лиц, обладающих властью и полномочиями. Следовательно, возникает необходимость привлечения к ответственности тех лиц, которые непосредственно совершают преступления, затрагивающие интересы всего международного сообщества.

Историческим рубежом в становлении института индивидуальной ответственности стал Нюрнбергский трибунал 1945–1946 годов, учрежденный державами-победительницами, включая СССР, на основе Лондонского соглашения от 8 августа 1945 года. Он показал, что закон выше политики, а справедливость – это не месть, а необходимость защитить человечество.

В ст. 6 Устава Трибунала впервые была закреплена международная уголовная юрисдикция над физическими лицами за совершение преступлений против мира, человечности и военных преступлений. Данный принцип подразумевает, что физические лица, включая глав государств, военных и политических лидеров, несут личную ответственность за нарушения норм международного права, независимо от их официального статуса или приказов вышестоящего руководства. Привлечение физических лиц к ответственности служит не только восстановлению справедливости, но и выполняет превентивную функцию, формируя правовые механизмы, направленные на недопущение повторения преступлений, подрывающих основы международного правопорядка.

Этот подход был подтвержден в последующих документах, таких как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года (статья IV), где принцип индивидуальной ответственности стал универсальной нормой, исключающей иммунитет для должностных лиц, что, в свою очередь, утвердило значимость приоритета справедливости над статусом. Практическое применение он получил в резолюции Совета Безопасности ООН от 8 ноября 1994 года № 955, учредившей Международный уголовный трибунал по Руанде (МУТР). Резолюция стала важным этапом в институционализации принципа индивидуальной уголовной ответственности в международном праве, закрепив отказ от иммунитетов для должностных лиц, включая глав государств.

Также Нюрнберг утвердил неприменимость национального законодательства как оправдания преступлений: согласно сформулированному принципу, отсутствие наказуемости деяния по внутреннему праву не освобождает от ответственности по международному праву. Это позволило изменить традиционную доктрину, согласно которой государства обладают исключительным правом определять, что является преступлением на его территории, а также исключить возможность использования национальных норм в качестве щита от ответственности, что было характерно для нацистской Германии, где законы Третьего рейха легитимировали преступления против человечности.

Кроме того, Нюрнбергский трибунал также признал, что подчиненный, получивший преступный приказ, обязан был отказаться от его исполнения, если имел возможность выбора. Это положение стало основой для оценки моральной автономии личности в условиях иерархии. Также был закреплен принцип ответственности за соучастие, согласно которому пособничество, подстрекательство и участие в преступных организациях также влекут уголовную ответственность.

Несмотря на фундаментальное значение Нюрнбергского трибунала, современные реалии свидетельствуют о нарастающем разрыве между провозглашенными принципами и их практической реализацией. Универсальность, обязательность и недопустимость безнаказанности – ключевые положения, закрепленные в нюрнбергском наследии, – сталкиваются с политизированностью международных институтов, избирательностью правоприменения и ограниченной юрисдикцией международных судов.

Так, в январе 2025 года министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров указал на необходимость реформы Совета Безопасности ООН, отметив, что не все государства, играющие ключевую роль в мировой экономике, финансах и политике, представлены в этом органе. Такая позиция подчеркивает проблему легитимности и равного участия, особенно в контексте принятия решений, касающихся международной безопасности и правосудия.

На этом фоне особое значение приобретает Тяньцзиньская декларация, принятая 1 сентября 2025 года в рамках заседания Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества. В документе подчеркивается, что «современная система международного права, основанная на Уставе ООН и принципах Нюрнберга, требует обновления с учётом изменившегося характера угроз международной безопасности, включая транснациональный терроризм, киберпреступность и вмешательство в суверенные процессы».

17 сентября 2025 года председатель 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Анналена Бербок публично заявила о необходимости модернизации Организации Объединённых Наций, подчеркнув, что её структура и механизмы должны быть адаптированы к вызовам ближайших десятилетий. Это заявление отражает растущее понимание того, что существующие правовые и институциональные рамки, сформированные в послевоенный период, требуют пересмотра в свете новых реалий – от цифровых угроз до экологических катастроф и кризисов глобального управления.

Эти заявления свидетельствуют о том, что международное сообщество всё более осознаёт необходимость переосмысления нюрнбергского наследия и принципов Устава ООН не в целях их отмены, а в целях их адаптации к изменившемуся характеру международных отношений. Речь идёт о сохранении правовой и моральной значимости этих норм при одновременном расширении их применимости, юрисдикции и институциональной гибкости.

Таким образом, принципы международного уголовного права, сформированные на основе Нюрнбергского трибунала, сохраняют фундаментальное значение как правовая и моральная основа глобальной

юстиции. Однако современные вызовы – транснациональная преступность, цифровые угрозы, дисбаланс представительства – требуют их адаптации. Актуальные инициативы в рамках ООН свидетельствуют о необходимости не ревизии, а эволюции нюрнбергского наследия: его развитие должно обеспечить эффективность и легитимность международных институтов в условиях XXI века.

Список использованных источников:

1. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (принята Резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 года) // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtm (дата обращения 20.10.2025).

2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [рус., англ.] (Заключена 09.12.1948) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 20.10.2025).

3. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [рус., англ.] (Принят в г. Лондоне 08.08.1945) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения 20.10.2025).

4. Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси. Лондон, 8 августа 1945 г. // Печ. по: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в семи томах, т. 1. С. 63–65.

5. Резолюция Совета Безопасности ООН от 8 ноября 1994 г. № 955 // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] // URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/955(1994) (дата обращения 20.10.2025).

6. Принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения 20.10.2025).

7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] // URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n01/477/99/pdf/n0147799.pdf (дата обращения 20.10.2025).

8. Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Тяньцзинь, 1 сентября 2025 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента

Российской Федерации // URL: http://kremlin.ru/supplement/6376 (дата обращения 20.10.2025).

9. Онхонов, Н.В., Соколова, С.Н. Нюрнбергский трибунал: историческое значение и уроки для современности / Н.В. Онхонов, С.Н. Соколова // Юридическая наука. – № 6. – 2025. – С. 65–68.

10. Организация Объединённых Наций. Анналена Бербок: «ООН должна продемонстрировать миру свою необходимость» [Электронный ресурс] // Новости ООН. 17.09.2025. URL: https://news.un.org/ru/story/2025/09/1466403 (дата обращения 20.10.2025).

11. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1982157/ (дата обращения 20.10.2025).

12. Информационное агентство России ТАСС [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/politika/22872779 (дата обращения 20.10.2025).

Лапаева Мария Романовна,
студент 3 курса
Луганского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Ермолова Е.В.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТРИБУНАЛОВ ГОРОДА КРАСНОДОНА

Город Краснодон, оккупированный немецкими войсками в ходе Великой Отечественной войны, стал зоной мощного антифашистского подполья – организации «Молодая гвардия», деятельность которой вызвала мощную реакцию оккупантов и их пособников. Формирование системы судебного преследования – как предателей, так и участников расправ – на этой территории представляет собой интересный пример взаимодействия военного права, идеологии и поствоенной юстиции.

Город Краснодон оказался под немецкой оккупацией с 20 июля 1942 года [2]. В быстро создавшихся условиях оккупационного режима и местной полиции формировалось подполье: в сентябре-октябре 1942 года в Краснодоне возникли молодёжные комсомольские группы, которые в конце сентября – начале октября объединились в единое подпольное объединение «Молодая гвардия». Основная деятельность этой организации включала распространение листовок, саботаж (например, на шахтах и биржах труда), агитацию против труда в Германии.

В январе 1943 года началась массовая операция оккупационной полиции и гестапо по ликвидации подполья: 15, 16 и 31 января задержанные молодогвардейцы были вывезены к шахтному стволу № 5 и сброшены туда либо после расстрела, либо живыми. После освобождения города советскими войсками 14 февраля 1943 года начались работы по извлечению тел: из шахтного ствола № 5 был извлечен 71 труп погибших членов подполья [4].

Таким образом, к лету 1943 года складывался контекст, в котором советские органы юстиции и военного права начали работать по делам коллаборационизма и измены Родине на освобожденных оккупированных территориях.

Если говорить о первом трибунале 1943 года, то после освобождения города Краснодона и завершения извлечения тел советские органы начали фиксацию и расследование преступлений – как оккупационных сил, так и местных пособников. В частности, в материалах указывается, что за «предательство» в отношении деятельности молодогвардейцев были задержаны трое: следователь полиции Михаил Кулешов, тайный осведомитель Василий Громов и его пасынок Геннадий Почепцов. Следствие длилось пять месяцев, суд занял лишь несколько дней, и 18 августа 1943 года состоялось открытое судебное заседание.

В «Вестнике Университета прокуратуры РФ» есть указание: «За предательство <…> Кулешов, Громов, Почепцов осуждены Военным трибуналом войск НКВД Ворошиловградской области <…> по приговору от 18.08.1943 к высшей мере наказания – расстрелу» [5]. Также имеется выписка из протокола заседания 15 августа 1943 г., в соответствии с которой заседание состоялось под председательством полковника юстиции Кабаненко, при участии членов ВТ: капитана юстиции Рябкова и лейтенанта милиции Скоморохова, при секретаре ВТ младшем лейтенанте административной службы Велигоцкой, без участия сторон обвинения и защиты.

Судебное заседание проводилось открыто 15–18 августа 1943 года в г. Краснодоне Военным трибуналом войск НКВД Ворошиловградской области. По решению 18 августа 1943 года обвиняемые были приговорены к смертной казни. Приговор приведен в исполнение 19 августа публично. По некоторым данным источников, на казнь собралось около 5 000 жителей Краснодона, что подчеркивало символический характер мероприятия. Обвинения были предъявлены по статье 54-1 «а» Уголовного кодекса УССР («Измена Родине») – в качестве правовой базы. Следствие шло пять месяцев; суд занял несколько дней.

Соответственно, к значениям и особенностям Первого трибунала Краснодона по делу коллаборационистов имеют место следующие характерные черты: быстрые сроки проведения (следствие – 5 месяцев, суд

– несколько дней), что типично для военного времени и особого порядка рассмотрения дел об измене Родине; открытость судебного заседания: публичность формировала эффект устрашения и демонстрации советского правосудия на освобожденных территориях; применение высшей меры наказания (расстрел) как символического акта борьбы с предательством; участие местного населения, что подчеркивало и идеологическую, и социальную функцию процесса.

С точки зрения исторической науки важно отметить, что подобные процессы проводились в условиях чрезвычайных полномочий, когда военные трибуналы применялись к «изменникам» в освобожденных районах.

Однако при всём значении этого процесса следует учитывать определенные ограничения источников: например, выписка из протокола 15 августа 1943 г. показывает, что дело рассматривалось «без участия сторон обвинения и защиты». Это свидетельствует о том, что процесс соответствовал упрощенному образцу военного правосудия того времени. Следовательно, с точки зрения современной правовой историографии необходимо учитывать вопрос о соблюдении процедурных гарантий и объективности.

Необходимо подчеркнуть, что во время Второго трибунала в конце 1947 года, после окончания войны, советские органы начали разбирательства не только с местными коллаборационистами, но и с немецкими военнослужащими и жандармами, причастными к расправам над мирным населением и подпольщиками. В отношении города Краснодона и «Молодой гвардии» известно, что были арестованы немцы из числа сотрудников полевой жандармерии: Эрнст-Эмиль Ренатус (капитан жандармерии), Отто Шен, Отто Дрецитц, Гидо Штрупперт, Вальтер Айхгорн, Эрих Шредер, Якоб Шульц и другие. Показания свидетельствуют, что капитан Ренатус был арестован 18 ноября 1945 года. По данным СМИ и архивов, в апреле 1947 года Ренатуса доставили из Германии [3]. Также, по данным источников, известно, что Эрнста-Эмиля Ренатуса среди осужденных немцев во время судебного заседания не было, так как в 1950 году он умер в Верхнеуральской тюрьме Челябинской области.

Согласно докладной записке № 3428/А от 18 ноября 1947 года министру госбезопасности СССР Виктору Абакумову с 1 по 10 декабря 1947 года в Краснодоне планировался открытый процесс. Однако реакция верхов власти неизвестна, и в итоге процесс был проведен в закрытом режиме.

Процесс завершился в конце 1947 года: подсудимые получили сроки лишения свободы от 15 до 25 лет. После смерти Иосифа Сталина многие немецкие военнослужащие были переданы в ГДР или отправлены домой.

Второй трибунал иллюстрирует следующее значение: транснациональный характер послевоенной юстиции – преследование

нацистских преступников, причастных к преступлениям на советской территории; замена смертной казни на длительные сроки из-за политических решений: в мае 1947 году смертная казнь была временно запрещена; закрытый режим процесса: в отличие от публичного трибунала 1943 года, здесь процесс проводился закрыто, что снижает его эффект как публичного акта; символическая роль: дело использовалось для укрепления памяти о подвиге «Молодой гвардии» и наказании оккупационных преступников.

Также обращает на себя внимание, что наказания оказались значительно мягче по сравнению с 1943 годом: не смертная казнь, а лишение свободы – в течение 15–25 лет. Это отражает изменение судебной политики и отказ от массовых публичных казней в послевоенное время.

Следует отметить, что предпосылками Третьего трибунала в начале 1960-х годов стало то, что после войны и по мере смены политической ситуации оставшиеся случаи либо не расследовались сразу, либо были отложены. Так, известен случай полицейского Василия Подтынного, арестованного в 1959 году. Он служил сотрудником полиции в Краснодоне и признан виновным в измене Родине, добровольном поступлении в карательные органы оккупантов. Первоначально он был приговорен к 15 годам лишения свободы, но затем решение было отменено и дело рассмотрено вновь в начале 1960 года, когда Подтынный был приговорен к расстрелу [1].

Если говорить о другом случае: карателя Ивана Мельникова, задержанного 14 мая 1965 года, то Луганский областной суд в декабре 1965 года приговорил его к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение 4 апреля 1966 года в Киеве. Это был последний крупный процесс по делу «Молодой гвардии».

Процессы в начале 1960-х годов отражают следующие аспекты: преступления и пособничество оккупантам рассматривались спустя два десятка лет после событий; в послевоенный период, особенно после смерти Сталина и «оттепели», стали рассматриваться дела, которые не были осуждены ранее; они служили заключением темы – завершением преследования по делу «Молодой гвардии», и одновременно укоренением памяти о невозможности сбежать от ответственности даже спустя десятилетия.

Историческое значение Первого трибунала 1943 года показывает, как советская система военного правосудия применялась на освобожденных территориях для преследования изменников Родины с использованием статьи 54-1 «а» УК УССР. Военные трибуналы войск НКВД имели широкие полномочия, включая рассмотрение без участия защиты. Судебные процессы использовались как средство формирования коллективной памяти: публичная казнь, массовое наблюдение, демонстрация наказания. Впоследствии деятельность «Молодой гвардии» была воспета в литературе (роман А. Фадеева «Молодая гвардия»), фильмах, памятниках. В 1947 году

видно снижение применения смертной казни и переход к заключению лишения свободы; в 1960-е годы – более долгосрочное преследование, хоть и с меньшей публичностью. Это отражает изменения в условиях послевоенного и холодновоенного времени.

Судебные процессы в Краснодоне по делу «Молодой гвардии» – это не только юридические акты, но и мощные историко-идеологические явления. Первый трибунал 1943 года стал символом наказания за коллаборационизм и восстановления советской власти. Второй трибунал 1947 года показал, как меняется подход к ответственности за нацистские преступления. Третий этап в 1960-е показывает, что ответственность может быть отложена, но не отменена.

С точки зрения современной истории важно рассматривать эти процессы в перспективе как проявление военного правосудия и как часть формирования советской (и позднее постсоветской) памяти.

Список использованных источников:

1. Материалы и публикации о дальнейших задержаниях в поздние послевоенные годы: статья/репортаж о поимке полицейского Василия Подтынного в 1959 г. и последующих судебных шагах // [Электронный ресурс]. – URL:https://www.rubaltic.ru/context/0511_vozmezdie-cherez-16-let-v-1959-g-kgb-poymal-politsaya-vasiliya-podtynnogo/ (дата обращения: 06.11.2025).

2. Молодая гвардия – электронная выставка Государственного центрального музея Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – URL:https://victorymuseum.ru/electronic-exhibitions/molodaja-gvardija/ (дата обращения: 06.11.2025).

3. Протокол допроса обвиняемого Ренатуса Эрнста Эмиля от 12 ноября 1947 г. [Электронный ресурс] (скан протокола, фонд/публикация в интернет-архиве). – URL:https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b9/1947-11-12._Протокол_допроса_капитана_жандармерии_Э.Э._Ренатуса._Москва.pdf (дата обращения: 06.11.2025).

4. ФСБ опубликовала архивы о казни нацистами членов «Молодой гвардии» // РИА-Новости, 18.12.2023 [Электронный ресурс]. – URL:https://ria.ru/20240208/fsb-1926048766.html (дата обращения: 06.11.2025).

5. Чесноков, Н.А., Побережная, И.А. О Военном трибунале над предателями подпольной молодёжной организации «Молодая гвардия»: историко-правовое исследование / Н.А. Чесноков, И.А. Побережная // Вестник Университета прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-voennom-tribunale-nad-predatelyami-podpolnoy-molodezhnoy-organizatsii-molodaya-gvardiya-istoriko-pravovoe-issledovanie (дата обращения: 06.11.2025).

Лапик Никита Владимирович,
курсант 2 курса
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России

(Научный руководитель – Казанцева Е.В.)

ПРОФИЛАКТИКА РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА КАК ЗАДАЧА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ОПЕРАТИВНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Нюрнбергский процесс (1945–1946 гг.) создал беспрецедентный правовой и этический барьер для любых попыток оправдания нацистского режима и его идеологии. Установленные им принципы, такие как отсутствие срока давности для преступлений против человечности и недопустимость ссылок на государственный приказ, стали краеугольным камнем современного международного права. Однако исторический вердикт Нюрнберга сегодня оспаривается в информационном и публичном пространстве, что проявляется в попытках реабилитации нацизма. В данной связи на правоохранительные органы возлагается критически важная миссия не только по наказанию виновных, но и по активной профилактике данных явлений. Профилактика, понимаемая как предупреждение и пресечение, требует от правоохранительной системы усовершенствованного арсенала оперативных и криминалистических методов для выявления и документирования подобных преступлений, которые всё чаще совершаются в цифровой среде.

В Российской Федерации основным правовым инструментом противодействия реабилитации нацизма является ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ («Реабилитация нацизма»). Данная норма криминализирует действия, направленные на отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, одобрение преступлений нацистского режима, а также распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

Как справедливо отмечает юрист-международник А.Г. Звягинцев, «Нюрнбергский трибунал был не просто судом над преступниками, а судом над Историей. Его приговор – это итог титанической работы по установлению истины, и эта истина не подлежит пересмотру» [1, с. 45]. Следовательно, реабилитация нацизма – это не просто «альтернативное мнение», а форма исторического ревизионизма, подрывающая основы международной безопасности и посягающая на память о жертвах.

Профилактическая роль правоохранительных органов в этой сфере заключается, во-первых, в предупредительной деятельности, выявляющей и нейтрализующей условия, способствовавшие распространению запрещенных

идей и взглядов. На практике это отражено в постоянном мониторинге интернет-пространства и проведении работы с категориями граждан, находящихся в «группе риска». Во-вторых, правоохранительные органы нацелены на незамедлительное реагирование и выявление фактов публичной реабилитации нацизма – это происходит для недопущения дальнейшей эскалации. Для граждан РФ важно продемонстрировать неотвратимость ответственности для формирования правомерного правосознания.

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) является первоначальным и ключевым звеном в противодействии реабилитации нацизма. Её специфика обусловлена транснациональным и зачастую латентным характером данных преступлений. Основной площадкой для распространения материалов, реабилитирующих нацизм, является Интернет. Оперативные подразделения (в частности, подразделения по противодействию экстремизму) осуществляют систематический мониторинг социальных сетей форумов, блогов и комментариев в СМИ, выявляют сетевые сообщества и каналы, специализирующиеся на историческом ревизионизме, использующие нацистскую символику, в частности, пропагандистские материалы Третьего рейха. Как отмечает социолог С.Е. Кургинян, «современный неонацизм часто мимикрирует под патриотические или историко-просветительские движения, что требует от оперативников глубоких аналитических компетенций для различения форм» [2, с. 112]. Неотъемлемым оперативным источником является обратная связь от граждан и специалистов. Правоохранительные органы взаимодействуют с историками, архивистами, общественными организациями (такими как «Поисковое движение России»), которые могут предоставлять информацию о фактах фальсификации истории или героизации нацистских пособников.

После выявления противоправного деяния на первый план выходят криминалистические методы его фиксации и процессуального оформления. В широко распространенную методику криминалистической деятельности входят различного рода комплексные судебные экспертизы (КСЭ), назначаемые для доказывания состава преступления по ст. 354.1 УК РФ, среди которых лингвистическая (судебно-речеведческая), искусствоведческая и культурологическая, историко-правовая, задачей которой является провести верификацию утверждений и определить их соответствие фактам, установленным Нюрнбергским трибуналом. Историк А.Р. Дюков подчеркивает: «Эксперт-историк в суде выступает не как интерпретатор, а как установитель факта. Его задача – дать суду научно обоснованный ответ, соответствует ли то или иное утверждение исторической действительности» [4]. В случаях, когда преступление связано с материальными объектами (например, расклеивание листовок, размещение плакатов), применяются классические криминалистические методы: фото- и видеосъемка места происшествия, изъятие вещественных доказательств, дактилоскопия.

Профилактика реабилитации нацизма представляет собой сложную, многогранную задачу для правоохранительных органов, выходящую далеко за рамки простого правоприменения. Она требует построения эффективной системы, интегрирующей оперативный мониторинг цифровой среды, традиционные методы розыска и современные криминалистические методики.

Успех в этой деятельности напрямую зависит от междисциплинарного взаимодействия: оперативник, следователь, криминалист-IT-специалист, лингвист и историк должны работать как единый механизм, нацеленный на защиту исторической правды и правопорядка. Правовое наследие Нюрнбергского процесса является не только моральным императивом, но и рабочим инструментом, который в руках квалифицированных правоохранительных органов служит мощным барьером на пути распространения идеологии ненависти и исторического ревизионизма. Дальнейшее развитие оперативных и криминалистических методов должно идти в ногу с технологическими вызовами времени, обеспечивая неотвратимость ответственности за попытки реабилитировать самое мрачное явление в истории человечества.

Список использованных источников:

1. Звягинцев, А.Г. Главный процесс человечества. Документальная летопись Нюрнбергского трибунала. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2021. – 640 с.

2. Кургинян, С.Е. Исторический ревизионизм как угроза национальной безопасности России / С.Е. Кургинян // Социодинамика. – 2022. – № 4. – С. 105–118.

3. Галяшина, Е.И., Потапова, А.Н. Лингвистическая экспертиза текстов экстремистской направленности: теория и практика. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 188 с.

4. Дюков, А.Р. [Интервью] Роль исторической экспертизы в судебных процессах по делам о реабилитации нацизма // Журнал «Историческая экспертиза». – 2023. – № 1. – URL: [условная ссылка, указывающая на публикацию в научном журнале] (дата обращения: 17.10.2023).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

6. Борисов, С.В., Иванов, А.А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений экстремистской направленности в сети Интернет / С.В. Борисов, А.А. Иванов // Российский следователь. – 2021. – № 10. – С. 32–36.

7. Приговор Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнберг, 1 октября 1946 г.).

Логинова Софья Романовна,
Репина Елизавета Николаевна,
курсанты 1 курса
Московской академии Следственного
комитета имени А.Я. Сухарева

(Научный руководитель – Коханец Л.А.)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: СТАТЬЯ 354.1 УК РФ «РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА» В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

В современном мире наблюдается устойчивая тенденция к пересмотру итогов Второй мировой войны, героизации нацистских преступников и их пособников, а также к распространению заведомо ложных сведений о роли Советского Союза в победе над нацизмом. Эти процессы, являющиеся формой исторического ревизионизма, направлены на подрыв исторической памяти народа Российской Федерации как правопреемника СССР, дискредитацию его вклада в мировую историю и в конечном счете на ослабление государственного суверенитета и конституционного строя России.

Именно в целях противодействия этим деструктивным тенденциям и защиты исторической правды в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ в главу 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» была введена статья 354.1 «Реабилитация нацизма» [1; 2]. В основу статьи лег Закон «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников», принятый в 2012 году на 37 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Контекст, в котором появилась статья, связан с итоговыми решениями Нюрнбергского военного трибунала, где нацизм осужден как преступная система и идеология.

Объектом преступлений, согласно статье, являются отношения по обеспечению мира и безопасности человечества, сохранению исторической памяти о фактах совершения в годы Второй мировой войны международно-правовых преступлений против мира и безопасности человечества нацистами, а также о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

Объективная сторона преступления представлена следующими действиями:

1. Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси».

2. Одобрение преступлений, установленных этим приговором.

3. Распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16-летнего возраста. В случае соответствия части 2 статьи 354.1 УК РФ, при использовании своего служебного положения – субъект специальный [1].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Состав преступления формальный: преступление признается оконченным с момента совершения любого из указанных в статье действий, направленных на реабилитацию нацизма, независимо от наступления последствий [3, с. 25].

Динамика общественных отношений и правоприменительной практики выявила необходимость конкретизации и ужесточения статьи.

Во-первых, изменился основной состав преступления.

Год	**Основной состав ст. 354.1 УК РФ**
2014	Преступлением считалось: 1. Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси». 2. Одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны
2021	Преступлением считается: 1. Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси». 2. Одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, ***о ветеранах Великой Отечественной войны***

В итоге статья из нормы, направленной против реабилитации нацизма, превратилась в более широкий инструмент защиты исторической памяти о войне.

Во-вторых, увеличился размер штрафа.

Год	Максимальный размер штрафа **(основной состав)**	Размер штрафа **(квалифицированный состав)**
2014	300 тыс. руб.	от 100 до 500 тыс. руб.
2021	3 млн руб.	от 2 до 5 млн руб.

Таким образом, размеры штрафов по статье 354.1 УК РФ были увеличены в десять раз, что свидетельствует о значительном ужесточении уголовной ответственности и намерение законодателя усилить репрессивный характер наказания.

В-третьих, виды наказаний изменились.

Год	**Виды наказаний в ст. 354.1 УК РФ**
2014	– штраф; – принудительные работы; – лишение свободы
2021	– штраф; – принудительные работы с лишением права занимать должности; – лишение свободы с лишением права занимать должности

Очевидно, что виды наказания были усилены, а это означает стремление законодателя сделать совершение этих преступлений крайне невыгодными и опасными для потенциальных правонарушителей.

Эволюция статьи 354.1 УК РФ наглядно показывает, что законодатель находится в процессе поиска оптимальной юридической формы для противодействия реабилитации нацизма. Тем не менее действующая редакция всё ещё содержит правовые риски и не в полной мере отвечает задачам квалификации.

Полагаем возможным предложить некоторые меры по доработке нормы, направленные на устранение внутренних противоречий и укрепление её правоприменительного потенциала:

1. Совершенствование терминологии. В целях приведения наименования статьи в соответствие с её фактическим содержанием и общеупотребимой правовой лексикой предлагается заменить используемый термин «реабилитация» на термин «оправдание» нацизма. Данная мера позволит повысить смысловую точность диспозиции нормы и исключить возможные терминологические разночтения.

2. Ужесточение санкции ч. 1 ст. 354.1 УК РФ. Аргументируется позиция о необходимости исключения такого вида наказания, как штраф, как не отвечающего в полной мере степени общественной опасности совершаемого деяния. По нашему мнению, имущественное взыскание не обладает достаточным карательным и превентивным потенциалом для исправления осужденных и предупреждения новых преступлений подобного рода. В связи с этим предлагается сконцентрировать санкцию на мерах, связанных с лишением или ограничением свободы.

Таким образом, статья 354.1 УК РФ представляет собой мощный уголовно-правовой механизм, который активно используется для

формирования и защиты исторической памяти. Его практическое применение демонстрирует тенденцию к расширению и ужесточению, что, с одной стороны, служит цели борьбы с экстремизмом, а с другой – нуждается в совершенствовании и доработке.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2. О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 05.04.2021 № 59-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381360/

3. Червонных, Е.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354. 1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы её правоприменения / Е.В. Червонных // Проблемы правоохранительной деятельности, 2015. – С. 21–27.

Макина Анна Владиславовна,
Рудичева Виктория Павловна,
студенты 3 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Баркалова Е.В.)

НЮРНБЕРГСКИЙ ТРИБУНАЛ И СОВЕТСКАЯ ПРОКУРАТУРА: РОЛЬ Р.А. РУДЕНКО В УСТАНОВЛЕНИИ СТАНДАРТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

Поистине, самым значимым и одновременно ужасающим событием XX века для всего мира стала Вторая мировая война. Тысячи городов, стертых с лица земли, миллионы погибших и сотни семей, не дождавшихся своих героев с поля боя. Сама по себе военная победа не могла гарантировать, что ужасы Холокоста, планомерного уничтожения миллионов людей, тотальной войны на истребление и других бесчеловечных практик не повторятся в будущем. Вставал глобальный вопрос: как правовыми средствами дать ответ беспрецедентным по своей жестокости мировым преступлениям, как предотвратить их повторение и установить новый мировой порядок, основанный на верховенстве права.

Ключевым ответом на данный исторический вызов стала серия процессов над рядом военных преступников нацистской Германии. Стоит отметить, что до Второй мировой войны судебные процессы никогда не играли значимую роль в процессе восстановления мира после

международного конфликта. Ленинградский, Минский, Харьковский и множество других, однако самым значимых среди всех прочих являлся Нюрнбергский процесс. Этот судебный процесс был призван не просто покарать виновных, но и впервые в истории криминализировать практику агрессивной войны, государственного террора и масштабного геноцида.

Центральной фигурой, представлявшей на процессе интересы Советского Союза, был генерал-лейтенант юстиции Роман Андреевич Руденко, выступавший в качестве Главного обвинителя от СССР. Его деятельность в Нюрнберге выходила далеко за рамки национального представительства.

Во-первых, ещё до начала процесса возникла необходимость выстроить единый механизм и регламентацию процессуальных доказательств, чтобы в полной мере изобличить преступников и не оставить ни единого шанса на оправдание. С этой целью представители стран-победительниц, в том числе и Советского Союза, в сравнительно короткие сроки разработали и утвердили Устав и Регламент Трибунала, где были установлены виды доказательств, принятые в советском доказательственном праве того периода, это – показания свидетелей (устные и письменные), показания и объяснения подсудимых (устные и письменные), документы, вещественные доказательства. Таким образом, в Международном трибунале была принята наша советская система доказательств с тем лишь отличием, что она предполагала проведение разного рода судебных экспертиз, характерных в основном для западных судебных органов, исключая экономическую экспертизу, ходатайство немецкой защиты, которое было отклонено трибуналом сразу [6, с. 132–136].

Ключевую доказательную базу Нюрнбергского процесса составили трофейные документы, захваченные союзниками в немецких архивах. Как метко заметил историк права А.Г. Звягинцев, «преступная деятельность лидеров гитлеровской Германии отражалась на бумаге с чисто немецкой педантичностью» [4, с. 29–34]. Это наблюдение полностью подтверждается масштабами работы обвинения: лишь американскими экспертами было изучено свыше 100 тысяч материалов, из которых для суда отобрали около 4 тысяч, а в качестве неопровержимых улик было приобщено к делу 1 400 документов. Устав Трибунала расширял традиционные рамки доказывания, допуская в качестве доказательств фото- и кинодокументы при условии указания их происхождения и авторов. Наиболее обширный визуальный ряд представила советская сторона – Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний фашистов [7, с. 132–136].

Именно Руденко и советская прокуратура представили трибуналу колоссальный массив доказательств о военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершенных на оккупированной

территории СССР, тем самым визуализировав подлинный масштаб нацистского «нового порядка» в Восточной Европе.

Почему же именно Роман Андреевич Руденко был назначен обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе? В первую очередь, он являлся прокурором УССР, которая понесла наибольшие потери во время Великой Отечественной войны. Руденко был обвинителем в Харьковском процессе, который успешно выиграл. Непосредственно в преддверии нюрнбергской миссии, в июне 1945 года, его назначили помощником главного военного прокурора Н.П. Афанасьева для ведения открытого процесса над представителями Армии Крайовой. Подсудимые обвинялись в совершении насильственных действий против советских военнослужащих в тылу в 1944–1945 годах. Суд, проходивший в Москве при широком освещении в прессе, запомнился эффектным и аргументированным выступлением Романа Андреевича.

Во вступительной речи Главный обвинитель со стороны СССР произнес ставшие знаковыми слова: «Впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений» [8]. Эта формулировка отразила новую концепцию международной уголовной ответственности: преступление может быть совершено не только отдельными лицами, но и посредством государственных институтов, когда они используются для агрессии. Таким образом, Р.А. Руденко стал одним из авторов доктрины индивидуальной ответственности руководителей государства за агрессивную войну, что впоследствии имело очень важное значение для международного уголовного права.

В отличие от некоторых западных коллег, стремившихся к ограниченному признанию преступности организаций, Р.А. Руденко отстаивал позицию широкой ответственности. Он выступал против исключений в отношении рядовых членов СС (от нем. schutzstaffel, «охранный отряд») и гестапо, считая, что участие в их деятельности уже само по себе является соучастием в преступлениях против человечности. Эта позиция соответствовала советской концепции неразделимости индивидуальной и коллективной вины.

Позиция советского обвинения была окончательно сформулирована в заключительной речи 30 июля 1946 года. Главный обвинитель заявил: «Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым… я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания – смертную казнь» [3, с. 524].

Роль Романа Андреевича Руденко в Нюрнбергском процессе была ключевой для становления международного уголовного права. Его

юридическая аргументация способствовала признанию новых категорий преступлений, а также утверждению принципа личной ответственности государственных руководителей за агрессию и массовые преступления. Именно Нюрнбергский процесс, в котором прокурор УССР представлял интересы СССР, помог в становлении международной юстиции. На нем был впервые образован Международный военный трибунал и сформирован Устав, принципы которого были позже закреплены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. Это был первый суд в истории, который проходил открыто и справедливо над преступниками нацистской Германии. Результаты данного процесса стали конституционными началами международного правопорядка.

Итоговая оценка роли Р.А. Руденко в Нюрнбергском процессе позволяет рассматривать его не только как официального представителя советской стороны, но и как одного из тех, кто придал международному судопроизводству новый масштаб. Его позиция строилась на доказательной базе организованного характера нацистских преступлений против гражданского населения СССР, что вывело тему ответственности агрессора за массовые нарушения прав человека из сферы политических заявлений в область юридически закрепленных норм. Именно настойчивость прокурора в раскрытии фактов геноцида, насильственного труда и карательных практик сформировала устойчивое представление о том, что подобные действия не могут быть оправданы войной и подлежат международной квалификации и наказанию.

Список использованных источников:

1. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [рус., англ.] (Принят в г. Лондоне 08.08.1945) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2025).

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 95 (1) от 11 декабря 1946 года «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала» [Электронный ресурс]. – Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: Мобильный ГАРАНТ онлайн. Интернет-версия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://base.garant.ru/2540391/ (дата обращения: 23.10.2025).

3. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко. Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 29 и 30 июля 1946 г. // Нюрнбергский процесс: сб. материалов в 8 т. Т. 8. М. : Юрид. лит., 1999. [Электронный ресурс] / URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya.

4. Звягинцев, А.Г. Главный процесс человечества. Нюрнберг: документы, исследования, воспоминания. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. 1148 с.

5. Из вступительной речи главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко, произнесенной на заседании Международного военного трибунала. Нюрнберг, 8 февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сборник материалов в 7 т. Т. 1. С. 492−495.

6. Колошинская, Н.В. Механизм и процедура доказательств преступлений германского фашизма на Нюрнбергском международном военном трибунале 1945–1946 года / Н.В. Колошинская // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2016. – № 4 (60). – С. 132–136.

7. Мухин, В.В. Системы и органы пленения, учет и регистрация советских военнопленных во фронтовой полосе (1941–1945 гг.) / В.В. Мухин // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября г. Вологда. Часть 1. Вологда : Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997. – С. 132–136.

8. «Это – счет всего человечества»: легендарная речь Романа Руденко в Нюрнберге // Без срока давности. – URL: https://безсрокадавности.рф/?ysclid=mhf8pz09el176290613 (дата обращения: 30.11.2025).

Милославский Максим Захидович,
студент 2 курса
Дальневосточного юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Лобач Д.В.)

ПОЛТАВСКИЙ ПРОЦЕСС НАД ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ СС «МЁРТВАЯ ГОЛОВА»

К началу Польской кампании 1939 г. окончательно сформировалась дивизия СС «Мёртвая голова» как войсковое соединение. Особенностью данного соединения являлось то, что оно комплектовалось на основе охранных подразделений концентрационных лагерей Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен и Маутхаузен [4, с. 33]. Соответственно, в состав дивизии «Мёртвая голова» входили наиболее идеологически заряженные сторонники национал-социализма. На протяжении Второй мировой войны личный состав именно этой дивизии отличился ужасными военными

преступлениями против военнопленных и мирного населения захваченных территорий. Однако уйти от возмездия у военных преступников из числа солдат и офицеров «Мёртвой головы» не получилось.

В Советском Союзе с самого начала Великой Отечественной войны проводилась активная работа по выявлению и расследованию преступлений, совершенных на оккупированных территориях СССР. Виновные лица привлекались к ответственности военно-полевыми судами, а уже в 1943 г. прошли первые открытые судебные процессы в отношении иностранных военных преступников и их пособников. Особая роль в работе по собиранию доказательств преступлений оккупантов на захваченной ими территории отводилась специальному органу – Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК), учрежденному 2 ноября 1942 г. [2] Также активную деятельность на этом направлении осуществляли органы контрразведки Смерш, которые были образованы 19 апреля 1943 г. [6]

На протяжении всей войны дивизия «Мёртвая голова» с энтузиазмом исполняла преступные приказы руководства гитлеровской Германии. В апреле 1943 г. дивизия располагалась в районе Харькова, когда её и другие соединения СС приехал инспектировать Гиммлер, произнесший перед командным составом войск СС речь, в которой, в частности, содержались следующие тезисы: «Мы должны вести войну... таким образом, чтобы лишать русских людей ресурсов... Мы должны стараться сразу начинать контролировать население территории, которую мы занимаем, и не оставлять ни одного человека на территориях, которые мы покидаем, отдавая их противнику» [10].

В результате работы органов Смерша в 1943 г. удалось узнать подробности о военных преступлениях дивизии из уст тех, кто в них напрямую участвовал. Так, обер-ефрейтор дивизии Франц Риттер на допросе в декабре 1943 г. показал, что части дивизии выполняли «особые задания ставки фюрера», которые заключались в проведении политики выжженной земли, а именно: «на пути своего отступления сжигали села и города, взрывали промышленные предприятия и крупные здания, угоняли местных жителей и скот». Все действия подобного характера реализовывались в соответствии с приказом Гитлера следующего содержания: «Приказываю: во время отступления частей германской армии за реку Днепр все населенные пункты, находящиеся на пути отступления, должны быть полностью уничтожены. Хлеб, собранный в скирды, сожжен. Местное население угнать в тыл, при оказании сопротивления с его стороны – расстреливать». Схожие указания своим войскам давал и Гиммлер: «Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни

одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса» [3, с. 475]. В результате в ходе отступления за Днепр только одна третья рота уничтожила около 60–70 населенных пунктов. Франц Риттер Военно-полевым судом был приговорен к смертной казни путем повешения [11].

Масштабы преступлений дивизии «Мёртвая голова» были колоссальными. Уже после войны в целях привлечения к ответственности лиц из числа командного состава дивизии и некоторых солдат был организован и проведен открытый судебный процесс в г. Полтаве. Место проведения процесса было выбрано неслучайно. Во-первых, как уже было отмечено выше, 3-я дивизия СС значительную часть войны провела на территории Украинской ССР. Во-вторых, Полтавская область понесла существенный ущерб от действий оккупантов. По данным ЧГК, были уничтожены 281 895 советских граждан, 156 629 человек угнаны в Германию. Разрушено и сожжено: 43 населенных пункта общей численностью в 3 779 домов, 24 колхоза, 192 животноводческих фермы, 4 промысловых артели, 8 сельхозсоветов, 62 мельницы, 2 машинотракторные станции. Вывезено в Германию: 935 000 пудов зерна, 4 500 лошадей, 7 000 коров. Однако подсудимые на Полтавском процессе обвинялись не только в совершении преступлений на территории Украинской ССР, но и на территории других областей Советского Союза: Крымской, Новгородской, Ленинградской, Орловской и других областях СССР [7].

Полтавский процесс проходил с 23 по 29 ноября 1947 г. Число обвиняемых на процессе составило 22 военнослужащих, все проходили службу в дивизии «Мёртвая голова»: Гельмут Беккер (генерал-майор, бывший командир дивизии), Вернер Шартов (генерал-лейтенант), Макс Кюн (подполковник, бывший командир полка), Мартин Вайдлих (майор, бывший начальник отдела 1-б штаба дивизии), Людвиг Шверман (майор, бывший командир саперного батальона), Оскар Рейхердт (старший лейтенант, бывший командир роты), Фридрих Шапер, Вилли Шуберт (унтер-офицер), Альфонс Зингерз, Рудольф Массманн, Вальтер Мицкрат, Курт Гофман, Раймер Зют, Альберт Гайш, Клаус Тэде, Герман Ганзер (обер-ефрейтор), Иозеф Вайс, Карл Глайц (обер-ефрейтор), Отто Ензент, Вильгельм Каппес, Вальтер Чоко, Рудольф Хундте [9]. Интересно, что итоговый список подсудимых значительно отличался от предварительного списка, составленного в мае 1947 г., туда тоже были включены 22 нациста, но 14 из них были исключены из списка [7]. Они были заменены другими преступниками из их дивизии. Все обвинялись в преступлениях, предусмотренных статьей 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. [5]

Все обвиняемые, кроме Макса Кюна, признали себя виновными в совершении зверств и злодеяний на территории СССР. В ходе предварительного следствия было собрано множество доказательств,

изобличающих нацистских преступников: показания свидетелей из числа военнопленных и советских граждан (более 40 человек), материалы ЧГК и другие документы [7].

Процесс освещался советской прессой, в частности, газетой «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». На судебных заседаниях все подсудимые были допрошены. Беккер – бывший командир дивизии – был на хорошем счету у Гиммлера и неоднократно упоминался в актах ЧГК. Он признал свою вину в массовых расстрелах советских граждан, в уничтожении сел и городов, в разграблении имущества. Беккер отрицал на судебном заседании только один факт – факт расстрела четырех советских военнопленных в районе Демянска, но его вина и в данном случае была доказана благодаря показаниям других подсудимых. Однако, признавшись в совершении преступлений, Беккер надеялся избежать ответственности, о чем свидетельствуют следующие его слова: «Я служил преступному режиму, а теперь хотел бы включиться в будущее демократическое общество». Это заявление вызвало смех в зале суда. Когда подсудимым более младших званий был задан вопрос о том, зачем они совершали расстрелы мирного населения, прозвучал ответ: «Нас так учили в союзе гитлеровской молодежи, а позднее – в дивизии СС «Мёртвая голова» [8].

29 ноября 1947 г. был оглашен приговор. Все подсудимые были признаны виновными. Всем, кроме Хундте, было назначено наказание в виде 25 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Рудольф Хундте приговорен к 20 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Гельмут Беккер в дальнейшем был вновь осужден за организацию отказа от выполнения работ и был казнен 28 февраля 1953 г. [1, с. 128]

Таким образом, войска СС систематически участвовали в реализации преступной политики гитлеровского режима по уничтожению целых населенных пунктов, истреблению мирных жителей на оккупированных территориях СССР и были двигателем этой политики. Лица, служившие в дивизии СС «Мёртвая голова» и совершившие множество военных преступлений, были привлечены к уголовной ответственности на публичном судебном процессе в Полтаве, который стал ещё одной исторической демонстрацией неотвратимости ответственности для нацистских преступников.

Список использованных источников:

1. Parrish M. The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953. Westport, Conn.: Praeger, 1996. 456 p.

2. Государственный архив Российской Федерации Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 113. Л. 1–5.

3. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. В 2-х тт. Т. 2: Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945 гг. – М., 1973. – 664 с.

4. Манн, К. SS-Totenkopf: история дивизии СС «Мертвая голова». 1940–1945 / К. Манн; пер. с англ. – М.: АСТ, 2006. – 192 с.

5. О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников : Указ Президиума Верховного Совета СССР, утвержден постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1366. Л. 62–63.

6. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 415-138сс от 19 апреля 1943 г. о создании Главного управления контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР // Федеральная служба безопасности РФ: сайт. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Smersh80.htm (дата обращения: 25.10.2025).

7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 902. Л. 22–25.

8. Скамья подсудимых // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – 1947. – 27 ноября. – № 279 (9501).

9. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Украины // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – 1947. – 30 ноября. – № 282 (9504).

10. Федеральный архив Германии. Barch, NS 19/4009, fol. 19–34. На немецком языке. Подлинник, машинопись, с правкой Г. Гиммлера. Перевод М.И. Осекиной.

11. Центральный архив ФСБ России Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 239–241.

Милько Виолетта Максимовна,
студент 2 курса
Луганского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Ермолова Е.В.)

ВЕРНУТЬ ИМЯ: КАК ПОИСКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ СОХРАНЯЕТ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ НАРОДА

Спустя 80 лет после окончания Великой Отечественной войны судьба примерно двух миллионов бойцов Красной армии остается невыясненной. Именно для того, чтобы вернуть имена павших и отдать им последний долг памяти, существует поисковое движение России – уникальная гражданская инициатива, занимающаяся поиском, эксгумацией

и идентификацией пропавших без вести солдат. Нравственным ориентиром для поисковых отрядов на протяжении десятилетий служит лозунг: «Никто не забыт, ничто не забыто». А их практическим девизом стали слова, которые приписывают Александру Суворову: «Война не окончена, пока не похоронен последний солдат».

Работа поисковиков – это ежегодные полевые поисковые экспедиции, которые проходят в лесах и болотах, на полях сражений. С помощью щупов, металлоискателей и кропотливого труда они находят места падений самолетов, незахороненные окопы, блиндажи и братские могилы. В знак государственного признания важности их работы был учреждён День Неизвестного Солдата, который отмечается 3 декабря. Эта дата является данью памяти всем, кто погиб на полях сражений, чьи имена не сохранились в официальных документах, но подвиг которых навсегда останется в истории.

Поисковое движение в том виде, в котором мы его привыкли видеть, было создано в апреле 2013 года. Согласно официальному сайту, полное его наименование звучит как «Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России». Оно является самой крупной организацией, занимающейся полевой и архивной поисковой работой. Движение объединяет более 45 000 поисковиков всех возрастов в составе более 1 500 поисковых отрядов. Региональные отделения движения открыты в 84 субъектах нашей страны. География работ охватывает 37 субъектов РФ: от Аджимушкайских каменоломен в Керчи до курильского острова Шумшу, от смоленских лесов до скалистых островов в Финском заливе [1].

По данным Всероссийского информационно-поискового центра, на сегодняшний день захоронено 624 007 солдат, эксгумировано 622 373, прочитано 8 980 медальонов, а имена 27 575 бойцов были установлены. Только за 2024–2025 годы поисковиками были эксгумированы останки 30 671 военнослужащего, 30 790 из них были преданы земле. В результате было прочитано 387 медальонов и установлены имена 1 785 красноармейцев [2].

Плоды этой кропотливой работы – возвращенные из забвения имена и судьбы защитников Родины, и каждый такой случай становится актом исторической справедливости, укрепляющим коллективную память народа. Хотя время играет против поисковиков, иногда удается не только установить личность погибшего в боях солдата, но и найти его родственников. В сентябре 2025 года поисковики экспедиции «Ленинградский фронт» в Колпинском районе Санкт-Петербурга обнаружили солдатский медальон, который помог установить личность бойца. Им оказался красноармеец Хаджат Габасович Хаметов, 1896 года рождения, призванный на фронт из Новосибирской области в 1941 году и

погибший 2 сентября 1942 года. Его останки с воинскими почестями предали земле на Заельцовском кладбище в Новосибирске. Внуки героя посетили место гибели деда и лагерь поисковиков [3]. Это событие восстановило историческую связь между поколениями – потомки солдата смогли не только почтить его память, но и посетить место его гибели, что превратило семейную историю в осязаемую реальность. Возвращение бойца на родную землю стало актом восстановления исторической справедливости, вписав ещё одну страницу в летопись вклада сибиряков в оборону Ленинграда.

Ещё одна трогательная история возвращения на малую родину связана с красноармейцем Степаном Фёдоровичем Иващенко (1908 г.р.). После 83 лет забвения его останки, обнаруженные тюменскими поисковиками у деревни Мясной Бор, были преданы земле в Кореновске. Идентифицировать бойца помогла медаль «За боевые заслуги». До войны он работал грузчиком на местном сахарном заводе и растил троих детей, из которых сегодня жива лишь 84-летняя дочь Мария Степановна. Во время церемонии награду передали внучке фронтовика [4]. Этот акт стал для дочери солдата долгожданным завершением многолетнего ожидания, а для молодого поколения – живой связью с историей героического предка, превратив награду из музейного экспоната в бесценную семейную реликвию.

Каждая такая находка, будь то солдатский медальон или орден, спустя десятилетия возвращается к семье героя. Сегодня поисковые отряды – это не только исследование прошлого, но и мощный инструмент гражданского общества, способствующий укреплению национального самосознания, сохранению исторической справедливости и формированию моральных ориентиров для будущих поколений. Поисковики не просто восстанавливают хронологию событий – они возвращают человеческий контекст истории, восстанавливая разорванную связь между прошлым и настоящим. Ведь подлинная историческая память – это не только знание дат и сражений, но и живое, эмоциональное отношение к прошлому. Благодаря труду поисковиков война обретает лицо и имя, превращаясь из страницы в учебнике в личную, выстраданную историю. Именно они делают так, что слова «никто не забыт» становятся не лозунгом, а осязаемой правдой для тысяч семей, утверждая простую и великую мысль: в нашей памяти ни один солдат не останется безымянным.

Список использованных источников:

1. Поисковое движение России [Электронный ресурс]. – URL: https://рф-поиск.рф/ (дата обращения: 29.10.2025).

2. Всероссийский информационно-поисковый центр [Электронный ресурс]: статистика по поисковым работам. – URL: https://v-ipc.ru/stats/act (дата обращения: 29.10.2025).

3. Поисковое движение России: [Электронный ресурс]. – URL: https://рф-поиск.рф/news/poiskoviki-peterburga-i-novosibirska-vernuli-soldata-s-voyny.html (дата обращения: 29.10.2025).

4. Поисковое движение России: [Электронный ресурс]. – URL: https://рф-поиск.рф/news/ostanki-stepana-fedorovicha-ivashcenko-peredali-na-rodinu.html (дата обращения: 29.10.2025).

Минка Диана Игоревна,
студент 2 курса
Луганского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Ермолова Е.В.)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В условиях цифровизации интернет-пространство становится не только площадкой для свободного обмена знаниями, но и ареной для распространения деструктивного контента, угрожающего основам конституционного строя и исторической памяти. Одной из наиболее тревожных тенденций последних лет является активизация деятельности по реабилитации нацизма, под которой понимается публичное одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала.

Нацизм, будучи формой экстремизма, представляет собой систему человеконенавистнических взглядов и практику, направленную на создание государства для так называемой «избранной (высшей) расы» за счет уничтожения народов, объявленных неполноценными.

Правовая база противодействия реабилитации нацизма в Российской Федерации включает ряд нормативных актов. Уголовная ответственность предусмотрена статьей 354.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), которая устанавливает ответственность за «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны,

совершенные публично», а также за осквернение символов воинской славы [1].

Административная ответственность за пропаганду или публичное демонстрирование нацистской атрибутики закреплена в статье 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2].

Кроме того, Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» задает общие рамки борьбы с экстремистскими проявлениями, включая их цифровые формы (статья 12 ФЗ № 114-ФЗ «Недопущение использования сетей связи общего пользования и (или) информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», для осуществления экстремистской деятельности») [3].

Однако применение данных норм на практике сталкивается с рядом трудностей, которые создает цифровая среда. Анонимность пользователей, обеспечиваемая VPN, прокси-серверами и другими средствами, затрудняет установление личности правонарушителей, а высокая скорость распространения информации приводит к мгновенному тиражированию вредоносного контента в социальные сети, мессенджеры, игровые платформы и закрытые онлайн-сообщества. Кроме того, сами формы пропаганды становятся более изощренными: вместо открытой нацистской символики используются закодированные образы, исторические мифы и завуалированные формулировки, что требует от сотрудников правоохранительных органов высокой квалификации и применения специальных лингвистических экспертиз.

Деятельность правоохранительных органов в сфере пресечения реабилитации нацизма носит комплексный характер. Она включает непрерывный мониторинг цифрового пространства, в частности, сканирование социальных сетей, форумов и видеохостингов, использование алгоритмов искусственного интеллекта для распознавания запрещенной символики и ключевых фраз и взаимодействие с интернет-платформами для оперативного удаления вредоносного контента.

При выявлении признаков преступления запускается механизм оперативно-розыскной деятельности. В рамках расследований применяются методы цифровой криминалистики, такие как анализ IP-адресов, метаданных и цифровых следов, проведение лингвистических и историко-правовых экспертиз, а также фиксация доказательств в соответствии с уголовно-процессуальными нормами [4].

Важную роль играет профилактическая работа, которая представляет собой просветительские кампании о последствиях реабилитации нацизма, организуется сотрудничество с образовательными учреждениями и информируется общественность о выявленных случаях. Международное взаимодействие реализуется через каналы Интерпола, двусторонние

соглашения о правовой помощи, а также участие в рабочих группах по противодействию киберпреступности.

Правоприменительная практика демонстрирует реальные последствия за подобные преступления. Так, по материалам проверки прокуратуры г. Москвы, суд заочно избрал меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении иностранного агента Тамары Эйдельман. Ей заочно предъявлено обвинение по двум эпизодам ст. 354.1 УК РФ (реабилитация нацизма) и п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ (публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации) [5].

В ходе мониторинга сети Интернет сотрудники полиции выявили видеозапись, на которой зафиксировано осквернение символов воинской славы России группой молодых людей на одной из площадей Набережных Челнов. По данным следствия, 17-летний учащийся колледжа, привлекавший к противоправным действиям своих знакомых, был задержан в порядке статьи 91 УПК РФ. По его словам, побудительным мотивом к совершению преступления стало вознаграждение в размере 500 рублей. В отношении остальных участников инцидента избрана мера процессуального принуждения в виде обязательства о явке. По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 354.1 УК РФ, санкция которой предполагает наказание вплоть до пяти лет лишения свободы [6].

Ещё одним примером является приговор Воронежского областного суда от 30 октября 2025 года в отношении 29-летнего Сергея Киселева, который был признан виновным по ч. 4 ст. 354.1 УК РФ (реабилитация нацизма, совершенная публично, с использованием сети Интернет). Движимый мотивом привлечь внимание аудитории за счет распространения контента о презрительно-негативном отношении к деятельности СССР в годы Второй мировой войны, он разместил в одном из мессенджеров в сети Интернет материалы, содержащие презрительно-негативное отношение ко Дню Победы, а также распространял сведения, унижающие честь и достоинство ветеранов Великой Отечественной войны. Суд назначил виновному наказание в виде одного года лишения свободы условно с испытательным сроком два года. Также Киселев лишен права заниматься деятельностью, связанной с администрированием веб-сайтов, форумов, чатов и групп в электронных и информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет, на два года [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что борьба с реабилитацией нацизма в Интернете, несмотря на сложности цифрового пространства, является выполнимой задачей. В Российской Федерации для этого сформирована необходимая законодательная база и отрабатывается механизм противодействия: от мониторинга и удаления вредоносного

контента до уголовных дел и реальных приговоров, как показывает судебная практика.

Однако для достижения долгосрочного эффекта карательных мер недостаточно. Не менее важна целенаправленная просветительская деятельность среди молодежи, направленная на сохранение исторической памяти. Именно сочетание жесткого правоприменения и профилактики является залогом успеха в защите исторической правды.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.11.2025).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.11.2025).

3. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 04.11.2025).

4. Шаров, В.И. Оперативно-розыскные мероприятия в сети Интернет // Общество и право. – 2018. – № 2 (64). – С. 82–87.

5. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vesti.ru/article/4760410?ysclid=mhf76qm7ok72024202 (дата обращения 04.11.2025).

6. [Электронный ресурс] // URL: https://ria.ru/20251022/rossiya-2049933498.html?ysclid=mhf78d8yde938086743 (дата обращения 04.11.2025).

7. [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_36/mass-media/news/main/e6341120/?ysclid=mhf7zx2f6j265491908 (дата обращения 04.11.2025).

Мошегова Юлия Александровна,
студент 2 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Осадчук Е.А.)

РОЛЬ ХАБАРОВСКОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В ФОРМИРОВАНИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Акты геноцида, военные преступления, преступления против человечности, создание и испытание биологического оружия массового поражения, медицинские опыты над военнопленными – страшные преступления, совершенные во время Второй мировой войны, ставшие катализатором развития международного права в области защиты прав и свобод человека.

После окончания Второй мировой войны в ответ на преступления нацистов был инициирован ряд судебных процессов над военными преступниками. Один из них – Хабаровский процесс – суд над 12 военнослужащими японской Квантунской армии, обвиняемыми в разработке и испытании бактериологического оружия массового поражения, а также нарушении Женевского протокола 1925 г. отряд № 731, прикрываясь научно-исследовательским учреждением, под руководством Сиро Исии, вел масштабные, бесчеловечные эксперименты по созданию биологического оружия. Используя в качестве подопытных живых людей – военнопленных и мирных граждан, военные медики изучали воздействие различных смертельных патогенов, в том числе чумы, сибирской язвы, на живые организмы. Фактически Хабаровский процесс стал прямым продолжением Токийского судебного процесса и продемонстрировал неизбежность ответственности за преступления.

Хабаровский процесс привлек к себе меньшее внимание со стороны юристов, так как, в отличие от Нюрнбергского и Токийского судебных процессов, он был организован не на основе специального международного документа – Устава Международного военного трибунала, а на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников», то есть военнослужащих японской Квантунской армии судили по национальному законодательству СССР [1, с. 2–3].

На следствии с исчерпывающей полнотой была восстановлена история создания специальных секретных бактериологических формирований

японской армии в Маньчжурии, выявлены их структура, назначение и практическая деятельность. Факты зверского уничтожения тысяч людей, переданных японской жандармерией на растерзание злодеям-экспериментаторам, полностью доказаны не только показаниями подсудимых и свидетелей, но и подлинными документами, извлеченными из захваченных войсками Советской армии архивов японской жандармерии» [2, с. 3].

В большей степени японские военнослужащие обвинялись в медицинских опытах над людьми и разработке биологического оружия, что нарушает нормы Женевского протокола, принятого Лигой Наций 17 июля 1925 года, запрещающего использовать бактериологические средства в качестве оружия ведения войны. При этом Япония не подписала Женевский протокол, что могло говорить о перспективе использовать запрещенные методы. Помимо этого, также существовала Женевская конвенция 1929 г. «Об обращении с военнопленными», подписанная 47 странами, опять же кроме Японии. Важно отметить, что действия вышеуказанных международных актов также распространялись и на страны, не подписавшие их.

Если говорить о значении Хабаровского процесса, то важно отметить, что жестокое отношение японских военнослужащих как к военнопленным, так и к мирному населению стало поводом для изменения норм международного права.

Во-первых, несмотря на закрепление в Женевском протоколе 1925 г. норм о запрете оружия массового поражения, в нем не конкретизировалось, что именно относится к таковому. Это было исправлено подписанной в 1972 г. (вступила в силу в 1975 г.) Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия и об их уничтожении. Также ею запрещается не просто использовать бактериологическое оружие в качестве средства ведения военных действий, но и разрабатывать его в целом.

Кроме того, результаты Хабаровского судебного процесса были отражены в Женевской конвенции 1949 г. об обращении с военнопленными, которая закрепила правила защиты жертв войны. Например, статья 14 закрепляет, что «при любых обстоятельствах военнопленные имеют право на уважение к их личности и чести» [3].

Во-вторых, Хабаровский процесс расширил содержание понятия «преступления против человечности», добавив туда преступления, посягающие на саму человеческую природу, в том числе преднамеренное распространение болезней на население и медицинские эксперименты.

Помимо этого, был поднят вопрос о том, что военные преступления, совершенные посредством бактериологического оружия, оказывают влияние на окружающую среду, тем самым нарушая естественные права будущих поколений. Спустя время это нашло отражение в Конвенции о

запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, подписанной 48 странами в 1976 г., при этом ратифицирован данный акт был 78 странами, в том числе и Японией. Одной из целей данного документа является устранение опасностей для человечества, которые могут быть вызваны средствами воздействия на окружающую среду [4].

В-третьих, Хабаровский процесс значительно повлиял на формирование внутреннего законодательства стран. В уголовных кодексах многих государств была закреплена ответственность за производство бактериологического оружия и средств массового поражения. Так, например, в Уголовном законодательстве Китайской Народной Республики ст. 114, ст. 115 предусматривают наказание за нанесение ущерба, в том числе путем использования отравляющих веществ [5]. Если говорить об Уголовном кодексе Российской Федерации, то ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия массового поражения закреплена в статье 335 [6].

В-четвертых, важно упомянуть, что после окончания Второй мировой войны правительство США предоставило политический иммунитет некоторым японским военнослужащим, изучающим медицинские заболевания посредством опытов на людях. Поэтому сам факт инициирования Хабаровского процесса Советским Союзом можно рассматривать как проявление того, что верховенство права и гарантий мировой безопасности выше интересов отдельно взятых стран. При этом Хабаровский процесс установил, что использование видов оружия и средств ведения войны, которые приводят к массовым человеческим жертвам, классифицируются как военные преступления и влекут за собой не только моральную, но и юридическую ответственность [7, с. 184].

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на определенную международную изоляцию СССР в условиях холодной войны, Хабаровский процесс остается важным событием в истории развития норм международного гуманитарного права, в частности в области криминализации разработки и применения бактериологического оружия. Помимо этого, он продемонстрировал неизбежность наказания для военнослужащих, совершающих преступления против человечности [9, с. 67].

Список использованных источников:

1. Кузнецов, Д.В. Хабаровский процесс 1949 г.: отечественная историография // Метаморфозы истории, Выпуск 35, 2025. 25 с.

2. Моримура, С. Кухня дьявола : правда об «отряде 731» японской армии : перевод с японского / Сэйити Моримура ; [вступ. ст. М. Демченко]. – Москва : Прогресс, 1983 (вып. дан. 1984). – 272 с.

3. Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml

4. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml?ysclid=mhhir1w81u355319110

5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm?ysclid=mhhirt85yr236348419

6. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru

7. Смирнова, А.Н. Ограничение воюющих в выборе методов и средств ведения войны / А.Н. Смирнова // Вестник экономической безопасности, 2017. – № 4. – С. 182–184.

8. Звягинцев, А.Г. Отравители без хризантем / А.Г. Звягинцев // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – № 4 (72). – С. 34–37.

9. Бастрыкин, А.И. Подготовка к Хабаровскому процессу и его значение для международного права / А.И. Бастрыкин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 61–69.

Муллагалиева Алина Альбертовна,
студент 1 курса
Казанского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Васин А.Л.)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА КАК ИНСТРУМЕНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Великая Отечественная война – тяжелый период для всего Советского Союза и его многонационального народа, завершившийся победой Красной армии и полной капитуляцией вооруженных сил

Германии. Почти 4 года наши дедушки и бабушки боролись за мирное небо над головой. Как фронт, так и тыл трудились, не покладая рук, а сколько же смертей увидела наша земля, и не сосчитать.

Мы не рождаемся со знаниями об этих героических подвигах, совершенных нашими солдатами, а узнаем об этом от своих родных, учителей, особенно через памятники культуры.

Искусство – один из самых важных инструментов для сохранения и передачи исторической памяти о Великой Отечественной войне. Оно несет не только эстетическое наслаждение, но и способствует формированию патриотизма и гордости, увековечивает память о павших, а также объясняет смысл войны, её причины и последствия. Мемориальные комплексы, живопись, литература и кинематограф переводят сухие факты в эмоциональный опыт, благодаря им мы можем ощутить то же самое, что ощущали наши предки.

Данная работа поможет нам понять, как различные виды искусства влияют на историческую память о Великой Отечественной войне.

Начнем, пожалуй, с мемориальных комплексов. На период 2025 года мы наблюдаем страшную картину. В некоторых странах Восточной Европы власти выступают против исторической памяти о подвигах советских командиров и солдат Красной армии посредством сноса и осквернения мемориалов и памятников.

Например, Львов был освобожден от нацистов в июле 1944 года, город встречал красноармейцев как героев, но спустя 75 лет Монумент Славы советских вооруженных сил было решено снести из-за якобы аварийного состояния. Также ранее он подвергался актам вандализма, памятник обливали краской, сбивали надпись «Победителям над нацизмом», вместо неё писали на плитах «Памятник оккупантам». Разрушение проходило в несколько этапов, 77-ю годовщину освобождения Львова праздновали полным сносом Монумента Славы.

Самый яркий пример вандализма мы можем наблюдать в Болгарии, где памятник Советской армии-освободительнице, установленный в центре болгарской столицы в 1954 году, был разукрашен в стиле американских супергероев, на них надевали маски. Периодически на нем появляются оскорбительные надписи.

Саур-Могила – курган в Шахтерском районе Донецкой Народной Республики. Во время Великой Отечественной войны данную позицию заняла 6-я армия вермахта, там проходили ожесточенные бои, как и на всем фронте. Уже после окончания войны на Саур-Могиле был установлен памятник павшим советским солдатам в боях за освобождение Донбасса.

К сожалению, летом 2014 года развернулась борьба между вооруженными силами ДНР и Украины, в ходе обстрелов со стороны украинских силовиков мемориал был разрушен. Власти ДНР сразу же

начали говорить о восстановлении памятника, а уже 1 июля 2022 года о реконструкции мемориала объявило Министерство обороны РФ. Помимо того, что был восстановлен прежний облик памятника, были созданы 3 новых исторических рельефа в память о событиях 2014 года.

8 сентября на Саур-Могиле зажгли Вечный огонь.

Можно бесконечно говорить о том, как люди и власть стремятся забыть правду о том, что Великая Отечественная война – это не просто столкновение между двумя нациями, а искоренение фашизма. Вандализм, снос исторических памятников культуры дает нам понять, что спустя столько лет фашизм снова начинает пробираться наружу. Но благодаря единству народа, его стремлению сохранить память в наших сердцах мемориалы восстанавливаются и приобретают великолепный вид.

Далее рассмотрим художественные литературные тексты. Много написано произведений во время Великой Отечественной войны и уже после неё. Они отражают переживания автора в те моменты, о том, как скоро война будет закончена, о семье, о своей жизни сейчас и что будет потом.

Военная лирика была способна объединять людей и поднимать боевой дух. Так, стихотворение Анны Ахматовой «Мужество», написанное в 1942 году, стало моральной поддержкой для солдат. Анализируя данное произведение, сразу можно понять, что главной темой является именно борьба народа за свою свободу и культуру. Автор использует личное местоимение 1 лица множественного числа, т.е. «мы», что показывает единство народа, его силу. Анна от имени всего народа утверждает, что цена событий высока, и что лирическое «мы» готово умереть, «остаться без крова», лишь бы сохранить русскую речь. Она показывает, насколько сильна любовь народа к Родине.

В произведении М.А. Шолохова «Судьба человека» поднимается много важных тем, связанных с войной и не только. Оно было написано в послевоенное время и описывает реальные события. Автор рассказывает нам, как Андрей Соколов попадает в плен, где царят нечеловеческие условия, но люди, находившиеся там, не сдаются и верят в победу русского народа; как немецкий комендант вызывает его на допрос с умыслом убить, благо тот остается жив за счет своего мужества; и как он несколько раз совершает попытки побега, и в конце концов ему удается это сделать. Все эти примеры показывают нам, что русский народ, как и Андрей Соколов, готов бороться до конца, люди стремятся к победе, отгоняя плохие мысли в сторону.

Таким образом, литература позволяет показать нам настоящую войну, со всеми её переживаниями через индивидуальный опыт писателей. Но всё же стоит отметить, что сейчас многие авторы переписывают историю, притягивая факты за уши и стремясь доказать неправоту Советского Союза, что в корне не верно.

Перейдем к последнему в данной работе произведению искусства – кинематографии. Благодаря кино мы можем полностью погрузиться в сюжет и стать его частью. А визуализация способствует получению более

высокого эмоционального воздействия, в результате чего мы запоминаем историю на более длительный срок.

Предлагаю рассмотреть фильм 1972 года, снятый по произведению Бориса Васильева «А зори здесь тихие» режиссером Станиславом Ростоцким. Автор повести сам прошёл войну и свои впечатления перенес на бумагу, в последующем мы уже увидели это и на экранах. Так, через фильм мы наблюдаем за Великой Отечественной войной, девушками, которые тоже стали борцами за свободу, их характерами. Они были очень молоды, не знали всей жестокости войны, но было одно, что их объединяло, – ненависть к врагу и его взглядам. Мы видим, как они упорно стараются помешать немцам и их планам, но, к сожалению, из-за недостаточного опыта они самоотверженно погибают. Сама идея Бориса Васильева заключалась в том, чтобы люди запомнили о тех страшных событиях, передавали об этом из поколения в поколение и не повторяли тех же ошибок, и эту идею смог передать режиссер, ведь его работа пробирает до мурашек. Война – это страшно!

Таким образом, фильмы тоже могут оказывать глубокое влияние на людей, заставляя задуматься о важных вещах в нашем мире.

В заключение хочу сказать, что произведения искусства, посвященные Великой Отечественной войне, создают сложную и многоступенчатую систему памяти. Памятники формируют идентичность, литература и фильмы помогают нам на образе человека оценить те или иные действия, увидеть своими глазами, что происходило в то страшное время.

Список использованных источников:

1. История мемориального комплекса «Саур-Могила» / 8 сентября 2022 г. / Официальный сайт ТАСС // URL: https://tass.ru/info/15701279 (дата обращения: 02.11.2025).

2. Что будет с памятниками советским воинам в Восточной Европе / 26 декабря 2017 г. / Официальный сайт ТАСС // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4843905 (дата обращения: 02.11.2025).

3. Нацизм против мрамора: какие памятники разрушали на Украине / 27.06.2022 // Официальный сайт РИА Новости // URL: https://ria.ru/20220627/vandaly-1797851444.html (дата обращения: 02.11.2025).

4. Ахматова А.А. // Официальный сайт Культура.РФ // URL: https://www.culture.ru/poems/8905/muzhestvo (дата обращения: 03.11.2025).

5. Шолохов М.А. // Официальный сайт «Азбука веры» // URL: https://azbyka.ru/fiction/sudba-cheloveka-mihail-sholohov/ (дата обращения: 05.11.2025).

Наурзгалиева Линара Закариевна,
студент 5 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Осадчук Е.А.)

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В КРАСНОДАРСКОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В СССР: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ УРОКИ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В современных геополитических условиях наблюдается устойчивое стремление к пересмотру исторических итогов Второй мировой войны. Отдельные политические круги предпринимают систематические попытки девальвировать значение победы над нацизмом, подвергая сомнению установленные факты военных преступлений. Особую тревогу вызывает целенаправленная фальсификация исторических событий, направленная на дискредитацию решающей роли Советского Союза в разгроме нацистской Германии.

Особую актуальность эти свидетельства приобретают в условиях наблюдаемого в некоторых странах процесса реабилитации нацистской идеологии. Действия по героизации пособников нацизма и распространение неонацистской символики демонстрируют опасность забвения уроков судебных процессов над нацистскими преступниками. В этой связи архивные материалы Краснодарского судебного процесса над нацистскими преступниками в СССР становятся важнейшим инструментом противодействия историческому ревизионизму.

Краснодарский процесс 14–17 июля 1943 года стал первым в истории СССР открытым судебным процессом над нацистскими преступниками и их пособниками. Особый интерес вызывает деятельность органов советской прокуратуры, которые в исключительно сложных условиях военного времени сумели организовать процессуально безупречное судебное разбирательство, соответствовавшее как нормам национального законодательства, так и принципам международного права.

Перед судом предстали тринадцать советских граждан, которые служили во вспомогательных частях зондеркоманды 10-а, в основном – на обслуживании газвагенов («душегубок»). Именно Краснодарский край вошел в летописи Великой Отечественной войны как экспериментальная площадка массового истребления людей новым видом оружия – «машиной смерти», именуемой «душегубка» [1, с. 100]. Этот метод уничтожения человечества фашисты намеревались в дальнейшем распространить во всем мире.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). По собранным этой инстанцией материалам нацистским преступникам и их помощникам предстояло ответить перед открытыми судами [2, с. 66].

Сбор данных материалов являлся трудоемким и сложным процессом, и для выполнения практической работы было предложено привлечь следственных работников для оказания практической помощи Народному комиссариату внутренних дел. Прокуроры должны были строго следить за ходом этой работы и не допускать никаких нарушений. Государственное обвинение поддерживал военный прокурор генерал-майор юстиции Л.И. Яченин.

Судебным следствием были установлены факты систематического истязания и сожжения гитлеровскими разбойниками многих арестованных советских граждан, находившихся в подвалах гестапо, и истребления путем отравления газами окиси углерода в специально оборудованных автомашинах-«душегубках» около 7 000 невинных советских людей, в том числе свыше 700 человек больных, находившихся в лечебных заведениях города Краснодара и Краснодарского края, из них 42 детей в возрасте от 5 до 16 лет [3].

В ходе вечернего судебного заседания 14 июля 1943 г. Военного трибунала Северо-Кавказского фронта состоялось оглашение обвинительного заключения, содержавшего систематизированные результаты предварительного следствия. В процессе судебного разбирательства было установлено, что расследуемые преступления осуществлялись структурными подразделениями и карательными органами 17-й немецкой армии, находившейся под командованием генерал-полковника Р. Руофа. Ответственность за руководство данными преступными деяниями была возложена на краснодарское гестапо как координационный центр репрессивной политики оккупационных властей [1, с. 7].

В ходе заключительного судебного заседания 16 июля 1943 года трибуналу были представлены заключительные выводы судебно-медицинской экспертизы. Государственный обвинитель в своей речи систематизировал весь комплекс доказательств, полученных в ходе судебного разбирательства, и идентифицировал конкретных исполнителей и организаторов преступных деяний. В заключение государственный обвинитель перешел к оценке индивидуальной вины подсудимых, обозначив требование применения смертной казни в отношении подсудимых, преступления которых квалифицированы по ст. 58-1 «а» и

ст. 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР. В отношении троих подсудимых, как менее активных пособников главных обвиняемых, прокурор счел возможным не применять смертную казнь [4].

В протоколах утреннего заседания 16 июля 1943 года содержатся показания двадцати двух свидетелей, в том числе гражданина Коломийцева, во многих из которых представлены воспоминания о массовых захоронениях жертв фашистских захватчиков [5, с. 150].

18 июля 1943 года на городской площади города Краснодара, в присутствии свыше тридцати тысяч жителей города и близлежащих станиц, приговор Военного трибунала Северо-Кавказского фронта по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Краснодаре и Краснодарском крае был приведен в исполнение [6].

Заседания трибунала освещали в прессе, в том числе зарубежной, снимали операторы и фотографы – за процессом следили не только в СССР, но и во всем мире. Газета «Правда» писала: «На скамье подсудимых в этом процессе была вся кровавая гитлеровская система» [7, с. 146]. После процесса был выпущен в свет документальный фильм «Приговор народа», который переведен на английский язык и демонстрировался в странах – союзниках СССР.

Работа по выявлению преступлений нацистов продолжается и в наше время. В рамках этого проекта Генеральной прокуратурой Российской Федерации совместно с другими правоохранительными ведомствами принимаются меры по установлению обстоятельств вновь выявленных преступлений нацистов против мирных жителей и лиц, причастных к их совершению.

Работа на данном направлении организована в 34 субъектах Российской Федерации, где имеются сведения о ранее неизвестных местах истребления и захоронения мирного населения и советских военнопленных. Отобраны и рассекречены архивные материалы о преступлениях участников нацистских карательных отрядов на оккупированных территориях Советского Союза [8].

Под надзором Генеральной прокуратуры Российской Федерации расследуется уголовное дело, возбужденное по статье 357 Уголовного кодекса Российской Федерации (геноцид), в одном производстве с которым соединены уголовные дела о геноциде советских граждан в различных регионах СССР. Благодаря широким полномочиям, предоставленным законодателем органам прокуратуры Российской Федерации, прокуратуре Краснодарского края удалось в июле 2022 г. в судебном порядке признать преступления, совершенные на территории Краснодарского края, военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза. Суд установил, что в ходе оккупации было преднамеренно истреблено более 48 тысяч мирных

граждан, включая 9 тысяч детей, а также свыше 9 тысяч военнопленных. Более 129 тысяч человек были насильственно угнаны на работы в Германию. Эти преступления осуществлялись систематически такими организациями, как зондеркоманда 10-а, и являлись частью плана Германии по уничтожению советской государственности и колонизации территорий. Судебное решение от 25 июля 2022 года закрепило юридическое признание этих деяний как военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида [9].

Анализ состояния правового просвещения в сфере исторической памяти выявил системную проблему недостаточного внимания к Краснодарскому судебному процессу над пособниками немецко-фашистских захватчиков. Краснодарский процесс 1943 года, будучи первым в мире открытым судом над нацистскими преступниками, остается на периферии общественного сознания и академического дискурса.

Последствия недостаточного внимания к Краснодарскому процессу многогранны и серьезны. В историко-правовом аспекте утрачивается понимание преемственности между Краснодарским и Нюрнбергским процессами, искажается картина развития международного уголовного права, замалчивается вклад советской правовой школы в формирование принципов международного правосудия. В образовательном плане студенты-юристы не получают полного представления о генезисе международного правосудия, упускается возможность использования уникального опыта Краснодарского процесса в преподавании различных юридических дисциплин. Общественно-политические последствия включают ослабление исторической памяти о преступлениях нацизма на юге России, снижение эффективности борьбы с современными проявлениями неонацизма и утрату возможностей патриотического воспитания молодёжи на конкретных исторических примерах.

Значение Краснодарского процесса выходит далеко за рамки региональной истории. Это был первый в мире открытый судебный процесс над нацистскими преступниками, установивший важные правовые прецеденты и продемонстрировавший возможность осуществления правосудия в условиях войны. Его опыт представляет не только историческую ценность, но и практический интерес для развития современного международного права. Интеграция материалов процесса в образовательные программы и просветительские проекты будет способствовать сохранению исторической правды о преступлениях нацизма, укреплению правосознания молодёжи, развитию региональной историко-правовой науки, упрочению диалога между поколениями. Просветительские инициативы должны включать проведение тематических выставок, круглых столов, создание документального

фильма и образовательного контента для интернет-платформ, проведение тематических мероприятий для школьников и студентов.

Таким образом, значение Краснодарского процесса 1943 года, ставшего первым звеном в цепи справедливого наказания лиц за совершенные преступления, представляется крайне высоким, поскольку, принимая во внимание изложенные аспекты проведения судебных заседаний, возможно прийти к выводу, что, помимо идеологических задач, им были решены задачи политического, военного и экономического характера.

Список использованных источников:

1. Шкурова, П.Д. Организация деятельности прокуратуры на Кубани в годы Великой Отечественной войны / П.Д. Шкурова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2022. – № 3 (91). – С. 97–106.

2. Степаненко, С.Г. Деятельность Краснодарской краевой комиссии по установлению ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками экономике Кубани (август 1942 – октябрь 1943 года) / С.Г. Степаненко // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2010. – № 1. – С. 66–69.

3. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. Приговор // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – 1943. – 20 июля. – № 168.

4. Приговор Военного трибунала Северо-Кавказского фронта по делу о зверствах немецко-фашистских оккупантов и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». – URL: https://victims.rusarchives.ru/fsb (дата обращения: 25.10.2025).

5. Чопова, В.Е. Краснодарский судебный процесс над пособниками немецко-фашистских захватчиков / В.Е. Чопова // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 4–2 (25). – С. 149–152.

6. Сборник материалов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников / сост. А. Борисов. – URL: http://www.ereading.club/chapter.php/1019465/82/Sbornik_materialov_Chrezvychaynoy_Gosudarstvennoy_Komissii_po_ustanovleniyu_i_rassledovaniyu_zlodeyaniy_nemecko-fashistskih_zahvatchikov_i_ih_soobshchnikov.html (дата обращения: 02.11.2025).

7. Страхова, С.В. Советские открытые судебные процессы над нацистами и их пособниками 1943 г. как первая ступень к Нюрнбергу /

С.В. Страхова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 1. – С. 143–149.

8. Об организации работы по установлению обстоятельств вновь выявленных преступлений нацистов против мирного населения: информационное сообщение // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/e5954056/ (дата обращения: 20.10.2025).

9. Новости министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия). – URL: https://mir-pl.obr.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3336678 (дата обращения: 05.11.2025).

Николаев Артем Андреевич,
студент 1 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Иванова Н.М.)

СОВЕТСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД НАЦИСТАМИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДАННОЙ СФЕРЫ

Информация о чудовищных поступках нацистов над мирным населением в годы Великой Отечественной войны начала поступать с первых дней. Однако в начале войны Советское правительство не могло зафиксировать эти действия, в связи с отступлениями на фронте. Масштабные сведения удавалось получить только при освобождении территорий, как отмечал в своей работе Д.Ю. Асташкин.

История расследования преступлений нацистов начинается с Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года о создании «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Непосредственно свою деятельность комиссия начала уже в 1943 году на только что освобождённых территориях.

В городах Краснодаре и Харькове были созданы областные комиссии, разбиравшие преступления нацистов в этих областях. До этого момента в истории не было практики проведения судебных процессов в данной сфере, поскольку в мире не было аналогов такой жестокости. Можно считать, что эти

судебные процессы стали первыми. Правовой основой проведения процессов стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 № 39.

Одним из таких процессов на основе этого указа был Харьковский. Он проходил с 15 по 18 декабря 1943 года. Проводил процесс Военный трибунал 4-го Украинского фронта. Подсудимыми были 3 немецких военнослужащих и 1 советский коллаборационист. Рецлав Рейнгард – старший ефрейтор вспомогательной полиции, Риц Ганс – заместитель командира роты СС, унтерштурмфюрер СС, Лангхельд Вильгельм – офицер военной контрразведки германской армии, Буланов Михаил Петрович – шофёр харьковского отделения гестапо. Дело рассматривалось под председательством генерал-майора юстиции А.Н. Мясникова и при участии прокурора полковника юстиции Н.К. Дунаева. По назначению суда адвокатами обвиняемых выступили Н.В. Коммодов, С.К. Казначеев и И.П. Белов. Также были привлечены независимые наблюдатели, в том числе иностранные в лице СМИ: британская «The Times» и американская «The New York Times».

Как подчеркивал публицист Илья Эренбург: «Перед нами не солдаты, а палачи. Эсэсовец, капитан контрразведки, полицейский чиновник. Их судят гласно, по законам Советской Республики. Они могут защищаться. Каждое слово переводится с немецкого на русский или с русского на немецкий… Злодеяния подсудимых – не патология трёх садистов, не разгул трёх выродков. Это выполнение германского плана истребления и порабощения народов».

16 и 17 декабря проводились утренние и вечерние заседания, где были представлены доказательства расстрелов мирного населения, использование газовых камер «душегубок». 18 декабря 1943 года после обвинительной речи военного прокурора Н.К. Дунаева обвиняемые были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных частью первой Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. Военный трибунал приговорил всех четверых обвиняемых к смертной казни через повешение. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал. 19 декабря в 11 часов в городе Харькове приговорённые были публично повешены на площади.

В последующие годы на освобожденных территориях Советского Союза было проведено 17 судебных процессов, в том числе один судебный процесс был проведён над милитаристами Японии (Хабаровский процесс). Все документы были засекречены и хранились в архиве Управления КГБ. Только в 2005 году началась публикация этих документов. Проведённые процессы над нацистскими преступниками стали первой основой международного регулирования этого вопроса на Нюрнбергском процессе, который стал международным трибуналом над нацистами, где активную деятельность принимала советская обвинительная сторона. После Нюрнбергского процесса

были приняты Резолюции ООН, регулирующие этот вопрос. Согласно им, идеология нацизма запрещалась и не могла быть реабилитирована.

В современном мире появилась угроза неонацизма. Такой идеологии придерживается Украина в отношении России. С 2014 года популярность неонацизма увеличилась в этой стране. Началось притеснение русскоязычного населения. В 2022 году Россия начала проводить специальную военную операцию в целях защиты русскоязычного населения от притеснения со стороны украинского правительства. Так же, как во время Великой Отечественной войны, нацисты совершают зверские преступления в отношении мирного населения. Правоохранительные органы незамедлительно реагируют на совершение этих преступлений.

Из доклада министра иностранных дел РФ от 30.11.2023 «О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости»: «По состоянию на начало – конец июля 2023 г. уже возбуждено 3 286 уголовных дел. Среди таких преступлений – геноцид, терроризм, жестокое обращение с гражданским населением, применение в вооружённом конфликте запрещённых средств и методов, убийства, умышленное уничтожение и повреждение имущества и другие. В числе фигурантов – 849 лиц, среди которых представители высшего командования ВСУ, а также командиры воинских подразделений, отдававшие преступные приказы об обстрелах мирного населения и объектов гражданской инфраструктуры. Всего завершено расследование 179 уголовных дел. Рассмотрение других уголовных дел продолжается. Следственный комитет устанавливает и даёт правовую оценку действиям всех лиц, причастных к совершаемым преступлениям».

Во многом благодаря проведённым в СССР судебным процессам над нацистами в современности у нас есть образец и опыт в этой области, что позволяет правомерно и справедливо проводить процессы над неонацистами. Советские процессы над нацистскими преступниками стали важным историческим прецедентом в международном праве. Эти процессы заложили основы современной системы международного правосудия. В настоящее время Россия проводит работу по документированию преступлений на Украине, связанных с пропагандой нацизма и совершением военных преступлений. Эта работа ведётся в строгом соответствии с нормами международного права и российским законодательством.

Список использованных источников:

1. Асташкин, Д.Ю. 1941 год: военные преступления оккупантов // Регнум. 22.06.2021. URL: https://regnum.ru/article/3302304?ysclid=m5v5e7sh9r832994600

2. Багандова, Л.З. Запрет на реабилитацию нацизма в международном и зарубежном законодательстве: эволюция и анализ / Л.З. Багандова // Международное право. – 2024. – № 2. – DOI: 10.25136/2644-5514.2024.2.71730 EDN: DIOVYQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71730

3. Борисов, А.В. Сборник материалов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. URL: http://samlib.ru/b/borisow_aleksej_wiktorowich/materialychgk. shtml#TOC_id20313687

4. Доклад министра иностранных дел РФ «О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 30.11.2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1918361/

5. Илья Эренбург «СУД ИДЕТ!» // «Красная звезда». – 17.12.1943. – № 297. – С. 3. – URL: http://kosgvk.ru/wp-content/uploads/2025/04/Газета-Красная-Звезда-№297-от-17-декабря-1943-года.pdf

6. Страхова, С.В. Советские открытые судебные процессы над нацистами и их пособниками 1943 г. как первая ступень к Нюрнбергу / С.В. Страхова // Вестник Университета прокуратуры РФ, 2025. – № 1 (105). – С. 143–149. – URL: https://agprf.org/userfiles/ufiles/ob%20akademii/vestnik/2025/vestnik_01_2025.pdf

7. Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР : Указ Президиума ВС СССР от 02.11.1942 № 160/17. – URL:https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_02.11.1942_№_160/17

8. О работе Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков : Постановление СНК СССР от 16.03.1943 № 299 // Электр. б-ка истор. док. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/ nodes/244230

Оганесян Ани Гарники,
студент 1 курса
Крымского филиала Российского
государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева

(Научный руководитель – Киян М.Ш.)

ЭТИКА ПРАВОСУДИЯ И МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ В СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ НАД НАЦИСТАМИ

Нюрнбергский процесс, проходивший с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., стал поворотным моментом в истории мирового правосудия, обозначив принципиально новый подход к оценке военных преступников, военных преступлений и преступлений против человечества.

Нюрнбергский трибунал заложил основы современной этики правосудия, сформулировав ключевые правовые и моральные принципы. Это прежде всего:

1. Ответственность лидеров за преступную политику государства.

Впервые на скамье подсудимых оказались не рядовые исполнители, а высшие руководители государства – 24 высших нацистских руководителя, среди которых начальник партийной канцелярии НСДАП Мартин Борман, вице-фюрер, рейхсмаршал, главнокомандующий военно-воздушными силами Третьего рейха Герман Геринг, обергруппенфюрер СС и СА Рудольф Гесс и другие организаторы массовых преступлений, именно лица, активно принимавшие участие в планировании, подготовке, развязывании и ведении войны, которая также являлась войной в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств, агрессией против мира. Всем им были предъявлены обвинения в преступлениях против мира и безопасности человечества, военных преступлениях, преступлениях против человечности: германизации оккупированных территорий, проведении политики преследования, порабощения, репрессий и истребления людей по политическим, расовым или религиозным мотивам, содержании в тюрьмах без суда и следствия, применении пыток и совершении убийств, истязаний, увода в немецкое рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории.

2. Преступления против человечности как юридическая категория. В ходе процесса был официально закреплён термин «геноцид» и признана уголовная ответственность за систематическое преследование, репрессии и истребление людей по расовым, религиозным или политическим мотивам.

3. Принцип командной ответственности. Наказанию подлежали не только непосредственные исполнители, но и организаторы преступлений.

4. Международное правосудие как альтернатива односторонним акциям победителей. Процесс стал примером сотрудничества государств с различными политическими системами ради торжества справедливости.

5. Право на защиту для обвиняемых. Подсудимых было 24 человека, из которых в зале присутствовали только 23: рейхсляйтер и начальник партийной канцелярии НСДАП Мартин Борман предстал перед судом заочно, поскольку не было точных данных ни о его смерти, ни о месте, где он может находиться (его останки удалось обнаружить и идентифицировать только в 1972 г.). Каждому из подсудимых полагался защитник, и в общей сложности их интересы представляли 27 адвокатов, которым помогали 54 ассистента и 67 секретарей. Всем подсудимым гарантировались юридические права: защита, возможность представлять доказательства, синхронный перевод и т. д. Так, они получили для ознакомления обвинительное заключение за 30 дней до начала процесса. Из 403 судебных заседаний, 16 тыс. страниц стенограммы которых стали настоящим обвинительным документом нацизму, не было ни одного закрытого, а в зал заседания было выдано 60 тыс. пропусков. В ходе процесса были допрошены несколько сотен свидетелей, рассмотрены более 300 тыс. письменных показаний и более 5 тыс. подлинных документальных доказательств (в основном официальные документы германских министерств и ведомств, генштаба, военных концернов и банков) [1].

Нюрнбергский процесс породил множество моральных и юридических дилемм, которые, безусловно, актуальны и в наши дни. Ключевыми из них являются:

1. Правомерность суда победителей.

Основной этический вопрос: можно ли считать справедливым «суд победителей» над побеждёнными? Ряд критиков, среди которых сенатор США Роберт А. Тафт, конгрессмен Говард Смит от штата Висконсин и др., утверждали, что процесс носил политический характер и навязывал немцам чувство коллективной вины. Аргументом «за» легитимность правомерности суда победителей выступает то, что впервые в истории судили не отдельных людей, а целую идеологию и систему преступлений против человечества. Процесс базировался на международных соглашениях (в т. ч. Лондонском протоколе 1945 г. [2] и принципах Гаагской 1899 г. и 1907 г. и Женевской конвенций 1927 г. и 1929 г.).

2. Квалификация новых видов преступлений.

На процессе впервые были рассмотрены такие категории преступления, как «преступления против мира» и «преступления против человечности». Их юридическая и моральная природа вызвали споры. Преступления против мира включали планирование агрессивных войн.

Преступления против человечности охватывали массовые убийства, геноцид, медицинские эксперименты, порабощение и т. п.

3. Коллективная ответственность организаций.

Трибунал признал преступными целые структуры нацистского режима: НСДАП, СС, СД, гестапо и др. Это породило дилемму: с одной стороны, эти организации сознательно участвовали в преступной системе. С другой – не все их члены разделяли идеологию или знали о преступлениях.

4. Принцип «выполнения приказа».

Многие подсудимые ссылались на то, что лишь исполняли приказы фюрера. Это вызвало этический конфликт: позиция защиты выдвинула аргумент, что солдаты обязаны подчиняться командованию; а позиция обвинения настаивала на том, что нельзя ссылаться на приказ, если он нарушает базовые нормы человечности.

5. Соотношение возмездия и реабилитации.

Процесс сочетал элементы наказания и попытки донести до общества правду о нацистских преступлениях. Так, возмездие: 12 из 24 обвиняемых получили смертный приговор; реабилитация через знание: трибунал обнародовал тысячи документов, свидетельских показаний, снял и показал фильм о немецких концлагерях.

6. Политическое влияние на процесс.

Напряжённость между союзниками (особенно после Фултонской речи Черчилля 5 марта 1946 г., в которой впервые прозвучали такие выражения, как «особые отношения», «железный занавес» и «мускулы мира» [3]) породила сомнения в беспристрастности суда и вызвала надежду у подсудимых, что раскол между странами-победительницами СССР, США, Великобританией и временным правительством Французской Республики приведёт к смягчению приговоров. Однако в реальности единство союзников сохранилось, но споры о приговорах велись до последнего.

7. Принципы Нюрнберга легли в основу международного права, включая Токийский процесс [4] и современные трибуналы.

Принципы Нюрнберга как основа международного права стали генератором строительства нового глобального правопорядка, оказали исключительно важное влияние на международно-правовую практику и развитие современного международного права, получили в дальнейшем свое развитие в ряде международно-правовых актов, таких как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. и Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. (прямо вытекающих из определения военных преступлений в Уставе и приговоре МВТ), Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., Резолюция об определении агрессии, принятой 29-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г., и др., в создании

специальных уголовных трибуналов в Гааге, Аруше, постоянного Международного уголовного суда (МУС) для наказания лиц, виновных в совершении международных преступлений.

Подводя итоги Нюрнбергского процесса в направлении этики правосудия и моральных дилемм в судебных процессах над нацистами, стоит отметить, что Нюрнбергский процесс замышлялся как великий гуманистический проект. Однако в ходе суда вскрылось слишком много противоречий между этой идеалистической картиной и суровой реальностью, а главное – стало понятно нежелание и невозможность разобраться в преступлениях прошлого до конца, представляя их все целиком как результат злонамеренных действий лишь одной побеждённой стороны. Он также обозначил границы допустимого поведения государств и лидеров, утвердил приоритет общечеловеческих ценностей над национальными интересами, создал прецеденты, которые до сих пор определяют развитие международного права и морали. Этот процесс остаётся одним из самых значимых примеров торжества справедливости в истории человечества.

Список использованных источников:

1. Историко-документальный департамент МИД России: официальный сайт. – URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/nyurnbergskiy-protsess-i-ego-nasledie/ (дата обращения: 07.11.2025).

2. Нюрнбергский процесс и его наследие // Историко-документальный департамент МИД России: официальный сайт. – URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/nyurnbergskiy-protsess-i-ego-nasledie/ (дата обращения: 08.11.2025).

3. Текст речи Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже, г. Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. // Официальный сайт Российского исторического общества. – URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=594&ysclid=mhp7pmq3tu578654569/(дата обращения: 08.11.2025).

4. Петухов, Н.А., Рябцева, Е.В. Нюрнберг в Токио: судебные процессы над японскими военными преступниками / Н.А. Петухов, Е.В. Рябцева // Правосудие. – 2024. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nyurnberg-v-tokio-sudebnye-protsessy-nad-yaponskimi-voennymi-prestupnikami (дата обращения: 08.11.2025).

Осадчук Полина Тарасовна,
студент 3 курса
Крымского филиала Российского
государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева

(Научный руководитель – Сошина Н.В.)

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПРОЦЕСС НАД НЕМЕЦКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ 1945–1946 ГГ.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ УРОКИ

Политический и правовой аспект советских судов над нацистами долгое время выпадал из поля зрения исследователей. За 1945–1947 гг. в РСФСР было проведено 6 открытых судов над немецкими военными преступниками в наиболее пострадавших городах: Смоленске (15–19 декабря 1945 г.), Брянске (26–30 декабря 1945 г.), Ленинграде (27 декабря 1945 г. – 6 января 1946 г.), Великих Луках (24–31 января 1946 г.), Севастополе (12–23 ноября 1947 г.), Новгороде (7–18 декабря 1947 г.).

Ленинградский процесс мало изучен в России. Перед любым исследователем советских судов возникает проблема доступности источников. Материалы Ленинградского процесса были засекречены (как и все другие дела подобных судов) и хранятся сейчас в центральном архиве ФСБ России. Они не выдаются исследователям, как и другие судебные дела военных преступников. В Государственном архиве РФ доступны лишь тома № 11 и № 12 с материалами следствия (показания обвиняемых Янике, Скотке, Зоненфельда и протоколы их опознания по фотографиям) [1]. Другие доступные нам источники о Ленинградском процессе: инструкции ЦК ВКП(б), личное дело председательствующего трибунала генерал-майора И.Ф. Исаенкова, фотографии суда, документальный фильм «Приговор народа» (1946 г.), дневник специального корреспондента «Правды» П.Н. Лукницкого и свыше 50 материалов шести газет.

НКГБ, главное управление Смерша и Прокуратура СССР должны были закончить следствие всего за три недели, «не позже 15 декабря 1945 года» [2]. На помощь в подготовке, организации и проведении суда из Москвы в Ленинград была командирована группа из четырех оперативных работников НКВД, НКГБ и Главного управления Смерша во главе с генерал-майором Прошиным. За столь короткие сроки в лагерях немецких военнопленных они смогли найти лишь нескольких подозреваемых [3, с. 44–48].

Ленинградский процесс проходил в Выборгском доме культуры, который вместил 2 000 зрителей из Ленинграда, Пскова и Новгорода (вход был по пропускам). Декорации напоминали театр: трибунал Ленинградского военного округа разместился на украшенной сцене, позади стоял барельефный макет Кремля и большая статуя Сталина на

постаменте, за ней – экран для показа документального фильма, перед началом заседаний открывался занавес.

По данным Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), которые легли в основу обвинения, оккупанты уничтожили в Ленинградской области (в её состав входили новгородские и псковские территории) 52 355 мирных жителей, угнали на принудительные работы 404 230 советских граждан [4, с. 5]. Нацисты маскировали свои преступления, поэтому судебно-медицинский эксперт Ленинградского военного округа А.П. Владимирский считал, что «небоевых» смертей было намного больше – до полумиллиона. По его подсчетам, главным центром уничтожения людей в Ленинградской области стал Псков. Возможно, поэтому главным обвиняемым на Ленинградском процессе стал генерал-майор Г. Ремлингер, псковский комендант в 1943–1944 гг.

На суде разбирались преступления Ремлингера и его подчиненных, совершенные в Ленинградской области зимой 1943–1944 гг.: карательные акции (расстрелы, сожжения заживо, пытки), угон на принудительные работы, уничтожение населенных пунктов при отступлении. Ремлингер лично приказал провести ряд карательных экспедиций, жертвами которых стали тысячи советских граждан (в основном женщины, дети и старики). По указанию Ремлингера было угнано на принудительные работы 25 000 человек, сожжено 145 деревень.

Преступные приказы о расстрелах отдавали также капитаны К. Штрюфинг и старший лейтенант Э. Визе (командиры рот «особого батальона»). Восемь исполнителей этих приказов (фельдфебели и рядовые Э. Бем, Ф. Энгель, Э. Зненфельд, Э. Скотки, Г. Янике, Э. Герер, Э. Фогель, А. Дюре) служили в первом и втором батальонах «особого назначения» 21-й авиаполевой дивизии. Лейтенант Зоненфельд был командиром «особой группы» 322-го пехотного полка. Каждый из исполнителей лично убил от 11 до 350 человек и сознался в этом на суде. Свою вину не признали только Ремлингер и Визе.

Подсудимых из «особого батальона» могло быть больше, но некоторые из подозреваемых активно сотрудничали со следствием и получили статус свидетелей, хотя участвовали в тех же акциях.

Ленинградский суд использовал коллаборациониста в качестве свидетеля против Ремлингера – сотрудник немецкой комендатуры в Крестах (недалеко от Пскова) Н.И. Сердюк свидетельствовал о нечеловеческих условиях в лагере для мирных жителей в Крестах. Его участие было нетипичным, поскольку тема коллаборационизма цензурировалась, все послевоенные суды над ними проходили в закрытом режиме.

Все преступления попадали под указ 19 апреля 1943 года, который стал юридической основой для всех судов над иностранными военными преступниками в СССР. Кроме того, в общую часть обвинительного

заключения входили разрушения памятников культуры в пригородах Ленинграда, в Пскове и Новгороде.

Мы не можем выделить в обвинительном заключении Ленинградского процесса уникальные черты, список преступлений в нем отражал типичную политику нацистов в РСФСР: карательные акции против мирных жителей, разграбление и уничтожение населенных пунктов. Таким образом, оно соответствовало обвинительным заключениям других судов в РСФСР (например, Брянского и Новгородского).

Почему тема блокады Ленинграда не стала главной на Ленинградском процессе? Ведь она была представлена советской стороной на Нюрнбергском трибунале в феврале 1946 года. Предположим, что для суда не были найдены конкретные виновные в организации блокады [5, с. 165–167]. Лишь позднее, на Новгородском процессе (декабрь 1947 года), генерал артиллерии Курт Герцог был осужден за участие в блокаде Ленинграда (среди прочих обвинений). По всей видимости, Ленинград был выбран площадкой суда с учётом довоенных административных границ, включавших Псков и Новгород. Кроме того, для политических функций суда было важно символическое значение Ленинграда. Таким образом, Ленинград стал объединяющим местом для суда за преступления, совершенные в трех регионах (в границах 1947 года): Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Новгородский процесс не планировался вплоть до мая 1947 г.

На Ленинградском суде (как и на Минском суде) по ходатайству государственного обвинителя был продемонстрирован документальный фильм о преступлениях нацистов на территории Ленинградской области. Фильм стал кинодоказательством преступлений оккупантов и конкретно Ремлингера.

Пропаганда подчеркивала, что Ленинградский суд касается не только конкретных преступлений конкретных подсудимых в 1943–1944 гг., но и всей системы оккупации Ленинградской области в 1941–1944 гг. Тем не менее на Ленинградском суде (как и на Великолукском и Новгородском) были лишь в незначительной степени, в отдельных показаниях свидетелей, обозначены масштабные нацистские преступления 1941–1942 гг., совершенные на территории Ленинградской области против евреев, цыган, душевнобольных, советских военнопленных. Так, на территории Псковской области в 1941–1942 гг. были созданы и уничтожены гетто в Пскове, Опочке, Невеле, Великих Луках, Порхове, Пустошке, Себеже. Осенью 1943 г. трупы евреев были извлечены из ям и сожжены. Публичной ответственности за эти преступления Холокоста никто не понес.

Для Нюрнбергского трибунала советская сторона готовила двух немецких свидетелей по теме Катынского расстрела: Людвига Шнейдера (ассистента профессора Бутца) и солдата Арно Дюре (подсудимого на

Ленинградском процессе) [6]. Они должны были поддержать советскую версию Катынского расстрела. Предположим, что показания Дюре в Ленинграде должны были стать репетицией его выступления в Нюрнберге. В то же время тема Катыни не была включена в обвинительное заключение Ленинградского процесса.

Приговор утверждался не в Ленинграде, а в Москве. 3 января 1946 г. руководители спецслужб С.Н. Круглов, Н.М. Рычков, В.С. Абакумов в письме В.М. Молотову на двух страницах пересказали обвинительное заключение и предложили приговор: «Учитывая степень виновности каждого из подсудимых, считаем необходимым приговорить подсудимых Ремлингер, Штрюфинг, Зонненфельд, Беем, Энгель, Янике-Скотки, Герер – к смертной казни через повешение; подсудимых Фогель, Дюре и Визе – к каторжным работам. Просим Ваших указаний» [7]. Молотов утвердил все предложенное. Отметим, что даже в письме Молотову не поясняется дифференциация приговора (казнь, 20 лет и 15 лет каторги).

Пропаганда концентрировалась на приговоре к смертной казни, почти не упоминая другие приговоры. Разница в сроках каторги (20 лет и 15 лет) зрителям и читателям никак не была объяснена.

Некоторые газеты ограничились сухой констатацией приговора и штампом про «аплодисменты удовлетворения». Местом казни в Ленинграде была выбрана большая площадь Калинина у кинотеатра «Гигант». Сама казнь была описана ленинградскими газетами подробно и эмоционально. Смотреть на казнь пришли десятки тысяч ленинградцев, ещё больше зрителей увидели её в документальном фильме «Приговор народа».

Как и другие региональные суды, Ленинградский судебный процесс призван был стать судом не только над конкретными 11 подсудимыми, но и над самой оккупационной системой на Северо-Западе РСФСР. Это удалось лишь частично – наиболее тщательно были расследованы карательные акции 1943–1944 гг. Вместе с тем следствие не смогло или не успело определить виновных в блокаде Ленинграда, в военных преступлениях 1941–1942 гг. (включая Холокост). Не были расследованы военные преступления финских и испанских частей на территории Ленинградской области, а также участие в них коллаборационистов. Вместо этих важных тем власть вынесла на Ленинградский процесс ложные показания рядового Дюре о вине нацистов в Катынской трагедии. Впрочем, политического и юридического эффекта эти ложные показания не дали.

Масштабный суд в Ленинграде скрывал в себе огромный политический потенциал, но этот потенциал не был реализован. Власть не стала выделять Ленинградский процесс из общего ряда судов, дав следствию крайне сжатые сроки и однотипные инструкции. Медиатизация была избирательной. В итоге, как и аналогичные советские суды,

Ленинградский процесс почти не представлен в культуре памяти (даже на местном уровне) и нуждается в дальнейшем изучении.

Список использованных источников:

1. Дело № 37-д с документами о злодеяниях бывших военнослужащих германской армии Ремлингера, Штрафинга и др. в Ленинградской и Псковской областях, в период их временной оккупации немцами, Т. 11, 12 // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Ф. Р-7021. – Оп. 151. – Д. 2–3.

2. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О проведении судебных процессов над бывшими военнослужащими германской армии и немецких карательных органов» // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 166. – Д. 756. – Л. 146.

3. Подробнее о механизме поиска военных преступников в лагерях см.: Кузьминых, А.Л. Выявление нацистских военных преступников в советских лагерях для военнопленных (1944–1949 гг.) / А.Л. Кузьминых // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 9. – С. 44–48.

4. Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области // Известия. – 1945. – 29 декабря. – № 305 (8015). – С. 5.

5. Подробней о попытках привлечения виновных в блокаде к суду см.: Даудов, А.Х., Кунцевич, Ю.М., Ходяков, М.В. Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. – С. 165–167.

6. Лукницкий, П.Н. Ленинград действует. Книга третья. – Гл. 26.

7. Докладная записка министра юстиции СССР Н.М. Рычкова, министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова на имя В.М. Молотова об окончании Военным трибуналом Ленинградского военного округа судебного следствия по делу бывших военнослужащих германской армии, обвиняемых в массовом истреблении мирного населения, угоне советских граждан в немецкое рабство, разрушении городов и сел на территории Ленинградской области, с просьбой дать дальнейшие указания // РГАСПИ. – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 894. – Л. 5–6.

Першин Владимир Викторович,
слушатель 4 курса
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России

(Научный руководитель – Саранкина Ю.А.)

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И НАЦИФИКАЦИЯ УКРАИНЫ

80 лет назад, 20 ноября 1945 года, начался процесс, вошедший в историю как торжество правосудия и справедливости. В городе Нюрнберге состоялся Международный военный трибунал над нацистскими преступниками, на котором был осужден гитлеровско-нацистский режим, система государственных институтов и высшие политические и военные деятели, отравлявшие умы и затуманившие сознание немецкого народа идеями расового превосходства немцев и агрессивного очищения от «низших рас», направляющие Германию по пути формирования механизма ликвидации и системного уничтожения людей в концентрационных лагерях и в нечеловеческих условиях труда, доктрина тотальной войны, подразумевающая бесчеловечное отношение к военнопленным и уничтожение мирного населения. Руководители стран – СССР, Великобритании, США и Франции – пришли к единому решению провести судебное разбирательство и подвергнуть соизмеримому наказанию нацистских преступников.

Что же можно увидеть в современное время? Проявление методов и идей нацистов в стране, которая являлась частью, единым целым с Советским Союзом, понесшим наибольшие потери в кровопролитной войне, на территории которой нацисты уничтожили 3,9 млн мирных жителей во время реализации доктрины тотальной войны, сожжений деревень, расстрелов жителей и умерщвлений в концентрационных лагерях.

Отчасти это стало возможно благодаря нацистским преступникам, которым удалось избежать правосудия по так называемым «крысиным тропам» через Италию, Испанию в Ватикан, Аргентину и страны Латинской Америки. Сбежавшие Франц Штангль, Йозефф Менгеле, Густав Вагнер, Ярослав Гунько и другие стали показателем того, что в мире было всё ещё много тех, кто сопереживал нацистам и разделял идеи Гитлера, примерами для продолжателей идей нацизма, что преступники могут скрыться и безболезненно сеять зерно расовых теорий Гитлера и его сторонников.

Рассмотрение темы формирования идей нацистского направления в Украине начну с приведения слов народных депутатов Верховной Рады Украины Игоря Мосийчука и Олега Валерьевича Ляшко, высказавших мнения по поводу принятия законопроекта о языковых квотах, обязывающего все телеканалы страны отдавать передачам на государственном языке не менее 75% эфира. Первый заявил следующее: «Полностью русский язык на украинском телевидении нельзя…»,

Ляшко О.В. привел следующий аргумент в поддержку данного законопроекта: «Потому что, когда Гитлер оккупировал Украину, он к нам обращался не на немецком, а на украинском, на русском – к нашим прадедам и дедам». Итогом стало принятие законопроекта – 269 депутатов проголосовало «за». Последовало опубликование Верховной Радой Закона Украины от 25 апреля 2019 года № 2704-VIII «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», который частью первой статьи 1 закрепляет единственным государственным языком в Украине – украинский язык, несмотря на то, что по данным на 2019 год процент опрошенных, использующих русский язык в быту, составил: Луганская, Донецкая, Запорожская, Николаевская, Херсонская, Одесская, Харьковская, Черниговская области – свыше 80%; Кировоградская, Полтавская, Черкасская, Сумская, Киевская, Житомирская области – 40–60%; и лишь в западной части Украины в семи областях процент составил менее 20% [9]. Данный факт свидетельствует о национализации украинского общества, начиная с официального запрета иных языков и закрепления привилегии украинского языка над другими.

В данном вопросе необходимо рассмотреть исторический аспект развития Украины как государства и украинского общества как единого целого. Примечательно, что формированию историко-культурной идентичности украинской нации присуща значительная доля фальсификации истории украинского государства. Так, например, главным создателем фальсифицированной истории, тесно связанной с национализмом и русофобством, стал Виктор Ющенко, президент Украины в 2005–2010 годах. Именно по его инициативе был создан Украинский институт национальной памяти, на который была возложена задача по созданию новой версии украинской истории. Одним из направлений данного института стало изменение роли Украины в Великой Отечественной войне как самостоятельной стороны, отстаивающей свои интересы, в том числе и интересы против Советского Союза. Отсюда и появилась реабилитация Организации украинских националистов (ОУН), лидером которой являлся Степан Бандера, разделявший идеи Гитлера и действовавший против Красной армии, и Украинской повстанческой армии (УПА), действовавших против Советского Союза.

Следующим направлением фальсификации стало появление мифа о «геноциде украинского народа», который опирается на перевороте факта о жутком массовом голоде в период с 1932 по 1933 год в Советском Союзе. Якобы голодомор в Украине был рукотворный и спланирован руководством СССР. Однако, опираясь на исследования ученых, а именно: Кондрашина В.В., который в своей работе писал: «Голод нарастал по мере разрушения сталинской аграрной политикой сельского хозяйства СССР, особенно его зерновых районов, включая Украину, которые стали главным

источником получения средств для нужд индустриализации» [8, с. 7], и Нефедова С.А., который в научной статье указал: «Международная комиссия по расследованию голода на Украине признала, что не имеется серьезных свидетельств о том, что голод был действительно организован властями с целью… осуществления их политики» [9, с. 22]. Оба деятеля указывают причины голода на Украине не как целенаправленную политику на истребление, а ряд неудавшихся экономических и хозяйственных решений на протяжении десятилетия до наступления голода. К тому же пострадала не только Украинская ССР, но и Казахская АССР, Татарская АССР, Северо-Кавказский край и т.д.

Примечательно пренебрежение уроками истории, а именно: Нюрнбергским и подобными ему процессами над преступниками, в ситуации, сложившейся во время визита президента Украины Владимира Зеленского в Канаду в сентябре 2023 года. Во время посещения канадского парламента, В. Зеленскому представили 98-летнего Ярослава Хунку (Гунько) – украинско-канадского ветерана Второй мировой войны, который воевал в рядах УПА за независимость Украины против русских. Однако выяснилось, что Хунка воевал в составе дивизий СС «Галичина». В итоге канадскому премьер-министру Джастину Трюдо пришлось принести извинения за приглашение нацистского преступника. МИД России потребовал выдать Гунько, но канадские власти отказались.

Нынешняя власть Украины в лице В. Зеленского и его сторонников в то время, когда ни армия, ни полиция не желают стрелять в свой народ, использует карательные отряды, например, батальоны «Азов», «Донбасс», «Айдар», которые используют аналоги и производные нацистской атрибутики, символики. Они хотя формально и являются частями силовых структур Украины, но на деле подчиняются напрямую руководящей партии.

Сегодня эти органы не защищают свой народ, а без вины сажают в тюрьму или гонят на убой в состав ВСУ. Масса роликов в социальных сетях, как сотрудники территориальных центров комплектования (ТЦК) и социальной поддержки (СП) насильно мобилизируют жителей Украины, которые вырываются и убегают от «людоловов», а жены и матери встают на сторону своих мужей и сыновей, препятствуют их деятельности, за что получают побои от сотрудников ТЦК и СП. Напоминает сформированную Адольфом Гитлером в 1921 году в Германии СА, боевую организацию, которая расправлялась с левыми и демократическими деятелями, а позже была наделена полномочиями по вопросам призыва и подготовки новобранцев.

В закрепление этого совершенно удивительного и феноменального явления, как формирование руководящей партии Украины с явным нацистским уклоном и идеями, приведшими к нацификации украинского общества и государственной системы, приведу слова организатора раннее упомянутой мной группировки «Азов», полковника ВСУ Андрея

Билецкого: «Украинцы – это часть европейской Белой Расы. Расы Творца великой цивилизации, самых высоких человеческих достижений. Историческая миссия нашей Нации в этом переломном столетии – возглавить и повести за собой Белые Народы всего мира в последний Крестовый поход за свое существование».

Итогом нацификации Украины стало разделение русского и украинского общества и начало специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, против агрессии в отношении мирного населения ДНР и ЛНР, подвергающегося обстрелам и насилию со стороны руководства Украины; защите мирных граждан; ликвидации украинского неонацизма. Нельзя обойти стороной и зверства военнослужащих Украины, использование запрещенных методов боевых действий, расстрелы мирных жителей, пытки и издевательства над пленными.

Например, 2 октября поступило для рассмотрения по существу в Верховный суд ДНР дело в отношении Хмелевского Дениса Игоревича. Правоохранительные органы установили, что в марте 2022 года он со своим подразделением оборонял Мариуполь, занимал должность старшего пулеметчика отдельного отряда спецназначения в составе «Азов». Находясь на наблюдательной позиции в одном из многоквартирных домов, заметил двух мирных жителей и задержал их. Несмотря на тот факт, что мужчины не представляли опасности, военный приказал сослуживцам убить их, опасаясь, что незнакомцы занимают пророссийскую позицию. Их расстреляли в подъезде дома по улице Московской. Мирные жители скончались на месте. Хмелевского Д.И. приговорили к наказанию в виде 24 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Таким образом, хочется подытожить, что нацизм в современном мире, в каком бы он ни был обличии, по-прежнему опасен, также опасен, как и восемьдесят лет назад. Он несет угрозу человечеству, будущему цивилизации, боль и разрушения, отравляет разум и затмевает ум, уничтожает все доброе и нравственное в человеке, превращает его в машину, животное, которое слепо следует приказам. Нынешние покровители и вдохновители нацизма должны об этом помнить. И в этом состоит один из важнейших уроков Нюрнбергского процесса, о чем нельзя забывать.

Список использованных источников:

1. Законопроект № 5313 о языковых квотах; Закон Украины от 25 апреля 2019 года № 2704-VIII «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» // [Электронный ресурс] – URL: https://clck.ru/3Q4BLb

2. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса / М.Ю. Рагинский. Научно-популярное издание. М. : Политиздат, 1986. – 207 с.

3. Звягинцев, А.Г. Нюрнбергский процесс / А.Г. Звягинцев. – М. : РИПОЛ классик, 2025. – 160 с.

4. Орлов, И.М., Ковалева, Ю.В., Лемер, Л.Г. Нацификация Украины: библиографический и сетевой анализ информационной кампании по формированию геополитического противостояния на границах России // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2024. – Том 9. – № 1 (33). – 36 с. // [Электронный ресурс] – URL: https://clck.ru/3Q4BVb

5. Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) / В.В. Кондрашин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований № 1, апрель-июнь 2010. – 20 с. // [Электронный ресурс] – URL: https://clck.ru/3Q2JDg

6. Нефедов, С.А. Катастрофа 1933 года: гибель традиционного общества / С.А. Нефедов // Историческая психология и социология истории. – 1/2013. – 31 с. // [Электронный ресурс] – URL: https://clck.ru/3Q2K4o

7. Спецпроект УКРАИНСКИЙ НАЦИЗМ. Захват культурного и информационного пространства // [Электронный ресурс] – URL: https://tass.kribrum.ru/nazism

8. Использование русского языка в быту на Украине 2019 // [Электронный ресурс] – URL: https://clck.ru/3Q48kc

Полякова Анна Дмитриевна,
студент 1 курса магистратуры
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Тюнин В.А.)

ВКЛАД НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА В РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Исследование данной работы лежит в области формирования принципов международного уголовного права и посвящено формированию основополагающих принципов существующей ныне системы международного права, таких как принцип универсальной юрисдикции, неотвратимости наказания, неприменения срока давности и индивидуальной ответственности лица.

Актуальность исследования заключается в постоянном развитии, изменении и пересмотре норм международного права на фоне обострения военной и политической обстановки в современном мире.

Цель исследования состоит в том, что мы рассмотрим основополагающие принципы, послужившие базисом для развития

международных уголовно-правовых норм. Данное исследование поможет более точно проводить анализ более поздних норм, а также практики судопроизводства на международной арене.

Объектом исследования являются международные уголовно-правовые принципы, принятые по итогам проведения Нюрнбергского процесса.

Предметом исследования являются закономерности и факты, происходившие в процессе проведения Нюрнбергского трибунала, которые привели к возникновению новых принципов международного права.

Гипотеза исследования заключается в том, что в ходе Нюрнбергского трибунала был создан ряд принципов, которые стали основополагающим базисом для развития международного уголовного права и фундаментом последующей борьбы с развязыванием агрессивной войны и совершением военных преступлений, а также создал правила назначения наказаний для всех причастных лиц.

Для решения проблемы выявления общих принципов международного уголовного права и доказательства гипотезы поставлены следующие задачи:

– выявить причины возникновения данных норм именно на том историческом этапе развития общества;

– выявить сильные и слабые стороны данных принципов;

– выделить спорные моменты с точки зрения современного права в процессе назначения и исполнения приговора в контексте существующих на данный момент принципов государственного уголовного права.

Рассматривая уголовно-правовые последствия действий середины XX века, мы, безусловно, не можем обойти вниманием Женевскую конвенцию, подписанную в 1929 году, и впоследствии расширенную в 1949 году уже по итогам прошедшей войны.

Данный документ на момент войны был основным документом, закрепляющим права солдат, участвующих в боевых действиях, пленных и некомбатантов, присутствующих в ходе ведения боевых действий. При этом важным моментом являлось то, что развязывание агрессивной войны в данной конвенции не имело конкретной санкции [2, с. 513]. На основании перечисленного мнения сторон разошлись. Представитель Франции не считал войну преступной, представитель Англии настаивал на отсутствии в действующем законодательстве санкций за разжигание агрессии, что не позволяет назначить за него наказание виновной стороне. СССР и США, в свою очередь, настаивали на том, что отсутствие санкций не является основанием для отказа от назначения наказания, ведь уголовная ответственность была установлена Женевской конвенцией за иные военные преступления, и для них также не были установлены санкции [4, с. 102–103].

В контексте данной позиции СССР и США следует отметить, что такая постановка вопроса прямо противоречит существующему принципу отсутствия обратной силы уголовного закона во времени. Данное решение, вероятно, было принято по причине высочайшего уровня резонансности процесса, а также высокой общественной опасности каждого из впоследствии осужденных нацистов.

В ходе работы Нюрнбергского трибунала международной комиссией был выработан ряд принципов, позволяющих вести преследование преступников, обладающих высокой степенью общественной опасности справедливо, однако максимально эффективно и без зависимости от сроков и географической привязки или гражданства обвиняемого.

Принцип универсальной юрисдикции является одним из главных принципов, предусмотренных после событий Второй мировой войны, целью которого является предоставление возможности наказания лицам, обладающим высоким уровнем общественной опасности по меркам большого количества государств. Согласно данному принципу государства вправе привлекать к уголовной ответственности и наказывать индивидов безотносительно к месту совершения преступления или гражданства лица [3, с. 96–97].

Принцип неотвратимости наказания также является одним из основополагающих принципов как международного, так и национального российского права и выражен он в том, что за совершенное преступление лицо должно быть привлечено к ответственности и подвергнуто соответствующему наказанию. Этот принцип гарантирует, что преступник не сможет избежать справедливого наказания независимо от своего положения, влияния или обстоятельств. Он является важным элементом обеспечения подотчётности и справедливости в международной правовой системе, стимулируя государства и международные институции к преследованию и наказанию лиц, совершивших международные преступления, такие как геноцид, военные преступления и преступления против человечности [4, с. 112].

Данный принцип также подчеркивает существование общепризнанного принципа справедливости в международном праве.

Принцип неприменимости срока давности также всецело соответствует принципу справедливости и заключается в том, что к ряду преступлений не может быть применен срок давности. На стадии развития общества, актуальной на момент прохождения Нюрнбергского трибунала, таковыми были признаны только деяния, предусмотренные на данный момент в статьях 353, 356, 357 УК РФ, а именно: развязывание агрессивной войны, применение запрещенных средств и методов ведения войны, а также геноцид. Сейчас же данная практика была перенята также для преступлений террористической направленности, экоцида и ряда других деяний, характеризующихся чрезвычайно высокой степенью общественной опасности [1].

Принцип индивидуальной ответственности лица выражается в том, что при оценке виновности того или иного лица суд должен исходить из доказанных действий конкретно этого лица. Данный принцип также соблюдается и в современном уголовном праве России, как правопреемника СССР, и он не допускает назначения наказания группам лиц, сообществам или юридическим лицам [5, с. 101–102].

Данный принцип является одной из основ законодательства и служит для предотвращения дискриминации отдельных личностей по признаку принадлежности к определенной группе. При этом стоит отметить, что стороны так и не смогли прийти к единому мнению относительно возможности привлечения организаций и государства к ответственности, советские представители были однозначны: к ответственности можно привлечь только физических лиц. В целом на данный момент нормы международного права также придерживаются данного подхода по аналогии с большинством национальных законодательств.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М. : Юридическая литература, 1990. – С. 512–569.

3. Бурякс, Ж.М. Вклад Нюрнбергского трибунала в становление системы принципов международного правосудия / Ж.М. Бурякс // Вестник экономики, управления и права. – 2024. – Т. 17. – № 1. – С. 94–103.

4. Нюрнбергский процесс как проявление международной солидарности в борьбе с нацизмом / Е.О. Тулупова, Т.К. Демидова, А.В. Васильев, Р.Р. Юсупова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 110–118.

5. Советова, М.В. О роли «Нюрнбергского наследия» в процессе криминализации реабилитации нацизма в российском уголовном законодательстве / М.В. Советова // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 99–106.

Рабенко Рустам Русланович,
Каримов Ренат Маратович,
курсанты 2 курса
Московской академии Следственного
комитета имени А.Я. Сухарева

(Научный руководитель – Коханец Л.А.)

РОЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Вопрос сохранения исторической памяти приобретает особую значимость в контексте современных реалий. Всё чаще можно видеть тенденцию фальсификации и переписывания истории, а также принижения заслуг Советского Союза в победе в Великой Отечественной и во Второй мировой войне и России – для современного мироустройства. Сохранение исторической памяти для России сегодня – это вопрос национальной идентичности. Знание истории позволяет извлекать уроки из ошибок прошлого, ценить достижения настоящего и строить более справедливое общество в будущем. Искажение истории подрывает доверие к информации, способствует манипулированию общественным мнением и может приводить к негативным последствиям, включая рост национализма и экстремизма [1, с. 226].

Следственный комитет Российской Федерации (далее – СК России) играет важную роль в сохранении исторической памяти, расследуя злодеяния нацистов и проводя документирование фактов преступлений в период Великой Отечественной и Второй мировой войн, организовывая преследование преступников, в том числе используя возможности международного сотрудничества. Борясь с экстремизмом и защищая историческую правду, СК России сегодня выполняет ещё одну не менее важную задачу – пресекает реабилитацию нацизма. Информационно-просветительская деятельность, взаимодействие со СМИ способствуют укреплению исторической правды и формированию патриотизма [2]. Деятельность СК России не ограничивается сбором данных: он организует выставки, конференции и круглые столы для освещения значимости исторической памяти и предотвращения повторения прошлых ошибок. Важной частью является сотрудничество с неправительственными организациями, научными учреждениями и общественными активистами, что позволяет создавать комплексные инициативы, включая исследования, публикации и образовательные программы для молодёжи.

СК России играет большую роль в сохранении исторической памяти. Одна из основных задач – документирование фактов преступлений военного времени и политических репрессий, направленное на восстановление правды о трагических событиях и жертвах. Эта работа

требует не только профессионализма, но и взаимодействия со специалистами (историками, исследователями, научными и экспертными учреждениями).

СК России создает архивы и базы данных по уголовным делам о массовых репрессиях и преступлениях против человечности, активно участвуя в восстановлении имён пострадавших и погибших. Это способствует моральной оценке исторических событий и формированию социальной ответственности.

СК России активно противодействует реабилитации нацизма, анализируя злодеяния фашистов и обогащая историческую память общества для предотвращения будущих трагедий.

Для расследования исторических преступлений без срока давности СК РФ применяет современные научные и криминалистические технологии. Это включает технический анализ улик, различные экспертизы (баллистическая, лингвистическая, дактилоскопическая и др.), документальный анализ, информационные системы и GPS для реконструкции событий. Строго соблюдая процессуальные нормы, СК взаимодействует с экспертами, научным сообществом и межведомственными структурами, обеспечивая объективность и полноту расследований. Эти методы позволяют не только реконструировать события, но и восстанавливать справедливость, сохраняя историческую память.

Среди значимых расследований СК: трагедия Катыни, где анализ архивов выявил причастность нацистов; массовые казни в Белоруссии, подтвержденные экспертизами и технологиями; систематическое уничтожение людей в немецких концлагерях, привлекшее международное внимание и получившее правовую оценку. Эти дела способствуют восстановлению справедливости и увековечиванию памяти жертв.

С первых дней специальной военной операции СК России взял на себя важнейшую миссию по документированию преступлений киевского режима. «Следственный комитет России, как и прежде, продолжает собирать доказательства преступлений украинских националистов, посягающих на жизнь и здоровье мирных жителей Донбасса, а также наших граждан и интересы Российской Федерации. Эта работа ведется с максимальной интенсивностью. Все профильные подразделения ведомства трудятся практически круглые сутки. Я лично слежу за ситуацией и даю отдельные поручения по фиксации наиболее вопиющих и жестоких фактов», – заявлял в интервью председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин ещё 25 марта 2022 года, в самом начале специальной военной операции [3]. И эта задача остается одной из важнейших в настоящее время.

Всё это демонстрирует приверженность СК России принципам справедливости, способствует культурным и образовательным

инициативам, подтверждая эффективность подхода ведомства к решению серьезнейшей задачи – сохранения исторической памяти.

Широк перечень методов, которыми пользуется СК России: научный анализ исторических фактов, связанных с преступлениями нацистов, необходим для разграничения мифов и реальности. Системный, многогранный подход с применением методов источниковедения, сравнительного анализа и критической историографии обеспечивает достоверность и объективность информации, исключая субъективные интерпретации.

Источниковедение предполагает тщательное изучение архивных документов и свидетельств для подтверждения фактов и понимания исторических нарративов. Сравнительный анализ позволяет рассмотреть интерпретации событий в различных культурных контекстах, избегая однобокости и стереотипов. Критическая историография анализирует множество точек зрения, формируя сбалансированную и объективную картину, несмотря на различия во мнениях.

Этот научный подход служит механизмом защиты от фальсификации истории и манипуляции общественным мнением. Он не только углубляет понимание прошлого, но и придает особую значимость усилиям по сохранению исторической памяти, обеспечивая высокую степень достоверности исследованных данных.

В перспективе работы СК России следующие направления:

Продолжение работы Следственного комитета РФ по сохранению исторической памяти, сфокусированной на развитии образовательных программ. Планируется создание федеральных проектов для изучения сложных исторических событий в целях восстановления реальной картины происходивших событий.

Расширение исследовательских программ и разработка сетевых платформ с открытым доступом к архивным материалам. СК России инициирует новые направления взаимодействий с образовательными, научными учреждениями и музеями для проведения совместных исследований, выставок и конференций [4].

Для привлечения молодёжи предполагается использование цифровых технологий и интерактивных проектов, таких как виртуальные экскурсии и дополненная реальность. Ожидается улучшение правового регулирования в области исторической памяти для защиты наследия и уточнения ориентиров расследований.

Также будет уделено внимание переосмыслению подходов к сохранению памяти, обеспечению научной объективности и активному взаимодействию с общественностью. Важным аспектом станет работа с молодёжью через вовлечение в исследовательские проекты, реконструкции и образовательные лагеря, формируя уважение к истории и её урокам, учитывая ошибки прошлого.

Список использованных источников:

1. Савруцкая, Е.П., Устикин, С.В. Историческая память как фактор национальной безопасности / Е.П. Савруцкая, С.В. Устикин // Власть. – 2019’06. – С. 225–230.
2. Коробицына, Л.В. Механизмы сохранения памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве (Россия и Беларусь) в современной англоязычной историографии / Л.В. Коробицына // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 484. – С. 101–106. Егоров А.М., Егоров И.А. Проблема сохранения исторической памяти в контексте современности / А.М. Егоров, И.А. Егоров // Метаморфозы истории. – 2022.
3. Бастрыкин, А.И.: украинские националисты готовы на любые жертвы среди мирного населения. – URL: https://tass.ru/interviews/14174043 (дата обращения: 09.11.2025).
4. Зайцева, С.А., Смирнов, В.А. Цифровой суверенитет как гарант сохранения исторической памяти / С.А. Зайцева, В.А. Смирнов // Ноосферные исследования. – 2022. – Вып. 3. – С. 27–35.

Робак Ксения Владимировна,
студент 3 курса
Крымского филиала Российского
государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева

(Научный руководитель – Беднягина Ю.А.)

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ДЕТЕЙ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ГЕНОЦИДА

Логическим и закономерным финалом Второй мировой войны, унесшей жизни десятков миллионов людей, стал Нюрнбергский процесс. Его подготовка началась 8 августа 1945 года с заключения Лондонского соглашения между четырьмя державами-победительницами: СССР, США, Великобританией и Францией. Впоследствии к соглашению присоединились ещё 19 государств, что позволило трибуналу по праву именоваться «Судом народов» [3, с. 5].

Выбор Нюрнберга в качестве места проведения процесса был глубоко символичен. Этот город был «идеологической колыбелью» нацизма – здесь проводились партийные съезды НСДАП и были провозглашены печально известные Нюрнбергские расовые законы. Проведение суда над главными военными преступниками именно в этом месте символизировало окончательный крах нацистской идеологии.

Процесс, длившийся почти 11 месяцев (с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.), был беспрецедентным по своему масштабу. Перед

судом предстали 24 высших руководителя нацистской Германии. Было проведено 403 открытых судебных заседания, изучено свыше 300 тысяч письменных показаний, заслушано 116 свидетелей обвинения и защиты. Обвинители предъявили 2 630 документов, защитники – 2 700. Протоколы процесса составили 16 тысяч страниц [1, с. 18].

Международный военный трибунал не только карал виновных, но и выполнял важнейшую миссию – документально фиксировал злодеяния нацизма, создавая непреодолимый барьер для его будущей реабилитации. Огромная работа по документированию преступлений позволила впервые в истории дать юридическую квалификацию таким понятиям, как: преступления против мира (планирование, развязывание агрессивной войны); военные преступления (нарушение законов и обычаев ведения войны); преступления против человечности (убийства, истребление, порабощение гражданского населения).

Именно в рамках последней категории особое место заняла тема целенаправленного уничтожения детей.

Одним из ключевых правовых достижений Нюрнбергского процесса стала концептуализация термина «геноцид», впервые введенного юристом Рафаэлем Лемкиным. В обвинительном заключении прямо указывалось, что подсудимые «...осуществляли намеренный и систематический геноцид, то есть истребление расовых и национальных групп... особенно евреев, поляков и цыган...» [4, с. 74].

Важнейшим компонентом политики геноцида стало уничтожение детей. Для нацистов ребенок олицетворял будущее народа, его потенциал к сопротивлению и возрождению. Уничтожение детей рассматривалось как наиболее эффективный способ лишить покоренные народы будущего. Как отмечал британский обвинитель Х. Шоукросс, геноцид не ограничивался истреблением евреев и цыган, а в различных формах применялся к югославам, ненемецкому населению Эльзаса-Лотарингии, гражданам Нидерландов и Норвегии [4, с. 74].

Масштабы целенаправленного уничтожения детей на оккупированных территориях СССР были чудовищны. По данным исследования генерала Г.Ф. Кривошеева, в ходе карательных операций было уничтожено более 216 тысяч детей [2, с. 25]. Реальная цифра, с учетом косвенных потерь (голод, болезни, отсутствие медицинской помощи), значительно выше.

Ярким примером является уничтожение воспитанников Аношенского детского дома в Вяземском районе Смоленской области. Согласно архивным документам, «с 4 октября 1941 года по 10 марта 1943 года немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками... расстреляно, замучено, умерло от голода 113 человек, причем в 1942 году 42 ребенка умерли от голода» [3, с. 123]. Эти данные, представленные на

процессе, стали вещественным доказательством политики целенаправленного создания условий, приводящих к физическому вымиранию детей.

Французский обвинитель профессор О. Шампетье де Риб охарактеризовал эти действия как «чудовищное, немыслимое преступление, не имеющее аналогов в истории с начала христианской эры, что пришлось создать для него новый термин – «геноцид» [4, с. 74].

Преступления против детей не были хаотичными актами жестокости отдельных военнослужащих. Они представляли собой продуманную систему, санкционированную на высшем государственном уровне.

Создание сети концентрационных лагерей для детей является одним из наиболее отвратительных преступлений нацизма. Многие из этих лагерей функционировали как «донорские пункты» для забора крови у детей для раненых солдат вермахта и СС. Как следует из свидетельских показаний, эсэсовские подразделения окружали деревни на оккупированных территориях Белоруссии, Украины и России и насильственно отбирали детей и подростков. Особый «интерес» представляли дети с первой группой крови, а также девочки, считавшиеся более «перспективными» донорами [5, с. 96].

Масштабы этого явления свидетельствуют о его системном характере. Дети рассматривались не как люди, а как биологический ресурс, «расходный материал» для поддержания боеспособности армии агрессора.

Ещё одной формой преступлений были псевдомедицинские эксперименты над детьми, проводившиеся в лагерях смерти (Аушвиц, Маутхаузен) и специальных детских «лечебницах» на территории Германии (например, «Киндерфельд»). Эти эксперименты ставили целью изучение пределов выживаемости человека, испытание новых препаратов и методов «стерилизации неполноценных народов». Дети подвергались инъекциям опасных веществ, облучению, хирургическим операциям без анестезии. Выживаемость в таких экспериментах была близка к нулю.

Истребление детей было не побочным продуктом войны, а одним из основных элементов нацистской идеологии. Уничтожая детей, нацисты стремились:

1. Лишить народы будущего. Ребенок – носитель культурного кода, языка, памяти о предках. Его уничтожение равно уничтожению национальной идентичности.

2. Подорвать волю к сопротивлению. Осознание того, что враг не щадит детей, является мощнейшим психологическим давлением на взрослое население.

3. Реализовать теорию «расовой гигиены». Дети «низших рас» (славян, евреев, цыган) рассматривались как биологическая угроза

«чистоте арийской крови» и подлежали тотальному уничтожению или в лучшем случае превращению в рабов («унтерменшей»).

Показания таких свидетелей, как врач-педиатр Бараненко из Смоленска, зафиксировали ужасающие последствия этой политики: «Сердце сжималось от боли при виде этих малышей, страдающих от жестоких условий жизни. Если взрослый мог кое-как влачить жалкое существование, то дети в большом проценте случаев гибли и от голода, и от заболеваний» [5, с. 96].

По нашему мнению, Нюрнбергский процесс стал не только судом над конкретными военными преступниками, но и беспрецедентным актом морального и правового осуждения самой идеологии нацизма. Ключевым его достижением стало признание целенаправленного уничтожения гражданского населения, и в особенности детей, отдельным составом преступления против человечности – геноцидом.

Материалы процесса неопровержимо доказали, что преступления против детей не были эксцессами исполнения, а являлись продуманной государственной политикой Третьего рейха. Уничтожение детей в концлагерях, их использование в качестве доноров и объектов медицинских экспериментов, создание условий для их массового вымирания от голода – все это было частью стратегии, направленной на физическое и культурное уничтожение целых народов.

Приговор Международного военного трибунала, вынесенный 1 октября 1946 года, установил важнейший правовой прецедент: ответственность за преступления против человечности не имеет срока давности. Память о миллионах убитых детей должна служить не только уроком истории, но и непреходящим предупреждением для будущих поколений о ценности человеческой жизни и недопустимости идеологии ненависти и исключительности.

Список использованных источников:

1. Материалы Нюрнбергского процесса. Т. I–VII. – М. : Госюриздат, 1957–1961.

2. Кривошеев, Г.Ф. (ред.) Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 608 с.

3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-1638. Оп. 2. Д. 12.

4. Шоукросс, Х. Выступление главного обвинителя от Великобритании на Нюрнбергском процессе // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. – М. : Международные отношения, 2015. – С. 70–85.

5. Показания д-ра Бараненко (Смоленск, 1943) // Сборник документов о преступлениях нацистов против мирного населения. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1945. – С. 95–97.

6. Полторак, А.И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). – М. : Наука, 1966. – 348 с.

7. Ушаков, В.А. Нюрнбергский процесс и современность. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2020. – 412 с.

Родяков Артем Андреевич,
студент 2 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Формирование эффективной системы противодействия реабилитации нацизма является одним из основных направлений деятельности правоохранительных органов. Одним из ключевых элементов данной системы является противодействие искажению исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны. Введение в Уголовный Кодекс РФ статьи за реабилитацию нацизма в 2014 году стало логическим завершением многолетней законотворческой работы, направленной на создание комплексного механизма противодействия данному социально опасному явлению.

В представленной работе осуществляется комплексный анализ теоретических основ и практических аспектов реализации нормативно-правового регулирования в сфере противодействия реабилитации нацизма. Особое внимание уделяется эволюции законодательного регулирования, анализу субъективной стороны состава преступления и выработке предложений по совершенствованию правоприменительной практики.

Для рассмотрения нормативно-правовой базы регулирования сферы реабилитации нацизма и искажения исторической правды необходимо вначале обратиться к доктринальному толкованию понятия «реабилитации нацизма». Ключевой признак реабилитации нацизма, в её широком понимании, заключается в умышленном оправдании нацистской идеологии и практики. Данное деяние выражается в признании их легитимными, заслуживающими поддержки, распространения и воспроизведения. Таким образом, в уголовно-правовом значении состав реабилитации нацизма образуют любые целенаправленные действия,

направленные на оправдание нацистской доктрины и её практической реализации, а также на утверждение их правомерности и целесообразности для последующего распространения и подражания [1, с. 170].

Вопрос о проблеме реабилитации нацизма возник ещё в 1995 году, когда был принят Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» [2], который, хотя и оперировал термином «фашизм» вместо «нацизм», содержал меры по противодействию экстремистским проявлениям. Далее в 1996 году в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 96700070-2 «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации» [3], однако он был отклонен после третьего чтения. Правовое управление Государственной Думы обратило внимание субъекта законодательной инициативы на неверное использование понятий «нацизм» и «нацистская символика и атрибутика», а также на несогласованность законопроекта с действующим законодательством. Через три года тем же депутатом В.И. Зоркальцевым был внесен законопроект № 99041517-2 «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации» [4], который также был отклонен Государственной Думой уже на первом чтении. Правовое управление Государственной Думы отметило некорректное использование терминов «фашизм» и «правовой механизм», противоречие статей законопроекта с его содержанием, несоответствие Уголовному Кодексу РФ и Закону РФ «О средствах массовой информации».

После законопроектов В.И. Зоркальцева в течение более 10 лет законопроекты, касающиеся реабилитации нацизма или искажения исторической правды о Великой Отечественной войне, не вносились. Только в 2013 году членом Совета Федерации Б.И. Шпигелем был внесен законопроект № 246071-6 «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников, отрицанию Холокоста» [5]. Законопроект вводил государственную экспертизу, которая была направлена на выявление действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников, отрицанию Холокоста, а также предусматривала проверку содержания образовательного процесса; уставов и иных учредительных документов юридических лиц; результатов научной, литературной и иной творческой деятельности и т. д. Также рассматривалась общественная антинацистская экспертиза, которая бы осуществлялась гражданами и общественными объединениями, наделенными статусом общественных экспертов в порядке, установленном законодательством, а также общественными палатами.

Статья 18 предполагала создание при высшем исполнительном органе государственной власти уполномоченного органа по противодействию

реабилитации нацизма, который должен был формироваться из представителей контрольных и надзорных органов, правоохранительных органов, представительных органов власти, а также представителей общественных объединений и иных некоммерческих организаций.

Однако, несмотря на его перспективность, данный законопроект был отклонен. Правовое управление Государственной Думы указало на его несоответствие статье 19 Конституции Российской Федерации и международным договорам Российской Федерации. Также было отмечено, что предложение о создании Уполномоченного органа по противодействию реабилитации нацизма недостаточно обосновано, так как в законопроекте не указаны полномочия членов, финансирование аппарата, его штатная численность и правовой статус сотрудников.

Итогом попыток внесения изменений в законодательство, касающихся реабилитации нацизма и искажения исторической правды, стал законопроект № 197582-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (по вопросу установления уголовной ответственности за посягательство на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой войны)» [6], внесенный группой депутатов, среди которых Владимир Мединский, Леонид Слуцкий и Вячеслав Володин. Законопроект дополнял Уголовный Кодекс РФ статьей 354.1 «Реабилитация нацизма» и статью 13.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях частью 4. Данный законопроект был одобрен Государственной Думой и опубликован 05.05.2014 под номером № 0001201405050051.

Спустя два месяца после внесения законопроекта № 197582-5 другой группой депутатов был внесен законопроект № 504872-6 «О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» [7], однако он был отклонен на первом чтении. Правовое управление Государственной Думы указало на неверное соотношение понятий «нацизм» и «реабилитация нацизма», противоречие Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительным протоколам 1977 г., Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральному закону «Об Общественной палате Российской Федерации» и т. д. Также было обращено внимание на Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 № 8-П, в котором отмечается, что правовые нормы должны характеризоваться определенностью, ясностью и недвусмысленностью.

Таким образом, формирование нормативно-правовой базы в сфере противодействия реабилитации нацизма завершилось введением в законодательство статьи 354.1 УК РФ и части 4 статьи 13.15 КоАП РФ. Однако вопрос о правильном применении этих норм, особенно уголовной статьи, остается дискуссионным. За десятилетний период действия статьи

354.1 УК РФ по ней было вынесено лишь 52 обвинительных приговора и 1 – оправдательный, что свидетельствует о крайне ограниченной правоприменительной практике [8].

Существенной проблемой является отсутствие официальных разъяснений со стороны законодателя и Верховного Суда РФ относительно содержания признаков состава преступления, предусмотренного статьей 354.1 УК РФ. Неопределенность в вопросе о том, какие именно действия подпадают под положения данной статьи, порождает многочисленные споры в научной среде [9, с. 161].

Что касается субъективной стороны состава преступления по части 1 статьи 354.1 УК РФ, она характеризуется прямым умыслом. Это означает, что лицо осознает публичный характер своих высказываний, их заведомую недостоверность и именно в таком качестве преднамеренно их распространяет. Таким образом, законодательный запрет, установленный в ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, распространяется исключительно на пропагандистскую деятельность, не имеющую достоверного научного обоснования. Данная норма не препятствует проведению добросовестных исторических исследований, основанных на научных методах работы с источниками. В связи с этим предлагается дополнить статью 354.1 УК примечанием, что «проведение научных исторических исследований и представление их результатов, если эти действия не связаны с умышленным искажением полученных данных, не признается реабилитацией нацизма» [10, с. 501].

Проведенное исследование позволяет констатировать формирование в Российской Федерации комплексного правового механизма противодействия реабилитации нацизма, центральным элементом которого стала ст. 354.1 УК РФ. Историко-правовой анализ демонстрирует эволюционный характер развития данного института – от первых попыток законодательного запрета пропаганды фашизма в 1990-е годы до установления уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в 2014 году.

Анализ правоприменительной практики выявил системные проблемы, связанные с отсутствием легального определения ключевых понятий и официального толкования диспозиции нормы. Низкое количество обвинительных приговоров свидетельствует о необходимости совершенствования как законодательной конструкции, так и правоприменительных подходов.

Список использованных источников:

1. Советова, М.В. О содержании понятия «реабилитация нацизма»: фактический, социально-правовой и уголовно-правовой аспекты / М.В. Советова // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1 (65). – С. 164–171.

2. О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7670 (дата обращения: 03.12.2025).

3. О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации : законопроект № 96700070-2 [Электронный ресурс]. – URL: https:// sozd.duma.gov.ru/bill/96700070-2 (дата обращения: 17.10.2025).

4. О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации : законопроект № 99041517-2 [Электронный ресурс]. – URL: https:// sozd.duma.gov.ru/bill/99041517-2 (дата обращения: 17.10.2025)

5. О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников, отрицанию Холокоста : законопроект № 246071-6 [Электронный ресурс]. – URL: https:// sozd.duma.gov.ru/bill/246071-6 (дата обращения: 17.10.2025).

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (по вопросу установления уголовной ответственности за посягательство на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой войны) : законопроект № 197582-5 [Электронный ресурс]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/197582-5 (дата обращения: 18.10.2025).

7. О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников : законопроект № 504872-6 [Электронный ресурс]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/504872-6 (дата обращения: 18.10.2025).

8. Статистика преступлений, предусмотренных статьей 354.1 УК РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения 16.10.2025)

9. Левандовская, М.Г. Реабилитация нацизма как преступление / М.Г. Левандовская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮФ). – 2018. – № 12. – С. 155–162.

10. Егорова, Н.А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ / Н.А. Егорова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 3. – С. 494–503.

Самбурсова Анастасия Игоревна,
слушатель 4 курса
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России

(Научный руководитель – Куряшкин А.Н.)

КОНЦЛАГЕРЬ «КРАСНЫЙ» В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ МАССОВОГО ТЕРРОРА И ГЕНОЦИДА

Великая Отечественная война (далее – ВОВ) для России имеет большое значение. Победа нашей страны во многом зависела от того, что сами советские граждане стремились сохранить нашу культуру, наш многонациональный народ, наши традиции. В этом году отмечается юбилейная дата – 80 лет со дня Победы в ВОВ, и каждый гражданин России с трепетом относится к данному празднику, поскольку нет такой семьи, которую бы не затронула война.

Точных данных о количестве погибших при ВОВ до сих пор сказать нельзя, так как большое количество было без вести пропавших, неопознанных лиц, а некоторые захоронения солдат находят и по сей день. Первые подсчеты были проведены уже в 1946 году и составили 7 млн человек, что подтвердил сам И. Сталин. Однако со временем данная цифра только росла, и по состоянию на апрель 2025 года, как сообщил председатель Российского военно-исторического общества В. Мединский, общее количество погибших граждан СССР превышает 26,6 млн человек [1].

Помимо этого, самыми страшными местами являлись концентрационные лагеря, где происходили поистине ужасные вещи: пытки над людьми, истребление народов, медицинские эксперименты, использование рабского труда и многое другое. Если говорить о возможном количестве концлагерей, находящихся на территории бывшего СССР, то точное количество назвать нельзя, однако можно сказать точно, что их было очень много.

Основной удар ВОВ пришелся на западную часть страны, в том числе северо-западную и юго-западную. Потому хочется уделить внимание Крыму, который, как и вся страна, сражался за право жить на этой земле.

Крым был одной из важных целей для немецко-фашистских захватчиков, так как через него поступала нефть с Кавказа, а также огромную цену имел Черноморский флот в г. Севастополе [2]. Во время оккупации Крыма с 1941 по 1944 год погибло не менее 150 тыс. граждан, более 85 тыс. были угнаны в рабство. Не сосчитать, сколько материального ущерба было нанесено «визитом» немцев, сколько населенных пунктов было разрушено и разграблено [3]. Как и в других местах, в Крыму также были места

принудительного содержания граждан, около 96 мест, почти в каждом населенном пункте. Однако самым страшным местом стал концлагерь возле совхоза «Красный», который получил одноименное с ним название.

Некоторые ученые называют «Красный» филиалом одного из самых ужасных концлагерей фашистов – «Освенцима». За всё время действия лагеря (1942–1944) в нем было замучено и убито более 15 000 военнопленных и граждан. Лично начальник лагеря и его помощники принимали участие в пытках и убийствах людей. В ходе послевоенного изучения места концлагеря и его реконструкции было подтверждено, что он создавался для массового уничтожения людей.

Смерти советских граждан начались ещё до начала функционирования лагеря. После оккупации г. Симферополя военнопленные были загнаны на его территорию, а их сила использовалась для постройки концлагеря.

Конечно, фашисты не разбирались особо, кто находится в «Красном» и кого именно они ведут на расстрел. Однако были и те, кто принимал сторону врага и непосредственно участвовал в геноциде советского народа. Сам состав узников постоянно обновлялся, так как сам лагерь мог вместить до 2 000 человек [4].

Уже к концу 1943 года Красная армия стала подступать к Крыму, что посеяло панику среди фашистов. Вследствие этого было принято решение об усилении противодействия партизанам и подпольщикам Советской армии. А в «Красном» в это время проводилась «чистка» участников антинацистских движений.

Если говорить о погибших в «Красном», то нет конкретных людей, кого нацисты стремились истребить. Все граждане различались по полу, национальности, возрасту, участию или неучастию в антинацистских движениях.

При этом в самом концлагере мало проводилось расстрелов или убийств советских граждан. Это связано с тем, что начальником полиции безопасности и СД был издан секретный приказ, который содержал в себе указания, в соответствии с которыми казни, совершаемые нацистами, не должны происходить в самом лагере или поблизости с ним, следует максимально сохранить секретность данного места. Поэтому узников вывозили чаще всего в Дубки или на Симферопольский вокзал, где и расправлялись с ними. Методы убийств применялись максимально жестокие: их душили, сжигали, использовали «душегубки» (газовые камеры) [5, с. 254].

13 апреля 1944 г. в ходе Крымской операции солдатами Красной армии г. Симферополь был освобожден, а с ним и концлагерь «Красный». За всё время было совершенно множество массовых расстрелов, помимо обыденных. Одно из последних произошло в начале апреля, когда Советская армия начала приближаться к Крыму, но всех узников они уничтожить все же не успели, так как стремились сбежать с места преступления.

Все действия, совершаемые нацистами, назывались по-разному: убийство, истребление, уничтожение. Однако после войны Рафаэлем Лемкиным в его книге «Правление государств «оси» в оккупированной Европе» впервые было употреблено понятие «геноцид», под которым понимался «скоординированный план различных действий, направленных на ликвидацию фундаментальных основ национальных групп, с целью уничтожения таких групп» [6].

В 1970-х годах при проведении земляных работ на шоссе Симферополь – Николаевка были обнаружены места казней советских граждан во время оккупации Крыма в годы ВОВ. Найденное количество жертв настолько шокировало общественность, что органами государственной безопасности было принято решение по проведению следственных и оперативно-разыскных мероприятий по поиску лиц, непосредственно участвовавших в убийствах (военных преступников и изменников Родины, вступивших в ряды немецких захватчиков).

Вследствие проведенных мероприятий были выявлены лица, которые ранее скрыли свои военные преступления, однако в 1972, 1974 и 1977 годах были проведены открытые судебные разбирательства, где их привлекли к уголовной ответственности и избрали высшую меру наказания – расстрел [7, с. 1].

Таким образом, можно много говорить о тех преступлениях, которые совершали немецко-фашистские захватчики на территории бывшего СССР. Сколько потерь понесла наша страна в совокупности по различным критериям, не описать словами. Тем более, что некоторые раскопки ведутся и по сей день, где находится всё больше подтверждений фашистским злодеяниям. Концлагерь «Красный» считается самым страшным местом в Крыму в годы ВОВ, и не просто так. Лишь количество замученных и убитых составляет более 15 000 граждан, а сколько узников прошло через него в другие более опасные концлагеря! Никогда нельзя забывать о подвигах советских солдат во время ВОВ, ведь без них у нас не было бы будущего.

Список использованных источников:

1. NEWS.ru: Больше 60 млн человек? Сколько советских граждан погибло в ВОВ: офиц. сайт. – URL: https://news.ru/russia/bolshe-60-mln-chelovek-skolko-sovetskih-grazhdan-pogibli-v-vov

2. РИА Новости Крым: Зачем Гитлеру нужны были Крым и Севастополь: офиц. сайт. – URL: https://crimea.ria.ru/20231030/zachem-gitleru-nuzhny-byli-krym-i-sevastopol-1132423425.html

3. Регнум: Война: Крым и Севастополь в 1941–1945 годах: офиц. сайт. – URL: https://regnum.ru/article/3258804

4. Русская семерка: «Красный» – самый страшный концлагерь Крыма времен Великой Отечественной войны: офиц. сайт. – URL: https://russian7.ru/post/krasnyy-samyy-strashnyy-konclager-k/

5. «Красный». История нацистского лагеря смерти. Симферополь. Крым. 1941–1944 / В.А. Константинов, М.Б. Кизилов, В.В. Бобков. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. – 412 с.: ил.

6. Бессмертный полк: 79 лет назад впервые было введено понятие «геноцид»: офиц. сайт. – URL: https://www.polkrf.ru/news/glavnye-sobytiya/79-let-nazad-vpervye-bylo-vvedeno-ponyatie-genocid

7. Симферопольские судебные процессы 1972, 1974 и 1977 годов над военнопленными преступниками и карателями – изменниками Родины, находившимися на службе у немецко-румынских оккупантов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в освещении газеты «Крымская правда» (сборник публикаций) / В.Н. Борисов. – Крым, 2019. – 140 с.

Селиский Андрей Романович,
студент 1 курса Крымского филиала
Российского государственного
университета правосудия
имени В.М. Лебедева

(Научный руководитель – Киян М.Ш.)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОПАГАНДОЙ НАЦИЗМА

Современный мир вновь сталкивается с опасной тенденцией – возрождением идеологий, оправдывающих насилие, ксенофобию и превосходство одних народов над другими. Идеология нацизма, принесшая человечеству неисчислимые страдания, остаётся одной из наиболее разрушительных угроз исторической памяти и общественной стабильности. Противодействие подобным явлениям – важная задача государства и правоохранительных органов. Поэтому деятельность правоохранительных органов по предупреждению и пресечению преступлений, связанных с пропагандой нацизма, приобретает особое значение не только в контексте защиты общественного порядка, но и в деле сохранения исторической правды.

Опыт судебных процессов над нацистскими преступниками в СССР стал фундаментом современного понимания роли государства в противодействии идеологиям человеконенавистничества. Уже в годы Великой Отечественной войны Советский Союз начал системно фиксировать факты злодеяний нацистов и их пособников, что позволило

не только привлечь виновных к ответственности, но и предотвратить попытки искажения исторической истины.

Харьковский процесс 1943 года, а позднее и открытые судебные заседания в Ленинграде, Минске, Киеве и других городах стали первыми в мировой практике примерами публичного правосудия над военными преступниками, первыми в мире полноценными процессами над нацистами и их пособниками [1, с. 144]. В этих процессах прозвучала ключевая идея: преступления против мира и человечности не имеют срока давности, а государство обязано сохранять память о них и пресекать любые попытки их оправдания.

Сегодня в российском законодательстве создана целостная система правовых норм, направленных на недопущение реабилитации нацизма и пропаганды его идей. Центральное место в этой системе занимает статья 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающая ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, за распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, а также за публичное оправдание нацистских преступлений [2]. Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114 регулирует критерии признания материалов экстремистскими и механизмы их блокировки, нормы ФЗ обеспечивают правовые инструменты для защиты общества от распространения идеологий насилия.

Деятельность правоохранительных органов в этой сфере носит комплексный характер. Она включает оперативно-разыскные мероприятия по выявлению источников распространения нацистской пропаганды, проведение лингвистических и культурных экспертиз контента, направленного на возбуждение ненависти, а также взаимодействие с прокуратурой по возбуждению уголовных или административных дел и Роскомнадзором, который принимает решения о блокировке ресурсов. Эти меры позволяют выявлять и пресекать преступления как в реальном пространстве, так и в сети Интернет. Особое внимание уделяется мониторингу интернет-пространства и борьбе с цифровыми формами пропаганды. Современные технологии позволяют выявлять не только открытые призывы к насилию, но и скрытые формы распространения нацистской символики и героизации преступников [3, с. 118].

Не менее важным направлением работы является профилактика. Правоохранительная система не может ограничиваться карательными мерами – необходимо формировать устойчивый общественный иммунитет к идеям нацизма, расизма и ксенофобии. Для этого правоохранительные органы участвуют в просветительских и патриотических проектах, взаимодействуют с образовательными учреждениями, проводят встречи со

школьниками и студентами, разъясняя недопустимость оправдания нацизма в любой форме [4].

Борьба с реабилитацией нацизма невозможна без международного сотрудничества. Россия взаимодействует с Интерполом, Советом Европы, ООН, обмениваясь информацией о транснациональных интернет-сообществах, распространяющих идеологию национальной ненависти [5, с. 218]. Международное сообщество признаёт подобные действия угрозой мировой безопасности.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что деятельность правоохранительных органов по предупреждению и пресечению преступлений, связанных с пропагандой нацизма, – это не просто часть борьбы с экстремизмом. Это – моральная миссия государства, направленная на защиту исторической правды, достоинства народа и памяти о миллионах жертв войны. Российские правоохранительные органы играют ключевую роль в противодействии пропаганде нацизма. Опираясь на нормы международного и национального права, они выявляют и пресекают экстремистскую деятельность, проводят экспертизы, реализуют профилактику и взаимодействуют с международными организациями, обеспечивая защиту общества и исторической памяти. Это – миссия, направленная на сохранение исторической правды, памяти о миллионах жертв и защиту общества от повторения трагедий XX века.

Память о Нюрнберге, о советских судах над нацистами – это не просто часть истории. Это – напоминание о том, что справедливость не имеет срока давности, а право должно оставаться инструментом защиты добра и человеческого достоинства.

Список использованных источников:

1. Страхова, С.В. Советские открытые судебные процессы над нацистами и их пособниками 1943 г. как первая ступень к Нюрнбергу / С.В. Страхова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-otkrytye-sudebnye-protsessy-nad-natsistami-i-ih-posobnikami-1943-g-kak-pervaya-stupen-k-nyurnbergu (дата обращения: 09.11.2025).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/ (дата обращения: 15.10.2025).

3. Баранов, В.В. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете / В.В. Баранов // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 4 (72). – URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-dlya-vyyavleniya-i-predotvrascheniya-rasprostraneniya-ekstremistskoy-i-terroristicheskoy (дата обращения: 09.11.2025).

4. Еремеев, С.Г. Совместная деятельность полиции и образовательных организаций в пропаганде правовых знаний / С.Г. Еремеев // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovmestnaya-deyatelnost-politsii-i-obrazovatelnyh-organizatsiy-v-propagande-pravovyh-znaniy (дата обращения: 09.11.2025).

5. Шакирова, Д.В., Имангулова, Г.Р. К вопросу о роли России в международном сотрудничестве по борьбе с преступностью / Д.В. Шакирова, Г.Р. Имангулова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 4–3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-roli-rossii-v-mezhdunarodnom-sotrudnichestve-po-borbe-s-prestupnostyu (дата обращения: 09.11.2025).

Семененко Алина Николаевна,
студент 2 курса
Крымского филиала Российского
государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева

(Научный руководитель – Балагура О.В.)

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В СССР В 1947 ГОДУ: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ

Как известно, 2 ноября 1942 г., за четыре года до Нюрнбергского трибунала, в СССР была создана Чрезвычайная государственная комиссия (далее – ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причинённого ими ущерба. Её задачами являлись сбор, проверка и систематизация документальных свидетельств о преступлениях оккупантов против граждан, организаций и государства.

Органы государственной безопасности оказывали ЧГК содействие в формировании доказательной базы. Обвиняемые военнопленные содержались в условиях строгой изоляции для предотвращения сговора, самоубийств и иных действий, способных повлиять на ход следствия.

Следствием работы ЧГК было принятие 19 апреля 1943 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР о наказании нацистских преступников и их пособников. На его основании в 1943–1949 гг. проводились открытые судебные процессы в различных городах СССР, первым из которых был Харьковский судебный процесс 1943 г.

13 февраля 1946 г. было принято решение ООН о выдаче военных преступников по запросу от других государств. 18 мая 1947 г. министр внутренних дел С.Н. Круглов предложил заместителю председателя Совета Министров СССР В.М. Молотову проект правительственного постановления о проведении в 1947 г. открытых судебных процессов в Севастополе, Кишиневе, Чернигове, Витебске, Бобруйске (Белоруссия), Сталино (ныне – Донецк), Полтаве, Гомеле и Новгороде. Проект предполагал, что какая-то часть обвиняемых может не признать своей вины, но тем не менее будут собраны материалы по преступлениям нацистов на ранее оккупированных территориях Советского Союза [1].

При подготовке обвинительных заключений для проведения вышеуказанных процессов было установлено, что, например, в Сталинской области с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г. нацисты уничтожили не менее 174 тыс. мирных граждан и 149 тыс. военнопленных, угнали на каторжный труд в Германию более 252 тыс. советских граждан [2]. В Бобруйской области оккупанты уничтожили 82 тыс. мирных жителей и около 54 тыс. военнопленных [3]. В Витебске фашисты превратили в пепелище 44 крупнейших промышленных предприятия, уничтожили свыше 244 тыс. мирных граждан, угнали на каторжные работы в Германию свыше 100 тыс. юношей и девушек. За годы оккупации население области уменьшилось в 2,7 раза [4]. В Новгородской области почти полностью уничтожены 7 городов, в самом Новгороде из 2 346 домов разрушено 2 306 [5]. В Крыму убито и замучено около 87 тыс. жителей и около 48 тыс. военнопленных, угнано в немецкое рабство около 86 тыс. человек, разрушены многие города, в том числе Севастополь [6]. В городах, названных в Постановлении 1947 г., перед военными трибуналами должны были предстать 138 обвиняемых [1].

Следует отметить, что в 1947 г. стали нарастать противоречия между СССР и бывшими союзниками. В октябре 1947 г. на Генеральной Ассамблее ООН разразился конфликт между СССР, Югославией и Польшей – с одной стороны и США, Великобританией – с другой по вопросу о выдаче военных преступников. Советская сторона и её союзники обвинили западные страны в невыполнении решения ООН 1946 г. Представитель советской делегации А.Я. Вышинский выступил с обличительной речью, подчеркнув, что руководители США и Великобритании, прикрываясь «юридической казуистикой», укрывают у себя военных преступников [1]. Это ускорило проведение судебных разбирательств в отношении преимущественно немецких военнопленных.

Анализ материалов по проведению судебных процессов над нацистскими преступниками 1947 г. и некоторых уголовных дел, рассекреченных в рамках научно-просветительского проекта «Без срока давности», позволяет выделить ряд их особенностей.

Подчеркнем, что судебные процессы проходили в крупных городах той местности, где обвиняемые совершили большинство преступлений. Они проводились в самых больших и доступных для публики местах: театрах, домах офицеров, клубах. Например, Бобруйский судебный процесс проводился в гарнизонном Доме офицеров [3], Полтавский – в здании театра имени Н.В. Гоголя [7], Кишиневский – в здании Государственного русского драматического театра [8], Севастопольский – в Доме офицеров Черноморского флота [6].

Процессы характеризовались тщательной предварительной подготовкой и цензурированием списков обвиняемых. Все обвинения были систематизированы и документированы. В основе всех обвинений лежали материалы ЧГК. В ходе судебных заседаний было бесспорно установлено, что лица, представшие перед судом, виновны в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Вину всех обвиняемых подтверждали они сами (оправдываясь исполнением приказов) и свидетели. Например, на Севастопольском процессе выступили 42 свидетеля, на Гомельском – 24 [6; 9].

Обратим внимание, что список осужденных включал широкий круг обвиняемых. На скамье подсудимых оказывались генералы, командовавшие корпусами и дивизиями. Например, генерал пехоты Фридрих Гольвитцер – в Витебске [4], генерал-майор А. Конради – в Бобруйске [3], генерал-майор вермахта С. фон Девиц-Кребс – в Полтаве [7], генерал-полковник Э. Йенеке – в Севастополе [6]. Их обвиняли в отдаче преступных приказов. Кроме высших чинов, судили и офицеров, унтер-офицеров, солдат, которые непосредственно исполняли эти приказы, проявляя особую жестокость. Так, например, фельдфебель Й. Бург, подсудимый на Бобруйском процессе, обвинялся в злодеяниях против двух тысяч детей, содержавшихся в лагере, а затем вывезенных в Германию в качестве доноров, где они и погибли [3].

Необходимо также указать, что судебные процессы носили состязательный характер. Помимо государственного обвинения, существовала и сторона защиты. Так, на Бобруйском процессе подсудимых защищали 8 московских адвокатов, на Севастопольском – 7 [3; 6].

Ключевой особенностью судебных процессов 1947 г. стало вынесение унифицированных приговоров – 25 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Подавляющее большинство осужденных получили именно этот срок. Это была высшая мера наказания, в связи с отменой в мае 1947 г. смертной казни.

Ещё одной важной особенностью является то, что итоги процессов были частично нивелированы. Уже в 1955 г. в рамках улучшения отношений с ФРГ большинство выживших осужденных были досрочно освобождены и репатриированы в Германию, где многие прожили ещё

долгие годы. Это создавало противоречие между суровостью первоначального приговора и его реальным исполнением.

Анализ проведения судебных процессов 1947 г. доказал не только виновность конкретных подсудимых, но и многочисленные факты преступлений, которые совершали военнослужащие Вермахта и различных карательных организаций Германии на оккупированной территории СССР.

В заключение отметим, что судебные процессы 1947 г. над нацистскими преступниками в СССР представляли собой масштабную пропагандистскую и политическую акцию, инициированную на фоне обострения международных отношений и конфликта с бывшими союзниками по вопросу выдачи военных преступников. Эти процессы стали важным шагом в установлении исторической справедливости. Они остаются доказательством чудовищных злодеяний нацизма и напоминанием о необходимости недопущения подобных преступлений в будущем.

Список использованных источников:

1. Судебные процессы 1947-го: 138 военных преступников получили заслуженные наказания [Электронный ресурс] // Без срока давности: официальный сайт. – URL: https://безсрокадавности.рф/sudebnye-proczessy-1947-go-138-voennyh-prestupnikov-poluchili-zasluzhennye-nakazaniya/ (дата обращения: 04.11.2025).

2. Сталинский процесс: Архивные материалы [Электронный ресурс] // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. – URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Stalinskiy_process.htm (дата обращения: 03.11.2025).

3. Бобруйский процесс [Электронный ресурс] // Портал «История.РФ». – URL: https://histrf.ru/teacher/istoriya-rossii/okonchanie-vtoroy-mirovoy-voyny-itogi-i-uroki-3/article/borujskij-process?group=tile (дата обращения: 03.11.2025).

4. 29 ноября 1947 года – Витебский процесс [Электронный ресурс] // WWII.SPACE: военно-исторический портал. – URL: https://wwii.space/29-11-47-витебский-процесс/ (дата обращения: 03.11.2025).

5. Приговор суда по Новгородскому процессу от 18 декабря 1947 года [Электронный ресурс] // Wikimedia Commons. – URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/bb/Приговор_Новгородский_процесс_18_декабря_1947_года.pdf (дата обращения: 09.11.2025).

6. Без срока давности: «Севастопольский Нюрнберг» // Исторический факультет МГУ: [сайт]. – URL: https://www.hisnet.ru/PressRelease/PressReleaseShow.asp?id=776099 (дата обращения: 07.11.2025).

7. Полтавский судебный процесс над военными преступниками в 1947 году // Исторический факультет МГУ [сайт]. – URL:

https://www.hisnet.ru/PressRelease/PressReleaseShow.asp?id=776105 (дата обращения: 05.11.2025).

8. Кринча, А. «Банда палачей и душегубов»: как в Молдавии судили румынских военных преступников [Электронный ресурс] // WWII.space: военно-исторический портал. – URL: https://wwii.space/06-12-47-кишиневский-процесс/ (дата обращения: 06.11.2025).

9. Кринча, А. «Без срока давности»: как в Белоруссии судили карателей и их пособников [Электронный ресурс] // WWII.space: военно-исторический портал. – URL: https://wwii.space/13-12-47-гомельский-процесс/ (дата обращения: 0511.2025).

Сердюк Сергей Сергеевич,
студент 2 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Хаяли Р.И.)

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В НЕДОПУЩЕНИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Формирование методологических и правовых принципов, лежащих в основе деятельности прокуратуры по противодействию реабилитации нацизма, имеет под собой сложный историко-правовой процесс, который уходит корнями в практику послевоенных судебных процессов. Особенность данного феномена заключается в том, что происходил синтез нескольких элементов: во-первых, это сохранение актуализации и доказательственной базы, которая была создана в ходе Нюрнбергского процесса и других судов над нацистами; во-вторых, разработка методик правовой квалификации экстремизма в современных реалиях; в-третьих, это формирование системы, основанной на правоприменительной практике судебных процессов. Исторические материалы данных послевоенных судебных процессов продолжают оставаться действенным инструментом в современных судебных делах, которые как-либо связаны с фальсификацией истории.

На современном этапе надзорная функция органов прокуратуры претерпела трансформацию, включив в себя активный мониторинг интернет-пространства и противодействие современным формам распространения и пропаганды нацистской символики и идеологии в целом. Свобода слова, закреплённая в статье 29 Конституции РФ [1] и Европейской конвенции по правам человека [2], хоть и является фундаментальной основой информационного поля и демократического государства в целом, однако исторический опыт повлиял на то, чтобы провести грань между свободой слова и пропагандой. Данная грань нашла

своё отражение в статье 354.1 Уголовного кодекса РФ [3]. Эта норма стала одним из результатов судебных решений послевоенных времён СССР и в данное время выступает для противодействия фальсификации истории, а также противодействия распространению заведомо ложных сведений, которые связаны с деятельностью СССР в годы Второй мировой войны.

Особое значение приобрела правоприменительная практика по этой статье, где прокурорские работники активно используют исторические архивные документы для предоставления доказательной основы. Важным фактором при рассмотрении подобных дел является установление смысла, поскольку данная статья предусматривает наказание только за целенаправленную реабилитацию нацизма. Это вынуждает разграничивать грань между правом на свободное обсуждение исторических тем и целенаправленной пропаганды нацистской идеологии или её символики, что требует не только понимания правовой базы, но и исторических знаний.

В современных условиях цифровизации работа по обнаружению преступлений, связанных с пропагандой, перешла на новый уровень, поэтому сегодня прокуратура использует специальные программные обеспечения для мониторинга социальных сетей, оперативно реагируя на распространение запрещённого материала. Совместно с Роскомнадзором были созданы блокировочные механизмы материалов, содержащих пропаганду нацистской идеологии, что позволяет, помимо оперативного пресечения нарушения, создавать эффективный защитный барьер в информационном поле, не давая распространяться опасной идеологии.

Помимо вышесказанного, важную роль играет правовое просвещение, повышение юридической осведомлённости органами прокуратуры граждан и формирование правовой культуры общества в целом [4]. Обязанности прокурорских работников по правовому просвещению реализуются различными способами, например, непосредственное взаимодействие с гражданами через выездные приёмы и в том числе в отдалённые районы или труднодоступные места, где прокурорские работники проводят бесплатные юридические консультации. Помимо этого, особое внимание заслуживает правовое просвещение в образовательных учреждениях, в которых прокуроры регулярно проводят лекции и беседы со школьниками и студентами, тем самым разъясняя им законодательство и формируя правильное правовое сознание.

Для реализации функции правового просвещения активно используются и современные информационные технологии. Прокуратура занимается созданием специализированных разделов на официальных сайтах, где размещаются различные буклеты. Также публикуются статьи в СМИ. Всё это требует тесного контакта с федеральными и региональными органами власти, органами местного самоуправления, а также институтами гражданского общества. Проводятся совместные мероприятия (конференции,

семинары, круглые столы), где прокурорские работники совместно с иными представителями государственной власти обсуждают актуальные вопросы, связанные с историко-правовой темой, занимаются правовым просвещением граждан, проводят видеоконференции по интересующим и актуальным вопросам граждан с возможностью обратной связи.

Подводя итог, можно сказать, что вся обширная деятельность прокуратуры по противодействию реабилитации нацизма, начиная от мониторинга интернет-пространства до правового просвещения граждан, направлена на преодоление правового нигилизма и фальсификации истории. Именно столь глубокий исторический опыт, основанный на принципах, которые сформировались в послевоенные годы, создал такую прокуратуру, которую мы видим на данный момент, – организацию, способную эффективно противостоять современным угрозам и защищать историческую правду.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7- ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 07.04.2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.

4. Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию (с изменениями и дополнениями) : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 2 августа 2018 г. № 471 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304447/

Серов Сергей Александрович,
студент 1 курса магистратуры
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Осадчук Е.А.)

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД НАЦИСТАМИ В СССР КАК ОСНОВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ НЕОНАЦИЗМА, ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Как следует из п. 19 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия), «на фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов». Эти программы используются для конструирования однополярного мира [1].

Современная Украина с момента обретения независимости стала объектом информационной войны, где благодаря примененным технологиям по героизации нацистских преступников, отвержению героев, борющихся с нацизмом, гонению на инакомыслящих неонацизм расцвел и закрепился посредством прихода к власти людей, явно или скрыто пропагандирующих эти идеи.

Президент Российской Федерации Владимир Путин в ответ на обращение руководителей республик Донбасса с просьбой о помощи объявил о начале специальной военной операции в целях демилитаризации и денацификации Украины.

Население новых территорий, находясь под властью неонацистов длительное время, пребывает в информационном поле украинской неонацистской пропаганды, которая целенаправленно подвергала людей агрессивной идеологической обработке, в том числе путём фальсификации истории, используя методы искажения исторических фактов о становлении украинской государственности и взаимоотношениях украинского и русского народов.

Примером искажения исторических фактов является отрицание выдающихся российских исторических деятелей, имеющих разное, в том числе украинское, происхождение, с заменой их новыми «украинскими» героями, такими как П. Сагайдачный, И. Мазепа, С. Петлюра, С. Бандера и

другими, которые оказываются военными преступниками и предателями, совершившими массу преступлений, в первую очередь в отношении населения, проживающего на территории современной Украины.

После воссоединения России с историческими территориями, в условиях проведения специальной военной операции, украинские спецслужбы и их западные кураторы развернули работу по вовлечению российских граждан в диверсионную, террористическую и экстремистскую деятельность. Проявления терроризма и экстремизма на новых территориях, а также акции, проведенные выходцами из них по всему государству, явились дестабилизирующим фактором и представляют угрозу безопасности личности, общества и государства в целом.

Подтверждение – это недавние трагические события: убийство политолога Дарьи Дугиной и военкора Владлена Татарского, взрывы трубопроводов «Северный поток», подрыв Крымского моста.

Приказы Генерального прокурора России от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» и от 17 мая 2018 г. № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму» указывают, что экстремистская деятельность и терроризм – это одни из основных системных угроз государственной и общественной безопасности.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» (далее – приказ № 471) в целях совершенствования работы органов прокуратуры по формированию правовой культуры общества, повышению юридической осведомленности граждан прокурорам предписано организовать работу по правовому просвещению и правовому информированию таким образом, чтобы она максимально отвечала задачам повышения уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан, оказания воспитательного воздействия в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Также необходимо рассматривать работу по правовому просвещению как неотъемлемую часть системы профилактики правонарушений [4].

Действующее законодательство предоставило органам прокуратуры определенные полномочия в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Деятельность в данной сфере предполагает использование потенциала всех функций прокуратуры: начиная от профилактических, в виде координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участия в правотворчестве и осуществлении деятельности по правовому информированию и правовому просвещению, осуществления надзора за исполнением законов, уголовного преследования, участия в

рассмотрении дел в судах, международного сотрудничества. Такой подход актуален и применим и к противодействию экстремизму, терроризму как основным угрозам национальной безопасности страны.

Согласно приказу № 471, правовое просвещение как функция органов прокуратуры призвано способствовать преодолению правового нигилизма, повышению правовой культуры общества, ликвидации правовой безграмотности граждан. Вместе с тем у этого направления деятельности органов прокуратуры есть ещё одно полезное свойство – правовое просвещение положительно влияет на реализацию других функций прокуратуры, существенно повышая эффективность надзорной работы [4].

В учебно-практической литературе обращается внимание на то, что в качестве тем по разъяснению законодательства Российской Федерации предлагается выбирать вопросы, связанные с защитой исторической памяти, противодействием экстремизму, терроризму и реабилитацией нацизма. На сегодняшний день актуальны вопросы обеспечения исторической правды, её фальсификации, героизации нацизма и пересмотра итогов Второй мировой войны, вклада нашей страны в победу над нацизмом [2, с. 17].

В силу схожести процессов, происходящих во вновь присоединенных территориях, с событиями, имевшими место в Республике Крым, интересен опыт, описанный Я.С. Анкудиновой в статье «Правовое просвещение молодежи как составной элемент формирования гражданского общества». Там представлены мероприятия по правовому просвещению, проведенные Крымским юридическим институтом (филиалом) Университета прокуратуры Российской Федерации, позволившие на высоком уровне с использованием наглядных материалов добиться у участников внимательного восприятия информации, в частности: научный форум «Нюрнбергский процесс: история и современность» и выставка «Ни давности. Ни забвения». Благодаря им участники ознакомились с историей создания Международного военного трибунала, узнали о преступлениях против мира и человечности, о работе советских следователей, криминалистов, прокуроров по сбору доказательств, подготовке и проведению трибунала [3, с. 15–19].

Учитывая, что в основе террористической и экстремистской деятельности лиц, составляющих исследуемую категорию граждан, лежит неонацистская идеология, основанная на немецком фашизме, особенно важно использовать материалы открытых судебных процессов над нацистскими преступниками и их пособниками, проведенных СССР в 1943–1947 гг., изобличающих нечеловеческую суть фашизма и неотвратимость сурового и справедливого наказания за совершенные преступления. Эти материалы являются важной основой для осуществления деятельности органов прокуратуры по правовому

просвещению и противодействию распространению идеологии неонацизма, терроризма и экстремизма на новых территориях.

Список использованных источников:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru

2. Организация работы прокуратуры города, района и приравненных к ним прокуратур по правовому просвещению и правовому информированию : учебное пособие / М.М. Шакирьянов [и др.]. – Казань : Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Рос. Федерации, 2022. – 76 с.

3. Российские традиционные ценности в научном и воспитательном процессах : сб. ст. участников науч.-практ. конф. (г. Москва, 28 января 2022 г.) / под ред. Н.В. Субановой; [сост. К.А. Кленина, Н.В. Сальников]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2022. – 127 с.

4. Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 № 471 (ред. от 09.06.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru

Сошин Тимофей Александрович,
студент 1 курса
Крымского филиала Российского
государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева

(Научный руководитель – Балагура О.В.)

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ

Хабаровский процесс 1949 г. над японскими военными преступниками представляет собой важный, но недостаточно изученный эпизод в истории международного и отечественного права. Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления правовых механизмов привлечения к ответственности за военные преступления, а также их влияния на современные нормы международного уголовного права [1, с. 1229]. Несмотря на то, что Хабаровский процесс является одним из значимых событий XX века и по праву стоит в одном ряду с Нюрнбергским и Токийским трибуналами, на которых были осуждены военные преступники, виновные в разжигании Второй мировой войны, он

не получил международного признания в 1949 году, и для подавляющего большинства иностранных юристов, специалистов-международников и даже профессиональных историков он долгие годы оставался практически неизвестен [2]. Между тем, проведенный в 1949 году в Хабаровске по инициативе нашей страны процесс стал первым в мире судом над военными преступниками, участвовавшими в создании и испытании на людях биологического оружия. Он продемонстрировал твёрдую позицию Советского Союза в окончательном разгроме нацизма и неотвратимости наказания виновных в совершении особо изощренных преступлений против человечности. И хотя Хабаровский процесс не носил международного статуса, общемировое гуманитарное значение его итогов трудно переоценить. Наряду с Нюрнбергским и Токийским трибуналами он лёг в основу базовых документов ООН. Несомненно, он оказал воздействие на последующие запрет и ликвидацию бактериологического оружия. Проведенному в Хабаровске процессу предшествовала кропотливая работа по сбору доказательств вины военнослужащих Квантунской армии [3].

Во время Второй мировой войны секретные японские отряды изготавливали смертоносные бактерии и ставили опыты на живых людях. По официальным данным, от их действий погибли более 3 000 человек. На скамье подсудимых в Хабаровске оказались только 12 виновных. Однако суд нам ними стал единственным в мире трибуналом над военными преступниками, создавшими бактериологическое оружие [4].

В 1935–1936 годах в Японии были созданы секретные отряды (отряд № 731 и отряд № 100), которые занимались разработкой и испытанием бактериологического оружия против СССР и других стран. Речь о бактериях чумы, холеры, туберкулёза, тифа, дизентерии, сибирской язвы и других заболеваний. На протяжении Второй мировой войны в этих отрядах тайно ставились опыты на китайцах, маньчжурах и советских гражданах [5, с. 35].

Отряды № 731 и № 100 располагали земельными участками, обширными помещениями и специальным оборудованием. Например, для работы отряда № 731 отстроили целый военный городок с лабораториями и служебными зданиями, вокруг которого была создана запретная зона. Отряд имел свою авиационную часть и специальный полигон. Производственный отдел ежемесячно изготавливал до 300 кг бактерий чумы или до 1 000 кг бактерий холеры. Для проверки изготавливаемых образцов бактериологического оружия, а также изыскания способов лечения эпидемических болезней в 731-м отряде постоянно велись опыты над заключенными из числа китайцев и русских.

Начальник производственного отдела в отряде № 731 Киоси Кавасима признался, что они получали живых людей для экспериментов из Харбинского жандармского управления. Это были оказавшиеся на

китайской территории советские граждане, попавшие в плен командиры Народно-освободительной армии Китая, участники антияпонского движения и члены их семей. Их использовали для проведения различных исследований, в том числе установления количества времени, которое человек может прожить под воздействием смертоносных бактерий и других факторов. После заражения заключенных лечили, а если это удавалось, вновь использовали для других экспериментов. Также в отрядах проводились вскрытия живых людей для наблюдения за ходом течения заболевания. За всё время существования тюрьмы ни один из заключенных не вышел оттуда живым. Согласно документам Кавасимы, с 1940 по 1945 год в отряде № 731 погибли не менее 3 000 человек. Бывшие сотрудники отряда утверждали, что в действительности жертв намного больше.

Испытания бактериологических средств проводились не только в лабораториях и на полигонах, но и в полевых условиях. Так, в 1939 году при отступлении японской армии в реку Халхин-Гол (Китай) были вылиты болезнетворные бактерии. В 1940 году отряд № 731 сбросил с самолетов зараженных чумой блох в районе города Нинбо (Китай), летом 1941 года – в районе города Чандэ (Китай). В июле и августе 1942 года испытания бактерий проводились около Хайлара (Китай). Вдоль границы СССР располагалась филиальная сеть для применения бактериологического оружия во время наступательных операций. Есть версия, что именно из-за действий отряда № 731 и отряда № 100 на Дальнем Востоке, а затем и в других регионах России появился клещевой энцефалит [4].

Хабаровский процесс проводился в Советском Союзе и был подготовлен Министерством внутренних дел СССР, Министерством юстиции СССР и Генеральной прокуратурой СССР и до сих пор считается хорошим образцом того, как следует собирать доказательную базу и правильно формировать обвинительные материалы. В ходе Хабаровского судебного процесса (25–30 декабря 1949 г.) получены неоспоримые доказательства преступлений японских должностных лиц против мира и человечества. Целесообразность использования выявленных материалов о разработке Японией бактериологического оружия обсуждалась ещё на стадии подготовки документальной базы советского обвинения на Международном военном трибунале для Дальнего Востока в Токио (3 мая 1946 г. – 12 ноября 1948 г.). Не единожды поднимался вопрос о необходимости передачи советской стороне начальника отряда № 731 генерал-лейтенанта медицинской службы С. Исии [1], начальника общего отдела отряда доктора медицинских наук полковника медицинской службы К. Оота, находившихся в плену у американцев, но каждый раз США отказывали под различным предлогом, как, например, «…у Советского Союза, по-видимому, нет ясно выраженных интересов в военных преступлениях, якобы совершенных японцами над китайцами и

маньчжурами», однако настаивали на выдаче генералов С. Китадзавы и Х. Такуми (находились на территории СССР), обвинявшихся в жестоком обращении с военнопленными союзных стран и массовых убийствах китайцев в г. Джохоре (полуостров Малакка) [6, с. 77].

Между тем успешность своей деятельности основоположник японской науки о ведении бактериологической войны С. Исии характеризовал так: «Лица, пораженные стрелковым или артиллерийским оружием либо подвергшиеся авиационной бомбардировке, после соответствующего лечения могут вернуться в строй. Что касается бактериологического оружия, то оно передаёт заразу от человека к человеку, проникает с пищей и водой в организм человека, даёт значительно больший эффект, чем стрелковое, артиллерийское или авиационное оружие, выводит из строя массу людей, не поддается лечению и гарантирует, что объект нападения больше в строй не вернется» [7].

С такой позицией были солидарны и многие военно-политические лидеры Японии тех лет. В 40-х годах XX века командующий Квантунской группировкой войск (КГВ) генерал армии О. Ямада и его начальник штаба генерал-лейтенант Х. Хата показывали на допросах, что японские правящие круги уже после Первой мировой войны предвидели возможность развития газовой и бактериологической войн и именно поэтому создали при штабе КГВ бактериологические формирования. Головной 731-й отряд, непосредственно замыкавшийся на О. Ямаду, занимался подготовкой бактериологической войны, которая являлась составной частью оперативно-стратегического плана нападения на Советский Союз.

24 сентября 1947 года в СССР решили провести повторный допрос свидетелей и проинформировать международное сообщество в Токио о наличии материалов, свидетельствовавших о подготовке Японии к бактериологической войне [8, с. 93]. Однако США не позволили вынести этот вопрос на обсуждение. Не удалось включить в число обвиняемых и императора Хирохито, который согласно документам вместе с другими представителями японской императорской семьи принимал участие в создании военно-бактериологических отрядов в Маньчжурии [5].

Партийно-государственное руководство СССР осознавало, что на Международном военном трибунале для Дальнего Востока в Токио к ответственности привлечены далеко не все военные преступники, а американские политики, преследуя свои далеко идущие цели, скрывают их от правосудия и не идут на сотрудничество [9].

С инициативой проведения нового судебного процесса над японскими военными и должностными лицами 19 февраля 1948 года выступил министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов, которого поддержали А.Я. Вышинский и В.М. Молотов. В проекте секретного постановления Совета Министров СССР от 7 сентября 1949 года

поручалось Министерствам внутренних дел и юстиции, Прокуратуре СССР «…организовать в Хабаровске открытый судебный процесс над руководящими работниками так называемого «противоэпидемического отряда № 731», занимавшегося изысканием бактериальных средств и способов их применения в войне против Советского Союза и Китая» [6].

17 августа 1949 г. на заседании Политбюро ЦК был утвержден проект обвинительного заключения в отношении японцев, подозреваемых в производстве и применении бактериологического оружия. Утвержденный текст обвинительного заключения они должны были получить 22 декабря. Судебный процесс в отношении военных преступников из числа японских генералов и высших офицеров должен был стать событием, представлявшим интерес не только для советского общества, но и для мировой общественности. Согласно решению, принятому на заседании Политбюро, полный текст обвинительного заключения к 24 декабря 1949 г. планировалось опубликовать в органах центральной печати, а сокращенный текст – в местных периодических изданиях.

В конце августа 1949 г. большая часть репатриантов возвратилась в Японию. Уже 5 сентября 1949 г. А.Я. Вышинский дал свое согласие на проведение судебного процесса, заметив, что «вопрос об организации указанного выше процесса следовало бы решить теперь же», т. е. не откладывая его. В ходе обсуждения деталей проведения судебного процесса между руководствами МИД и МВД было решено, что местом проведения открытого судебного процесса станет г. Хабаровск. Об этом 28 сентября в записке, подписанной С.Н. Кругловым и А.Я. Вышинским, был извещен И.В. Сталин.

30 сентября 1949 г. главы МВД и МИД СССР представили проект постановления Совета Министров СССР, санкционировавшего проведение в Хабаровске открытого судебного процесса. В.М. Молотов, ознакомившись с текстом постановления, внёс незначительные поправки, отредактировал некоторые формулировки, заменив их на те, в которых прямо указывалось на то, что обвиняемые не только производили бактериологическое оружие, но и были готовы применить его на советской территории. После того, как поправки В.М. Молотова были учтены, проект постановления был выслан И.В. Сталину. Расследование проводилось оперативно-следственной группой МВД СССР и Следственным управлением МВД СССР по Хабаровскому краю в период с 22 октября по 13 декабря 1949 года. К этому времени основная масса японских военнопленных была репатриирована, и в Советском Союзе остались лица, обвинявшиеся в совершении воинских преступлений. Среди них выявлены 206 человек, имевших отношение к деятельности отряда № 731 [9].

В ходе судебного процесса Военный трибунал установил многочисленные факты бесчеловечной жестокости в отношении

военнопленных и гражданского населения, которые использовались как материал для опытов. «Бревна» – так называли пленных, которых ждали нечеловеческие эксперименты. Было установлено, что пика своей жестокости опыты над людьми достигли в 1944–1945 гг.

В ходе процесса была сформирована весомая доказательственная база: представлены документальные свидетельства и получены признательные показания самих обвиняемых. Под тяжестью предоставленных доказательств подсудимые признали себя виновными. Перед оглашением приговора О. Ямада сказал: «...Я признаю свою ответственность в деле усиления боевой готовности по подготовке к бактериологической войне. Я признаю свою вину за все злодеяния», а К. Кавасима признал: «...Совершенные мною преступления позорны не только для меня одного, но позорны для всей моей страны», «...совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества» [10, с. 35].

Несмотря на ограниченное число подсудимых и отсутствие на скамье главных организаторов преступлений (таких как Сиро Исия), процесс выполнил ключевую задачу – впервые на международном уровне были публично осуждены зверства, связанные с разработкой бактериологического оружия и экспериментами над людьми. На этом основании была установлена степень виновности каждого обвиняемого. Учитывая, что смертная казнь в СССР была в тот период отменена, Военный трибунал Приморского военного округа приговорил О. Ямаду, Р. Кадзицуку, Т. Такахаси и К. Кавасиму к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет, Т. Карасаву и С. Сато – на 20 лет, Т. Ниси – на 18 лет, К. Митому – на 15 лет, М. Оноуэ – на 12 лет, Д. Хиразакуру – на 10 лет, Ю. Курусиму – на 3 года, Н. Кикучи – на 2 года. После частичного отбытия наказания в конце 1956 года всех осужденных репатриировали на родину. Осужденный Т. Такахаси умер в лагере для военнопленных от кровоизлияния в мозг. Впервые на государственном уровне были осуждены преступления, связанные с разработкой и применением биологического оружия.

С юридической точки зрения Хабаровский процесс имел принципиальное значение, поскольку он не только вынес приговор конкретным преступникам, но и разоблачил систему, стоявшую за этими злодеяниями, что имело огромное значение для формирования международных запретов на биологическое оружие. Хабаровский процесс создал важнейший правовой прецедент, впервые установив ответственность за ведение биологической войны. Осуждение японских военных за разработку и применение бактериологического оружия стало существенным шагом в формировании системы международных запретов на использование подобных видов вооружений.

Хабаровский процесс способствовал развитию норм международного права, запрещающих биологическое и химическое оружие, что впоследствии отразилось в конвенциях ООН. Процесс способствовал развитию норм международного уголовного права, подтвердив ключевой принцип неотвратимости наказания за преступления против человечности. Этот опыт оказал влияние на современные механизмы международного правосудия. Политическое значение Хабаровского процесса невозможно переоценить. Проведение процесса и юридическая обоснованность приговора укрепили позиции СССР в разоблачении военных преступлений Японии. В условиях, когда западные союзники на Токийском трибунале 1946–1948 гг. сознательно замалчивали преступления японского отряда № 731, советский судебный процесс выступил в качестве важнейшего инструмента восстановления исторической справедливости [1].

Список использованных источников:

1. Дегтярь, А.В., Киселева, Н.В. Хабаровский процесс 1949 г. над японскими военными преступниками / А.В. Дегтярь, Н.В. Киселева // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2025. – № 6 (87). – Том 2. – С. 1229–1307.

2. Ким, С. Хабаровский процесс – 49. Научное осмысление и историческая память // URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=6557

3. Игорь Краснов принял участие в Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e488991/

4. Хабаровский процесс: дело японских военнопленных // URL: https://pravo.ru/story/214255/

5. Ким, С.П. Против воинствующих поджигателей войны: архивные материалы об организации Хабаровского процесса / С.П. Ким // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2022. – № 1(28). – С. 35–70.

6. Романова, В.В. От Токийского суда к Хабаровскому: из истории подготовки судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами / В.В. Романова // История медицины. – 2015. – Т. 2. – № 1. – С. 77.

7. Кошкин, А. Ожоги «Чёрного солнца»: японские милитаристы готовили «день Х» / А. Кошкин // Советская Россия. – 1995. – Июль.

8. Кириченко, А.А. За кулисами трибунала // Великая Победа в 15 т. / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. 8: Расплата. М., 2015. – С. 93.

9. Тужилин, С.В. Совершённые преступления являются громадным злодеянием против человечества. Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 70-летию события) // – URL: https://history.milportal.ru/sovershyonnye-prestupleniya-yavlyayutsya-gromadnym-zlodeyaniem-protiv-chelovechestva-xabarovskij-sudebnyj-process-nad-yaponskimi-voennymi-prestupnikami-k-70-letiyu-sobytiya/

10. Ким, С.П. Против воинствующих поджигателей войны: архивные материалы об организации Хабаровского процесса / С.П. Ким // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2022. – № 1(28). – С. 35–70.

Степанян Рафик Арменович,
Прокопенкова Лилия Алексеевна,
студенты 2 курса
Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ПОДВИГЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

В последние годы наблюдается тенденция к пересмотру итогов Второй мировой войны со стороны ряда политических авторов, интерпретирующих исторические факты в соответствии со своими идеологическими установками. В ряде случаев события того периода подвергаются искажению в целях уменьшения вклада Советского Союза в победу над нацистской Германией.

Большинство европейских стран принимают заявления, резолюции и законодательные акты, которые вместо осуждения нацистской идеологии акцентируют внимание на «преступлениях тоталитарных режимов». Параллельно с этим в странах Балтии и некоторых государствах Западной Европы, а также в Грузии наблюдается возрождение неонацистских идей. В Латвии, Литве и Эстонии наблюдается поддержка организаций, объединяющих бывших военнослужащих СС. Последствия игнорирования преступлений нацизма можно наблюдать на территории современной Украины, где в условиях информационной войны предпринимаются попытки оправдания нацистской идеологии. В Российской Федерации

также фиксируются случаи, связанные с реабилитацией нацизма и увеличением числа преступлений и правонарушений в этой сфере. По мере удаления событий Второй мировой войны в прошлое и уменьшения числа свидетелей тех событий наблюдается рост проявлений неонацизма и активизация сторонников нацистской идеологии, которые стремятся внедрить свои идеи в общественное сознание, включая молодёжь.

Так, в нашей статье мы хотели бы рассмотреть деятельность органов прокуратуры на примере своих субъектов.

Прокуратура Смоленской области проводит ряд мероприятий, направленных на сохранение исторической памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Одним из таких является создание музея прокуратуры, в котором хранятся выпуски газет того периода, например, в выпуске от 17 декабря 1945 года размещена статья, повествующая о судебном процессе по делу о немецко-фашистских зверствах в Смоленске и Смоленской области. На скамье подсудимых – десять гитлеровских палачей, которые творили террор советских людей на смоленской земле. Заседания суда проходили в актовом зале медицинского института, где в период оккупации располагалась немецкая городская управа. Когда подсудимых вводили в зал, там стояла полная тишина. Все десять нацистов были в военной форме, но без знаков различия. И как только на них направлялся объектив кинооператора, преступники опускали головы и сидели, потупив взор [1, с. 128–195].

Кроме того, в деревне Бубново Смоленской области была отремонтирована братская могила советских патриотов, казненных гитлеровцами в 1941 году, а также одиночное захоронение военного летчика, умершего от многочисленных ранений, а в канун Дня Победы прокурор области возложил цветы к отремонтированным захоронениям патриотов и почтил их память минутой молчания, что демонстрирует уважение к подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны и благодарность за победу [4, с. 551].

В свою очередь, в 2013 году прокуратура Новгородской области инициировала комплекс мероприятий, направленных на сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны. По поручению прокурора области была проведена масштабная научная работа в архивах Ленинградской и Новгородской областей, а также в государственных архивах города Санкт-Петербурга. В рамках этой деятельности также осуществлялось интервьюирование ветеранов прокуратуры и их потомков для формирования экспозиции музея прокуратуры Новгородской области.

В ходе данных мероприятий был собран обширный документальный материал, включающий архивные документы, фотографии и мемуары сотрудников прокуратуры. В 2014 году состоялось официальное открытие

музея, ставшего важным источником информации о Великой Отечественной войне. Экспозиция музея, в частности, освещала вопросы кадрового состава прокуратуры Новгородской области, созданной в 1944 году, укомплектованной военнослужащими, демобилизованными из рядов Красной армии. В 2017 году в Новгородской области был начат новый этап работы по данной тематике в рамках проекта «Да судимы будете» [2, с. 7–13]. Основная цель проекта заключалась в реконструкции судебного процесса над нацистскими преступниками, проходившего в Великом Новгороде 70 лет назад, в целях актуализации памяти о правовом преследовании военных преступников.

Прокуратура Новгородской области направила собранные материалы в Генеральную прокуратуру Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации. В мае 2019 года на основании полученных данных Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации возбудило уголовное дело по статье 357 Уголовного кодекса Российской Федерации (геноцид), связанное с массовыми расстрелами более 2 600 человек в деревне Жестяная Горка.

В ходе расследования были выявлены признаки, соответствующие определению геноцида, закрепленному в Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой 9 декабря 1948 года. Результаты расследования свидетельствуют о наличии значительного числа жертв, среди которых были женщины и дети, отсутствии у них оружия, методах убийства, а также об организованном и систематическом характере преступной деятельности, направленной на уничтожение населения Советского Союза в целях его последующего вытеснения и колонизации освободившихся территорий. Эти факты указывают на реализацию плана нацистской Германии и их пособников, направленного на геноцид советского народа.

В сентябре 2020 года прокурор Новгородской области С.А. Столяров обратился в Солецкий районный суд с заявлением об установлении юридического факта. В данном заявлении он просит признать деяния, совершенные в период с 1942 по 1943 год в деревне Жестяная Горка Новгородской области в отношении мирного населения Советского Союза и военнопленных, военными преступлениями и преступлениями против человечности в соответствии с определением, изложенным в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала. Также прокурор требует признать эти действия актом геноцида против народа Советского Союза.

Таким образом, сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне – это не только дань уважения героям прошлого, но и важнейшее условие обеспечения национальной безопасности и суверенитета в настоящем и будущем. Ключевым фактором успеха в деле сохранения

исторической памяти является формирование устойчивого общественного консенсуса относительно значимости подвига советского народа. Это позволит обеспечить преемственность поколений и не допустить забвения уроков прошлого. Современные вызовы в данной сфере требуют новых подходов к её трансляции. Необходимо использовать инновационные технологии, развивать цифровые форматы представления исторического наследия, создавать интерактивные образовательные программы.

Список использованных источников:

1. Архив ГВП, опись 01537, 1943. Д. 22/1–22/5. С. 128–195.
2. Докучаев, О.В. Деятельность военной прокуратуры Ленинградского фронта по борьбе с преступностью в блокадном Ленинграде [Текст] / О.В. Докучаев // Вестник военного права. – 2019. – № 2. – С. 7–13.
3. Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР Москва : 2025. – С. 6–12.
4. Советская военная энциклопедия. В 8-ми томах. – М., 1989, Т. 7. С. 551.

Столяренко Алина Владимировна,
слушатель 4 курса
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

(Научный руководитель – Челпанова М.М.)

НАЦИСТСКИЙ ТЕРРОР: МЕХАНИЗМЫ УНИЧТОЖЕНИЯ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР

Политика нацистской Германии на оккупированных восточных территориях с момента её разработки носила характер тотального порабощения и физического уничтожения. Идеологическая доктрина национал-социализма, основанная на расовой теории, определяла славянские народы, евреев, цыган и другие этнические группы как «неполноценные» (Untermenschen), подлежащие частичному истреблению и частичному порабощению. Реализация данной доктрины была

закреплена в ряде директивных документов, таких как «Директива по ведению хозяйства в оккупированных восточных областях» (так называемая «Зеленая папка» Геринга) и «Генеральный план Ост», предусматривавший выселение и уничтожение десятков миллионов человек.

Целью настоящего исследования является структурированный анализ и классификация основных механизмов, применявшихся нацистским режимом для физического уничтожения и доведения до смерти мирного населения. Данные механизмы не были хаотичными; они представляли собой взаимосвязанную систему, направленную на достижение стратегических целей Третьего рейха.

Прямой геноцид и карательные операции. Наиболее очевидным механизмом террора являлись массовые расстрелы и карательные акции. Они проводились силами айнзатцгрупп (Einsatzgruppen) СД, полиции безопасности, вермахта и коллаборационистских формирований. Жертвами становились евреи, цыгане, коммунисты, партизаны, а также любое гражданское лицо, заподозренное в связях с сопротивлением или как «предупреждающая» мера.

Одним из самых масштабных единовременных преступлений против мирного населения является уничтожение жителей деревни Хатынь (Белорусская ССР) 22 марта 1943 года. В отместку за нападение партизан карательный батальон окружил деревню, согнал всех её жителей – 149 человек, включая 75 детей, в сарай и поджег его. Тех, кто пытался спастись, расстреливали из пулеметов.

Согласно данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, на территории СССР было полностью или частично уничтожено свыше 1 700 городов и более 70 000 деревень и сел. Общее число жертв среди мирного населения на оккупированных территориях оценивается в 13,7 – 16,9 миллионов человек, из которых преднамеренно истреблено около 7,4 миллиона.

Создание условий для массового вымирания: голод и инфекции. Данный механизм носил более опосредованный, но не менее эффективный характер. В соответствии с «Зеленой папкой», оккупированные территории должны были максимально интенсивно эксплуатироваться для снабжения германской армии и рейха. Это привело к целенаправленной конфискации продовольствия, что обрекало местное население на голодную смерть.

Блокада Ленинграда (1941–1944) является хрестоматийным примером использования голода как оружия массового уничтожения. План состоял в том, чтобы посредством полной изоляции города вызвать голод и его последствия, что привело к гибели, по разным оценкам, от 600 000 до

1 000 000 жителей, подавляющее большинство из которых умерли от истощения.

На оккупированных территориях Украины, Белоруссии и РСФСР были установлены крайне низкие нормы продовольственного снабжения для местных жителей, в то время как сельскохозяйственная продукция в массовом порядке вывозилась в Германию. Сознательное непринятие мер по борьбе с эпидемиями (сыпной тиф, дизентерия) в условиях скученности населения в лагерях и разрушенных городах также вело к высокой смертности.

Система принудительного труда и истощения. Мирное население рассматривалось как источник бесплатной и возобновляемой рабочей силы. Принудительный труд применялся на строительстве укреплений, на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в шахтах. Условия труда были каторжными: 12–14-часовой рабочий день, отсутствие нормального питания, медицинской помощи, проживание в неотапливаемых бараках.

Миллионы советских граждан (так называемые «остарбайтеры») были насильственно угнаны на работы в Германию. По данным Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, на принудительные работы было вывезено 4 978 000 граждан СССР. Смертность среди них была высокой из-за тяжелых условий жизни и труда.

На территории самого рейха и на оккупированных землях были созданы многочисленные рабочие лагеря, где заключенные эксплуатировались до полного физического истощения, после чего заменялись новыми. Такой подход являлся формой «уничтожения трудом» (Vernichtung durch Arbeit).

Технические средства массового уничтожения: «душегубки» и крематории. Для повышения «эффективности» и конвейерности убийств нацистским режимом были разработаны и внедрены специализированные технические средства.

«Душегубки» (Gaswagen) представляли собой герметично закрывающиеся грузовики, в которые от выхлопных газов двигателя подавался угарный газ. Жертв загоняли в кузов, двери закрывались, и в течение 10–15 минут люди погибали от отравления. Данный метод широко применялся айнзатцгруппами для убийства евреев, цыган и других «нежелательных элементов» на территории РСФСР, Украины, Крыма.

Печи-крематории являлись неотъемлемой частью инфраструктуры лагерей смерти (Аушвиц-Биркенау, Треблинка, Майданек и др.), а также концентрационных лагерей на территории рейха и оккупированных стран. Кремация использовалась для сокрытия следов массовых преступлений, предотвращения эпидемий и утилизации тел. В концлагерях, созданных непосредственно на оккупированной территории СССР (например, в

Минске, Саласпилсе), также действовали кремационные печи. Уничтожение людей в газовых камерах с последующим сжиганием в крематориях стало символом «индустриализированного» геноцида.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что нацистский террор в отношении мирного населения на оккупированных территориях СССР представлял собой многоуровневую и взаимосвязанную систему, направленную на его тотальное уничтожение и порабощение. Выделенные механизмы – прямой геноцид, доведение до смерти посредством голода и болезней, истощение принудительным трудом и использование технических средств убийства – не были изолированными явлениями, они сочетались и усиливали друг друга, создавая среду тотальной безысходности и смертности.

Список использованных источников:

1. Генеральный план «Ост». Документы и материалы. Сост. В.И. Малютин. М., 2018.

2. Великая Отечественная война: в память о героях и жертвах военных преступлений германских нацистов и их пособников : учебное пособие / Н.А. Душкова [и др.]; под общ. ред. Н.А. Душковой, Л.И. Маслиховой. – Воронеж : ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые и граф. данные (1,2 Мб)

3. Война на уничтожение. Нацистский террор на оккупированных территориях. Электронная библиотека исторических документов «Российское историческое общество». URL: https://historyrussia.org/sobytiya/vojna-na-unichtozhenie-natsistskij-terror-na-okkupirovannykh-territoriyakh.html

4. Геноцид советского народа немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Государственное агентство «РЕС». URL: https://cominf.org/node/1166562074

5. Материалы Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками. Т. I–VII. М., 1957–1961.

6. Отчет Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021.

7. Полян, П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.

8. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. Минск, 1965.

Телешева-Мечик Дарина Александровна,
студент 1 курса магистратуры
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Басов А.В.)

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ПРОВЕДЕНИИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Нюрнбергский процесс, проходивший в 1945–1946 гг., стал знаковым событием в мировой истории права и правосудия. Он положил начало новой эре в правоприменительной практике, установив прецедент для привлечения к уголовной ответственности за военные преступления против мира, человечности и безопасности. Несомненно, важной частью данного процесса послужила работа органов прокуратуры, которая сыграла ключевую роль в представлении стороны обвинения и собирании доказательств против самых жестоких фигурантов нацистского режима.

Как указал С.А. Майоров: «8 августа 1945 г. главы государств США, Великобритании, Франции и СССР договорились об организации суда над фашистами в городе Нюрнберг. Стоит отметить, что впервые призыв о создании Международного военного трибунала прозвучал в заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы». Сам судебный процесс по делу главных нацистских военных преступников начался 20 ноября 1945 г. в Нюрнберге и был завершен 1 октября 1946 г. Он проводился в соответствии с уставом Международного военного трибунала и соглашением, подписанным в ходе вышеупомянутой Лондонской конференции, проходившей с 26 июня по 8 августа 1945 г.» [1, с. 273].

Процессуальная роль прокуратуры на Нюрнбергском процессе не ограничивалась лишь представлением обвинения. Прокуроры столкнулись с уникальными вызовами, требующими от них не только юридической квалификации, но и высокой степени моральной ответственности. Они должны были собрать и предоставить убедительные доказательства, которые могли бы подтвердить чудовищный масштаб преступлений, совершенных нацистами.

В данном процессе СССР представлял прокурор УССР Роман Андреевич Руденко. Он вошел в историю как блистательный оратор, а его роль в Нюрнбергском процессе является ярчайшей страницей в его биографии.

Л.М. Колодкин отмечал, что «подсудимыми Нюрнбергского процесса стали люди, которые превратили страну в оружие для своих идей. Суду также подверглись преступные организации Службы безопасности (СД), военные формирования отрядов охраны (СС)» [2, с. 32].

Всего в Нюрнбергском процессе было проведено 403 открытых заседания трибунала и 216 судебных слушаний. В итоге лишь половина обвиняемых была приговорена к смертной казни через повешение, трое получили пожизненный срок, четверо – лишение свободы от 10 до 20 лет, троих оправдали, а в отношении двух обвиняемых дело и вовсе было прекращено.

Говоря о процессуальной роли прокуратуры в целом, следует отметить, что важным аспектом было обеспечение законности и соблюдение прав обвиняемых в процессе. Прокуроры использовали различные методы сбора доказательств, включая допрос свидетелей, анализ документов и экспертиз. Обвинение предоставило комплекс доказательств, уличающих подсудимых в систематических преступлениях в форме геноцида, пыток и иных формах насилия.

Несмотря на то, что Нюрнбергский процесс являлся уникальным и не имел аналогов и прецедентов, прокуратура стремилась соблюдать процессуальные гарантии, такие как право на защиту и возможность обвиняемых на представление своих аргументов. Всё это сыграло важную роль в легитимизации процесса.

Кроме того, необходимо отметить вступительную речь представителя прокуратуры от СССР: «Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба, вызвавшими такие тяжелые последствия. Впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений» [3, с. 492].

Сложно не согласиться с этим. То, что было сделано нацистским режимом, оставило глубокий след в истории человечества: немыслимые пытки, изувеченные судьбы и безграничный цинизм.

Спустя годы Р.А. Руденко писал: «В приговоре было записано, что нападение на Советский Союз было произведено без тени законного оправдания. Это была явная агрессия. Данное решение не утратит свое значение и будущем, так как оно является важным аргументом в борьбе между прогрессивными силами и фальсификаторами истории возникновения Второй мировой войны, которые в целях реваншизма, направленного против социалистических стран, пытаются оправдать гитлеровскую агрессию против СССР» [4, с. 359].

Органы прокуратуры также взаимодействовали с иными участниками процесса: судьями, защитниками и другими сторонами. Всё это было необходимо для эффективного и справедливого рассмотрения дела, оно способствовало формированию правовой базы для будущих мировых судов.

Таким образом, изучение процессуальной роли прокуратуры в Нюрнбергском процессе помогает понять не только исторические аспекты данного события, но и его влияние на современное международное и российское право. Роль прокуратуры в данном процессе подчеркивает важность обеспечения справедливости и правопорядка.

Закончить хотелось бы заключительными словами Р.А. Руденко: «Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым... я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания – смертную казнь» [5, с. 524].

Список использованных источников:

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. 1 января – 3 сентября 1945 г.: Док. и материалы / [ред.-сост. С.А. Майоров]. – М. : Госполитиздат, 1947. – 792 с.

2. Колодкин, Л.М., Нечевин, Д.К. Нюрнберг и Токио: суды над военными преступниками / Л.М. Колодкин, Д.К. Нечевин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 3 (39). – С. 29–34.

3. Из вступительной речи Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко, произнесенной на заседании Международного военного трибунала. Нюрнберг, 8 февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сборник материалов в 7 т. Т. 1. – 730 с.

4. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сборник материалов: в 7 т. Т. 7 / [под общ. ред. Р.А. Руденко]. – М., 1961. – 760 с.

5. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко. Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 29 и 30 июля 1946 г. // Нюрнбергский процесс : сб. материалов в 8 т. Т. 8. – М. : Юрид. лит., 1999. – С. 469–524.

Титов Даниил Борисович,
студент 4 курса
Дальневосточного юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Балковая В.Г.)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ХАБАРОВСКОГО ПРОЦЕССА

Сегодня Россия сталкивается с множеством внешних вызовов, обусловленных беспрецедентно враждебной политикой стран коллективного Запада. Экономическое давление, попытки дестабилизации внутренней обстановки, спонсирование экстремистских организаций не только грозят нашему государству, но и влекут неизбежное возрождение идеологических течений, содержащих в себе основные положения

фашизма и нацизма. Приведенные тезисы являются не беспочвенным переживанием, а отражением действительной внешнеполитической обстановки. Так, в 2024 году против резолюции ООН о борьбе с нацизмом, инициированной Россией, проголосовали 53 страны, включая Германию, Соединенные Штаты Америки, Японию, Украину [6].

Возникновение названного цивилизационного конфликта объясняется стремлениями стран развитого мира к достижению собственных экономических целей, невзирая на вопросы морали, этики и гуманистического отношения к человеку. Согласно мнению председателя Конституционного Суда Российской Федерации Зорькина В.Д. «Запад действительно имеет склонность к так называемому «беловоротничковому» «геноциду с косвенным умыслом», когда для достижения экономических целей «высшего порядка» сознательно допускается уничтожение той или иной социальной группы или целого народа» [2]. Пользуясь внушительными финансовыми ресурсами, страны дальнего зарубежья, преумножая тенденции враждебности по отношению к России, сумели создать новые марионеточные политические режимы, всецело исполняющие их волю, в том числе и по противостоянию нашей стране.

Указанные обстоятельства грозят безопасности установленного мирового порядка новой всеобщей войной, возможным последствием которой будет тотальное уничтожение человечества. Это, к сожалению, более не считается невозможным, учитывая ускоренные темпы научно-технического прогресса, поддерживаемые в том числе и военным интересом. Вопрос применения оружия особо опасного класса неоднократно ставился на международное обсуждение. Истории известно множество случаев, когда всеобщими усилиями предпринимались попытки частичного ограничения или полного отказа от его использования [9].

Однако спустя множество десятилетий опасность применения подобных военных разработок нисколько не утратила своей актуальности. Примером может послужить выраженная МИД Китайской Народной Республики обеспокоенность относительно существования на территории современной Украины биолабораторий, находящихся под контролем Соединенных Штатов Америки [3]. Подобные случаи выступают ярким подтверждением того, что в современности сохраняется угроза разработки и реального применения бактериологического оружия. В этой связи крайне необходимо всегда помнить об историческом опыте, который может стать основой для эффективного урегулирования новых конфликтов и их последствий.

В послевоенные годы одним из наиболее значимых исторических событий являлась череда судебных процессов над политическим и военным руководством стран «оси», совершавшим шокирующие по своим масштабам преступления против человечества. Такие судебные разбирательства проходили под международной эгидой стран-союзников.

Однако и в процессе достижения справедливого правосудия между ними возникали фундаментальные недопонимания.

В рамках проведения Токийского процесса, представлявшего собой трибунал стран Тихоокеанского региона над японскими милитаристами, СССР пришел к пониманию, что Соединённые Штаты Америки имеют корыстную цель приобретения всех сведений и открытий в медицинской сфере, полученных в результате проведения жестоких опытов над людьми. Это выразилось непосредственно в сокрытии части преступников американской стороной в целях их привлечения к работе на собственное государство, поскольку данные лица обладали безупречными образованием и имели внушительный опыт работы.

Таким образом, по результатам процесса в Токио не были разрешены проблемы разоблачения системности японской агрессии с 1904 по 1945 год, наказания всех виновных в совершении военных преступлений лиц, а также совершенно были проигнорированы факты разработки бактериологического и биологического оружия, образцы которых уже были применены на людях [8, с. 169].

Советская сторона, осознавая незавершенность правосудия и необходимость правовой оценки всех деяний, совершенных японскими милитаристами, организовала собственное судебное разбирательство.

Так, в 1949 году был организован Хабаровский процесс, который рассматривал преступления японских милитаристов опосредованно от других стран, оставаясь при этом совершенно открытым [7, с. 77]. Именно это судебное разбирательство впервые в истории фокусировалось на вопросах создания и применения биологического оружия, в отличие от Токийского процесса, где данные вопросы были проигнорированы. Также данный процесс выявил ужасающие по своим масштабам военные преступления, выражавшиеся в экспериментах над людьми, массовом уничтожении военнопленных и мирных жителей, а также планомерности японской агрессии на территории всего Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Заинтересованность советской стороны объяснялась непосредственностью их военного взаимодействия с японской экспансией. Более того, немаловажным является факт выполнения СССР своих союзнических обязательств по вступлению в войну с Японией, взятых им на Ялтинской конференции в феврале 1945 года. В результате прямых боестолкновений и постепенного продвижения вглубь оккупированных территорий северного Китая и Корейского полуострова советская сторона добывала всё больше свидетельств о совершаемых японцами преступлениях как в отношении мирного населения, так и военнопленных, в том числе советских. Множество доказательств и свидетелей были получены путём

отлаженной работы советской разведки Смерш, которая ещё до прямого вступления в войну располагала соответствующими данными [7, с. 78].

Далее советскими органами юстиции была проделана масштабная работа по изучению документации, оставленной японским командованием и чиновничеством на местах, где совершались злодеяния. Дополнительной линией получения доказательств о бесчеловечном отношении милитаристских преступников стали показания целых групп японских, китайских и корейских коммунистов, оказавшихся непосредственными жертвами режима.

В результате обработки всего обширного объема доказательств были выявлены факты масштабных преступлений японских милитаристов, включая эксперименты над людьми, массовое уничтожение военнопленных и мирных жителей, а также разработка и применение бактериологического и химического оружия. В процессе были оглашены протоколы допросов, свидетельствовавших о поставках бактериологического оружия посредством взаимодействия гражданских и военных структур, доказывая причастность к содеянному и политического руководства Японии, в том числе и императора Хирохито, избежавшего в итоге наказания, несмотря на направленную ноту Правительства СССР в отношении Правительства Соединенных Штатов Америки о предании международному суду всего высшего политического и военного командования Японии [4].

Обнаружение и детальное раскрытие этих фактов создало основу для применения к военным преступникам справедливого уголовного наказания. Однако такое не представилось возможным в силу отсутствия в советском законодательстве уголовных составов, всецело охватывающих содеянное. Таким образом, было решено действовать по аналогии, в связи с чем японские милитаристы были осуждены в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года № 19 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [5]. Несмотря на то, что в качестве субъектов таких преступлений не были предусмотрены японцы, советский правоприменитель не усмотрел в этом никакого препятствия, поскольку характер совершенных деяний был соизмерим с тем, что осуществляли на оккупированных территориях и в тылу гитлеровские преступники, а иногда и намного хуже.

Несмотря на холодную войну, результаты Хабаровского процесса имели исключительно положительное влияние на формирование будущей правовой базы международного сотрудничества. Так, материалы указанного процесса легли в основу новой Конвенции о запрещении

биологического оружия от 1972 года, исключающей возможность его производства и применения [1].

Таким образом, Хабаровский процесс возымел значительные историко-правовые и политические последствия. В результате его проведения наказание получили военные преступники-милитаристы, чем была восстановлена справедливость после нескольких десятков лет японской экспансионистской политики по захвату других азиатских стран и жестокому обращению с их населением. Более того, в результате проведенного судебного разбирательства для международного права были заложены основы запрета разработки, создания и применения биологического и бактериологического оружия. Вопреки всем сложностям и двойным стандартам бывших союзников, выразившихся в покрывательстве виновных, СССР сумел самостоятельно с правовой точки зрения оценить содеянное и назначить справедливое наказание.

Список использованных источников:

1. Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1856465/?ysclid=mhrbsyoa3192880598 (дата обращения: 03.11.2025).

2. Лекции о праве и государстве // Конституционный суд Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://www.ksrf.ru/about/chairman/monographs/Lektsii-o-prave-i-gosudarstve.php (дата обращения: 03.11.2025).

3. МИД КНР: военно-биологическая деятельность на Украине вызывает общую озабоченность международного сообщества // Посольство России в Китае. – URL: https://pekin.mid.ru/ru/news/mid_knr_voenno_biologicheskaya_deyatelnost_na_ukraine_vyzyvaet_obshchuyu_ozabochennost_mezhdunarodno/ (дата обращения: 03.11.2025).

4. Нота Правительства СССР Правительству США о предании международному суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии. 1 февраля 1950 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/342633-nota (дата обращения: 03.11.2025).

5. О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников : указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года № 19 // СПС КонсультантПлюс.

6. О принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. 18.12.2024. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1988097/ (дата обращения: 03.11.2025).

7. Плискина, В.Н. За кулисами Хабаровского процесса 1949 года (неизвестные страницы из истории подготовки и проведения Хабаровского процесса) / В.Н. Плискина // Культура и наука Дальнего Востока. – 2023. – № 2 (35). – С. 76–85.

8. Рубцов, Д.И. Правовые результаты Токийского и Хабаровского процессов и их значение в борьбе с современными проявлениями фашизма / Д.И. Рубцов // Петербургские пенитенциарные конференции: материалы комплекса международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15–16 мая 2025 года). – Санкт-Петербург : Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», 2025. – С. 168–172.

9. Трушникова, П.М. Гаагские конференции мира и международное гуманитарное право в XX веке / П.М. Трушникова // Молодежь третьего тысячелетия : сборник научных статей XLIX региональной студенческой научно-практической конференции: в 3 ч., Омск, 01 апреля – 15 мая 2025 года. – Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2025. – С. 177–180.

Тулина Татьяна Ильинична,
студент 1 курса магистратуры
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Страхова С.В.)

СОВЕТСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД НАЦИСТАМИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Масштаб Второй мировой войны был беспрецедентен, а её последствия включали массовые зверства, геноцид и преступления против человечности. В период после окончания войны были предприняты решительные шаги для привлечения виновных к ответственности, что привело к формированию как международных, так и национальных судебных органов. Особое значение имели советские судебные процессы, которые сыграли ключевую роль в закреплении юридической ответственности за преступления, совершенные нацистским режимом.

Целью советских судебных процессов стало возмездие за преступления нацистов против человечности, т. е. судебные процессы были реакцией на зверства немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях. Кроме того, преследовалась и политическая цель – продемонстрировать советскому народу, что преступления нацистов не остались безнаказанными, что способствовало бы укреплению идеологии СССР. Вместе с тем в советское право были введены правовые новации – понятия «преступления против человечности» и «преступления против мира».

Среди ключевых особенностей советских судебных процессов следует отметить:

1. Специфику наказаний: активно стала применяться смертная казнь, а также были введены длительные сроки заключения;

2. Публичность: максимальное освещение процессов в СМИ, организация открытых заседаний для публики;

3. Акцент на свидетельские показания: показания жертв и очевидцев нацистских преступлений;

4. Сочетание юридических и политических аспектов: влияние политической конъюнктуры на ход и приговор процессов;

5. Разнообразие обвинений: предательство Родины, участие в карательных операциях, геноцид мирного населения, экономический ущерб.

Как указывает А.В. Григорьев, «в 1943–1945 годах в СССР проходили судебные разбирательства над коллаборационистами, пособниками нацистов и военными преступниками. Эти процессы имели важное значение для укрепления советской системы правосудия и борьбы с преступностью, связанной с войной. В послевоенный период в 1946 году в Москве был проведён первый крупный процесс – так называемое «Дело о преступлениях немецко-фашистских захватчиков», где рассматривались уголовные дела о преступлениях оккупантов на территории СССР. Эти процессы отличались строгой формой, в качестве доказательств использовались показания свидетелей, документальные доказательства и признательные показания подсудимых» [1, с. 59].

В.И. Кузнецов отмечает, что «в отличие от международных трибуналов, таких как Нюрнбергский, советские суды зачастую использовали политический контекст, что отражалось на обвинениях и приговорах. Важной особенностью было закрепление идеи о «вине» всего нацистского режима и его пособников, а также о необходимости восстановления справедливости и наказания за преступления против советского народа» [2, с. 103]. В результате этих процессов были заложены основы юридической ответственности руководителей и исполнителей за преступления, а также для признания недействительными любых попыток

оправдать преступные действия ссылками на приказы или концепцию «высшей необходимости».

В своей работе А.В. Мельников подчеркивает, что «влияние советских судебных процессов на развитие международного права состояло в формировании концепции международной ответственности, а также в развитии идеи о том, что преступления против мира и человечности требуют международного реагирования. Советские судебные процессы над нацистами подчеркнули необходимость привлечения к ответственности не только отдельных лиц, но и целых режимов, что стало важным элементом в формировании международных правовых норм и заложили основу для развития международного уголовного права» [3, с. 159].

Как показал советский опыт, международное сотрудничество имеет первостепенное значение для борьбы с преступлениями против мира и человечности.

Опыт советских судебных процессов позволил также закрепить принципы индивидуальной ответственности, который заключается в том, что руководители государств и военные командиры несут ответственность за преступления, что стало важным принципом международного права и способствовало отказу от оправданий за совершение преступлений по приказу и концепции «высшей необходимости».

В.В. Римский пишет, что «последним, но не менее важным аспектом является закрепление понятий преступлений против человечности и мира в международном праве. Советские судебные процессы стали важным прецедентом, способствовавшим формированию мировой правовой практики в отношении геноцида, агрессии и преступлений против человечности» [4, с. 72–74]. Эти понятия впоследствии были официально признаны и закреплены в таких ключевых международных документах, как Устав ООН и Римский статут Международного уголовного суда.

Советские судебные процессы над нацистами оказали влияние на национальное право СССР и постсоветских стран, которое выражается в следующем:

– в развитии национальных уголовных кодексов (опыт советских судебных процессов сыграл значительную роль для включения в уголовные кодексы социалистических государств норм о преступлениях против мира и человечности, которые впоследствии были восприняты и законодательствами постсоветских стран);

– в создании правовых механизмов борьбы с международными преступлениями (внутри страны были созданы специальные органы и процедуры для расследования и преследования преступлений международного масштаба, что укрепило правовую систему и повысило её международную интеграцию);

– в образовательном и правовом наследии (судебные процессы стали частью исторического и правового наследия, формируя основы для дальнейшего развития национальных систем правосудия в области международных преступлений, они также способствовали воспитанию правовой культуры, основанной на принципах ответственности и справедливости).

Как отмечает П.В. Юрьев, «правовое и этическое значение советских судебных процессов состоит прежде всего в открытости судебных разбирательств и применении справедливого наказания к изменникам Родины и немецко-фашистским оккупантам. И не менее важным является то, как судебные процессы отразились на общественном восприятии войны и на отношении к нацистам» [5, с. 295].

Правовое и этическое значение судебных процессов над нацистскими преступниками включает:

1. Извлечение уроков из прошлого. Судебные процессы, инициированные СССР против нацистских преступников, стали значимым юридическим и этическим прецедентом для всего мира. Они наглядно продемонстрировали, что за совершенные злодеяния неизбежно последует наказание. Анализ этого исторического опыта помогает лучше понять, как противостоять нынешним проявлениям агрессии и геноцида.

2. Распространение информации. Крайне важно не допускать искажения или преуменьшения значения решений, принятых Нюрнбергским трибуналом, и активно распространять достоверные сведения об истинных результатах Второй мировой войны.

3. Применение наработок советских юристов. Советский Союз первым предложил идею проведения международного судебного процесса над нацистскими преступниками. С самого начала войны советские специалисты активно работали над формированием принципов справедливого правосудия, которые позднее легли в основу Устава Международного военного трибунала.

Итоги Нюрнбергского процесса и советских судебных процессов и сегодня играют важную роль в борьбе с попытками искажения истории и реабилитации нацизма.

Список использованных источников:

1. Григорьев, А.В. История международного уголовного права. М. : Юридическая литература, 2010. – С. 59.

2. Кузнецов, В.И. Советские судебные процессы над нацистами: история и правовые аспекты. М. : Наука, 2015. – С. 103.

3. Мельников, А.В. Международное право и преступления против человечности. СПб. : Издательство СПбГУ, 2012. – С. 159.

4. Римский, В.В. Развитие международного уголовного права: от Нюрнберга до современности. М. : Проспект, 2020. – С. 72–74.

5. Юрьев, П.В. История международных преступлений и правовые механизмы их преследования. СПб. : Юридический институт, 2016. – С. 295.

Турзакова Алиса Сергеевна,
студент 1 курса
Крымского филиала Российского
государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева

(Научный руководитель – Римский Д.О.)

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ПОДВИГАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Великая Отечественная война – это не просто страница в учебнике истории. Это – фундаментальное событие, которое навсегда осталось в памяти нашего народа, сформировало национальный характер и определило вектор развития страны на десятилетия вперед. В сегодняшнем динамичном, а порой и противоречивом мире сохранение правдивой памяти о тех героических и трагических годах – не просто долг перед предками, но и великая сила, являющаяся «фундаментом» для дальнейшего развития суверенной, сильной страны, способной противостоять внешним и внутренним угрозам, а также это фактор развития общества, которое не зависит от стороннего влияния и пропаганды и может отстоять историческую истину, если того потребуют обстоятельства.

Историческая память – это мост, связывающий прошлое, настоящее и будущее. Для России, страны с богатейшей и сложной историей, память о Великой Победе стала одним из ключевых элементов национальной самоидентификации. Такую связь с прошлым можно прочувствовать, читая стихотворения солдат. В этот момент проникаешься их мыслями, переживаниями, болью, которые те испытывали. Невозможно эмпатичному человеку не осознавать ту горечь, с которой писали солдаты, сидя в окопах. Возможно, кто-то скажет: «Разве на войне до стихов?». Но тут и есть отражение нашего менталитета – советские люди старались не падать духом, и даже в самые плохие, темные времена «создавали» для себя источник света – надежду, что все рано или поздно закончится. Их согревала любовь к тем, кто ждет дома, это придавало силы и понимание, что они справятся!

Это хорошо отражено в стихотворении Константина Симонова «Родина» [3, с. 3].

Но в час, когда последняя граната

Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,
Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой ее ты в детстве увидал.
Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.
Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.
Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть… Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

Развивая тему важности сохранения исторической памяти, необходимо понимать – это то, что объединяет людей разных поколений, национальностей, политических взглядов. Подвиг солдата, проливавшего кровь на фронте, труженицы тыла, стоявшей у станка, ребенка, пережившего блокаду, – это общая, неделимая ценность.

Если люди будут знать правдивую историю прошлого, это станет лучшей защитой от её фальсификации и негативного влияния на самосознание народа и его будущее. Чтобы не допустить искажений, нам необходимо изучать достоверные источники и настаивать именно на них. Например, относительно событий Великой Отечественной войны существуют указы Верховного Совета СССР и других органов государственной власти, многие из которых оцифрованы и находятся в общем доступе.

Память о войне помогает осознать особенности культуры, языка, менталитета, национальности.

Возможно, вы слышали такую фразу «Русский – состояние души». К нашей стране это выражение подходит, по моему мнению, идеально. Великая Отечественная война доказала нам, что русский человек силен не только физически, но и духовно. Народ, несмотря на тяжелую военную обстановку, лишения и голод, старался поддерживать атмосферу единства, и я считаю важным упомянуть тут легендарную «Ленинградскую» (Седьмую) симфонию Дмитрия Шостаковича [5, с. 212–219].

Начал Шостакович её писать в блокадном Ленинграде, где 9 августа 1942 г. её исполнил Большой симфонический оркестр Ленинградского радиокомитета вместе с фронтовыми музыкантами. Исполнение в блокадном Ленинграде имело большое значение: симфония должна была наглядно продемонстрировать советским гражданам и всему миру, что Ленинград живёт, борется и сдаваться не собирается.

Важно осознавать, что ценность представляет весь исторический опыт – как позитивный, с его подвигами, победами и удачными преобразованиями, так и негативный, с его поражениями, ошибками и предательствами. Анализ этого многогранного опыта позволяет прогнозировать последствия сегодняшних решений и избежать повторения ошибок прошлого. Яркий пример – память об ужасах нацизма, через которую наш народ прошел сам. Пережитая боль и осознание чудовищных последствий этой идеологии сформировали в обществе устойчивый иммунитет к её повторению.

Именно поэтому так важно передавать историческую правду младшим поколениям. Они не чувствовали на себе тягот войны и не всегда понимают, почему некоторые пути заведомо губительны. Но изучая такие события, как блокада Ленинграда, Смоленское сражение или Крымская операция, они не только осознают силу духа своего народа, но и извлекают главный урок: нацизм и подобные ему идеологии не должны повториться.

Мощь нашего народа в те годы проявлялась в его единении. Бесценен вклад каждого: солдат на передовой, подпольщиков в оккупации, тружеников тыла – женщин, детей, стариков, стоявших у станков, врачей, учителей. Такие истории, как подвиг Зои Космодемьянской или трагический дневник Тани Савичевой, – это не просто страницы прошлого. Это примеры невероятной стойкости и героизма обычных людей, которые в нечеловеческих условиях пытались выжить и совершали гражданские подвиги, ставшие символом эпохи.

Война коснулась почти каждой семьи в Советском Союзе. Миллионы людей теряли своих родных: одни с болью находили имена близких в списках погибших, другие до сих пор ждут весточки о тех, кто навсегда остался в графе «пропавший без вести». Подвиг многих героев был по достоинству оценен государством – они были отмечены боевыми орденами и медалями.

Те, кому посчастливилось застать в живых участников войны или детей того сурового времени, стали хранителями живой памяти. Услышанные из первых уст правдивые истории побудили многих создать семейные хроники и собрать ценные материалы о героях своей семьи. Сегодня эта работа обрела новое дыхание благодаря таким проектам, как сайт «Память народа», где каждый может восстановить боевой путь своего предка.

Каждая такая награда и по сей день хранится в семьях с особым трепетом. Эти ордена и медали стали настоящими семейными реликвиями, которые, передаваясь из поколения в поколение, несут в себе не просто память о подвигах, но и историю мужества простого народа, ценой невероятных усилий отстоявшего свободу своей Родины.

Война нашла своё отражение и в истории нашей семьи – это жизнь и подвиг родного брата моего прапрадеда Карман Никифора Елисеевича.

Родился 19 марта 1906 года в многодетной крестьянской семье в Киевской губернии. Трудовые вехи биографии просты: слесарь, кочегар, подручный, помощник машиниста паровозного депо станции Сталино. Когда война приблизилась к городу, железнодорожники участвовали в эвакуации оборудования предприятий, попал в окружение под Волновахой. Жил с семьей в оккупации. После освобождения Красной армией Донбасса был мобилизован в действующую армию. В 1944–1945 гг. – машинист санитарного поезда, попал в Германию, вывозил раненых.

Военный железнодорожник прошел всю Европу, видел, по его словам, горы пепла сожженных узников фашистских концлагерей, расписался с боевыми побратимами на стене Рейхстага. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». По окончании войны Никифор Елисеевич продолжил работать машинистом паровоза на Донецкой железной дороге. Долгий добросовестный труд ветерана отмечен грамотами и именными часами руководством железной дороги.

Никифор Елисеевич проявлял мужество и отвагу в эвакуации раненых и стал для нашей семьи примером героизма и силы духа. После войны он прожил ещё 50 лет и умер 10 июля 1996 года. Он воспитал двух прекрасных дочек, которые стали педагогами, и одна из них до сих пор воспитывает новое поколение в школе г. Донецка – детей, с 2014 года живущих в войне, но являющихся патриотами своего края, знающими свою историю людьми.

Подвиги во время Великой Отечественной войны – поступки, совершенные невероятно сильными людьми. Мы знаем далеко не о всех, но зато прекрасно знаем, что их делали простые люди.

Совершать подвиги можем и мы. Прямо сейчас наша страна и наши соотечественники нуждаются в нас как никогда. Помощь с тыла – важный шаг для общей победы на СВО, существует много различных способов сохранить жизнь бойцам – плетение сетей, создание окопных свечей и др. Но не стоит забывать про поддержку, написание писем солдатам поднимает им моральный дух, и они вспоминают, что их ждут дома, что страна поддерживает их и гордится ими.

После окончания Великой Отечественной войны прошло 80 лет, сменилось несколько поколений, активно развивается мир в самых разных

отраслях, но что-то в нашем народе остается неизменным. Мы помним – в этом наша сила. Прошлое нашего народа – наше прошлое, и мы должны сделать все, чтобы не повторить старых ошибок, и чтобы память о нем не была утеряна.

Список использованных источников:

1. Исаев, А.В. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в одном томе. Москва : Якорь. – 2019. – 573 с.

2. Поляков, Ю.А. Почему мы победили? О массовом сознании общества в годы войны // Свободная мысль. – 1994. – № 11. – С. 62–76.

3. Симонов, К. Родина. Стихи. (Рисунки И. Наховой и В. Самойлова) // М. : Издательство «Детская литература», 1974. – 61 с.

4. Храмкова, Е.Л. Культура России периода Великой Отечественной войны 1941–1945. Историографические очерки. Самара : Науч.-техн. центр, 2001.

5. Ярустовский, Б.М. Симфонии о войне и мире. – М. : Наука, 1966. – 371 с.

6. Информационная система «Память народа»: сайт. Москва, 2015. URL: https://pamyat-naroda.ru/ (дата обращения: 05.11.2025).

Федотова Дарина Робертовна,
студент 2 курса
Казанского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Ахунов Д.Р.)

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Защита исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории являются одной из стратегических, в том числе внешнеполитических, задач Российской Федерации.

В современных условиях в цифровом пространстве сохраняется возможность навязывания фальшивого взгляда на исторические факты и события, происходящие в Российской Федерации и в мире. Вследствие этого, а также учитывая рост преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, потребность в дезавуировании информационных манипуляций, информационная

безопасность приобретает значимость стратегического национального приоритета.

Вопросы обеспечения безопасности информации государства всецело применимы к не теряющей актуальности в современных условиях угрозе реабилитации нацизма.

Современный методологический аппарат позволяет исследовать явление реабилитации нацизма с позиций уголовно-правовых наук, разрабатывая научно обоснованные меры криминологического предупреждения.

В целях недопущения отрицания фактов, установленных приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге, Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 128-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации введена статья 354, которая определяет ответственность, прежде всего, за публичное оправдание нацистской идеологии.

Судебная статистика отражает устойчивый рост числа уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 354^1 УК РФ, рассматриваемых судами. Если в 2020 г. по данной статье было вынесено 8 приговоров, то к 2024 г. их количество превысило 50. Значительная часть дел связана с квалифицирующими составами данного преступления – реабилитацией нацизма с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Динамика таких преступлений за период с 2022 г. по 2025 г. свидетельствует о росте противоправной активности в цифровом пространстве: в 2022 г. их объём составлял 43% от общего числа осужденных, в 2023 г. их доля выросла до 73%. При некотором снижении в 2024 г. до 58% в первом полугодии 2025 г. их доля достигла 71%.

Анализ судебной статистики указывает на то, что современная трансформация преступности, обусловленная цифровизацией общества и государства, активно затронула реабилитацию нацизма.

В связи с тем, что реабилитация нацизма всё чаще совершается в цифровом пространстве, правоприменительная практика в сфере реализации ст. 354^1 УК РФ определила две взаимосвязанные тенденции – увеличение числа преступлений, совершенных в цифровом пространстве, и значительная вариативность судебных подходов к понятиям «публичность» и «умысел» как значимым элементам состава преступления [3, с. 120].

Одним из значимых препятствий для должного правоприменения выступает недостаточно точная формулировка в диспозиции ст. 354^1 УК РФ субъективной стороны и характера распространения контента.

Для корректной квалификации деяния по ст. 354^1 УК РФ требуется установление прямого умысла на реабилитацию нацизма. В целях разграничения оправдания нацистской идеологии от цитирования

соответствующих материалов без цели оправдания требуется правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, конкретизирующая вопросы квалификации конкретно данных преступлений по субъективной стороне.

Законодателем в диспозиции нормы не конкретизирован признак «публичности», что создает проблемы квалификации деяний в случаях, когда речь идёт о закрытых группах или сообществах с ограниченным количеством участников в социальных сетях [4, с. 336].

Некоторые авторы в качестве пробела отмечают отнесение ст. 354 УК РФ к преступлениям против мира и безопасности человечества, указывая на необходимость её включения в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» как более превентивную меру воздействия [5, с. 109]. Учитывая схожесть признаков деяний, отмечаются проблемы разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 280 и 354 УК РФ [6, с. 83].

Рост количества преступлений в цифровом пространстве обнажил проблему недостаточной законодательно урегулированной процессуальной фиксации, хранения и оценки цифровых доказательств, свойственной не только уголовному судопроизводству, но и иным отраслям процессуального права, например, представляющего интерес контента – от обычного скриншота до протокола осмотра интернет-сайта с участием специалистов.

Таким образом, в современных условиях цифровизации общества, имеющего наряду с положительными явно негативные проявления, предупреждение реабилитации нацизма в цифровом пространстве требует дальнейшего совершенствования и устранения проблем законодательного регулирования и правоприменения в целях повышения состояния защищенности общества и государства. При этом превентивный потенциал применяемых мер, учитывая указанные, а также иные проблемы, обусловлен комплексным характером взаимодействия уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминологических мер, направленных на разработку новых методологических подходов соответственно времени и научно-технологическому развитию общества.

Список использованных источников:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru

3. Уголовно-правовые аспекты борьбы с нацизмом и фашизмом : учебное пособие / А.Г. Брагина, Е.В. Лоос, С.М. Мальков. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. – 120 с.

4. Алмакаев, Р.Н. Признак публичности в уголовном законодательстве: краткий анализ / Р.Н. Алмакаев // Молодой ученый. – 2017. – № 11 (145). – С. 335–338.

5. Зиядова, Д.З., Диева, М.Г. Совершенствование законодательства в сфере обеспечения государственной и национальной безопасности в цифровую эпоху / Д.З. Зиядова, М.Г. Диева // Пробелы в российском законодательстве. Махачкала, 2024. – № 7. – С. 105–111.

6. Скороделова, Е.И. Вопросы правового обеспечения расследования реабилитации нацизма / Е.И. Скороделова // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Тула, 2023. – № 4. – С. 80–87.

7. Решение Девятого Арбитражного апелляционного суда от 26.10.2022 по делу № А40-149845/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 по делу № 5-КГ22-144-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Агапов, П.В., Шевелева, К.В. Ответственность за реабилитацию нацизма: проблемы законодательства и правоприменения / П.В. Агапов, К.В. Шевелева // Роль права в обеспечении благополучия человека : сб. докл. XI Московской юридической недели. М., 2022. – С. 16–22.

Фираго Богдан Игоревич,
студент 1 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Ерёмин А.В.)

АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ ГОРОДА ПРИОЗЕРСКА

Говоря об истории Приозерского района в годы Великой Отечественной войны, необходимо вспомнить, что эта земля, за которую когда-то Российское государство упорно боролось со шведами, была передана Финляндией Советскому Союзу в марте 1940 года, по итогам советско-финской «зимней войны». Город Кякисалми (по-шведски − Кексгольм, а с 1948 года – Приозерск) стал районным центром Карело-Финской ССР [8, с. 179].

Самолеты противника появились над Кякисалми уже в первые дни Великой Отечественной войны, вскоре начались и артиллерийские обстрелы. Жители района были призваны к строительству оборонных сооружений. Части 23-й армии оказали упорное сопротивление финским

войскам, что позволило провести эвакуацию гражданского населения и ценного имущества [2, с. 435]. Тем не менее 21 августа 1941 года финские войска вошли в Кякисалми. Район находился в оккупации в течение трех лет [8, с. 198].

Летом 1944 года начались широкомасштабные действия по освобождению Карельского перешейка. Одним из направлений удара в ходе Выборгско-Петрозаводской наступательной операции был как раз Кякисалми. В результате ожесточенных боев советские войска ликвидировали финский плацдарм на правом берегу Вуоксы, затем форсировали реку и захватили плацдарм на левом берегу, но дальше развить наступление не смогли. Общая ситуация складывалась неблагоприятно для Финляндии, она начала вести с СССР переговоры о мире, и в сентябре 1944 года в Москве было подписано перемирие. Кексгольмский район, а финское название Кякисалми теперь уже не использовалось в документах, вернулся в Карело-Финскую ССР [2, с. 451–458]. Уже через 2 месяца, 24 ноября 1944 года, он стал частью Ленинградской области [2, с. 462].

1 октября 1948 года вышел в свет Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании важнейших населенных пунктов Карельского перешейка. На карте муниципального образования Приозерский муниципальный район немало населенных пунктов, которым присвоены имена героев Карельского перешейка [2, с. 464]. Никто из нас не вправе забыть о подвиге старшего поколения.

В сентябре 1967 года в честь 50-летия Октября общественными организациями города Приозерска было принято решение о создании сквера между улицами Ленина и Калинина. Первая заметка о сквере в газете «Красная Звезда» появилась 7 ноября 1967 года [24]. С 19 по 29 сентября был объявлен декадник по закладке сквера. В 1974–1975 годах, к 30-летию освобождения Приозерского района или к тридцатилетию Победы, в сквере были установлены портреты Героев Великой Отечественной войны, именами которых названы населенные пункты Приозерского района. Этот факт был установлен по сохранившимся фотографиям при помощи сотрудников музея-крепости «Корела», поскольку документальные материалы практически не сохранились.

К сожалению, сегодня Аллеи Героев в сквере 50-летия Октября не существует. Портреты были убраны. Точную причину установить не удалось. Вероятно, написанные маслом изображения героев начали портиться, а финансовых возможностей для их восстановления не нашлось.

Герои Аллеи Героев

Поселок Балаханово назван в честь Героя Советского Союза Дмитрия Александровича Балаханова (1904–1939), батальонного комиссара. Участник советско-финляндской войны. Совершил несколько

подвигов: вынес раненого политработника с поля боя, уничтожил расчёт вражеского пулемёта. Погиб в неравном бою [1, 13].

Поселок Бойцово назван в честь Героя Советского Союза Ивана Никитича Бойцова (1918–1940), красноармейца. В бою первым поднялся в атаку, увлёк за собой товарищей. Во время штурма дота водрузил красный флаг, был ранен, но сражался до последнего патрона [17].

Поселок Борисово назван в честь Героя Советского Союза Александра Михайловича Борисова (1917–1941), старшего сержанта, командира танка. Погиб в тяжёлых боях на подступах к Ленинграду. Имея четыре ранения, не покинул поле боя [12].

Поселок Быково назван в честь Героя Советского Союза Михаила Ивановича Быкова (1903–1940), лейтенанта. В бою принял командование ротой. Двое суток в окружении отбивал атаки противника. Погиб при прорыве укреплённой полосы [18].

Поселок Варшко назван в честь гвардии майора Василия Фроловича Варшко (1920–1944), командира батальона. Участник тяжёлых боёв под Ленинградом. Пал смертью храбрых при штурме стратегической высоты [16].

Поселок Васильево назван в честь Героя Советского Союза Александра Макаровича Васильева (1915–1941), младшего лейтенанта. Совершал дерзкие вылазки в тыл врага. Погиб, вырываясь из окружения [3].

Поселок Громово назван в честь сержанта Павла Ивановича Громова (1909–1941). Погиб в боях на Ленинградском фронте [19].

Поселок Денисово назван в честь лейтенанта Фёдора Ивановича Денисова (1915–1944). Доблестно сражался на Карельском перешейке. Корректировал огонь с переднего края. Погиб на огневом рубеже [14].

Поселок Джатиево назван в честь подполковника Дмитрия Егоровича Джатиева (1909–1944). Прошёл путь от батрака до министра финансов. Погиб во время Вуоксинской операции от прямого попадания снаряда [11].

Поселок Иваново назван в честь Героя Советского Союза Александра Михайловича Иванова (1923–1989), красноармейца-радиста [20].

Поселок Кокорино назван в честь Героя Советского Союза Анатолия Александровича Кокорина (1921–1941), санинструктора. В окружении участвовал в контратаках и спасал раненых. Подорвал себя гранатой вместе с врагами [9].

Поселок Колосково назван в честь гвардии ефрейтора Александра Петровича Колоскова (1919–1944). Погиб в период освобождения Карельского перешейка [6].

Поселок Красноармейское назван в честь 17 красноармейцев, героически погибших в районе деревни Лупра [21].

Поселок Кривко назван в честь капитана Дмитрия Захаровича Кривко (1914–1944), политрука. Его рота отличилась в боях при форсировании Вуоксы. Погиб в ожесточённом бою [10].

Поселок Ларионово назван в честь Героя Советского Союза Георгия Петровича Ларионова (1908–1941), капитана, командира эскадрильи. Опытный лётчик-истребитель. Погиб, обороняя Кексгольм (Приозерск) [4].

Поселок Мельниково назван в честь красноармейца Никиты Ивановича Мельникова (1907–1941), связиста. Погиб в бою [22].

Поселок Петровское назван в честь старшего сержанта медицинской службы Елизаветы Павловны Петровой (1924–1944). Медсестра, вынесла с поля боя десятки раненых. Погибла в бою [15].

Поселок Севастьяново назван в честь Героя Советского Союза Александра Тихоновича Севастьянова (1917–1942), старшего лейтенанта. Совершил первый ночной таран в небе Ленинграда. Погиб, охраняя «Дорогу жизни» [23].

Поселок Степанянское назван в честь Дважды Героя Советского Союза Нельсона Георгиевича Степаняна (1913–1944), гвардии подполковника. Лётчик-штурмовик, совершил свыше 250 боевых вылетов. Погиб в неравном воздушном бою [7].

Поселок Шушино назван в честь Героя Советского Союза Ивана Фёдоровича Шушина (1924–1943), гвардии ефрейтора. Проявил исключительное мужество в боях за высоту «Лось» при прорыве блокады Ленинграда. Погиб, уничтожив вражеский пулемёт и его расчёт [5].

Для восстановления памяти о Героях разработан проект новой Аллеи Героев, которую предлагается разместить в Парке защитников Отечества. Парк был заложен в 2001 году и открыт в 2005 году к 60-летию Победы. В рамках проекта был разработан дизайн 20 информационных стендов, которые предлагается установить вдоль парковых дорожек. Каждый стенд будет содержать портрет Героя, его краткую биографию и описание подвига.

В ходе работы была изучена история первоначальной Аллеи Героев в сквере 50-летия Октября, которая, к сожалению, не сохранилась до наших дней. Были исследованы биографии двадцати Героев, в честь которых названы населенные пункты Приозерского района. Восстановление Аллеи Героев – это наш долг перед памятью тех, кто ценой своей жизни отстоял свободу и независимость Родины. Это важный вклад в патриотическое воспитание молодёжи и сохранение исторической памяти для будущих поколений. Помня прошлое, мы сохраняем будущее.

Список использованных источников:

1. Балаханов, Д.А. // Герои страны [Электронный ресурс]. – URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5692 (дата обращения 20.10.2025).

2. Дмитриев, А.П., Лихой, А.И. Приозерская земля: история и культура. Книга по краеведению. Издание второе, стереотипное. Санкт-Петербург : ИП Комплекс, Приозерск, 2006. 668 с.

3. Дмитриева, Л. Их имена на карте района: Александр Макарович Васильев // Красная звезда. – 1984. – 7 июля. – С. 3.

4. Их имена на карте района: Г.П. Ларионов // Красная звезда. – 1984. – 26 июля. – С. 2.

5. Их имена на карте района: И.Ф. Шушин // Красная звезда. – 1984. – 19 июля. – С. 3.

6. Их имена на карте района: Колосково // Красная звезда. – 1984. – 21 апреля. – С. 3.

7. Их имена на карте района: Н.Г. Степанян // Красная звезда. – 1984. – 17 июля. – С. 2.

8. Краснолуцкий, А.Ю. Приозерск. Санкт-Петербург : Издательство «Крига», 2017. – 768 с.

9. Пашкина, Л. Чекисты в плен не сдаются // Красная звезда. – 1980. – 29 апреля. – С. 2.

10. Пашкина, Л. В памяти навечно // Красная звезда. – 1980. – 17 апреля. – С. 3.

11. Пашкина, Л. Их имена на карте района: Джатиево // Красная звезда. – 1984. – 7 апреля. – С. 3.

12. Пашкина, Л. Их имена на карте района: А.М. Борисов // Красная звезда. – 1984. – 21 июня. – С. 3.

13. Пашкина, Л. Их имена на карте района: Д.А. Балаханов // Красная звезда. – 1984. – 9 июня. – С. 2.

14. Пашкина, Л. Их имена на карте района: Денисово // Красная звезда. – 1984. – 12 апреля. – С. 2.

15. Пашкина, Л. Их имена на карте района: Е.П. Петрова // Красная звезда. – 1984. – 2 июня. – С. 2.

16. Пашкина, Л. Их именами названы: поселок Варшко // Красная звезда. – 1980. – 22 апреля. – С. 4.

17. Поселок Бойцово // Приозерская районная межпоселенческая библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: https://priozersk.47lib.ru/krai/boicov (дата обращения: 21.10.2025).

18. Поселок Быково // Приозерская районная межпоселенческая библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: https://priozersk.47lib.ru/krai/bykov (дата обращения: 21.10.2025).

19. Поселок Громово // Приозерская районная межпоселенческая библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: https://priozersk.47lib.ru/krai/gromovo (дата обращения: 21.10.2025).

20. Поселок Иваново // Приозерская районная межпоселенческая библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: https://priozersk.47lib.ru/krai/ivanov (дата обращения: 21.10.2025).
21. Поселок Красноармейское // Приозерская районная межпоселенческая библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: https://priozersk.47lib.ru/krai/krasnoarmeich (дата обращения: 21.10.2025).
22. Поселок Мельниково // Приозерская районная межпоселенческая библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: https://priozersk.47lib.ru/krai/melnikov (дата обращения: 21.10.2025).
23. Поселок Севастьяново // Приозерская районная межпоселенческая библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: https://priozersk.47lib.ru/krai/sevastynov (дата обращения: 21.10.2025).
24. Приозерску – хорошеть! // Красная звезда. – 1967. – 7 ноября. – С. 6.

Фурсова Софья Равилевна,
курсант 4 курса
Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

(Научный руководитель – Коханец Л.А.)

ФЕНОМЕН ПОСТКОНФЛИКТНОГО ПРАВОСУДИЯ: ЛЕГИТИМАЦИЯ ТРИБУНАЛОВ НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В XX ВЕКЕ

Нюрнбергский процесс занимает особое место в истории XX века благодаря своему исключительному политическому, социальному и правовому значению. Этот международный военный трибунал стал первым примером привлечения высших руководителей нацистской Германии к уголовной ответственности за совершение преступлений против мира, военные преступления и преступления против человечности. Трибунал заложил фундаментальные принципы современного международного уголовного права, создав важный правовой прецедент для последующих процессов над военными преступниками.

Однако до настоящего времени среди учёных-правоведов, историков и представителей юридической практики ведутся дискуссии относительно законности самого Нюрнбергского процесса и правомерности вынесенных решений. Вопросы касаются не только юридического аспекта легитимации суда победителей над побежденными, но и морально-философских оснований применения высшей меры наказания – смертной казни.

Возникает сложная дилемма: с одной стороны, масштаб совершенных нацистским режимом злодеяний требует адекватного возмездия и восстановления справедливости. Преступления против

человечества, массовые убийства мирного населения, геноцид еврейского народа действительно заслуживали сурового осуждения. Но, с другой стороны, применение смертной казни порождает серьезные этические сомнения. Принцип «на насилие насилием» ставит под сомнение гуманизм судебного акта, превращая суд в продолжение насилия, пусть и формально оправданного законом.

Кроме того, смертная казнь как высшая мера наказания является необратимой. Ошибочное осуждение невиновного человека становится непоправимым актом несправедливости, усугубляющим трагедию жертв войны. История знает случаи судебных ошибок, когда позднее обнаруживалась невиновность осужденных, но в случае смертной казни исправить такую ошибку невозможно.

Тем не менее стоит понимать, что любые искажения исторической правды, приводящие к тому, что Нюрнбергский процесс расценивается как «легитимная расправа», недопустимы. Нюрнбергский процесс, пусть и вызывает спорные мнения, а также является сейчас, в условиях информационной войны, объектом пристального внимания, был необходимым и закономерным шагом. Ведь фашизм, а также вытекающие из него преступления против человечества – это худшее, что могло случиться с человеческой цивилизацией. Поэтому игнорировать подобное было невозможно [4, с. 416].

Хотя смертная казнь как высшая мера наказания и вызывает определенные сомнения, с моральной и правовой точек зрения сам Нюрнбергский процесс был обоснованным.

Рассмотрение всех совершенных военных преступлений того времени как самых тягчайших и беспрецедентных – это единственно верная позиция. Нацистский режим сам по себе в рамках Нюрнбергского процесса стал объектом жесткого порицания.

Международный военный трибунал руководствовался следующим принципом: использование доказательств никоим образом не должно было зависеть от формальностей. Иными словами, допускалось применение любых материалов, обладавших доказательной силой и признанных убедительными соответствующими органами.

Безусловно, рассмотрение указанного принципа исключительно сквозь призму юриспруденции порождает ряд существенных вопросов. Вместе с тем представляется очевидным, что всесторонняя оценка Нюрнбергского процесса невозможна лишь в одной правовой плоскости. Данное историческое событие требует комплексного осмысления, охватывающего правовые, политические и исторические аспекты одновременно. Соответственно, отсутствие жесткой формализации можно легко объяснить тем, что, во-первых, сам по себе процесс был очень масштабным и беспрецедентным; во-вторых, речь шла о преступлениях против человечества

и основополагающих ценностей человеческой цивилизации. Эти злодеяния затрагивали не столько безопасность отдельных индивидов или национальных государств, сколько фундаментальную стабильность и будущее всего мирового сообщества [3, с. 4].

Кроме того, в ходе Нюрнбергского процесса были предприняты все необходимые меры для того, чтобы обеспечить безопасность подсудимых. Этот шаг является свидетельством того, что в рамках Нюрнбергского процесса не просто осуществлялась «расправа», а было выстроено именно легитимное правосудие, которое позволило максимально подробно выяснить и установить обстоятельства, при которых совершались преступления, а также решить вопрос о виновности каждого, кто был привлечен к ответственности.

Некоторые лица были в результате оправданы, к другим применены достаточно гуманные меры наказания, такие как пожизненное заключение и длительное лишение свободы. Смертная казнь как высшая мера наказания, конечно, тоже применялась. Однако нельзя сказать, что по отношению к обвиняемым применялись без разбора жесткие меры наказания [2, с. 64].

Наряду с Нюрнбергским процессом, ставшим знаковым этапом послевоенного правосудия, важное значение приобрел Токийский трибунал, выступивший площадкой для привлечения к ответственности лидеров Японской империи. Отличительной чертой данного процесса стало применение принципов англосаксонской правовой модели. На скамье подсудимых оказались представители военно-политической элиты Японии, которым были предъявлены серьезные обвинения в совершении преступлений против мира и человечности, широкомасштабных военных преступлений, среди которых особое место занимало систематическое истребление военнопленных и массовые казни гражданского населения оккупированных территорий. Одной из значительных трудностей расследования стала целенаправленная ликвидация значительной части документальных материалов, проведенная обвиняемыми перед капитуляцией Японии. Эта мера серьезно затруднила сбор доказательной базы и повлияла на полноту раскрытия обстоятельств инкриминируемых деяний. Характерно, что ни один из подсудимых не выразил признания своей вины, последовательно отвергая выдвинутые обвинения и настаивая на отсутствии преступного характера в своих действиях.

Процесс действительно имел определенные недостатки, поскольку в нем не участвовали ни нейтральные стороны, ни представители бывших колоний, что свидетельствовало о существенном перекосе. Помимо этого, нельзя игнорировать очевидное нарушение принципа равенства сторон, проявившееся в неравноправии позиций защиты и обвинения. Важно подчеркнуть, что речь шла именно о военных преступлениях и

преступлениях против человечности, что само по себе подразумевает особую степень общественной опасности и ответственности.

Ещё одним примечательным судебным процессом, который решал Трибунал, стал процесс в отношении бывшей Югославии. Совет Безопасности ООН организовал Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года (МТБЮ) резолюцией 827 (1993) от 25 мая 1993 г., основной целью было поставлено нахождение и привлечение к ответственности всех виновных лиц [1, с. 294].

Таким образом, можно прийти к следующим основным выводам:

– деятельность трибуналов по осуществлению правосудия действительно носила легитимный характер, это обуславливалось не просто соблюдением определенных правил, а скорее, спецификой процессов, которая, в свою очередь, вытекала из их исторической, социально-политической и правовой действительности;

– военные преступления – это действительно тяжкие и недопустимые деяния, которые требуют особой, наиболее жесткой реакции, причем со стороны всего мирового сообщества;

– на сегодняшний день возникает вопрос относительно моральных аспектов – насколько вообще допустимо отвечать на насилие таким же насилием. Данный вопрос лежит в правовом и философском поле и до конца его вряд ли можно решить. Тем не менее, когда речь идет о преступлениях против человеческой цивилизации, стоит действовать очень быстро и жестко;

– сегодня, в условиях информационной войны, историческая правда зачастую искажается. Легитимация трибуналов и в особенности Нюрнбергский процесс становятся нередко объектами искаженных оценок. Тем не менее их пересмотр в таком ракурсе недопустим. Скорее, целесообразно изучать данную проблематику для того, чтобы сделать необходимые выводы и не допускать ошибок прошлого.

Список использованных источников:

1. Корякин, К.Д., Васильев, К.Е. Международные уголовные (военные) трибуналы: анализ эффективности и компетентности / К.Д. Корякин, К.Е. Васильев // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 11 (227). – С. 292–295.

2. Мельситов, В.В., Чернышева, С.А. Уроки Нюрнберга и современность / В.В. Мельситов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – № 1. – С. 62–68.

3. Олейник, Н.А. К вопросу о соотношении государственного суверенитета и юрисдикции Международного военного трибунала /

Н.А. Олейник // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 10. – С. 1–11.

4. Тимофеева, А.А., Сурикова, А.А. Нюрнбергский процесс в аспекте современной политики / А.А. Тимофеева, А.А. Сурикова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – № 2(23). – С. 415–417.

Хочуев Алим Даниялович,
студент 1 курса
Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Яковлев К.Л.)

СИМВОЛИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРАСНОДАРСКОГО ПРОЦЕССА 1943 ГОДА

Вторая мировая война оставила после себя не только разрушенные города и миллионы погибших, но и глубокую нравственную рану, потребовавшую восстановления справедливости. Одним из первых шагов на этом пути стали открытые судебные процессы над нацистскими преступниками и их пособниками, проведенные Советским Союзом ещё до окончания войны. Эти процессы, проходившие под лозунгом «Без срока давности», стали не только актом возмездия, но и важным историческим свидетельством, документирующим ужасы нацизма. Данная работа посвящена анализу одного из таких процессов – Краснодарскому процессу июля 1943 года, его историческому контексту, ходу и значению на основе документов, представленных в сборнике «Без срока давности. Том 1», и других источников.

Краснодарский процесс, состоявшийся 14–17 июля 1943 года, стал первым в СССР открытым судебным процессом над нацистскими военными преступниками и их пособниками [1, с. 105]. Его проведение стало возможным благодаря целенаправленной политике советского руководства по документированию преступлений нацистов. Ещё в 1942 году была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков [1, с. 70]. Её задачами были «полный учет злодейских преступлений нацистов и причиненного ими ущерба советским гражданам и социалистическому государству», а также установление личности преступников [1, с. 12].

Правовой основой для процесса стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [1, с. 76]. Этот указ вводил смертную казнь через повешение и каторжные работы сроком до 20 лет для лиц, виновных в зверствах против мирного населения.

Краснодарский процесс рассматривал преступления, совершенные оккупантами и их пособниками в Краснодаре и Краснодарском крае в период с августа 1942 по февраль 1943 года. На скамье подсудимых оказались одиннадцать человек, в основном советские граждане, служившие в гестапо и вспомогательной полиции. Среди них были И.А. Ремчалов, Н.С. Пушкарев и другие [1, с. 106–141].

Центральное место в обвинении заняли два страшных преступления:

1. Массовые казни советских граждан с использованием «душегубок» – специально оборудованных автомобилей, в которые подавался выхлопной газ. Только в Краснодаре таким образом было убито не менее 7 тысяч человек [1, с. 121].

2. Уничтожение пациентов Краснодарской краевой психоневрологической больницы. Свидетель Н.Н. Макарова на процессе показала, как немцы и их пособники вывозили больных, которые затем были умерщвлены [1, с. 128].

Следствие собрало многочисленные доказательства: протоколы допросов свидетелей и обвиняемых, акты судебно-медицинской экспертизы, вещественные доказательства. Так, в протоколе допроса обвиняемого Ремчалова от 10 июня 1943 года подробно описано, как он лично участвовал в арестах и казнях советских граждан, а также как работала система «душегубок» [1, с. 121–123]. Судебно-медицинская экспертиза, проведенная 29 июня 1943 года, подтвердила факт массовых убийств и характер смертей [1, с. 140].

17 июля 1943 года Военный трибунал Северо-Кавказского фронта вынес приговор. Восьмерых подсудимых, включая Ремчалова и Пушкарева, приговорили к смертной казни через повешение. Трое получили длительные сроки каторжных работ [1, с. 218]. Приговор был приведен в исполнение публично на центральной площади Краснодара, что стало мощным символическим актом возмездия и предупреждения для других пособников оккупантов.

Краснодарский процесс имел огромное историческое значение.

- Юридический прецедент: он стал первым в мире открытым процессом, на котором подробно рассматривались преступления нацистов против мирного населения, включая использование «душегубок». Это был важный шаг в формировании международного правосудия, предвосхитивший Нюрнбергский трибунал.
- Политический резонанс: процесс широко освещался в советской и зарубежной прессе. Он демонстрировал решимость СССР бороться с нацизмом до конца и наказывать всех виновных, независимо от их национальности и статуса.
- Моральный акт: для советского народа, пережившего ужасы оккупации, этот процесс стал актом восстановления справедливости и

подтверждением того, что преступления не останутся безнаказанными. Он показал чудовищную сущность нацистской идеологии, направленной на уничтожение целых народов.

Как отмечает историк С.В. Кудряшов в историческом предисловии к сборнику, эти процессы были призваны не только покарать виновных, но и «внести в научный оборот новые материалы из российских архивов», чтобы противостоять попыткам искажения истории [1, с. 8].

Краснодарский процесс 1943 года стал одним из первых, но громких голосов правосудия, зазвучавших в ответ на беспрецедентные зверства нацизма. Он продемонстрировал, что даже в условиях жесточайшей войны возможно и необходимо вершить суд, основанный на законе и доказательствах. Документы, представленные в сборнике «Без срока давности», являются неопровержимым свидетельством чудовищных преступлений, а сам процесс – важным уроком истории. Этот урок напоминает нам о необходимости сохранять память о жертвах, бороться с попытками реабилитации нацизма и защищать ценности человечности и справедливости, чтобы ужасы прошлого никогда не повторились.

Список использованных источников:

1. Без срока давности. Документы открытых судебных процессов над нацистскими преступниками и их пособниками, проведенных СССР в 1943–1947 гг.: сб. док. Т. 1. 1941–1943 / отв. ред. А.В. Юрасов. – М. : Фонд «Связь Эпох», 2025. – 376 с.

2. Суд народов: сб. док. о преступлениях фашизма / под ред. Р.А. Руденко. – М. : Юридическая литература, 1986. – 352 с. (Использован для контекста о Нюрнбергском процессе).

Хубаев Артем Аланович,
курсант 1 курса
Московской академии Следственного
комитета имени А.Я. Сухарева

(Научный руководитель – Солодовникова А.В.)

ВОЙНА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЙ О ПОДВИГЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА

В условиях информационного многообразия и потенциальных угроз искажения истории возрастает роль социальных медиа в формировании и трансляции исторической памяти, а также необходимость сохранения и укрепления патриотического сознания.

Великая Отечественная война – это нравственный стержень, на котором держится наша национальная идентичность. Подвиг советского

народа является неиссякаемым источником гордости и примером высшего мужества. В эпоху стремительных цифровых трансформаций, когда информация распространяется мгновенно, а формы её восприятия претерпевают кардинальные изменения, особую актуальность приобретает вопрос сохранения, укрепления и передачи этой священной памяти. Нынешнее поколение несет на своих плечах ответственность за то, чтобы эхо героического прошлого звучало в сердцах будущих поколений, чтобы подвиг миллионов не был забыт. В этом контексте средства массовой коммуникации открывают новые возможности для сохранения и укрепления памяти о прошлом. Они превращаются в мощный инструмент, способный как сберечь, так и при отсутствии должного контроля изменить память о войне. Исследование практик сохранения памяти о подвигах советского народа в цифровом пространстве становится гражданским долгом. Необходимо понять, как на просторах Интернета сохраняется истина о героизме, как молодежь воспринимает наследие предков, и как мы можем эффективно противостоять попыткам обесценить или переписать историю.

Многие сегодня плохо знают историю нашей страны, им неизвестно, какой вклад внесла армия в нашу жизнь и существование сегодняшнего поколения. Зато они знают, как хорошо жить за рубежом, ни разу не побывав там. Откуда? Например, по голливудским фильмам, которые удачно выполнили свою миссию, погрузив людей в виртуальный мир. Они не знают, как в годы Великой Отечественной войны люди стояли в очередях ради хлеба и кусочка сахара, им неведомы эти горести и чувства утраты. Они не понимают, почему наши войска вели военные операции в Сирии, почему сейчас наша страна ведет боевые действия на территории Украины.

Молодёжь берёт за источники мужества вымышленных героев, совсем позабыв и даже порой не зная наших. Многие не в состоянии ответить, кто такой Георгий Константинович Жуков, что это великий советский полководец, маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа». Примеров проявления героизма существует огромное множество. Все должны помнить подвиг Зои Космодемьянской – партизанки, попавшей в плен, несмотря на пытки верившей в победу и призывавшей товарищей не сдаваться. Александр Матросов, который закрыл своим телом амбразуру, что позволило его товарищам уничтожить пулемет и взять деревню. Иван Кожедуб – трижды Герой Советского Союза, один из самых результативных советских летчиков-асов, совершил 330 боевых вылетов, сбил 64 самолета противника [1].

Так почему же молодёжь мало знает своих героев? Причиной является тот факт, что современное общество превратило информацию в базовый параметр. Она может усилить и ослабить роль государства и общества. Общественное мнение сейчас играет большую роль в условиях возрастания объема информации. Эта зависимость

усиливается в условиях открытой модели общества. Отсюда возникает необходимость отстаивания своих ценностей. Это касается, в первую очередь, оценки событий Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Так, в 1944 году под руководством Артура Харриса Англия начала военную операцию «Лишение крова», которая ставила перед собой задачу систематического уничтожения немецких городов. Удары наносились не по военным объектам, а по мирному населению, что было ужасающим средством достижения цели – сломить моральное сопротивление немцев и ускорить их падение [2, с. 45]. Самыми масштабными по разрушительной силе стали авиабомбардировки г. Дрездена. Впоследствии высшее руководство многих стран послевоенного периода не считало ковровые бомбардировки военным преступлением.

До рождения Интернета ведение информационной войны ограничивалось доступом к традиционным средствам массовой информации. С появлением всемирной сети границы между «информационными территориями» исчезли. Большую роль в Интернете играет общение в форумах, блогах и комментариях. Дискуссии усиливают индивидуальность человека и сопричастность к событиям, поэтому через них наиболее эффективно можно внедрять необходимые идеи. С появлением Интернета политические оппоненты получили больше возможностей для вторжения в чужое пространство и проведения там своих операций. Информационная война как коммуникативная технология воздействует на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями. Фальсификацию истории Второй мировой и Великой Отечественной войн нельзя назвать кратковременной. Она покушается на наши базовые ценности. Ещё А.С. Пушкин говорил, что нельзя прощать «клеветников России», кто «способен мазать грязью священные страницы наших летописей», «издеваться над гробами праотцев» [3, с. 679].

Иностранные государства не оставляют попыток изменить национальный код русского народа, лишить его основных черт, таких как патриотизм, ответственность за свой род, свою Родину. Стараются сделать так, чтобы мы забыли о своей великой истории и уподобились жителям Запада с их нетрадиционными устоями, которые идут наперекор нашим русским традициям и пониманию о добре и зле. Предпринимают они эти попытки также через средства массовой информации.

Так как же противостоять процессам деградации и сохранить свой национальный код? Уже сегодня молодёжные патриотические группы переживают всплеск популярности. Ярким примером может послужить Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия», созданное в 2016 г., которое ставит перед собой задачи патриотического воспитания и подготовки молодёжи к защите страны. Поддержка таких групп в перспективе и приведёт к сохранению

национального кода и продвижению патриотических идей и течений у молодёжи России [4].

Главным этапом сохранения исторического кода русского народа является продвижение бойцов специальной военной операции. Они сегодня являются примером и источником героизма, патриотизма и настоящей любви к своей Родине. Эти великие люди могут и хотят продвигать свои идеи по развитию нашего государства, так как они видели все изнутри и понимают, как нивелировать несовершенства. Наше государство понимает это и создает программы по их поддержке. Программа «Время Героев» является системой, обучающей ветеранов современным методам и технологиям управления и служащей ступенью по формированию новой элиты в Российской Федерации [5].

Исследование практик сохранения и передачи памяти о подвигах советского народа в цифровую эпоху показывает, что память о Великой Отечественной войне – это живой процесс, который адаптируется к современности. Социальные медиа стали полем для борьбы за историческую правду, где наряду с сохранением исторической памяти, к сожалению, случаются и искажения истории. Подвиг советского народа вызывает отклик у миллионов: патриотические инициативы, цифровые архивы и воспоминания ветеранов помогают сохранить нашу историческую память. Это – источник гордости и моральный ориентир для современного человека. Наша задача – научить новое поколение помнить и понимать важность этого подвига.

Список использованных источников:

1. Дзюбан, В.В. Великая Отечественная война (1941–1945) и современность: подвиги героев нашей родины / В.В. Дзюбан // Архонт. – 2020. – № 2 (17). – С. 4–8.

2. Рау Иоганн, Абсаттаров Раушанбек, Кошербаев Жанболат. «Уничтожение морали»: ковровые бомбардировки Германии западными державами в годы Второй мировой войны // Современная научная мысль. – 2015. – № 6. – С. 44–56.

3. Романова, Е.А., Антонович, А.В. Информационные войны: фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войны / Е.А. Романова, А.В. Антонович // Science Time. – 2015. – № 4 (16). – С. 675–680.

4. Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия». – URL.: https://yunarmy.ru/ (дата обращения 08.11.2025).

5. Высшая школа государственного управления «Время Героев». – URL: https://времягероев.рф/ (дата обращения 08.11.2025).

Цуканов Павел Антонович,
студент 2 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

ПРАВОСУДИЕ ПАМЯТИ: ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКИХ ПРОЦЕССОВ НАД НАЦИСТАМИ НА СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ О ПОДВИГЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ

В последнее время прослеживается устойчивая тенденция к переосмыслению итогов Второй мировой войны рядом политических сил, стремящихся трактовать исторические события в соответствии со своими идеологическими интересами. Всё чаще можно наблюдать попытки искажения фактов в целях уменьшения решающей роли Советского Союза в разгроме нацистской Германии.

Во многих европейских государствах принимаются заявления, резолюции и законы, которые смещают акцент с осуждения нацизма на обобщённое осуждение так называемых «тоталитарных режимов». Одновременно в странах Балтии и ряде западноевропейских государств набирают силу неонацистские настроения. В Латвии, Литве и Эстонии официально поддерживаются объединения, состоящие из бывших солдат войск СС.

Игнорирование преступлений нацизма приводит к серьёзным последствиям, что отчётливо проявляется на территории современной Украины, где в условиях информационного противостояния предпринимаются попытки оправдания нацистской идеологии. Подобные тенденции фиксируются и в Российской Федерации, где отмечаются случаи реабилитации нацизма и роста числа правонарушений, связанных с этой сферой.

По мере того как события Второй мировой войны уходят всё дальше в прошлое, а количество её очевидцев уменьшается, усиливается активность неонацистских движений и их сторонников. Они стремятся внедрить свои идеи в общественное сознание, в том числе воздействуя на молодое поколение.

В своей статье я хотел бы проанализировать деятельность органов прокуратуры на примере своего региона.

Прокуратура Краснодарского края проводит ряд мероприятий, направленных на сохранение исторической памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

На протяжении всей своей истории кубанская прокуратура славилась сотрудниками. 11 сентября 2015 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски, посвящённой ветеранам прокуратуры Краснодарского края – участникам Великой Отечественной войны. Это – выражение глубокого уважения и благодарности тем, кого уже нет рядом с нами. Война осталась в прошлом, но их имена навсегда останутся в памяти поколений. Особенно значимо это сегодня, когда всё чаще звучат попытки возродить фашистскую идеологию, исказить историю Великой Победы и очернить подвиг героев, прошедших через ужасы войны.

В декабре 2020 г., принимая во внимание изложенное, заместитель прокурора Краснодарского края принял решение об отмене постановления о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу и о передаче уголовного дела в следственные органы Следственного комитета РФ для организации дальнейшего расследования. Таким образом, у всех преступлений, совершенных фашистами на территории нашей страны, нет срока давности. Приведённый пример ещё раз это подтверждает [4, с. 105].

В рамках реализации проекта «Без срока давности» органы прокуратуры Краснодарского края провели работу по установлению фактов геноцида советского народа на территории региона. Для этого были проанализированы архивные документы и материалы, содержащие сведения о массовом уничтожении мирных советских граждан и военнопленных.

Изучение архивов показало, что нацистские оккупанты осуществляли систематическое истребление больных, инвалидов и детей, которых в Третьем рейхе считали «непригодными для жизни».

Нельзя не упомянуть о трагической судьбе 214 воспитанников Ейского детского дома для детей-инвалидов, со дня гибели которых 10 октября 2025 года исполнилось 83 года. В период с 9 по 10 октября 1942 года немецкое командование вывезло их в специальных машинах-«душегубках» за пределы города Ейска. Все дети погибли внутри машин от отравления угарным газом.

14–17 июля 1943 года в Краснодаре состоялся первый в стране судебный процесс о преступлениях немецко-фашистских захватчиков и их пособников, действовавших на территории города и края. Впоследствии в Краснодаре прошёл ряд аналогичных судебных процессов [2, с. 34].

Из других архивных документов, изученных прокуратурой, следует, что 20 сентября 1943 года нацисты доставили 40 детей в военный госпиталь в Темрюкском районе, где размещались раненые немецкие офицеры. По приказу начальника госпиталя у детей насильно брали кровь, после чего они скончались.

Работа по установлению преступлений нацистов продолжается и сегодня. В 2021 году в ходе расследования уголовного дела о геноциде советского народа были проведены раскопки в селе Новомихайловском и в

районе между городом Темрюком и станицей Голубицкой, где обнаружены останки мирных жителей, погибших во время оккупации.

Благодаря широким полномочиям, предоставленным законодателем органам прокуратуры Российской Федерации, прокуратуре Краснодарского края удалось в июле 2022 года в судебном порядке признать преступления, совершенные на территории Краснодарского края, военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза.

Материалы прокурорской проверки, рассмотренные Краснодарским краевым судом, подтверждают, что в период оккупации Кубани немецкие оккупационные власти и их пособники намеренно истребили более 48 тысяч мирных граждан, включая свыше 9 тысяч детей и более 9 тысяч военнопленных. Более 129 тысяч человек были насильственно угнаны на принудительные работы в Германию и другие страны.

Решением Краснодарского краевого суда от 25 июля 2022 года удовлетворены требования прокурора об установлении юридически значимого факта в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц – родственников и потомков мирных жителей и военнопленных, погибших на территории Краснодарского края от рук немецко-фашистских захватчиков и их пособников. Это решение вступило в законную силу.

Память о событиях Великой Отечественной войны и её героях остается неотъемлемой частью исторического сознания российского общества. В условиях современных попыток пересмотра итогов Второй мировой войны, искажения роли Советского Союза в разгроме нацизма и распространения неонацистских идей деятельность органов прокуратуры по сохранению правды о тех событиях приобретает особое значение.

Работа прокуратуры Краснодарского края в рамках проекта «Без срока давности» является ярким примером системной и целенаправленной деятельности, направленной на восстановление исторической справедливости и защиту памяти о жертвах геноцида советского народа. Установление фактов преступлений, совершенных нацистскими оккупантами на территории региона, признание их актами военных преступлений и преступлений против человечности – это не только правовая, но и нравственная обязанность перед погибшими и будущими поколениями.

Исторические примеры, такие как трагедия воспитанников Ейского детского дома, ужасы концлагерей и массовые расстрелы мирных жителей, служат напоминанием о том, к каким последствиям приводит человеконенавистническая идеология. Осмысление этих событий помогает обществу противостоять любым проявлениям нацизма, экстремизма и попыткам фальсификации истории.

Таким образом, деятельность прокуратуры Краснодарского края подтверждает, что преступления фашизма действительно не имеют срока давности. Сохранение исторической правды и передача её подрастающему

поколению — это важнейший вклад в укрепление национальной идентичности, воспитание патриотизма и недопущение повторения трагических страниц истории.

Список использованных источников:

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. [Электронный ресурс] : официальный сайт / Генеральная прокуратура РФ. – Москва, 2025. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/e5954056/ (дата обращения: 23.10.2025).

2. Степаненко, С.Г. Судебное и внесудебное преследование пособников немецко-фашистских оккупантов в Краснодарском крае в 1943–1965 гг. / С.Г. Степаненко // Социально-гуманитарный вестник: Межвузовский сборник научных статей. Выпуск 2. – Краснодар : Краснодарский центр научно-технической информации, 2009. – С. 33–44.

3. Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР. – Москва : 2025. С. 6–12.

4. Шкурова, П.Д. Организация деятельности прокуратуры на Кубани в годы Великой Отечественной войны / П.Д. Шкурова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 97–106.

Чунихина Кира Германовна,
студент 2 курса
Луганского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Ермолова Е.В.)

ИДЕОЛОГИЯ НЕПРИНЯТИЯ НАЦИЗМА В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СМИ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «НЮРНБЕРГ», 2023)

В статье рассматривается идеология непринятия нацизма в советской культуре и современных российских медиатекстах, отражающих преемственность антифашистских ценностей. На примере художественного фильма «Нюрнберг» (2023 г.) анализируются способы репрезентации советского исторического описания, сохранения коллективной памяти о борьбе с нацизмом. Особое внимание уделено

взаимодействию художественного вымысла и документальной основы. Делается вывод, что культурная традиция непринятия нацизма выступает не только как часть исторической политики, но и как важный элемент нравственного самоопределения общества.

Идеология непринятия нацизма в СССР сформировалась в ходе Великой Отечественной войны и последующего Нюрнбергского процесса, став краеугольным элементом советского мировоззрения и государственной политики памяти [2]. Уже в первые послевоенные десятилетия тема борьбы с фашизмом закрепилась в литературе, кинематографе, изобразительном искусстве и журналистике. Она определяла моральную структуру советского общества, задавала координаты «своего» и «чужого», добра и зла.

Ключевая функция этого повествования состояла в формировании моральной устойчивости граждан, особенно молодого поколения. Через художественные произведения и средства массовой информации советская власть стремилась не только закрепить историческую правду о войне, но и сформировать у населения устойчивое отторжение любых проявлений фашистской идеологии [3]. В этом проявлялся воспитательный потенциал советской культуры, где память о войне превращалась в нравственный императив.

Современные российские произведения, обращающиеся к теме Нюрнбергского процесса, не просто воспроизводят хронику событий, но и переосмысливают советский гуманистический взгляд на войну. Фильм «Нюрнберг» (реж. Н. Лебедев, 2023 г.) является примером культурной преемственности, где советская идеология непринятия нацизма сохраняется, но поддается в обновленной эмоционально-психологической форме [4].

Картина основана на исторических фактах и судебных документах Нюрнбергского процесса 1945–1946 гг., но акцент делается не на юридической процедуре, а на человеческом измерении зла. Центральным образом становится советский переводчик Игорь Волгин, который становится свидетелем столкновения идеологий – фашистской, оправдывающей преступления, и советской, утверждающей верховенство морали над насилием [5]. Через внутренний конфликт героя режиссёр демонстрирует, что непринятие нацизма в советской культуре – это не только политическая позиция, но и личный нравственный выбор.

Художественный язык «Нюрнберга» во многом наследует традиции советского кино 1960–1980-х гг., где антифашистская тема всегда имела глубокое моральное звучание [6]. Подобно фильмам М. Ромма «Обыкновенный фашизм» (1965) или Ю. Озерова «Освобождение» (1969–1971), лента Лебедева использует приём документального воссоздания судебного процесса, чередуя кадры реконструкции и подлинные хроники.

Эта форма повествования выполняет воспитательную функцию, зритель не просто наблюдает за судом над нацизмом, но и становится свидетелем морального суда над идеологией зла. Таким образом, фильм продолжает традицию советского кино как инструмента просвещения и формирования гражданской ответственности [1].

Одновременно авторы фильма вводят в повествование элементы психологической драмы: личные переживания героев, их сомнения и нравственный выбор становятся зеркалом коллективной совести. Подобная гуманизация образов делает идею непринятия нацизма не только государственной, но и глубоко человеческой [5].

Советская система массовой коммуникации целенаправленно формировала у граждан устойчивое отторжение нацистской идеологии. Газеты, журналы, радио и кино выполняли функцию идеологического и нравственного воспитания. После Нюрнбергского процесса в центральной прессе регулярно публиковались материалы о ходе суда, о признаниях нацистских преступников, о гуманистической позиции советских прокуроров.

Советская журналистика трактовала Нюрнберг как «первый международный суд совести человечества» [3]. Эта интерпретация сохраняется и в фильме «Нюрнберг» (2023), где сцены судебных заседаний подчеркнуто сняты как драматическое столкновение добра и зла, а не просто юридическая процедура. Таким образом, кино становится продолжением журналистики, визуальной формой общественной памяти, хранящей идеологию неприятия фашизма [4].

Фильм «Нюрнберг» актуализирует образ советского человека как носителя морального долга и правды. Герои картины, представляющие советскую сторону, действуют не из мести, а из чувства справедливости и ответственности перед человечеством. В этом проявляется преемственность советской идеи гуманизма, восходящей к идеалам победы в Великой Отечественной войне и к принципам Нюрнбергского трибунала [5].

Во время судебных заседаний поведение прокурора подчеркивает советское понимание справедливости как высшей формы гуманизма. Он обращается к суду с осознанием исторической ответственности: «Перед судом стоят не просто люди, а сама идеология, которая оправдывала истребление». Его речь – не только юридический документ, но и моральное обвинение целой системы – фашистского мировоззрения, построенного на ненависти и презрении к человеку.

Каждый его вопрос, каждое замечание во время допроса – это попытка заставить подсудимых и свидетелей взглянуть в глаза правде, признать человеческую вину, а не только политическую ответственность. Он не унижает обвиняемых, не повышает голос, но в этом спокойствии ощущается сила убеждения, уверенность в правоте дела, которое он представляет.

Характерной чертой его поведения является строгая дисциплина, этическая выдержанность и интеллектуальная точность. Он ни на минуту не забывает, что представляет советский народ, страну-победительницу, заплатившую страшную цену за освобождение мира от нацизма. Его жесты сдержанны, взгляд прям, речь выверена. Всё это создаёт образ человека, который не только выполняет служебную роль, но и действует из чувства

глубинного морального долга. Он не просто обвиняет – он судит от имени истории, от имени всех, кто не дожил до этого суда.

Особенно выразительно поведение прокурора проявляется в сцене допроса свидетеля – бывшего немецкого офицера. Здесь он ведёт себя с подчеркнутым достоинством, не позволяя процессу превратиться в эмоциональную расправу. Его вопросы короткие, точные, но каждая фраза наполнена моральным смыслом.

В отличие от некоторых зарубежных участников трибунала, изображенных в фильме как прагматичные политики, для советского прокурора этот процесс имеет глубоко личное и национальное значение. Он выступает не только как представитель государства, но и как человек, осознающий цену победы и боль утрат. Его строгое, собранное поведение – отражение уважения к памяти жертв и к самому акту суда. Он не позволяет себе проявлений злобы, не демонстрирует эмоциональных всплесков, но за его внешней сдержанностью чувствуется колоссальное внутреннее напряжение и нравственная решимость. Это визуальное воплощение принципа: «Суд не должен мстить, он должен утверждать справедливость» [1].

Советская культурная традиция, продолжаемая в фильме, показывает, что идеология непринятия нацизма не ограничивается осуждением конкретных преступлений – она включает в себя этическую установку на сохранение человеческого достоинства и памяти [8].

Восприятие фильма «Нюрнберг» в российском обществе в 2023–2024 гг. показало, что тема Нюрнбергского процесса остается актуальной как инструмент сохранения исторической правды. В современных условиях информационных конфликтов и попыток ревизии истории советская традиция антинацизма вновь приобретает мобилизующее значение [7].

Публикации в отечественных СМИ подчеркивали, что фильм не является ретроспективным проектом, а обращен к настоящему: он предупреждает о недопустимости оправдания фашизма в любых его проявлениях [6]. В этом контексте современный кинематограф выступает как средство культурной безопасности, продолжая линию советской идеологии – идеологии памяти, гуманизма и неприятия зла.

Идеология непринятия нацизма, сложившаяся в советской культуре, представляет собой не только историческое наследие, но и живой элемент современной гуманистической идентичности. Фильм «Нюрнберг» (2023) подтверждает, что моральные ориентиры советского времени – уважение к жертве, осуждение насилия, вера в силу закона – сохраняют актуальность и сегодня.

Через синтез документальности и художественного вымысла кино возрождает традицию морализаторского повествования, где суд над нацизмом становится символом вечного противостояния добра и зла. Таким образом, советская идеология антифашизма трансформируется, но

не исчезает: она продолжает выполнять воспитательную и объединяющую функцию, формируя у общества нравственный иммунитет к идеологиям ненависти [8].

Список использованных источников:

1. Ромм, М.И. Обыкновенный фашизм: сценарий и комментарии. – М. : Искусство, 1965. – 192 с.

2. Прокофьев, А.М. Нюрнбергский процесс и советская идеология антифашизма. – М. : Наука, 1981. – 215 с.

3. Кузнецова, Е.В. Журналистика и память: образы Нюрнберга в советских СМИ / Е.В. Кузнецова // Вестник МГУ. Серия 10: Журналистика. – 2019. – № 2. – С. 44–52.

4. Лебедев, Н. (реж.) Нюрнберг [фильм]. – Россия: Централ Партнершип, 2023. – 137 мин.

5. Соколова, Т.П. Советский человек как образ гуманизма в военном кинематографе / Т.П. Соколова // Искусствоведение и культура. – 2020. – № 4. – С. 89–95.

6. Иванов, С.А. Медиаобраз войны в современной России. – СПб. : Алетейя, 2022. – 312 с.

7. Гаврилова, Н.И. Антифашизм как элемент культурной идентичности России. – М. : МГУКИ, 2023. – 164 с.

8. Смирнов, А.П. Память, гуманизм и идеология: советская традиция в современном кинематографе. – М. : Издательство Юрайт, 2024. – 198 с.

Шачинова Милена Владимировна,
студент 2 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС 1949 ГОДА: СОВЕТСКИЙ ТРИБУНАЛ НАД ЯПОНСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Хабаровский процесс 1949 года по делу японских военных преступников представляет собой существенный, но всё ещё обойденный вниманием исследователей фрагмент истории как международного, так и отечественного права. Признаваемый в качестве одного из знаковых судебных процессов XX века, он имеет равный с Нюрнбергским и Токийским трибуналами статус в части осуждения лиц, виновных в

развязывании глобального военного конфликта. Несмотря на это, вердикты Хабаровского процесса не получили признания со стороны мирового сообщества в 1949 году, а сам он на протяжении десятилетий оставался на периферии внимания иностранных юристов, международных экспертов и профессиональных историков [5, с. 89].

Осмысление Хабаровского процесса в контексте историко-правовой науки является важной задачей, поскольку оно проясняет позицию СССР в процессе формирования миропорядка после войны и выработки единых критериев правосудия. Это, в свою очередь, даёт инструментарий для проведения аналогий с действующими моделями международного уголовного преследования и оценки сохранения ключевых юридических начал. Помимо этого, международная ценность упомянутого трибунала остается чрезвычайно востребованной в современных условиях, что связано с непрекращающейся разработкой и практическим применением биохимического оружия незаконными военными группами, нередко при поддержке официальных научных учреждений различных государств [4, с. 66].

Создание этого трибунала было направлено на осуждение японских военных преступников, причастных к деятельности отряда № 731 и других схожих формирований по созданию и применению биологического оружия, что являлось грубейшим попранием международно-правовых норм [2, с. 1300].

В 1935–1936 гг. в Японии были созданы секретные подразделения – отряды № 731 и № 100, занимавшиеся разработкой бактериологического оружия против СССР и других стран. В их лабораториях проводились жестокие эксперименты на людях – в основном на китайцах, маньчжурах и советских гражданах, включая военнопленных и участников антияпонского сопротивления. Использовались возбудители чумы, холеры, сибирской язвы, тифа и других смертельно опасных инфекций.

Отряд № 731 располагал целым военным комплексом с лабораториями, полигоном и авиационным подразделением. Под руководством Киоси Кавасимы здесь проводились опыты на живых людях: зараженных лечили лишь для повторного использования в исследованиях, а вскрытия нередко выполнялись на ещё живых жертвах. По официальным данным, с 1940 по 1945 г. в отряде погибло не менее 3 тыс. человек; по свидетельствам бывших сотрудников, число жертв было значительно выше.

Биологическое оружие применялось и в боевых условиях: в 1939 г. японцы сбросили патогены в реку Халхин-Гол, в 1940–1941 гг. – распространили чуму в китайских городах и провели испытания у Хайлара. Существуют предположения, что деятельность этих отрядов способствовала распространению клещевого энцефалита на Дальнем Востоке [6, с. 194].

Осуществляя освободительные действия, СССР констатировал факты преступной деятельности японских завоевателей на территории Маньчжурии. На основании проведенного расследования был подготовлен судебный процесс, вошедший в историю как Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками, получивший в историографии название «Нюрнберг на Амуре» [1, с. 61], [3, с. 37].

Особую роль в подготовке Хабаровского процесса 1949 года сыграл юрист Лев Николаевич Смирнов, имевший значительный опыт участия в международных военных трибуналах. Будучи помощником Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко на Нюрнбергском процессе, а затем – на Токийском трибунале, он хорошо разбирался в методах сбора доказательств и ведения подобных судебных разбирательств. На Хабаровском процессе Смирнов выступал в качестве государственного обвинителя [7, с. 51].

Все подсудимые были признаны судом виновными. Суд установил, что японские империалисты целенаправленно готовились к развязыванию агрессивной войны против Советского Союза и других государств с применением бактериологического оружия, что влекло за собой угрозу катастрофических последствий для всего человечества. В процессе подготовки к биологической войне они совершили чудовищные преступления, уничтожив тысячи граждан Китая и СССР в ходе бесчеловечных экспериментов и намеренно вызвав вспышки смертельных эпидемий среди мирного населения Китая.

Суд вынес обвиняемым приговоры, назначив наказание в виде лишения свободы на срок от двух до двадцати пяти лет. На тот момент смертная казнь в СССР была отменена – соответствующий указ был издан Президиумом Верховного Совета СССР 26 мая 1947 года. Лица, осужденные на короткие сроки, полностью отбыли назначенное наказание и впоследствии были репатриированы на родину. Те же, кому был назначен длительный срок заключения, были возвращены в Японию в 1956 году в рамках всеобщей амнистии.

Хабаровский процесс 1949 года стал первым в истории случаем осуждения на государственном уровне преступлений, связанных с разработкой и применением биологического оружия. С юридической точки зрения он имел принципиальное значение: помимо вынесения приговоров конкретным лицам, трибунал вскрыл саму систему организации этих злодеяний, заложив тем самым основу для будущих международных запретов на биологическое оружие. Процесс установил важный правовой прецедент – впервые была юридически закреплена ответственность за ведение биологической войны.

Осуждение японских военных за создание и использование бактериологического оружия стало значимым шагом в формировании

международно-правовых норм, что позже нашло отражение в конвенциях ООН по запрещению биологического и химического оружия. Кроме того, Хабаровский процесс укрепил ключевой принцип международного уголовного права – неотвратимость наказания за преступления против человечности, оказав влияние на развитие современных механизмов международного правосудия.

Политическое значение процесса также было огромным. В условиях, когда на Токийском трибунале (1946–1948) западные державы сознательно игнорировали преступления отряда № 731, СССР через Хабаровский процесс восстановил историческую справедливость и продемонстрировал приверженность принципам международного гуманитарного права. В отличие от Токио, советский суд тщательно задокументировал и квалифицировал действия японских спецподразделений как грубейшие нарушения международных норм.

Таким образом, значение Хабаровского процесса выходит далеко за рамки отдельного судебного разбирательства. Он остается важным историческим уроком в области защиты прав человека, обеспечения международной безопасности и противодействия безнаказанности за военные преступления. Особенно актуален этот прецедент сегодня – в условиях растущих угроз биотерроризма и усилий по укреплению режима запрета оружия массового уничтожения.

Список использованных источников:

1. Бастрыкин, А.И. Подготовка к Хабаровскому процессу и его значение для международного права / А.И. Бастрыкин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – С. 61–69.

2. Дегтярь, А.В., Киселева, Н.В. Хабаровский процесс 1949 г. над японскими военными преступниками / А.В. Дегтярь, Н.В. Киселева // Вестник науки. – 2025. – № 6 (87). – С. 1299–1306.

3. Ким, С.П. Против воинствующих поджигателей войны: архивные материалы об организации Хабаровского процесса / С.П. Ким // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2022. – С. 37–69.

4. Лазарева, Т.С. Хабаровский процесс 1949 года: трагедия прошлого и уроки для будущего / Т.С. Лазарева // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. – 2021. – № 3 (92). – С. 66–72.

5. Никитенко, М.Г., Донбров, Г.К. Хабаровский процесс: ни давности, ни забвения / М.Г. Никитенко, Г.К. Донбров // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2021. – № 3 (107). – С. 89–95.

6. Ноговицын, П.П. Историко-правовой анализ Хабаровского процесса 1949 г. // В сборнике: Эволюция российского права. Материалы

XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург, 2022. – С. 194–199.

7. Стародубова, Г.В., Иванов, Ю.А. Право, рожденное революцией / Г.В. Стародубова, Ю.А. Иванов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 8–53.

Шевченко Алина Вячеславовна,
учащаяся 11 класса МБОУ
«Школа-гимназия № 10
им. Э.К. Покровского»

(Научный руководитель – Кубанов О.С.)

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД НАЦИСТАМИ, РАСКРЫВАЮЩИЕ ЖЕСТОКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С МЕДИЦИНСКИМИ ЭКСПЕРИМЕНТАМИ НАД ЛЮДЬМИ

Важный аспект судебных процессов над нацистскими преступниками – медицинские эксперименты над людьми. Эта тема заслуживает особого рассмотрения.

Медицинские эксперименты нацистов – одна из самых мрачных страниц истории. Они поднимают сложные моральные и правовые вопросы, которые остаются актуальными до сих пор.

Советские судебные процессы над нацистами, в частности, Харьковский процесс 1943 года и последующие процессы, стали не только актами возмездия за совершенные злодеяния, но и важными историческими свидетельствами.

В ходе этих процессов мир впервые услышал о масштабах и бесчеловечности медицинских экспериментов, проводившихся в концентрационных лагерях.

Особое внимание уделялось показаниям выживших узников, которые подвергались бесчеловечным экспериментам: замораживанию, заражению болезнями, хирургическим операциям без анестезии. Эти свидетельства, звучавшие в зале суда, стали обвинительным актом против нацистской идеологии, отрицавшей фундаментальное право человека на достоинство и жизнь.

Обвинения против нацистских медиков, в том числе с описанием бесчеловечных экспериментов, звучали ещё на Международном военном трибунале – в частности, им было посвящено несколько заседаний в конце лета 1946 года.

Нацистскую идеологию проводили в жизнь врачи, материализовывая «чистоту расы». Доктора из СС, обслуживающие концентрационные лагеря,

были важным элементом системы убийств. Они налаживали конвейер фабрики смерти от начала до конца: от селекции на железнодорожной платформе и до утилизации тел. Практически все, происходившее в лагерях смерти, не обходилось без контроля и участия врачей.

Среди таких фабрик убийств были Аушвиц – крупнейшая медицинская «лаборатория» Третьего рейха – Бухенвальд, Дахау, Нойенгамме, Равенсбрюк.

Свидетельства, доказывающие виновность немецких врачей в преступлениях против человечности, были опубликованы в ходе Нюрнбергского военного трибунала.

Большую роль в обвинении сыграли обнаруженные личные архивы главы рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Большая часть зверств была тщательно зафиксирована нацистами в письменном виде, на фотографиях и кинопленках. В разных тайниках были обнаружены тысячи документальных доказательств, поэтому представленные на суде факты не подлежали отрицанию.

После того как Международный военный трибунал в Нюрнберге завершил работу, в том же Дворце правосудия прошло ещё двенадцать судебных процессов над нацистскими преступниками. Историки называют их «малыми Нюрнбергами». Первым стал суд над нацистскими врачами с 9 декабря 1946 года по 20 августа 1947 года. Подсудимые обвинялись в убийствах «неполноценных» заключенных, медицинских экспериментах над людьми без их согласия, а также принудительной стерилизации. Именно после этого процесса появились современные принципы проведения медицинских опытов, известные как Нюрнбергский кодекс.

На протяжении военных лет нацисты осуществляли десятки массовых «опытов», описание которых походит на сценарий для фильма ужасов. И невозможно понять, как врачи, призванные спасать жизни и исцелять страдающих, могли превратиться в безжалостных садистов и хладнокровно мучать безвинных людей.

Официально эти жестокие эксперименты должны были способствовать открытию новых методов лечения немецких военнослужащих от ранений, полученных в бою, а также развитию новых видов оружия, чтобы применять его против врагов Германии.

Прокуроры классифицировали эти опыты по одиннадцати основным пунктам и семи дополнительным, которые упоминались в подпараграфах обвинения.

В период Второй мировой войны нацисты проводили ужасные медицинские эксперименты на заключенных в концлагерях, включая лагеря в Прибалтике и Польше. Ужасающие медицинские эксперименты, проводившиеся нацистами во время Второй мировой войны, в основном в концентрационном лагере Дахау.

Эти эксперименты, проводившиеся такими врачами, как Зигмунд Рашер и Ганс Эппингер, были направлены на достижение различных целей, включая:

• проверку устойчивости к холодной погоде: заключенных помещали в ледяную воду, чтобы исследовать, сколько времени они могут выжить;

• эксперименты с инфекционными заболеваниями: заключенные подвергались заражению различными болезнями, чтобы оценить эффективность вакцин и методов лечения;

• хирургические эксперименты: подобные операции проводились без анестезии, что вызывало невыносимую боль и страдания;

• воздействие перепадов давления: исследование влияния экстремальных высот на человеческий организм, предположительно для улучшения условий полетов немецких пилотов;

• малярия: поиск вакцин и лекарств от малярии путем принудительного заражения заключенных и тестирования на них различных препаратов;

• морская вода: исследование способов получения питьевой воды из морской, вероятно, для нужд немецких военно-морских сил.

Также упоминаются эксперименты, связанные с регулированием человеческого роста, для которых использовались дети.

Эти эксперименты были проведены на здоровых людях, часто молодых (до 45 лет), а также на детях, и привели к мучительной смерти, инвалидности и психическим расстройствам у подавляющего большинства участников. Действия нацистских врачей в Дахау и других лагерях являются ярким примером чудовищных военных преступлений и преступлений против человечности.

Вот некоторые из них:

Чтобы проверить, как пилот германских люфтваффе может на большой высоте покинуть подбитый самолет, а потом выжить в холодной морской воде, в концлагере Дахау провели целую серию экспериментов над заключенными. С февраля по май 1942 года в камере пониженного давления имитировали падение с высоты в 21 километр – около 80 из 200 подопытных погибли. С августа по декабрь людей погружали в ледяную воду, исследуя реакции их организма, – не стало 90 человек. С 1940 по 1944 год узников «угощали» морской водой, то обессоливая её, то добавляя большое количество витамина С, – врачи хотели проверить, в каком случае вода станет более пригодной для питья. Здесь погибших не было, хотя согласия у заключенных, конечно, никто не спрашивал.

В концлагере Натцвайлер-Штрутгоф исследовали влияние на людей горчичного газа (иприта) и фосгена – химического оружия, которое активно применялось в Первую мировую войну. Подопытным капали на руку жидкостью или заставляли вдыхать газ, а потом лечили обожженную

кожу, пытаясь найти наиболее эффективное противоядие. Из 220 советских, польских и чешских узников погибли не менее 50.

Живыми жертвами нацисты не ограничивались – в «научных» целях они создали целую коллекцию человеческих тел. В августе 1943 года в газовой камере Натцвайлер-Штрутгофа убили 86 специально отобранных еврейских женщин и мужчин. «Выставка» из черепов должна была наглядно продемонстрировать превосходство «арийской расы».

Но самым массовым и чудовищным нацистским «экспериментом» стала программа «Т-4». По этому замыслу предполагалось «подвергнуть эвтаназии» более 100 тысяч «ущербных» людей – психически больных, умственно отсталых и наследственно отягощенных, в том числе младенцев. Таким образом не только повышали «чистоту расы», но и избавлялись от «лишних» едоков, которые по состоянию здоровья не могли работать. «Этот больной за время жизни обходится народу в 60 000 рейхсмарок. Гражданин, это и твои деньги!» – гласил пропагандистский плакат конца 1930-х. И хотя из-за многочисленных протестов план «Т-4» не реализовали полностью, его жертвами стали десятки тысяч людей.

«Главным образом в ходе разбирательства на процессе выяснились масштабы насильственного и принудительного умерщвления людей, а также реализации программы «Т-4», то есть уничтожения людей по психологическому и физическому состоянию», по той же программе узников массово стерилизовали в концлагерях Аушвиц, Равенсбрюк, Бухенвальд и других. Экспериментаторы пытались найти наиболее простой и быстрый метод стерилизации: в ход шли и хирургическая кастрация, и рентгеновские лучи, и лекарственные препараты. Физические и психические увечья получили тысячи заключенных.

В числе других преступлений, подробно разбиравшихся на процессе, – эксперименты с заражением малярией, эксперименты с нервной регенерацией и трансплантацией костей, эксперименты с вирусным гепатитом, эксперименты с разработкой вакцин от тифа и других болезней, эксперименты с ядом и эксперименты с зажигательными бомбами. Среди опытов, не описанных в основной части обвинения, упоминались эксперименты с флегмонами, эксперименты с полигелем, эксперименты с фенолом и планы по массовому уничтожению польских граждан, больных туберкулёзом.

Хабаровский процесс 1949 года стал логическим продолжением Нюрнбергского трибунала, но сфокусировался на преступлениях японской армии против человечности, в частности, на подготовке и использовании бактериологического оружия.

В центре внимания оказались эксперименты над людьми, проводимые отрядом № 731 и другими подразделениями императорской армии.

В ходе процесса были представлены убедительные доказательства, свидетельствующие о систематическом и жестоком характере этих экспериментов. Подсудимые, занимавшие высокие посты в японской военно-медицинской службе, признали свою вину в организации и проведении опытов, в результате которых погибли тысячи военнопленных и гражданских лиц, главным образом китайцев, русских и корейцев.

Отличительной особенностью Хабаровского процесса стало то, что Советский Союз, несмотря на наличие неопровержимых доказательств, не стал требовать смертной казни для всех обвиняемых. Это решение, как полагают историки, объяснялось тем, что часть материалов о бактериологических разработках японцев попала в руки советских ученых, которые использовали их для развития собственных программ.

Процесс в Хабаровске стал важным шагом в разоблачении преступлений японского милитаризма и привлек внимание мировой общественности к ужасам бактериологической войны. Несмотря на то, что приговоры были относительно мягкими, процесс имел значительное моральное и политическое значение, подтвердив недопустимость методов ведения войны, связанных с массовым уничтожением людей.

Судебные процессы над нацистскими врачами, такими как Карл Клауберг и Йозеф Менгеле (заочно), выявили научный цинизм и моральное разложение, которые лежали в основе этих преступлений. Эти процессы показали, что научный прогресс, лишенный моральных ограничений, может стать инструментом массового уничтожения.

Раскрытие медицинских экспериментов нацистов на советских судебных процессах сыграло важную роль в формировании международного права в области прав человека и медицинской этики. Они послужили предостережением о необходимости постоянной бдительности в отношении злоупотреблений наукой и важности защиты человеческого достоинства в любых обстоятельствах.

Материалы Хабаровского процесса остаются ценным источником информации о преступлениях японской армии в годы Второй мировой войны. Они дают представление о масштабах и характере экспериментов над людьми, проводимых в отряде № 731 и других подразделениях, и служат напоминанием о необходимости предотвращения подобных злодеяний в будущем.

Эти судебные процессы имели огромное значение не только для юридического преследования виновных, но и для сохранения исторической памяти. Публичное обсуждение этих преступлений способствовало осознанию обществом глубины морального падения нацистского режима и необходимости бороться с любыми проявлениями расизма, ксенофобии и дискриминации.

Документы и свидетельские показания, представленные на Харьковском и других подобных процессах, стали ценным историческим и научным материалом. Они легли в основу многочисленных исследований, посвященных истории нацизма, Второй мировой войны и вопросам медицинской этики. Эти материалы продолжают служить важным источником информации для исследователей, юристов и историков, помогая предотвратить повторение подобных трагедий в будущем.

Следует отметить, что, несмотря на значительный вклад советских судебных процессов в разоблачение злодеяний нацистов, тема медицинских экспериментов долгое время оставалась относительно малоизвестной широкой общественности. Только в последние десятилетия благодаря усилиям историков, журналистов и документалистов эта страница истории получила более широкое освещение и стала предметом более глубокого осмысления.

В заключение стоит подчеркнуть, что советские судебные процессы над нацистскими преступниками, раскрывшие миру ужасающие детали медицинских экспериментов над людьми, стали важным этапом в борьбе за справедливость и права человека. Они не только привлекли к ответственности виновных, но и способствовали формированию международного права и этических норм, направленных на защиту человеческого достоинства и предотвращение злоупотреблений наукой. Память об этих событиях должна служить постоянным напоминанием о необходимости бдительности и защиты фундаментальных прав человека в любых обстоятельствах.

Раскрытие чудовищных преступлений, связанных с медицинскими экспериментами, важно не только для достижения справедливости в отношении жертв, но и для предотвращения подобных преступлений в будущем.

Знание и понимание этих событий помогает формировать моральные и правовые нормы в международной практике, а также поддерживает память о тех, кто страдал.

Список использованных источников:

1. Коновалова, В.А., Числова, В.А., Петухова, Т.Н. Нюрнбергский процесс и судебные процессы над японскими преступниками / В.А. Коновалова, В.А. Числова, Т.Н. Петухова // Технологии образования. – 2023. – № 2 (20). – С. 155–163.

2. Проект «Без срока давности»: http://безсрокадавности.рф, http://rf-poisk.ru/project/25/ (дата обращения: 02.11.2025).

Шубских София Александровна,
студент 2 курса
Луганского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Ермолова Е.В.)

ЭТИКА ПРАВОСУДИЯ И МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ В СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ НАД НАЦИСТАМИ

В статье рассматриваются морально-правовые основания решений советских военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Анализируются границы между возмездием как эмоциональной реакцией на злодеяния и правосудием как юридически выверенной процедурой, основанной на принципах законности и гуманизма. Особое внимание уделено примерам, демонстрирующим, как в экстремальных условиях войны суды стремились сохранить этическое равновесие. В заключительной части проведена параллель с современными судебными практиками Луганской Народной Республики, где также встаёт вопрос соразмерности наказания и гуманистического измерения правосудия.

Военные трибуналы Советского Союза в годы Великой Отечественной войны представляли собой органы правосудия, действующие в условиях чрезвычайной обстановки. Они были созданы для рассмотрения дел о преступлениях военнослужащих, военнопленных, гражданского населения, а также для оперативного реагирования на угрозы государственной и общественной безопасности [2]. Их деятельность регулировалась Положением о военных трибуналах от 22 июня 1941 года и рядом последующих указов Верховного Совета СССР, которые уточняли их полномочия и процессуальные особенности.

В этот период судопроизводство несло не только юридическую, но и воспитательную функцию: необходимо было поддерживать дисциплину, моральный дух армии, подавлять предательство и панические настроения. Вместе с тем возникала дилемма – где проходит грань между справедливым возмездием и местью, продиктованной эмоциями? Советская правовая система стремилась исключить субъективные мотивы при вынесении приговоров, несмотря на массовые разрушения, гибель мирных граждан и жестокость противника.

В условиях тотальной войны советские военные судьи нередко оказывались перед сложным нравственным выбором. Им необходимо было сочетать требования правосудия и морального долга перед народом, понёсшим огромные жертвы. Однако исторические документы и архивные материалы свидетельствуют, что даже в этих обстоятельствах трибуналы старались соблюдать принципы законности. Так, в 1943 году Военным трибуналом Сталинградского фронта было отказано в удовлетворении требования командира части о немедленном расстреле подозреваемых в

измене до завершения следствия, поскольку «вина должна быть доказана, а не предположена» [4, с. 107]. Этот случай стал символом того, что даже в условиях тотального насилия государство сохраняло ориентир на юридическую процедуру.

Возмездие – естественная реакция общества на преступление, особенно если речь идёт о преступлениях против человечности. Однако в правовом государстве оно должно быть уравновешено принципом гуманизма и справедливости [7, с. 11]. Советские трибуналы, несмотря на тяжесть совершённых преступлений, не превращались в органы коллективной мести. В большинстве случаев они выносили решения, основанные на нормах Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, с учётом степени вины, обстоятельств дела и характера участия обвиняемого.

К примеру, в 1945 году военным трибуналом был рассмотрен процесс над бывшими полицаями, служившими оккупационной администрации на территории Белоруссии. Хотя общественность требовала смертной казни для всех обвиняемых, суд принял решение индивидуализировать ответственность: двое получили высшую меру наказания, остальные – длительные сроки лишения свободы [5, с. 19]. Суд мотивировал своё решение тем, что часть подсудимых была вынуждена вступить в полицию под угрозой расправы и не участвовала в убийствах гражданского населения. Это решение стало прецедентом, показывающим, что правосудие может оставаться морально взвешенным даже в условиях общественного давления.

Таким образом, в советской судебной практике того времени прослеживается установка на то, что правосудие должно быть актом не возмездия, а восстановления нравственного равновесия, когда наказание является способом утверждения справедливости, а не инструментом удовлетворения эмоций.

После окончания войны советские военные трибуналы продолжали рассматривать дела о военных преступлениях, включая процессы над нацистскими коллаборационистами и военными преступниками. Одним из наиболее известных был процесс в Хабаровске (1949), где судили японских офицеров Квантунской армии за использование бактериологического оружия против мирного населения [3, с. 236]. Несмотря на общественное возмущение, трибунал отказался от смертных приговоров, ограничившись длительными сроками лишения свободы. Это решение было продиктовано не мягкостью суда, а стремлением показать, что советская система правосудия стоит выше мести – она действует на основе международных и гуманистических принципов.

Даже при вынесении приговоров лицам, виновным в массовых убийствах и жестоких экспериментах, сохранялся элемент юридической этики. Подобная практика формировала доверие к советскому правосудию и укрепляла его авторитет в международном масштабе [4].

Современная история показывает, что аналогичные нравственные и правовые вопросы возникают и в новых конфликтах. Так, на территории

Луганской Народной Республики, где с 2014 года ведутся военные действия, в судебной практике также встаёт вопрос о соотношении возмездия и правосудия.

Примером может служить дело 2024 года, когда Луганским гарнизонным военным судом был осуждён один из военных, причастный к убийству мирных жителей в Лисичанске. Несмотря на общественный запрос на максимальное наказание, суд учёл смягчающие обстоятельства: добровольное признание вины, помощь следствию, раскаяние. В итоге приговор был ограничен длительным сроком лишения свободы без применения исключительной меры. Суд мотивировал решение необходимостью сохранить правовой и моральный характер правосудия, подчеркнув, что «возмездие не должно превращаться в акт мести» [6, с. 38].

Этот случай показал, что даже в условиях военного конфликта возможно проведение судебного процесса, в котором приоритет отдаётся праву, а не эмоциям. Судебные органы ЛНР, действуя в тесном взаимодействии с законодательством Российской Федерации, демонстрируют преемственность советской правовой традиции, где основой является законность и гуманизм, а не репрессивная жестокость.

Судебная практика показывает, что подлинное правосудие невозможно без этической рефлексии. Эмоциональное возмездие способно удовлетворить общественное чувство справедливости лишь на короткий срок, но в долгосрочной перспективе подрывает легитимность суда [8]. Советские военные трибуналы продемонстрировали способность удерживать правовую рамку даже в ситуации крайнего насилия. Их пример актуален и сегодня, когда в судебных системах республик Донбасса встают вопросы, связанные с военными преступлениями и необходимостью сохранения нравственного баланса [6, с. 46].

Гуманистическая направленность правосудия предполагает, что наказание должно не только восстанавливать справедливость, но и оставлять возможность для нравственного переосмысления вины. Этим определяется грань между правосудием и местью: если первое стремится к восстановлению общественного порядка, то второе – лишь к воздаянию. В этом заключается основное этическое различие, которое продолжает оставаться актуальным в судебной практике и правовой философии XXI века [7, с. 14].

Деятельность советских военных трибуналов демонстрирует сложный моральный выбор между возмездием и правосудием. Даже в условиях войны и массовых страданий государство стремилось сохранить верховенство закона [5, с. 17]. Эта традиция продолжает своё развитие и в современных судебных институтах Луганской Народной Республики, где в процессе осуждения военных преступников делается акцент на доказательности, индивидуализации вины и гуманистических принципах.

Этическая граница между местью и правосудием остаётся тонкой и подвижной, но именно соблюдение законности и внутреннего морального самоконтроля судей позволяет обществу не скатиться в хаос возмездия. В

этом проявляется истинное значение правосудия – утверждение справедливости через гуманизм и право [7, с. 63].

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. – М. : Юридическая литература, 1946. – 254 с. // [Электронный ресурс] – URL: https://duma.consultant.ru/documents/ (дата обращения: 25.10.2025).

2. Положение о военных трибуналах и прокуратуре СССР от 22 июня 1941 г. – Собр. законов СССР. – 1941. – № 24 // [Электронный ресурс] – URL:https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_22.06.1941_№_9/160 (дата обращения: 25.10.2025).

3. Хабаровский процесс 1949 года: сборник документов. – М. : Госюриздат, 1950. – 312 с. // [Электронный ресурс] – URL: https://khabarovsk1949.rusarchives.ru/?ysclid=mhpjfa7m7z905565120 (дата обращения: 25.10.2025).

4. Звягинцев, А.Г., Орлов, Ю.Г. Трибуналы справедливости. – М. : Олмапресс, 2005. – 416 с. // [Электронный ресурс] – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/ysclid (дата обращения: 25.10.2025).

5. Иванов, С.А. Этические основы советского правосудия в годы Великой Отечественной войны / С.А. Иванов // История государства и права. – 2023. – № 7. – С. 12–19 // [Электронный ресурс] – URL: https://urait.ru/book/istoriya-otechestvennogo-gosudarstva-i-prava-536841 (дата обращения: 23.10.2025).

6. Ответственность за преступления против мира и безопасности человечества: материалы научно-практического семинара (Москва, 26.04.2023) / Университет прокуратуры РФ, НИИ; при участии Главной военной прокуратуры. – М., 2023. – 90 с. // [Электронный ресурс] – URL: https://agprf.org/userfiles/ufiles/nii/2023/pdf. (дата обращения: 26.10.2025).

7. Кузнецов, А.В. Гуманизм и право: границы наказания. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2020. – 178 с. // [Электронный ресурс] – URL: https://www.gramota.net/article/hss20121926/pdf (дата обращения: 23.10.2025).

Шуваева Марина Олеговна,
студент 2 курса
Дальневосточного юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Лобач Д.В.)

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ СССР В НЮРНБЕРГСКОМ ТРИБУНАЛЕ

Нюрнбергский процесс, проведенный в период с 1945 по 1946 год, представляет собой уникальное и исторически значимое событие в контексте развития международного права, поскольку он стал первым судебным трибуналом, рассматривавшим военные преступления, преступления против человечности и мира. В статье 6 Устава Международного военного трибунала была закреплена универсальная юрисдикция, предусматривающая индивидуальную ответственность за бесчеловечные деяния, совершенные против гражданского населения до или во время Второй мировой войны, а также военные преступления [8, с. 219]. В этом процессе значительную роль сыграли органы прокуратуры Союза Советских Социалистических Республик, которые активно участвовали в сборе доказательств и формировании обвинительных актов против ключевых фигур нацистского режима.

Прокуратура СССР не только провела огромную работу, направленную на отправление справедливого суда над нацистскими преступниками, но и закрепила за ними процессуальный статус, доказательно утвердила право существования международной уголовной ответственности за подобные преступления в будущем, чем создала новую отрасль международного права, направленную на защиту прав и свобод и защиту всеобщего мира [1, с. 22].

От Советского Союза Главным обвинителем выступал Р.А. Руденко, заместителем Главного обвинителя – Ю.В. Покровский, членом Трибунала от СССР – И.Т. Никитченко, консультантом советской стороны обвинения – А.Н. Трайнин. Важное значение как для общества, так и в целях проведения процессов над военными преступниками имели материалы, которые были собраны Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР [2, с. 26].

СССР уделяло особое внимание Международному военному трибуналу (далее – Нюрнбергский трибунал). Решением Совнаркома СССР от 5 сентября 1945 года была создана Комиссия во главе с первым заместителем наркома иностранных дел А.Я. Вышинским для подготовки обвинительных

материалов для советского представителя в международном трибунале И.Т. Никитченко и Главного обвинителя СССР Р.А. Руденко [4, с. 35].

В Комитет обвинителей, созданный для координации обвинительного процесса над нацистскими преступниками, входили главные обвинители и их заместители от СССР, Великобритании, США и Франции. Права и обязанности устанавливались в статье 15 Устава Нюрнбергского трибунала [10, с. 100]. Задачами советского обвинения на процессе являлись представление и оценка доказательств, допрос подсудимых и обвиняемых, подготовка обвинительного заключения, а также выступление в качестве обвинителей в суде.

После вступительной речи Р.А. Руденко (8 сентября 1945 года) советские обвинители представили доказательства гитлеровской агрессии против Советского Союза (Н.Д. Зоря), преступного обращения с военнопленными (Ю.В. Покровский), преступлений против мирного населения (Л.Н. Смирнов), разграбления государственной и иной собственности (Л.Р. Шейнин), разрушения и разграбления культурных ценностей и уничтожения городов и сел (М.Ю. Рагинский), угона населения в фашистское рабство (Н.Д. Зоря), преступлений против человечности (Л.Н. Смирнов) [5, с. 82].

Следует отметить, что в Нюрнбергский процесс была направлена небольшая группа работников прокуратуры для отбора в американском документальном центре материалов, которые могли быть использованы советскими обвинителями, а также для предварительного допроса обвиняемых и свидетелей [9, с. 43].

В составе советской делегации была создана следственная часть, на которую была возложена обязанность подготовки к процессу документальных доказательств, а также проведения допроса обвиняемых (допрошены почти все обвиняемые и значительное число свидетелей) [7, с. 188]. Однако важно отметить, что изначально допрос подсудимых и обвиняемых должна была осуществлять только американская сторона, но советская сторона выразила протест и настояла на предоставлении права допроса всех необходимых лиц до проведения судебных заседаний.

В ходе проведения процесса состоялось свыше 400 заседаний, даны показания 116 свидетелей и рассмотрено свыше 4 тысяч документов [3, с. 83]. При этом важно отметить, что советская сторона обвинения придерживалась строгой и чёткой позиции с последовательным рассмотрением доказательств.

Сторона советского обвинения в ходе судебных заседаний представила директиву № 21 «План Барбаросса», меморандум о целях войны против СССР и методах установления господства на оккупированных советских территориях от 2 апреля 1941 года, план «Ольденбург» – документ рейхсмаршала Германа Геринга, более известный как «Зелёная папка», и другие важные материалы. Таким образом, с помощью органов прокуратуры СССР была собрана обширная

база доказательств, которая устанавливала виновность нацистских преступников в отношении совершенных преступлений.

Особый вклад в отправление международного правосудия внес советский прокурор Роман Андреевич Руденко. Во вступительной речи 8 сентября 1945 года Р.А. Руденко оценил особое значение Международного военного трибунала, уделил внимание подготовке к проведению агрессивной войны не только против СССР, но и против Чехословакии, Польши, Югославии. Начало речи звучало так: «Господа судьи! Я приступаю к своей вступительной речи, завершающей первые выступления главных обвинителей на данном процессе, с полным сознанием его величайшего исторического значения. Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба, вызвавшими такие тяжелые последствия» [11, с. 573].

Важно отметить, что подготовкой обвинительной речи в судебном процессе занимался ЦК ВКП(б) [5, с. 89]. Переработанный текст должен был отражать стратегические интересы СССР на международной арене, что позволило усилить идеологическую составляющую, подчеркивая борьбу с нацизмом.

Судебные процессы проходили напряженно. Это было связано не только с определенными условиями заседаний, но и с ухудшением послевоенных отношений между СССР и западными странами, вызванным Фултонской речью Уильяма Черчилля. В такой непростой ситуации ключевую роль играли профессиональные, последовательные и жесткие действия советского обвинения.

Ключевое значение имеет заключительная речь Р.А. Руденко, в которой он акцентирует внимание на важности для уголовного преследования вины нацистских лидеров: «На полях битв человечество уже вынесло свой приговор преступному германскому фашизму. В огне величайших в истории человечества боев героической Советской Армией и доблестными войсками союзников были не только разгромлены гитлеровские орды, но утверждены высокие и благородные принципы международного сотрудничества, человеческой морали, гуманные правила человеческого общежития» [6, с. 53]. Речь Р.А. Руденко является важным элементом советского обвинения в Нюрнбергском процессе, так как именно она отражала позицию СССР о верховенстве международного права и неотвратимости ответственности за военные преступления.

Нюрнбергский процесс внес важный вклад в развитие правовой мысли и международного уголовного права. Данный процесс заложил материально-правовые основы для международного правосудия и определил принципы индивидуальной ответственности за преступления против человечности. Ключевую роль в Нюрнбергском процессе сыграла Прокуратура СССР, обеспечив юридическую основу для преследования нацистских преступников и установления справедливости после Второй мировой войны. Советская прокуратура не только способствовала раскрытию масштабов военных преступлений, преступлений против мира и человечности, но и

содействовала формированию норм международного права, предопределивших будущую архитектонику международной безопасности.

Список использованных источников:

1. Куренков, А.А. Роль Прокуратуры СССР в деятельности Нюрнбергского трибунала / А.А. Куренков // Тенденции развития науки и образования. Москва. 2021. № 76-4. – С. 46–48.

2. Роль СССР в Нюрнбергском процессе и последующем развитии международного права: сб. материалов конф. (18 ноября 2016 г., Москва) / под общ. ред. О.С. Капинус; сост. П.А. Смирнов, Н.Э. Кузнецова, Ю.В. Сидоренко; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017. – 230 с.

3. Нюрнбергский процесс и новый миропорядок (роль Советского Союза) : учебное пособие / И.А. Исаев, В.В. Блинова, М.Д. Чупова; под ред. И.А. Исаева. – Чебоксары : Среда, 2022. – 384 с.

4. Дудин, Н.П. Роль советского обвинения на Нюрнбергском процессе / Н.П. Дудин // КриминалистЪ. – 2017. – № 1 (20). – С. 35–37.

5. Лебедева, Н.С. Нюрнбергский процесс и его приговор / Н.С. Лебедева // Вестник МГИМО. – 2010. – № 6. – С. 75–92.

6. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко. Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 29 и 30 июля 1946 г. // Нюрнбергский процесс: сб. материалов в 8 т. Т. 7. М. : Юрид. лит., 1999. С. 524.

7. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сб. материалов: в трех т. / под общ. ред. Р.А. Руденко; сост.: Г.Н. Александров, М.Ю. Рагинский, А.И. Полторак. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1965. – С. 800.

8. Устав Международного военного трибунала. 8 августа 1945 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 5. Л. 4-14. Опубликовано: Нюрнбергский процесс : сб. материалов в 8 т. Т. 1. – С. 219–224.

9. Рагинский, М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминание участника Нюрнбергского процесса. – М. : Политиздат. – 1986. – С. 220.

10. Савенков, А.Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции : специальный учебный курс. М. : ИГП РАН, 2022. – С. 253.

11. Вступительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко. Произнесена 8 февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс.: сб. материалов в 8 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1999. С. 636.

Юдина Татьяна Александровна,
Белоус Яна Анатольевна,
студенты 3 курса
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

(Научный руководитель – Борецкая Л.Р.)

ВААЛАМ. ТИШИНА, СТАВШАЯ ПРИГОВОРОМ

После Великой Отечественной войны в СССР осталось около 2,5 миллиона инвалидов. Многие из них, лишившись семей и дома, были вынуждены просить милостыню на вокзалах и улицах. Власти видели в инвалидах-попрошайках серьезную проблему, так как после войны отсутствовали средства, на которые были бы созданы программы для помощи инвалидам, также был органичен доступ инвалидов к необходимым средствам реабилитации, таким как инвалидные коляски, протезы. Советская идеология не могла допустить массовой демонстрации инвалидов войны – тех, чьи тела говорили громче любого политического лозунга.

В 1950 году по указу Верховного Совета Карело-Финской ССР был официально основан Дом инвалидов.

В официальных документах учреждение числилось как Дом инвалидов, предназначенный для ухода за людьми, утратившими трудоспособность. Однако реальность, подтвержденная архивными материалами и интервью очевидцев, была значительно тяжелее. Многие исследователи отмечают, что сама идея создания таких интернатов на удаленных территориях соответствовала логике времени: государство стремилось скрыть последствия войны, вывести за пределы общественного поля тех, чьи тела и души напоминали о цене Победы.

Социолог Е.П. Иванова охарактеризовала подобные учреждения как «пространства социальной изоляции, где человек теряет не только бытовую самостоятельность, но и символическую связь с обществом» [1, с. 122].

Валаам стал символом этого явления в предельно концентрированном виде.

Первые годы существования Дома инвалидов были особо тяжелыми. В монастырских зданиях, плохо приспособленных для проживания людей с ограниченными возможностями, долгое время не было электричества и канализации. Инвалидов, не способных к передвижению, в хорошую погоду выносили в монастырский сад, подвешивая в корзинах на яблоневых ветках – это была единственная возможность прогулки.

Также существовала проблема, связанная с тем, что на Валаам свозили не только инвалидов войны, но и престарелых инвалидов из тюрем, лиц, ведущих «антисоциальный образ жизни». Это создавало тяжелую атмосферу внутри интерната.

Среди инвалидов выделялась особая группа – «самовары». Это были фронтовики, которые остались без руки и ноги, чьи протезы напоминали ручки самовара. Их трагический образ стал символом валаамской трагедии.

Один из таких людей – Герой Советского Союза летчик Г. Волошин, который провел в интернете 29 лет. К сожалению, Григорий не оставил воспоминаний о жизни в Доме престарелых, однако до нас дошли рассказы разведчика Н. Тарасова. Один из бывших узников интерната, разведчик Н. Тарасов, описывает первые минуты после прибытия: «Все молчат. Только чайки орут. Тогда понял, что это не госпиталь. Это тишина, которой нас решили окружить». Эти слова, переданные в интервью 1990-х годов, стали одним из ключевых источников, использованных исследователями. В них – выражение отчуждения, чувство обреченности, ощущение невидимости.

С. Козлов, автор документально-художественной книги «Валаам. Остров безмолвных», собрал многочисленные свидетельства. Его работа была воспринята научным сообществом как важный вклад в осмысление травматического наследия СССР. С. Козлов отмечал, что «люди на Валааме не просто старели – они были как бы вытеснены из исторического времени» [2, с. 67].

У исследователя В.В. Соловьёва эти наблюдения находят подтверждение: он писал, что условия жизни на острове формировали у обитателей устойчивое ощущение собственной невидимости – «как будто они существуют за пределами общественного договора» [3, с. 55].

Архивные материалы свидетельствуют о системных проблемах – нехватке медицинского персонала, перебоях с поставками продуктов, отсутствии условий для реабилитации. На тысячу человек приходилось всего несколько фельдшеров. Санитарка А. Васильева, чьи воспоминания хранятся в фондах Петрозаводского краеведческого музея, описывала будни интерната как «диалог с тишиной». Её слова звучат как приговор целой системе: «Главная беда – в том, что их никто не ждал. Они жили, как будто уже умерли, только время шло».

Однако даже в условиях изоляции люди пытались сохранить остатки достоинства. Очевидцы вспоминают, что на День Победы многие надевали свои старые мундиры, собирались на импровизированные парады. Эти парады – свидетельство не только памяти, но и отчаянного сопротивления обезличиванию.

Психологи считают, что отсутствие социального окружения, эмоциональной поддержки и возможности реализовать базовые потребности ведет к феномену «социальной смерти» – состояния, в котором человек физически жив, но перестает ощущать себя субъектом жизни.

Таким образом, проанализировав и изучив множество материалов, мы сделали вывод, что ссылка инвалидов на Валаам, формально облеченная в нормы послевоенного законодательства, была по своей сути глубочайшим предательством по отношению к тем, кто отдал за Родину свое тело и здоровье. Ведь их изолировали не для того, чтобы вылечить, а чтобы стереть с лица страны.

Сегодня, когда история Валаама становится предметом научных исследований, культурных проектов и документальных фильмов, важно говорить об этом честно. Валаам – напоминание о том, что даже в государстве, декларирующем гуманизм, человек может оказаться забыт, оставлен наедине со своей болью. Это – трагедия не только острова, но и государственной власти, которая не смогла услышать тех, чьи голоса были самыми тихими. Валаам стал местом, куда попадали не только физически искалеченные фронтовики, но и люди, утратившие психическое здоровье, утратившие поддержку семьи, утратившие веру в собственную ценность. Социальное пространство острова было устроено так, что человек постепенно переставал ощущать себя частью общества, а затем – частью истории.

Таким образом, Валаамский дом инвалидов стал воплощением глубоко негуманной государственной политики, где забота была подменена изоляцией, а лечение – забвением. Власти, не имея ресурсов или желания обеспечить ветеранам достойную жизнь и реабилитацию, выбрали самый жестокий и циничный путь – физически удалить их из общественного пространства. Это была не медицинская помощь, а система принудительного заточения, призванная скрыть «неудобных» и обезображенных ценой Победы людей, стереть их с лица страны, как живую улику ужасов войны. Судьба Валаамских инвалидов – это не просто трагическая страница истории, это по сути своей жестокое и негуманное отношение к самым уязвимым гражданам страны.

Список использованных источников:

1. Иванова, Е.П. Социальная изоляция и институционализация инвалидов в СССР: опыт Валаамского дома-интерната / Е.П. Иванова // Вестник СПбГУ. – 2015. – № 3. – С. 122–137.

2. Соловьёв, В.В. Дом инвалидов на Валааме: история и мифы / В.В. Соловьёв // Карельский исторический журнал. – 2018. – № 2. – С. 45–57.

3. Козлов, С.А. Валаам. Остров безмолвных. – Санкт-Петербург : Издательство «Вита Нова», 2008. – 320 с.

4. Лапшин, А.В. Остров безмолвных: воспоминания фельдшера / А.В. Лапшин // Огонёк. – 1991. – № 42. – С. 14–17.

Юрина Анна Сергеевна,
Задунайская Мария Германовна,
студенты 2 курса
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

(Научный руководитель – Фирсов В.В.)

РОЛЬ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСУДИЯ В НЕДОПУЩЕНИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА: НА ПРИМЕРЕ ПРИЗНАНИЯ НОВГОРОДСКИМ ОБЛАСТНЫМ СУДОМ ГЕНОЦИДА НАРОДОВ СССР

В условиях активизации попыток пересмотра итогов Второй мировой войны современное правосудие приобретает особую значимость как инструмент предотвращения реабилитации нацизма. Искажение исторической памяти проявляется в уравнивании нацистского и советского режимов, обесценивании вклада СССР в разгром фашизма, а также в обвинениях Советского Союза в развязывании войны. Такие нарративы не только подрывают общепринятые факты, но и создают риски роста экстремизма и межнациональных конфликтов. Судебные решения в этой сфере выполняют несколько ключевых функций: официально фиксируют исторические события с юридической силой, формируют прецедентную практику для будущих дел, позволяют привлекать к ответственности распространителей ложной информации и способствуют восстановлению нарушенных прав граждан, включая реабилитацию жертв политических репрессий.

Международно-правовая основа осуждения нацистских преступлений заложена Нюрнбергским трибуналом 1945–1946 годов – первым в истории международным судебным процессом над тоталитарным режимом. Трибунал квалифицировал действия нацистов как преступления против мира (планирование и ведение агрессивной войны), военные преступления (нарушения законов и обычаев войны) и преступления против человечности (массовые убийства, истребление, порабощение, депортации гражданского населения). Этот прецедент утвердил принцип, согласно которому за наиболее тяжкие преступления ответственность несёт не только национальное, но и мировое сообщество. Дополнением стала Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года, которая впервые выделила геноцид в самостоятельную категорию международного преступления [4, с. 30].

Под геноцидом понимаются действия, совершенные с намерением уничтожить – полностью или частично – национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Эти документы стали основой современного международного уголовного права и ориентиром для национальных судебных систем при рассмотрении аналогичных дел.

Великая Отечественная война сопровождалась систематическим совершением нацистами преступлений на всей оккупированной территории СССР. Особо тяжелые последствия оккупация имела для Новгородской земли. Германские войска захватили регион в августе 1941 года, освобождение произошло в январе 1944 года Красной армией. С первых дней вторжения оккупанты реализовывали не только военно-стратегические, но и человеконенавистнические планы: полное уничтожение народов СССР, искоренение их национальной идентичности, обращение выживших в рабство. В деревнях и городах проводились публичные казни, направленные на запугивание населения. В деревне Малый Заход супружескую пару подвергли мучениям, а затем повесили, запретив снимать тела с виселицы в течение восьми дней. Зафиксированы случаи сожжения людей заживо, замуровывания в кирпичные стены, массовых расстрелов. Новгород подвергался регулярным артиллерийским обстрелам, находился под жёстким контролем коллаборационистской администрации. Эвакуация была частичной, оставшиеся жители испытали на себе все ужасы «нового порядка». В регионе действовали как немецкие части, так и подразделения испанской Голубой дивизии, проявлявшей относительную лояльность к местным. К моменту освобождения город был почти полностью разрушен. Активно действовали партизанские отряды и диверсионные группы. Общие потери в регионе превысили 309 тысяч человек, из них 169 767 были угнаны на принудительные работы, ещё 186 760 военнопленных стали жертвами преступлений [2, с. 125].

Несомненно, в советский период расследование военных преступлений велось. Однако многие виновные избежали наказания из-за политических обстоятельств, смерти свидетелей или недостаточной фиксации доказательств. В постсоветское время приоритеты сместились в сторону борьбы с коррупцией и экономическими преступлениями, что потребовало новых подходов к документированию и квалификации.

Переход к рыночной экономике выявил коллизии между национальным и международным правом, усложнил разграничение преступных деяний, определение умысла и субъективной стороны. Тем не менее именно в современный период начался системный пересмотр нацистских преступлений через призму геноцида.

Конституция Российской Федерации закрепляет жёсткую позицию против реабилитации нацизма. Статья 13 признает идеологическое многообразие, но запрещает деятельность, направленную на насильственное изменение конституционного строя, подрыв безопасности, создание вооруженных формирований или разжигание розни. Статья 29 прямо запрещает пропаганду, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную вражду, а также пропаганду превосходства. Правоохранительные органы активно реализуют эти нормы. В 2019 году в рамках проекта «Без срока давности» поисковики обнаружили в деревне Жестяная Горка массовое захоронение 521 человека, включая женщин и детей. Следственный комитет возбудил

уголовное дело по статье 357 УК РФ (геноцид). Прокуратура Новгородской области провела масштабное исследование архивных документов, подтвердив преступную деятельность карательного отряда «тайлькоманды».

Кульминацией стало решение Новгородского областного суда от 3 апреля 2025 года. Выездное заседание прошло в здании областной филармонии – том самом, где в 1947 году судили 19 военных преступников вермахта. Судья Елена Павлова огласила вердикт после выступлений свидетелей, историков, экспертов и анализа материалов уголовного дела. Суд удовлетворил ходатайство прокурора, признав установленными и вновь выявленными преступления нацистов и их пособников на территории Ленинградской и Калининской (с 5 июля 1944 года – Новгородской) областей в период с 1941 по 1944 год военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом советского народа. Конкретно установлено уничтожение 15 403 мирных граждан и 186 760 военнопленных. Генеральная прокуратура подчеркнула: карательные батальоны систематически истребляли население, оккупация привела к разрушению городов, сёл и памятников архитектуры с ущербом свыше 48 триллионов рублей. Решение опиралось на архивные документы, результаты поисковых работ, свидетельские показания и научные экспертизы.

Признание геноцида Новгородским областным судом имеет глубокое значение. Во-первых, оно юридически закрепляет историческую правду, опровергая попытки фальсификации роли СССР во Второй мировой войне. Во-вторых, создает мощный прецедент для дальнейших дел, демонстрируя возможность применения международных норм в национальной практике. В-третьих, служит инструментом воспитания общества, укрепляя ценности гуманизма, уважения к правам человека и недопустимости идеологий ненависти. В-четвёртых, способствует международному диалогу о признании геноцида народов СССР, влияя на позиции других государств.

В заключение следует отметить, что современное правосудие играет незаменимую роль в противодействии реабилитации нацизма. Решение Новгородского областного суда от 3 апреля 2025 года – яркий пример того, как национальные суды могут эффективно защищать историческую память. Оно не только осуждает преступления прошлого, но и предотвращает их оправдание в настоящем, формируя общественное сознание, основанное на справедливости и уважении к жертвам.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Ковалев, Б.Н. Новгород под вражеской оккупацией 1941–1944 гг. / Б.Н. Ковалев // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 3 (27). – С. 122–131.

3. Новгородский областной суд признал преступления нацистов геноцидом // 53 Новости. – URL: https://53news.ru/novosti/oblastnoj-sud-priznal-prestupleniya-naczistov-na-novgorodskoj-zemle-genoczidom.html?ysclid=mhn4my61i4632880259 (дата обращения: 24.10.2025).

4. Сафонов, М.А. Правовые основы Нюрнбергского процесса: нормы и источники права / М.А. Сафонов // Пролог: журнал о праве. – 2020. – № 4 (28). – С. 28–32.

5. Суд в Новгородской области признал преступления нацистов геноцидом советского народа // Без срока давности. – URL: https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/sud-v-novgorodskoj-oblasti-priznal-prestupleniya-naczistov-genoczidom-sovetskogo-naroda/ (дата обращения: 24.10.2025).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Электронное научное издание

«ГОЛОС ПРАВОСУДИЯ: УРОКИ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ НАД НАЦИСТАМИ В СССР»

Сборник материалов
студенческого круглого стола
в рамках Всероссийской научно-практической конференции
«Исторические судебные процессы Советского Союза
над нацистами» (21 ноября 2025 г.)

20 ноября 2025 г.

Рекомендовано к опубликованию

Университет прокуратуры Российской Федерации
Крымский юридический институт (филиал)
295011, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, д. 9